

Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки

**коллективная монография
под редакцией
Карабулатовой И.С., Галиуллиной С.Д., Коберси И.С.**

**Том 2
Ментальное пространство социума**

**Москва – Уфа
2015**

УДК 001.3-021.142

ББК 72

С 69

С 69 Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки: Коллективная монография. – Т. 2. Ментальное пространство социума / Коллектив авторов; Под ред. Карабулатовой И.С., Галиуллиной С.Д., Коберси И.С. – М. – Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. – 162 с.

ISBN 978-5-88469-724-9

Главный редактор

Карабулатова Ирина Советовна

д.ф.н., профессор, руководитель Отдела ИСПИ РАН

Исполнительный редактор

Рязанцев Сергей Васильевич

д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

Редактор

Коберси Искандар Сулейман

к.т.н., доцент ДГТУ

Первые помощники редактора

Шафранов-Куцев Геннадий Филиппович,

д.филос.н., проф., академик РАО,

Тюменский государственный университет

Хачмафова Зайнета Руслановна

д.ф.н., проф., Адыгейский государственный университет

Помощники редактора

Набиль Ибрагим Камаль,

доктор экономики, Королевство Бахрейн

Новиков В.С.,

к.э.н., профессор ЮИМ

Хайруллина Н. Г.,

д.соц.н. профессор, Тюменский

Государственный университет нефти и газа

Ахметова Б.З.,

PhD, профессор Костанайский

государственный университет им.

А. Байтурсынова (Костанай. Казахстан)

Научный координатор

Галиуллина Светлана Дмитриевна

д.ист.н., проф., Уфимский государственный университет экономики и сервиса

Первый помощник научного координатора

Поливарова Зинаида Васильевна,

д.филол.н. проф., Тюменский государственный университет

Помощники научного координатора

Кареева Светлана Геннадиевна,

к.соц.н., доцент ИСПИ РАН

Илхамии Вурал,

PhD по экономике, профессор, вице-президент Международного Казахско-Турецкого университета им. Ясави (Казахстан – Турция)

Кушниренко Владимир Александрович,

к.полит. н., доцент, Киево-Могилянская академия (Украина)

Стригин Вадим Андреевич,

д.полит.н., проф., МАДИ, Москва

Графический Дизайн

ООО «ЭльДирект»

© ИСПИ РАН, УГУЭС, ДГТУ, ЮФУ, 2015

© ООО «ЭльДирект», 2015

© коллектив авторов, 2015

© УГУЭС, 2015

Федеральное агентство научных организаций
Министерство образования и науки РФ
Институт социально-политических исследований РАН
Уфимский государственный университет экономики и сервиса
Донской государственный технический университет
Таганрогский политехнический институт – филиал Донского государственного
технического университета
Южный Федеральный университет
ООО «ЭльДирект»

УДК 001.3-021.142

ББК 72

С 69

С 69 Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки: Коллективная монография. – Т. 2. Ментальное пространство социума / Коллектив авторов; Под ред. И.С. Карабулатовой, С.Д. Галиуллиной, И.С. Коберси. – М. – Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. – 161 с.
ISBN 978-5-88469-724-9

Коллективная монография «Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки: ментальное пространство социума» отражает результаты научно-исследовательских работ при поддержке ООО «ЭльДирект» в партнерстве с:

- Институтом социально-политических исследований Российской академии наук;
- Уфимским государственным университетом экономики и сервиса;
- Таганрогским политехническим институтом – филиалом Донского государственного технического университета;
- Научно-образовательным центром защиты и поддержки интеллектуальной собственности, коммерциализации технологий Южного федерального университета.

© ИСПИ РАН, УГУЭС, ДГТУ, ЮФУ, 2015

© ООО «ЭльДирект», 2015

© коллектив авторов, 2015

© УГУЭС, 2015

УДК 001.3-021.142

ББК 72

С 69

С 69 Socio-economic, humanitarian and philosophical problems of modern science: The collective monograph. – V. 2. The mental space of society / Team of authors; edit.: I.S. Karabulatova, S.D. Galiullina, I.S. Kobersi. – Moscow. – Ufa: Ufa State University of Economics and Service, 2015. – 161 p.

ISBN 978-5-88469-724-9

The collective monograph "Socio-economic, humanitarian and philosophical problems of modern science: the reality of modern society" reflects the results of scientific research, with the support of "ElDirekt" in partnership with:

- Institute of Social and Political Research of Russian Academy of Sciences;
- Ufa State University of Economics and Service;
- Taganrog Polytechnic Institute – Don State Technical University;
- Scientific and educational center to protect and support the intellectual property, commercialization of technology of Southern Federal University.

УДК 001.3-021.142

ББК 72

С 69

С 69 Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки: Коллективная монография. – Т. 2. Ментальное пространство социума / Коллектив авторов; Под ред. И.С. Карабулатовой, С.Д. Галиуллиной, И.С. Коберси. – М. – Уфа – Ростов н/Д.: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. – 161 с.

ISBN 978-5-88469-724-9

Главный редактор

Карабулатова Ирина Советовна, д-р филол. наук, проф., руководитель Отдела этнодемографической и социокультурной безопасности,
Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
г. Москва, РФ

В соответствии с информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации № 45.1-132 от 14.10.2008 г., к публикациям в научных периодических изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, могут быть отнесены монографии, написанные по материалам оригинальных исследований автора и литературным данным.

Рецензенты

Горелова Г.В., д.э.н., профессор ИТА ЮФУ

Борисова А.А., к.пед.н., доцент, ТПИ-филиал ДГТУ

Вафеев Р.А., д.филол.н., проф. ЮГУ (Ханты-Мансийск)

Вильданов Х.С., д.ф.н., проф. УГУЭС (Уфа)

Волох В.А., д.полит.н., проф., ИГУиП ГУУ (Москва)

Гирина Т.Г., к.э.н., доцент, РГСУ

Седых Ю.А., к.э.н., доцент, РИНХ

Максименко Т.С., к.э.н., доцент, РИНХ

Койше К.К., д.филол.н., к.соц.н., проф., ТГНГУ (Тюмень)

Корепанов Г.С., д.соц.н., проф., ТюмГУ (Тюмень)

Колесникова Е.В., к.э.н., профессор, ИСОиП-филиал ДГТУ

Москвитин Е.Ю., к.э.н., доцент, ИСОиП-филиал ДГТУ

Мелешко Е.Н., к.э.н., доцент, ИСОиП-филиал ДГТУ

Ниязова Г.М., д.филол.н., проф., ТюмГУ (Тюмень)

Новиков А.И., к.э.н., доцент, ИСОиП-филиал ДГТУ

Письменная Е.Е., д.соц.н., проф., Финансовая академия при Правительстве РФ (Москва)

Вступительное слово от главного редактора

«Социальный нерв» современности: новые векторы и вызовы исследования общества

*Мы находимся здесь,
чтобы внести свой вклад в этот мир.
А иначе зачем мы здесь?
Стив Джобс*

Простые вопросы, будучи озвученными и заданными, заставляют продумать не только проблему актуальной ангажированности исследователя, а что важнее и глубже, - степень органичности современного научного знания для обыденного опыта; соотнести послылы, методы, выводы научно-исследовательской работы с личным биографическим опытом человека, занятого этой работой.

Второй том продолжает вектор исследований, заданный в первом томе, поэтому авторский коллектив определил тему как «Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки: ментальное пространство социума». В данном томе упор, прежде всего, сделан на социологию, поскольку именно социология тренирует социальный «слух» и социальное «зрение» человека, помогая ему со стороны взглянуть на свои общественные отношения и на себя в этих отношениях. Это самое меньшее, на что можно претендовать, с одной стороны, но и самая большая задача, с другой стороны, которую необходимо выполнить. Современная реальность нашей жизни диктует синергетический подход к осмыслению новых фактов, процессов, институтов в мировом социуме. Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография аккумулирует аналитические разборы существующей ситуации в России и в мире современными ведущими учеными исследователями евразийского научного пространства.

В ходе работы над нашей коллективной монографией сформировалась расширенная и действенная исследовательская сеть, создание которой является не менее значимым, чем получение конкретных научных результатов, получивших свое освещение на этих страницах.

В фокусе внимания авторского коллектива – внутренняя и внешняя жизнь современного социума, то, что определяет вектор развития общества как такового. Вопросы, которые задают себе исследователи, не формулируются глобально – их вопросы специфичны, поскольку привязаны к пространству и времени, к переживанию этих феноменов внутри человека и через человека.

Поиск выходов из повсеместного кризиса происходит по-разному, но иногда то, что кажется специфическим местным ресурсом выживания, может оказаться основой новой системы жизнеобеспечения, новым вариантом ответов на глобальные вопросы евразийского пространства. Насколько уместны в евразийских ландшафтах различные уклады человеческой жизни, принесенные с Запада и Юга? Опыт взаимодействия разных цивилизаций и культур – предисловие к глобализации или надежный ресурс самостоятельного развития? Возможно ли преодолеть ощущение «периферийности» в своей жизни, заставляющее все большее количество людей вступать на путь миграций в современном мире? Каковы актуальные тенденции в демографических процессах в мире и в России? Насколько сильна связь человека и природы в современном техногенно-электронном мире? Каковы духовные потребности человека в эпоху информационно-электронного общества? Какова прогностика развития общества? Каков антропокосмос современности?

В силу поиска ответов на эти и другие вопросы само полиаспектное и междисциплинарное исследование авторского коллектива выстроено в контексте разворачивающейся эволюционной спирали, позволяющей понять логику и характер трансформации социума.

Итак, двудеяная задача – коллективное исследование и создание самого коллектива, способного развивать в дальнейшем начатый проект. Работу над социокультурным, этнокультурным, социально-экономическим, философско-гуманитарным пространством Евразии не может выполнять обычная группа исследователей, работающая точно в каком-либо одном городе, центре. Такая работа предполагает участвующее наблюдение, глубинные интервью, постоянные контакты с людьми, аналитический разбор статистических данных, работа с печатными источниками, иначе говоря, исследователь должен быть участником того

человеческого мира, особенности которого он описывает. Поэтому основу нашей исследовательской сети составили, прежде всего, гуманитарии: экономисты, лингвисты, историки, политологи, философы, диалектологи, социологи, педагоги, литературоведы, культурологи, фольклористы, демографы и т.д. Предмет их исследования – родной и привычный для них мир, и отстраниться от него, «оСТРАНить» его, чтобы сделать предметом, трудно, но все-таки возможно, поскольку те, кто вошел в авторский коллектив, в той или иной мере «странники» в родных местах, благодаря профессии, заставляющей анализировать, что происходит с людьми, и общаться с большим числом самых разных респондентов, а благодаря продолжительному опыту жизни в других городах, регионах и странах, умеющих сопоставлять различные данные и выводить универсалии. География участников авторского коллектива и редакционной коллегии широка: от Сибири и Дальнего Востока до Казахстана, Бахрейна и Украины.

В то же время, несмотря на разбросанность участников нашей сети в пространстве, вынуждающую приспособляться к часовым поясам и проч., наша работа имеет коллективный характер и не мыслится иной. Особенности каждого материала, аналитически описывающего особенности конкретного региона, социальной группы и/или субгруппы не поддаются стандартному описанию, но, в то же время, являются частью некоей общей картины. Иначе говоря, участник нашей исследовательской сети, занимаясь своим исследованием автономно и понимая, что за него руководитель проекта не определит, что значимо для людей в данном пространстве и времени, должен представлять развитие коллективного труда, участвовать в определении его предварительного эскиза, активно включаться в диалог с коллегами, обеспечивая преемственность и соблюдая определенную логику.

Поэтому появлению данной коллективной монографии предшествовала интенсивная научно-исследовательская и образовательная программа, общую тематику которой мы определили как «Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки: ментальное пространство социума». Содержание, образовательно-исследовательские формы нашего коллективного исследования не являются традиционно вузовскими, поэтому данный проект отражает синтез академической и вузовской науки и требует дополнительного подробного описания с анализом, отличающимся от самого жанра предисловия. Скажем здесь только о том, что принципиально важно для нашего проекта и для возникшего научно-исследовательского сообщества – о междисциплинарном характере как самого исследования, так и авторского коллектива. Междисциплинарность исследования нельзя в данном случае обеспечить просто сведением в один коллектив людей из различных вузов и научных институтов, - участник авторского коллектива, живущий и работающий в том или ином научном и/или образовательном учреждении, не может быть специалистом в истории, лингвистике, экономике, политологии одновременно. Собственного говоря, одним из важнейших стимулов для вхождения в исследовательский коллектив стала возможность не просто участвовать в интересном исследовании, но и продвигаться в профессиональном образовании.

Критика со стороны научного сообщества неизбежна – работа маргинальна по отношению к доминирующим моделям научного знания. Для подобных случаев существует «техника безопасности», овладеть которой несложно, но для этого необходимо пребывать в научной среде, и при этом непросто сохранить способность к изложению, доступному не только специалистам.

Мы ждем критики и с другой стороны. В фокусе нашего внимания – конкретные локальные сообщества Центральной России, Северного Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока, Сибири, Казахстана, Вьетнама и т.д. Естественно, что суждения и интерпретации авторов могут не совпадать с пониманием других исследователей. Мы принимаем несовпадения как альтернативу, которая помогает отнестись отстраненно к собственному опыту.

Карабулатова Ирина Советовна,
главный редактор издания,
д.ф.н., профессор, руководитель Отдела этнодемографической и
социокультурной безопасности Института
социально-политических исследований РАН,
Москва – Уфа,
2015

Глава 1. Эволюция социальных портретов в правовом пространстве

*Уважайте текущий час и сегодняшний день!..
Уважайте каждую отдельную минуту,
ибо умрет она и никогда не повторится...
Януш Корчак*

Современные социальные портреты наглядно иллюстрируют тот масштаб преобразований и трансформаций, который мы наблюдаем в обществе. Вместе с тем такие описания дают полномасштабную картину тех преобразований, которые происходят в социоментальном пространстве Евразии в целом.

Сам феномен социального портрета дает возможность осознать содержание профессиональную деятельность, социальные настроения, мотивации, отношение к свободному времени, правовые оценки, способы взаимодействия микро- и макросоциума, качественные оценки личности с опорой на характеристику социальной среды; а также определить основные задачи, которые стоят перед ним.

Так, социальный портрет работника представляет собой некую комплексную совокупность информации о статусном и ролевом наборе, нормативных требованиях к представителю конкретной профессии, мотивационной сфере данного типа личности с выделением его доминантных черт и характеристик, образе жизни, социальных настроениях, материальных возможностях, с учетом общего и особенного в поведении и деятельности.

В то же время умение составлять социальный портрет является неотъемлемой частью научно-исследовательского процесса многих научных дисциплин. Действительно, социальный портрет может составлен на отдельную группу людей, на отдельную личность, на конкретную когортную группу по определенным значимым признакам (возраст, образование, профессиональная принадлежность и т.п.), на общественное явление, микро- и макрорегион, страну.

1.1. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕВИАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ

*Осинов Г. В., Карабулатова И. С.,
ИСПИ РАН, Москва
Шафранов-Куцев Г. Ф., Кучерявая Е. Р.,
ТюмГУ, Тюмень,
Галиуллина С. Д.,
УГУЭС, Уфа,
Садыкова Л. Р.,
БашГУ, Уфа
Radogost2000@mail.ru*

Абстракт. В первом параграфе представлен анализ этноконфессионального экстремизма как формы девиантного поведения антисистемного характера. Авторы предлагают новый подход к рассмотрению феномена этноконфессионального экстремизма, а именно: они концептуализируют данное понятие, излагают основные критерии и типы проявлений этноконфессионального экстремизма в общественной структуре. Авторы рассматривают этноконфессиональный экстремизм как одно из проявлений девиационных процессов в современном обществе.

Авторы обосновывают теоретическую часть статьи результатами социологического исследования, проведенного в феврале-апреле 2014 года, с целью изучения мнения населения Тюменской области о состоянии межкультурных отношений и проявлениях этноконфессионального экстремизма в регионе. Результаты опроса свидетельствуют о напряженном межкультурном взаимодействии в Тюменской области, протекающем на латентном уровне. Большая часть респондентов толерантно относится к представителям других культур, хотя имеет место неприязнь к отдельным этноконфессиональным группам, которая не носит массового характера и существует на до-деятельностном уровне.

Этноконфессиональный экстремизм как тип социальной девиации, анализируемый авторами, представляется особенно масштабным в условиях современной глобализации, которая в корне трансформирует структуру общества. Национальное и религиозное, всегда являвшиеся своеобразной базой, на которой строилось общество, постепенно размываются и теснятся под напором унифицированных стандартов.

Ключевые слова: этнос, конфессии, экстремизм, девиационные процессы, девиантное поведение

Введение

В условиях современной российской действительности, характеризующейся экономическим кризисом и политической нестабильностью, невозможностью значительной части населения удовлетворить

свои базовые потребности, формируются предпосылки для формирования такого социального явления как anomia (Э. Дюркгейм, 1893 г.). Э. Дюркгейм отождествлял все общество как некое множество социальных фактов (Allan 2005: 102). В тоже время, по его мысли, именно религия дала человечеству единение, сформировав массовое сознание (Аллан 2005: 114). Результаты последних социологических опросов населения ярко демонстрируют наличие в обществе таких ее индикаторов как неясность жизненных ориентиров, возрастание значимости материальных ценностей в противоположность духовным, недоверие к власти и пр. В свою очередь, anomia заявляет о себе ростом числа разнообразных социальных девиаций, которые в современной России приобретают масштаб главных социальных проблем (алкоголизм, наркомания, преступность, коррупция и пр.). Современная социология различает несколько основных направлений в исследовании девиаций, среди которых присутствуют как традиционные теории возникновения девиации, так и синергетические подходы, анализирующие девиационные процессы в контексте смежных с социологией наук. Девиантология как наука находится в стадии формирования, поэтому ее теоретико-понятийный аппарат до конца не выработан. Вместе с тем девиантология открыта как для эволюционных, так и «революционных» изменений парадигм, поскольку на сегодняшний день очевидно отсутствие в девиантологии устоявшейся терминологии, устойчивой структуры, общепризнанных характеристик ее предмета.

Мы определяем девиационные процессы как ход, развитие девиаций с ее последовательной сменой состояний. Под термином «девиантность» мы понимаем само состояние субъекта, участвующего в девиационном процессе, а под термином «девиантное поведение» - аллопрининг субъекта в конкретном типе девиационного процесса.

Основными факторами, способствующими росту девиационных процессов, являются нивелирование основ традиционной культуры, рост безработицы, бедности и нищеты, увеличение коррупции, ухудшение социально-экономической ситуации в стране вследствие глобального кризиса и противостояния Запада в условиях новой «холодной войны», миграции, усиление националистических и экстремистско-террористических настроений в мире.

В сфере межкультурного взаимодействия населения девиации в полной мере проявляются в форме этнорелигиозного экстремизма. В данном случае, это пропаганда и возбуждение расовой и религиозной розни, публичное оправдание терроризма или его осуществление, нарушение прав, свобод и законных интересов человека в зависимости от его национальной, религиозной или языковой принадлежности и пр. (Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности № 114, 2002).

В условиях социально-демографической трансформации структуры современного российского общества в ситуации нового обострения взаимоотношений России, Евросоюза и США, нестабильности рыночных отношений, проблема девиационных процессов в мире приобретает все большую теоретическую и практическую значимость. Ущемленная этнорелигиозная идентификация усиливается, вызывая всплеск религиозного самосознания, этнонациональных ориентаций, интересов, национально-культурное обособление, многочисленные этнорелигиозные столкновения (Манапова 2010).

Существует устойчивая корреляция между подъемом экстремистских настроений и кризисным состоянием общества. Переходные периоды, когда традиционные для общества нормы устарели и обесценились, а новые еще не сформировались, всегда являются периодами всеобщей нестабильности. И поэтому люди, проигрывающие от перемен и чувствующие неуверенность перед их лицом, обращаются к фундаментальным человеческим ценностям, часто в их радикальных формах.

Материалы и методы

Современный синергетический подход исследования этноконфессионального экстремизма как формы девиационных процессов включает в себя также анализ изменения социального поведения и психологии в девиации, что обогащает понимание глубинных причин девиации как явления общественной жизни. Философия девиантологии базируется на относительности понятий «Добра» и «Зла» в реальной жизни, «где порок переплетен с добродетелью, и где из добра рождается зло, а из зла – добро» (Гегель 1971: 574).

Теоретико-методологическая основа настоящего исследования базируется на классике социологических концепций в исследовании девиационных процессов в обществе, разработанных в свое время М.Вебером, Э.Дюркгеймом, К. Марксом, Р.Мертеном, П.Сорокиным и др.

Руководствуясь типологией девиаций, приведенной Менделевичем В.И. (2005), авторами были определены основные виды проявлений этноконфессионального экстремизма в общественной структуре в современном российском обществе, а именно:

- 1) Индивидуальные и групповые экстремистские проявления. Индивидуальный вид экстремизма не зависит от влияния окружающих. Он особенно свойственен представителям молодежи, которые часто нарушают нормы права и морали с целью противопоставить себя обществу, конфронтируя «со всеми и вся», желая утвердить свою индивидуальность. В основе группового типа экстремизма лежит принцип группового давления и толерантности к этому давлению, при котором всецелое принятие групповых взглядов сочетается с подавлением собственных сомнений в правильности, нормативности своего поведения;

2) Устойчивые и спланированные, и неустойчивые и стихийные экстремистские проявления. Первый тип отличается малой длительностью существования отклоняющегося поведения, часто он связан с групповым давлением и невозможностью быть вне группы. К ним можно отнести такие акты этноконфессионального экстремизма как спонтанные избиения представителей других национальностей на улицах, межкультурные конфликты на бытовой почве. К постоянным экстремистским проявлениям относятся такие формы отклоняющегося поведения, которые имеют тенденцию к длительному существованию и слабую зависимость от внешних воздействий. Они обладают такими характеристиками, как регламентированность, заданность и строгая очерченность;

3) Структурированные и неструктурированные экстремистские проявления. Под структурированными (организованными) экстремистскими проявлениями понимается групповая форма отклоняющегося поведения, в рамках которой четко расписаны роли всех ее участников. К примеру, сектанство, членство в террористической группировке подразумевают сплоченность и структурированность. Для неструктурированной (слабо организованной) разновидности экстремистских проявлений характерно отсутствие иерархических взаимоотношений, регламентации поступков;

4) Латентные и открытые экстремистские проявления. Экстремизм в его открытой форме заключается в конкретных агрессивных действиях и насилии над представителями других культур. Для реализации своих целей его приверженцы обращаются к использованию чрезвычайных, насильственных и разрушительных действий, то есть к террористическим методам. Латентный экстремизм существует на додеятельностном уровне в виде взглядов, убеждений и установок. В обществе он распространен гораздо шире, чем открытые проявления агрессии и ненависти и является маркером скрытой интолерантности и фактором социальной напряженности.

При этом, критериями экстремизма в этноконфессиональном взаимодействии можно назвать: 1) нарушения прав и свобод других членов социума; 2) дестабилизация существующей социальной системы (или ее провокация); 3) внутриличностный конфликт, вызванный неспособностью и нежеланием принять традиции и нормы представителей другого этноса и конфессии.

В феврале-апреле 2014 года авторским коллективом было проведено социологическое исследование, направленное на изучение мнения населения Тюменской области о состоянии межкультурных отношений и проявлениях этнорелигиозного экстремизма в регионе. В рамках исследования было опрошено 600 жителей области в возрасте от 18 до 65 лет, им было предложено ответить на 36 вопросов.

Приоритетными для проведения исследования нами были применены устоявшиеся в современной социологии методы: анкетирование, интервьюирование (в том числе, глубинное), контент-анализ, метод типологизации эмпирической и статистической информации, экспертный опрос, кластерный и факторный анализ.

Исследование девиационных процессов немислимо без опоры на информационно-эмпирическую фактологическую базу, в которую вошли: а) правоустанавливающие государственные акты, законы, подзаконны, программы; б) Конституция (Основной Закон) Российской Федерации; в) Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; г) данные уголовной статистики ВНИИ МВД; д) данные государственной и региональной статистики; е) данные, извлеченные из СМИ; ж) нормативные документы МВД России; з) данные, извлеченные из анкет и других опросов.

Результаты

Грамотное разрешение этнических и религиозных конфликтов требует глубокого анализа социально-политических, социально-экономических и социально-культурных причин их возникновения.

По мнению респондентов, проблема этноконфессионального экстремизма является актуальной для Тюменской области, что обусловлено реальным нарастанием этнической и религиозной нетерпимости в России и во всем мире. Оценивая состояние межкультурного взаимодействия в области, большинство опрошенных выбрали вариант ответа «Внешне всё спокойно, но чувствуется напряженность на бытовом уровне» (рис.1). При этом, заметны значительные расхождения ответов представителей русской национальности и национальных меньшинств. Последние дают более негативную оценку состоянию межкультурного взаимодействия в Тюменской области (варианты ответа «Существует явная напряженность, есть предпосылки для возникновения конфликтов» и «Имеют место межкультурные конфликты» выбрали 6,7% и 18,6% респондентов русской национальности, и 12,5% и 20,3% представителей национальных меньшинств).

На вопрос об отношении к представителям иных религий и национальностей «Какова Ваша обычная реакция, в случаях, когда Вы сталкиваетесь с представителями иной религии или национальности?» (рис.2) 60,7% респондентов ответило «Не обращаю на их особенности никакого внимания; отношусь к ним спокойно», 16,6% респондентов выбрало вариант «Проявляю интерес». При этом 20,4% респондентов выбрали вариант «Отношусь с опасением, но стараюсь скрыть свои чувства». Ответы на эти вопросы подтверждают гипотезу о том, что большая часть населения толерантно относится к представителям других культур, но также распределение ответов демонстрирует наличие скрытой интолерантности в обществе Тюменской области, которая является предпосылкой возникновения

этноконфессионального экстремизма.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете состояние межкультурных отношений в Тюменской области?».

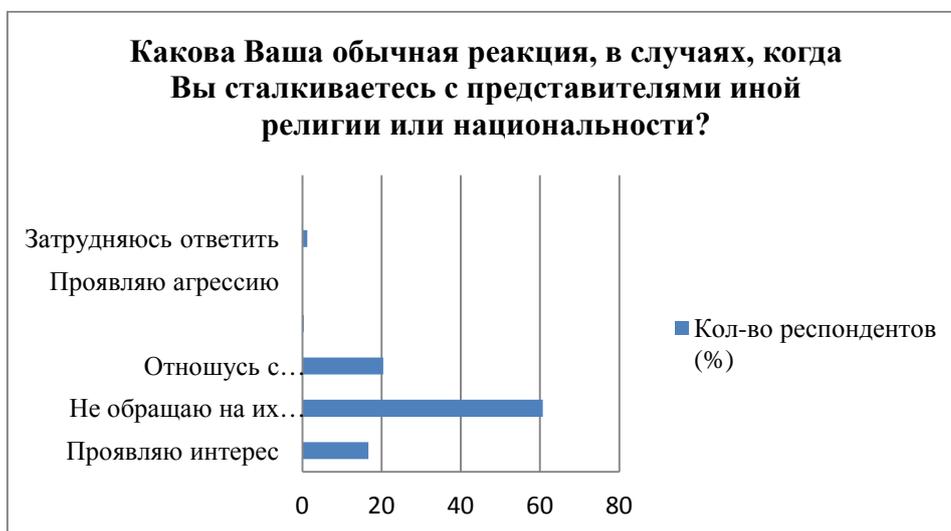

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какова Ваша обычная реакция, в случаях, когда Вы сталкиваетесь с представителями иной религии или национальности?».

Большинство опрошенных сталкивалось с проявлениями национальной неприязни по отношению к другим людям (64% ответивших), и только 9% респондентов - по отношению к себе. При этом представители национальных меньшинств лично сталкиваются с проявлениями этнорелигиозной неприязни намного чаще (среди ответивших «Да, сталкивался по отношению к себе» - 6,7% русских и 20,8% представителей национальных меньшинств).

Среди респондентов, так или иначе сталкивавшихся с проявлениями этнорелигиозной неприязни, абсолютное большинство на вопрос «Если да, то в чем заключались эти проявления (укажите все подходящие варианты ответа)» (рис.3) ответили «Грубость и оскорбления в общественных местах» (76,8%), «Неуважительное отношение одноклассников, одногруппников, коллег по работе (обидные клички, шутки и др.)» (42,6%) и «Хулиганские действия, акты вандализма (надписи на заборах, лозунги на машинах и т.п.)» (45%). Таким образом, специфика этноконфессионального экстремизма в Тюменской области заключается в том, что он протекает в латентной форме, существует в виде идей и настроений. Опасность латентного экстремизма состоит в том, что он имеет свойство транслироваться из поколения в поколение, подготавливая почву для возникновения явного экстремизма. При этом этноконфессиональные конфликты в Тюменской области происходят постоянно, но так как имеют место на бытовом уровне и протекают не явно, создается впечатление о стабильности межкультурного взаимодействия в Тюменской области. Также спецификой этноконфессионального экстремизма в области является его исламистский и салафитский характер, а также многоаспектность из-за территориальной специфики и сложного состава населения.

Приток мигрантов в Тюменскую область оценивается населением негативно (рис.4), особенно в отношении мигрантов таких национальностей как таджики и азербайджанцы. Большая часть населения выступает за ограничение их въезда в область. Среди респондентов распространены стереотипы об

опасности мигрантов и их враждебности к местному населению, а также иррациональная неприязнь к их языку, манерам и внешнему виду (что определяется биологической природой ксенофобии).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о проявлениях этнорелигиозной неприязни.

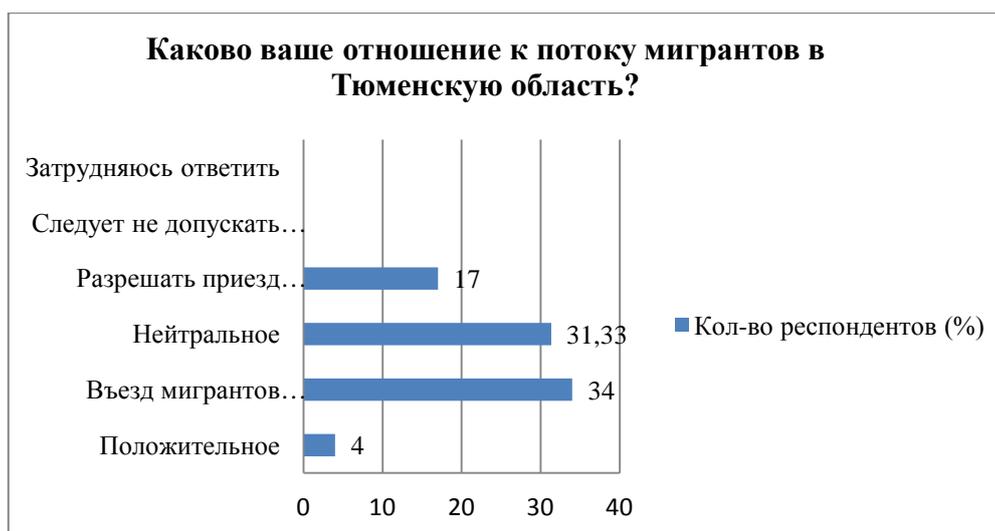

Рис.4. Распределение ответов на вопрос об отношении к потоку мигрантов в Тюменскую область.

Мусульманские экстремистские организации оценены населением и экспертами как наиболее социально опасные, хотя большинство респондентов не видят связи между исламом и экстремизмом (рис. 5). Это объясняется тем, что именно об исламских группировках чаще всего говорится в СМИ, и именно они совершили наибольшее количество громких террористических актов за последние десятилетия. При этом приверженцы ислама наименее склонны считать свою религию предрасположенной к экстремизму. Этот результат демонстрирует экзонимичность данного понятия. Как правило, оно употребляется индивидами и группами для характеристики других, но не самих себя.

Респондентам также было предложено ответить на вопросы, связанные со стратегией управления межкультурным взаимодействием в РФ и регионе (рис. 6). Большинство ответивших считает, что национальная политика РФ должна представлять собой «Толерантное отношение к представителям культурных меньшинств как к гражданам РФ, но без предоставления им особых прав, выделяющих на фоне других национальностей». Абсолютное большинство респондентов (81%) понимают принцип «равноправия народов в Российской Федерации» как «равные права для представителей всех национальностей» (среди них 81% русских и 85,4% представителей национальных меньшинств); 12% респондентов считают, что данный принцип означает «Ущемление прав представителей русской национальности как ведущего этноса» (12% русских и 2% представителей национальных меньшинств).

Таким образом, распределение ответов на данные вопросы подтверждает гипотезу о том, что большая часть населения поддерживает стратегию мягкого мультикультурализма в управлении

межкультурными отношениями в России. Как и предполагалось, для абсолютного большинства респондентов (74%) основным источником информации о состоянии межкультурного взаимодействия и мерах его укрепления, предпринимаемых в Тюменской области являются Интернет (74%), телевидение (53,5%), а также друзья и знакомые (46,7%). Также был сделан вывод о том, что для просвещения населения в вопросах этноконфессиональной толерантности и патриотизма, необходимо использовать различные средства информирования, в зависимости от желаемой аудитории. Для работы с молодежью, в первую очередь, необходим контроль за сетью Интернет и проведение в ней пропагандистской работы. Старшие поколения почерпнут необходимую информацию из газет, журналов и телевидения.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос о связи между религиозным экстремизмом и исламом в зависимости от религиозной принадлежности респондента

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос о национальной политике РФ в зависимости от национальности респондента

Меры по стабилизации межкультурных отношений и противодействию экстремизму в Тюменской области нельзя определить как эффективные, поскольку большинство населения оценивает их как «удовлетворительные» или совсем о них не осведомлено. Среди мероприятий по профилактике этноконфессионального экстремизма и воспитанию патриотизма респонденты выделяют такие как «выставки и экспозиции в музеях» и «молодежные фестивали», именно они являются наиболее

посещаемыми.

По мнению населения, в ближайшее время в Тюменской области могут иметь место акты этноконфессионального экстремизма (На вопрос анкеты «Возможны ли в ближайшее время столкновения на этноконфессиональной почве, акты экстремизма в Тюменской области?» варианты «Возможны» и «Возможны, но маловероятны» выбрали 30% и 39,7% респондентов соответственно). При этом представители национальных меньшинств дают более негативную оценку состояния этноконфессиональных отношений.

Результаты исследования говорят о достаточно напряженном межкультурном взаимодействии в Тюменской области. В условиях гармоничного межкультурного взаимодействия в мировоззренческих установках личности преобладает не тенденции этноцентризма и ксенофобии, а толерантность, взаимоуважение и правовое сознание. Наиболее эффективными направлениями деятельности по предупреждению этноконфессионального экстремизма являются постановка грамотного этноконфессионального просвещения и использование средств информирования населения, отвечающих запросам желаемой аудитории. Особую важность имеет мониторинг СМИ и Интернета на предмет выявления данных о нарушении законодательства об экстремизме, публичность наказаний за эти нарушения, а также проведение социологических исследований этноконфессиональной обстановки в области.

Дискуссия

Исходя из теории Г. Зиммеля, социальная гармония означает не полное отсутствие конфликтов, иначе общество лишилось бы движения и структуры, а скорее их грамотное разрешение (Козер 2008; Maybuty–Lewis 2002; Zamaletdinov et al 2014; Ryazantsev et al 2014; Shakil 2015).

Данный тезис имеет свое отражение в сфере межкультурного взаимодействия населения, в котором полное преодоление разногласий в принципе невозможно. Это объясняется таким явлением как *ксенофобия*, которая, по мнению многих социологов и антропологов, имеет биологическую природу, так как именно инстинкт, лежащий в ее основе, обусловил принципы организации родоплеменных формирований. Прежде всего, это неприятие всего чужого, непривычного, незнакомого. Более того, в обществе существует тенденция судить о чужих культурах с позиции превосходства своей собственной. Это явление называется *этноцентризмом* (Russell 2013). Американские психологи М. Бруэр и Д. Кэмпбелл выделили его основные показатели: а) восприятие элементов своей культуры (норм, ролей и ценностей) как естественных и правильных, а элементов других культур как неестественных и неправильных; б) рассмотрение своих обычаев в качестве универсальных; в) представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы, оказывать им помощь, предпочитать свою группу, гордиться ею и не доверять и даже враждовать с другими (Brewer, Campbell, 1976). Так, наибольшее количество негативно-оценочных стереотипов появлялось там, где этнические группы долгое время находились в состоянии конкуренции, конфликта и вражды. Большое количество негативно-оценочных этнических стереотипов в разговорном английском языке объясняется именно историческими причинами: активными международными контактами Великобритании, борьбой за территории, колонизацией, рабовладением в США и иммиграцией в США. Почти все народы, с которыми контактировали британцы и американцы англо-саксонского происхождения, начиная с XVII века, получили пейоративные этнические прозвища: ирландцы, немцы, голландцы, французы, итальянцы, испанцы и португальцы, латиноамериканцы, евреи, индусы, китайцы, корейцы, вьетнамцы, японцы, эскимосы, индейцы и представители черной расы. Наиболее устойчивые и сильные этнические предубеждения и, соответственно, этнические инвективы в английском языке возникли к тем народам, которые были в определенные периоды наиболее опасными экономическими конкурентами.

Например, негативный образ французов как легкомысленной и вульгарной нации породил наибольшее количество этнических стереотипов с вульгарной коннотацией в разговорном английском языке: French disease – venereal disease, esp. syphilis; French stuff – pornography; any unusual sexual activity; French revolution – the movement for homosexual rights; French handshake – a form of handshake signifying sexual interest; French embassy – a location with homosexual activity; French postcard – an erotic picture postcard.

Итак, в текстах современных американских газет и журналов в подавляющем числе случаев присутствует политически корректная лексика, получившая широкое распространение и зафиксированная в большинстве толковых словарей. Некоторые из этих слов и выражений, такие как Native American, Asian-American, фактически вытеснили в газетно-публицистической речи использовавшиеся ранее Indian, Oriental, но определенное количество употребляется наряду с их “некорректными” эквивалентами: African American и black, Latino и Hispanic. Значительное количество политически некорректных терминов можно объяснить тем, что такие слова, как этнонимы black и Hispanic по-прежнему соответствуют языковой норме английского языка. В публикациях российской прессы термин «политическая корректность» часто трактуется как реалья, присущая в основном Соединенным Штатам или другим странам Запада и затрагивающая русскую культуру лишь в некоторой степени. В русском языке к политически корректной лексике можно причислить лишь небольшое количество эвфемизмов, большая часть которых, в свою очередь, является иноязычными заимствованиями. Некоторые из этих лексических единиц встречаются довольно часто – слова “афроамериканец”, “темнокожий” заменяют слово “негр” при обозначении

чернокожих жителей США. В целом, как свидетельствует анализ газетных текстов, в русском языке не наблюдается столь масштабных языковых нововведений, какие произошли в английском языке последних десятилетий под эгидой преодоления ксенофобии и расовых предрассудков. Выделяется два типа этноцентризма: 1) благожелательный (гибкий), когда предпринимаются попытки понять иную культуру, и когда он не распространяется на все сферы жизнедеятельности общества; 2) воинственный (негибкий), когда о другой культуре судят не только исходя из собственных ценностей, но и пытаются навязать их другим (Бодалев 2011). Такие социальные явления как ксенофобия и воинствующий этноцентризм нередко становятся инструментом достижения политических целей и являются предпосылками возникновения экстремистских проявлений в межкультурном взаимодействии населения (Karabulatova 2013). На современном этапе в научном сообществе наблюдается высокий интерес к проблеме этноконфессионального экстремизма, но, несмотря на это, в социологической науке до сих пор не существует единой систематизированной теории, которая может служить основанием для преодоления практических проблем в межкультурном взаимодействии населения.

Наряду с этим, в правовой и научной литературе также отсутствует общепринятое определение понятия «этнорелигиозный и/ или этноконфессиональный экстремизм». Чаще всего в социологических и философских работах разработке подвергаются термины «религиозный экстремизм» (А.В. Журавский, В.А. Бурковская, З.С. Арухов, А.А. Нуруллаев, А.М. Верховский, М.Я. Яхьяев и др.) и «этнический экстремизм» (М.П. Клейменов, В.П. Бабинцев, Л.В. Баева, А.А. Бурков, А.М. Верховский и др.). Проблеме этнорелигиозного экстремизма посвящены труды таких авторов как О.А. Русанова, Ю.М. Антонян, Д.В. Новиков и др. Содержания данных понятий нередко крайне размыты, затрагивают частные стороны явления, а не интегрируют все его свойства. По мнению авторского коллектива, представляется обоснованным использование понятия «этноконфессиональный экстремизм» по причине глубокой взаимосвязи этнического и религиозного факторов, которое прослеживается с начала человеческой истории и периода формирования этнических общностей (Григоренко 2014). В связи с этим приведем авторскую концептуализацию данного термина.

Экстремизм на этнорелигиозной почве является одним из элементов в структуре экстремальности. Социальная экстремальность есть вынужденная или спонтанная социальная активность, форма интенсивной деятельности - пребывание на грани исчерпания ресурсов жизнедеятельности социума и человека. Экстремальность, как носитель нового культурно-ценностного содержания и форма интенсивной деятельности востребована в условиях неопределенности и социальной нестабильности (Волкова 2011: 2).

Очевидно, социальная экстремальность содержательно близка к радикализму. *Радикализм* — это стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не идя ни на какие компромиссы. Радикализм следует интерпретировать как реакцию тех или иных социальных субъектов на критические, тупиковые или экстремальные ситуации, с которыми они сталкиваются в ходе исторического процесса (Яхьяев 2013). Также как и радикализм, экстремальность может быть конструктивной и деструктивной.

Конструктивные экстремальные проявления в межкультурном взаимодействии имеют свою внутреннюю логику, вызываются необходимостью и подчиняются закономерностям. Они направлены на качественное, прогрессивное преобразование существующей социальной системы (Karepova et al 2015; Karabulatova et al 2015; Ostrovskaya et al 2015; Ryazantsev et al 2015; Khachmafova et al 2015). К таким экстремальным проявлениям можно отнести борьбу этносов за выживание в периоды дискриминации, геноцида, глобализации и миграций (Karabulatova, Zinchenko 2014; Pismennaya et al 2015; Karabulatova, Akhmetova 2015; Karabulatova, Polivara 2015). Их высшим проявлением является социальная революция (Диль 2013; Аристова 2013). Деструктивная экстремальность всегда отмечена эгоцентризмом и своеволием. Ей всегда сопутствуют агрессия и агрессивность, при этом - агрессия - это действие человека, направленное на нанесение вреда другому, а агрессивность - скорее готовность к таким действиям (Волков 2011: 1; Вехов 2009; Gabdrafikov et al 2015). Разновидностями деструктивной экстремальности являются фундаментализм, фанатизм и экстремизм.

На наш взгляд, суть идеологии фундаментализма состоит в том, чтобы вернуться к старому социальному порядку или законсервировать существующие социальные порядки, заморозив, остановив процесс прогрессивных изменений. Фундаментализм возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противостоит, в том числе насильственными средствами, процессу перемен, обновлению. Фанатизм нацелен на радикальное преобразование существующего общества в соответствии со своей утопической идеологической программой.

Фанатизм и фундаментализм – это два способа реакции субъектов на экстремальные социальные ситуации. Они могут переходить один в другой и сливаться друг с другом, выступать вместе. В своих крайних формах фанатизм и фундаментализм вырождаются в экстремизм (Яхьяев 2013).

Заключение

Учитывая природу экстремизма как социального отклонения, можно сделать вывод о том, что *этноконфессиональный экстремизм* – особый тип социальной девиации, характеризующийся приверженностью к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства существующего уклада

общества в сочетании с фанатическими и фундаменталистскими религиозными, националистическими и политическими взглядами. Последствия такого социального явления как этнорелигиозный экстремизм однозначно негативны, так как несут ярко выраженный антисистемный характер. Примером может служить современный кризис на Украине, спровоцированный обширными националистическими экстремистскими выступлениями, которые в итоге привели к развитию сепаратистских настроений.

Региональная специфика этноконфессионального экстремизма как девиационного процесса обусловлена, на наш взгляд, географическим положением конкретного региона, историей освоения края, современной региональной демографической ситуацией, а также качеством социально-экономического развития региона для жизни населения.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 27 июня 2002 года №114-ФЗ. Одобрен Советом Федерации. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148972> (дата обращения: 01.02.2014).
2. Allan D.K. Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World. Published January 12th 2005 by Sage Publications (CA), 448 s.
3. Аристова А.В. Религиозный терроризм в информационную эпоху // Интернет-газета «Протестант». URL: www.gazetaprotestant.ru (дата обращения: 11.08.2013).
4. Бодалев А.А. Этноцентризм. Психология общения. Энциклопедический словарь. М.: Когито-Центр. 2011. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/yetnocentrizm> (дата обращения: 06.03.2014).
5. Brewer, M.B., Campbell, D.T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence [Text] / M.B. Brewer, D.T. Campbell. – N.Y., 1976.
6. Bricheva M.M., T.T. Nescheretova & A.K. Bersirova. Linguopragmatic Aspect of "Search for the Ideal" in the Discourse of Female Fiction as a Reflection of Matrimonial-Demographic and Sexual Behavior in Contemporary Russian Society. Review of European Studies. 2015. Vol. 7. No 6 (2015). – pp.: 35-45. Received: February 28, 2015 Accepted: March 20, 2015 Online Published: April 24, 2015 doi:10.5539/res.v7n6p35 URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/47980/25754>
7. Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 284-289.
8. Волкова Н.Г. Экстремальность в обществе риска: автореф. дис. ... канд. филос.наук. Саратов, 2011. 17 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. М., 1971. С.544.
10. Gabdrifakov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov Kh., S. Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, Supplement 4, May 2015 . – pp.: 213-223. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s4p213 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6732/6446>
11. Григоренко Ю.А. Национальное и религиозное: проблема взаимоотношений // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. №2. С. 260-267.
12. Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск. 2013. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/sovremennyj-jekestremizm-i-formy-ego-preodolenija-sociokulturnyj-aspekt.html> (дата обращения: 30.05.2014).
13. Karabulatova I.S. The problems of linguistic modeling of new Eurasian linguistic personality in multilingualistic and mental environment (by example of onomasphere) // Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 791-795, 2013.ISSN 1990-9233.© IDOSI Publications, 2013.DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12262. [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(6\)13/15.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(6)13/15.pdf) <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17%286%2913.htm>.
14. Karabulatova I. S. and Zinchenko A. A. Tyumen Nenets Sacral Childhood Culture as an Ethnolinguistic Mechanism of Preserving Ethnic Identity // Middle-East Journal of Scientific Research 20 (11): 1344-1347, 2014. ISSN 1990-9233. © IDOSI Publications, 2014.DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2014.20.11.21071 <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr20%2811%2914.htm>, [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr20\(11\)14/2.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr20(11)14/2.pdf)
15. Karabulatova I.S., Khachmafova Z.R., Bricheva M.M., Nescheretova M.T. & Bersirova A.K. Linguopragmatic Aspect of "Search for the Ideal" in the Discourse of Female Fiction as a Reflection of Matrimonial-Demographic and Sexual Behavior in Contemporary Russian Society. Review of European Studies. 2015. Vol. 7. No 6 (2015). – pp.: 35-45. Received: February 28, 2015 Accepted: March 20, 2015 Online Published: April 24, 2015 doi:10.5539/res.v7n6p35 URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/47980/25754>
16. Karabulatova I.S., Polivara Z.V. Intraethnic installation of Ukrainian Labour migrants in the preservation of linguistic and cultural identity. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S2, May 2015. – pp.: 142-148. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p142 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6475/6205>
17. Karabulatova I.S. and B.Z.Akhmetova. Characteristics of Social-Cultural Vitality of Modern Russian Settlements of the Former Gorky Line of Kazakhstan. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6,

No3, S4, May 2015. – pp.201-206. <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6730/6444>

18. Karepova Svetlana Gennadievna, Karabulatova Irina Sovetovna, Novikov Vladimir Sergeevich, Klemovitsky Sergey Veniaminovich, Stratan Dmitry Ivanovich, Perova Anastasia Evgenievna. New Approaches to the Development of Methodology of Strategic Community Planning. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No 3, S.6. – pp. 357-364. <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6831/6539>

19. Khachmafova Z.R., Karabulatova I.S., Luchinskaya E.N., Osipov G.V. Gender Features of Discourse of Woman's Literature as a Reflection of Changes in the Modern Society. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.2, May 2015. – pp.: 476-481. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p476. <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6528/6255> .

20. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: «Идея-Пресс», 2000. URL: http://www.e-college.ru/xbooks/xbook058/files/course/coser_pravo.pdf (дата обращения: 07.03.2014).

21. Манапова В.Э. Влияние глобализации на рост этнического экстремизма. 2010. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/etnicheskij-ekstremizm/item/534-vliyanie-globalizacii-na-rost-etnicheskogo-ekstremizma> (дата обращения: 24.01.2014).

22. Maybuty–Lewis David. The Politics of Ethnicity – Indigenous Peoples in Latin American States. ISBN 9780674009646; 2002 г. 340 стр.

23. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. СПб.: Речь. 2005. 445 с.

24. Ostrovskaya T.A., Karabulatova I.S., Khachmafova Z.R., Lyaucheva S.A., Osipov G.V. The Discourse of the Russian Elite in the ERA “Liquid” Modernity as a Problem of Ethnic, Social and Cultural Security. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S4, May 2015. – pp. 147-154, <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6723/6437>

25. Russell Jesse. Classification of ethnicity in the United Kingdom. ISBN 978-5-5141-4393-1; 2013 г. 129 стр.

26. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. In the: Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, pp: 174-183. ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014 Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. Received: June 20, 2014 Accepted: July 16, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40806/22527>

27. Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Mashin R.V., Pismennaya E.E., Sivoplyasova S.Yu. Actual problems of human trafficking in Illegal immigration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.1, May 2015. – pp.: 621-626. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s1p621, <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6451/6185>

28. Pismennaya E.E., Karabulatova I.S., Ryazantsev S.V., Luk'yanets A.S. Manshin R.V. Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a factor of Transformation of Geopolitical Relations. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.2, May 2015. – pp.:210-215. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p202, <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6484/6214>

29. Shakil Muneeb. Role of Ethnicity and It's Impacts on Politics. Издательство: [LAP Lambert Academic Publishing](http://www.lap-publishing.com). ISBN 9783659676208; 2015 г.- 116 с.

30. Zamaletdinov R.R., Karabulatova I.S., Yarmakeev I.E., Ermakova E.N. LINGUO-PROPAEDEUTICS OF ETHNIC CONFLICTS AS A BASIS FOR STABILITY IN COMPLEX POLYETHNIC REGIONS. In the: Asian Social Science, 2014. Vol.10, No.20, 164-173. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40805/22526>

31. Яхъяев М.Я. Методологические проблемы исследования экстремизма. 2011. URL: <http://www.ekstremizm.ru> (дата обращения: 13.10.2013).

1.2. СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Грищенко О.В.

ТИ имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог

Аннотация. Рассмотрены подходы и принципы формирования трудовых отношений в учреждениях общего образования на основе современной нормативной базы: выявлены особенности регулирования труда педагогических работников, особенности организации их рабочего времени и времени отдыха, состава и оплаты труда, повышения квалификации и аттестации, обязательного прохождения медосмотров и социальной поддержки педагогических работников.

Ключевые слова: трудовые отношения, педагогический работник, общее образование

Введение

В современном мире все страны осознали роль образования, как базовой компоненты общества знаний в развитии государства. Более того, сама образовательная отрасль становится одной из ведущих производительных отраслей в экономике развитых государств. Отношения, связанные с трудом в системе образования Российской Федерации, многообразны и призваны в настоящее время решить три главные задачи: привлечь в отрасль высококвалифицированные и молодые кадры, обеспечить конкурентоспособность отраслевой заработной платы на рынке труда, связать уровень оплаты труда с качеством работы.

Особенности регулирования труда педагогических работников

Согласно гл.1, ст. 2 закона «Об образовании» [2] *педагогический работник* – физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности. К таким работникам относят учителей, воспитателей, преподавателей учреждений профессионального образования. Педагогические работники осуществляют деятельность, связанную с реализацией целей и задач образования (обучения и воспитания) – педагогическую деятельность, которая является центральным элементом образовательной системы.

Кроме педагогических работников в учреждениях образования трудятся работники, обеспечивающие эту деятельность, осуществляющие управленческую, организаторскую, кадровую, финансово-экономическую, деятельность по материально-техническому и социальному обеспечению образовательного и воспитательного процесса и т.д. В современных условиях без этих видов деятельности невозможно осуществление полноценного учебного и воспитательного процесса.

В зависимости от выполняемых должностных и функциональных обязанностей работников образования подразделяют на группы (категории), которые приведены в табл.1.

Таблица 1 – Классификация должностей руководителей, специалистов и других служащих, занятых в сфере образования [4, 9]

Общее образование
РУКОВОДИТЕЛИ
Руководитель (директор, заведующий, начальник) образовательного учреждения
Заместитель руководителя (директора, заведующего, начальника) образовательного учреждения
Руководитель (заведующий, начальник, директор, управляющий) структурного подразделения
Старший мастер
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РАБОТНИКИ
Учитель
Преподаватель
Педагог-организатор
Социальный педагог
Учитель-дефектолог, учитель-логопед (логопед)
Педагог-психолог
Воспитатель (включая старшего)
Тьютор
Педагог-библиотекарь
Старший вожатый
Педагог дополнительного образования (включая старшего)
Музыкальный руководитель
Концертмейстер

Руководитель физического воспитания
Инструктор по физической культуре
Методист (включая старшего)
Инструктор-методист (включая старшего)
Инструктор по труду
Преподаватель-организатор основ безопасности жизнедеятельности
Тренер-преподаватель (включая старшего)
Мастер производственного обучения
УЧЕБНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЛ
Дежурный по режиму (включая старшего)
Вожатый
Помощник воспитателя
Младший воспитатель
Секретарь учебной части
Диспетчер образовательного учреждения

На практике часто происходит совмещение видов деятельности, например, директор, заместитель директора школы, как правило, ведут один или два предмета. «Принадлежность» конкретного работника к той или иной группе определяется по их основной должности.

В зависимости от типа и вида образовательного учреждения, в котором педагогические работники профессионально осуществляют свою деятельность, их можно подразделить на работников:

- дошкольных учреждений,
- учреждений общего образования,
- учреждений профессионального образования и т.д.

Можно провести классификацию каждой из названных групп работников по стажу работы, уровню образования, требованиям к конкретной должности и др.

В ТК РФ предусмотрен раздел XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников», где указано, что «особенности регулирования труда – это нормы, частично ограничивающие применение общих правил по тем же вопросам либо предусматривающие для отдельных категорий работников дополнительные правила» (гл.40, ст. 251).

Особенности труда педагогических работников регулируются главой 52 ТК РФ. В частности, к ним относят:

- образовательный ценз, только при соответствии которому работник допускается к педагогической деятельности;
- особенности заключения и прекращения трудового договора с педагогическими работниками;
- особенности рабочего времени и времени отдыха;
- особенности состава оплаты труда;
- требование об обязательном периодическом повышении квалификации, прохождении аттестации;
- обязательное прохождение медосмотров;
- льготы и меры социальной поддержки, устанавливаемые государством для педагогических работников.

Рассмотрим каждую из указанных особенностей. [20]

Образовательный ценз для замещения должностей педагогического профиля

Согласно ст. 46 закона «Об образовании» право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование, отвечающее квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам.

Квалификация работника – это уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника (Ст. 195.1 ТК РФ).

Профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности (там же).

В настоящее время при определении образовательного ценза следует руководствоваться квалификационными характеристиками, утвержденными приказом Минздравсоцразвития России, раздел Единый квалификационный справочник «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [9]. Они предусматривают не только наличие у педагогов определенного уровня профессионального образования, но и определенные требования к профилю полученной специальности по образованию.

Так, учитель, должен иметь высшее или среднее профессиональное образование соответствующего уровня по направлению подготовки «Образование и педагогика»; либо высшее или среднее профессиональное образование в области, соответствующей преподаваемому предмету, и дополнительное

профессиональное образование по направлению деятельности в образовательном учреждении.

Педагог-психолог должен иметь высшее профессиональное образование или среднее профессиональное образование по направлению подготовки «Педагогика и психология» либо высшее профессиональное образование или среднее профессиональное образование и дополнительное профессиональное образование по направлению подготовки «Педагогика и психология».

Высшее профессиональное образование в области дефектологии является обязательным для лиц, принимаемых на должности учителя-дефектолога или учителя-логопеда.

Педагог дополнительного образования должен иметь высшее или среднее профессиональное образование в области, соответствующей профилю кружка, секции, студии, клубного и иного детского объединения, либо высшее профессиональное образование или среднее профессиональное образование и дополнительное профессиональное образование по направлению «Образование и педагогика».

Высшее или среднее профессиональное образование по направлению подготовки «Образование и педагогика», профессиональное владение техникой исполнения на музыкальном инструменте необходимы для занятия должности музыкального руководителя.

С 1 января 2015 г. работодатели при приеме на работу, формировании кадровой политики учреждения, в управлении персоналом, при организации обучения и аттестации педагогических работников, разработке должностных инструкций и установлении систем оплаты труда должны руководствоваться профессиональным стандартом «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего образования) (воспитатель, учитель)» [10].

Уровень образования и квалификация работников образовательных учреждений определяется на основании документов об образовании государственного образца: дипломов, аттестатов и др.

В соответствии с ТК РФ заключение трудового договора при отсутствии у лица, поступающего на педагогическую работу, документа об образовании является нарушением ТК РФ и может служить основанием для его прекращения.

Если при заключении трудового договора работником были представлены подложные документы об образовании, то трудовой договор с ним должен быть расторгнут.

В главе 52 ТК РФ приведены ограничения на занятие педагогической деятельностью. Педагогической деятельностью не могут заниматься лица:

- лишенные права заниматься педагогической деятельностью в соответствии с вступившим в законную силу приговором суда;
 - имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, а также против общественной безопасности;
 - имеющие неснятую или непогашенную судимость за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления;
 - признанные недееспособными в установленном федеральным законом порядке;
- имеющие заболевания, предусмотренные перечнем, утверждаемым федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области здравоохранения.

Особенности заключения и прекращения трудового договора с педагогическими работниками

При приеме на работу между работником и работодателем возникают трудовые отношения. Трудовые отношения – отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором (ст.15 ТК РФ). Трудовые отношения оформляются трудовым договором. Порядку заключения трудового договора посвящен раздел III ТК РФ.

Трудовой договор заключается в письменной форме, составляется в двух экземплярах, каждый из которых подписывается сторонами. Получение работником экземпляра трудового договора должно подтверждаться его подписью на экземпляре трудового договора, который хранится у работодателя в личном деле работника.

Содержание трудового договора состоит из трех частей. Первая часть включает сведения, характеризующие работника и работодателя (пreamбула и реквизиты сторон), вторая – обязательные условия трудового договора, без которых трудовой договор не может считаться заключенным, и третья –

дополнительные условия трудового договора, которые стороны могут устанавливать по своему усмотрению.

К обязательным условиям при заключении трудового договора с учителем относятся: место работы (образовательное учреждение, его обособленное структурное подразделение), трудовая функция (работа по должности; конкретный вид поручаемой работнику работы); объем учебной нагрузки; срок трудового договора; дата начала работы; условия оплаты труда; режим рабочего времени и времени отдыха; условие об обязательном социальном страховании; другие условия в случаях, предусмотренных трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права.

Учебная нагрузка является количественной обязательной составляющей трудовой функции, которую выполняет учитель, поэтому объем учебной нагрузки относится к обязательным условиям трудового договора.

Если трудовой договор с учителем в письменной форме по каким-либо причинам отсутствует либо в нем не указан объем учебной нагрузки, то считается, что учитель работает с тем объемом учебной нагрузки, который ему был установлен приказом руководителя образовательного учреждения при приеме на работу, а изменение учебной нагрузки в текущем учебном году или на последующий период по инициативе работодателя допускается только в определенных случаях (уменьшение количества часов по учебным планам и учебным программам или сокращение количества классов).

В трудовом договоре могут предусматриваться дополнительные условия, которые не могут ухудшать положение работника по сравнению с установленным трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, в частности: об уточнении места работы (с указанием структурного подразделения и его местонахождения) и (или) о рабочем месте; о дополнительных обязанностях, связанных с образовательным процессом за дополнительную оплату (классное руководство, проверка письменных работ, заведование учебным кабинетом и т. д.); об испытании; о видах и об условиях дополнительного страхования работника; об улучшении социально-бытовых условий работника и членов его семьи и др. [17]

В зависимости от срока действия закон делит трудовые договоры на два вида:

- трудовые договоры с неопределенным сроком, когда стороны вообще не указывают срок его действия, договор в этом случае может определить лишь дату вступления его в силу.
- срочные трудовые договоры, когда стороны должны предусмотреть конкретный срок его действия (один, два, четыре года и др.), который как правило не превышает пяти лет.

Если с работником заключается срочный трудовой договор, то в нем кроме срока его действия, указывается обстоятельство (причины), послужившие основанием для его заключения в соответствии со статьей 59 ТК РФ. Например, на период исполнения обязанностей временно отсутствующего работника, с указанием фамилии, имени и отчества работника, на время отсутствия которого заключается трудовой договор.

В содержании трудового договора, заключенного в письменной форме, определяются права и обязанности работника и работодателя. Права и обязанности работника и работодателя могут быть как общими, так и дополнительными, характерными только для каждой из сторон трудового договора.

Особенности рабочего времени и времени отдыха педагогических работников

Среди особенностей рабочего времени и времени отдыха педагогических работников, предусмотренных ТК РФ можно выделить следующие:

- сокращенная продолжительность рабочего времени;
- продолжительность рабочего времени в зависимости от учебной нагрузки,
- предоставление выходных дней с учетом режима деятельности образовательного учреждения;
- отсутствие установленного перерыва для приема пищи;
- предоставление удлиненного ежегодного основного оплачиваемого отпуска;
- возможность использования годового неоплачиваемого отпуска.

Педагогические работники в соответствии с трудовым законодательством имеют право *на сокращенную продолжительность рабочего времени*, установленную статьей 333 ТК РФ, которая составляет не более 36 ч в неделю.

Эту норму следует рассматривать как предельную. Она может изменяться по решению Правительства РФ в зависимости от должности и (или) специальности педагогических работников с учетом особенностей их труда. В настоящее время Правительство РФ уполномочило Министерство образования и науки РФ разрабатывать нормы продолжительности рабочего времени для педагогических работников, в связи с чем последним был издан приказ «О продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников» [12].

В пределах сокращенной продолжительности рабочего времени рабочее время различных категорий педагогов дифференцируется с учетом специфики их труда. Для некоторых категорий педагогических работников устанавливается продолжительность рабочего времени в неделю в часах, для других – норма часов преподавательской или педагогической работы в неделю за ставку заработной платы.

Так, продолжительность рабочего времени, составляющая 36 часов в неделю установлена

работникам профессорско-преподавательского состава вузов, старшим воспитателям дошкольных образовательных учреждений, образовательных учреждений дополнительного образования детей и домов ребенка, педагогам-психологам, социальным педагогам, педагогам-организаторам, мастерам производственного обучения, старшим вожатым, инструкторам по труду, методистам, старшим методистам образовательных учреждений, руководителям физического воспитания образовательных учреждений среднего профессионального образования, преподавателям-организаторам основ безопасности жизнедеятельности, допризывной подготовки, инструкторам-методистам, старшим инструкторам-методистам образовательных учреждений дополнительного образования детей спортивного профиля.

Продолжительность рабочего времени 30 часов в неделю установлена старшим воспитателям образовательных учреждений (кроме дошкольных образовательных учреждений и образовательных учреждений дополнительного образования детей).

Норма часов преподавательской (педагогической) работы за ставку заработной платы (нормируемая часть педагогической работы) устанавливается:

18 часов в неделю – для учителей и тренеров 1-11 (12) классов общеобразовательных учреждений, школ искусств, а также для преподавателей по программам среднего профессионального образования, по специальным дисциплинам, педагогов дополнительного образования; учителям иностранного языка дошкольных образовательных учреждений; логопедам учреждений здравоохранения и социального обслуживания;

20 часов в неделю – учителям-дефектологам, учителям-логопедам, логопедам;

24 часа в неделю – преподавателям 1-2 классов школ общего музыкального, художественного, хореографического образования с 5-летним сроком обучения, 1-4 классов детских музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств с 7-летним сроком обучения;

25 часов в неделю – воспитателям, работающим в группах с обучающимися, имеющими ограниченные возможности здоровья;

30 часов в неделю – инструкторам по физической культуре, воспитателям в школах-интернатах, детских домах, группах продленного дня, специальных учебно-воспитательных учреждениях для детей и подростков с девиантным поведением, дошкольных образовательных учреждениях (группах) для детей с туберкулезной интоксикацией, учреждениях здравоохранения и социального обслуживания;

36 часов в неделю – воспитателям в дошкольных образовательных учреждениях, в образовательных учреждениях дополнительного образования детей, в общежитиях образовательных учреждений начального профессионального и среднего профессионального образования, иных учреждениях и организациях.

720 часов в год – преподавателям образовательных учреждений, реализующих образовательные программы начального профессионального и среднего профессионального образования.

Вышеуказанная продолжительность рабочего времени включает преподавательскую (учебную), воспитательную, а также другую педагогическую работу, предусмотренную квалификационными характеристиками по должностям.

Норма часов за ставку заработной платы педагогов устанавливается в астрономических часах.

За преподавательскую работу, выполняемую с согласия педагогов сверх установленной нормы часов за ставку заработной платы, производится дополнительная оплата соответственно получаемой ставке в одинарном размере.

Продолжительность рабочего времени педагогических работников зависит от учебной нагрузки.

Как было отмечено выше, учебная нагрузка является количественной обязательной составляющей трудовой функции учителя и преподавателя. С другой стороны, в каждом образовательном учреждении, осуществляющем обучение по общеобразовательным программам, а также по образовательным программам профессионального образования, количество учителей и преподавателей устанавливается не на основе штатного расписания, как это имеет место при определении числа служащих в любом учреждении, в т. ч. в образовательных учреждениях при определении числа работников административно-хозяйственного, учебно-вспомогательного и обслуживающего персонала, а исходя из объема учебной нагрузки по учебному предмету (математике, истории, русскому языку и литературе, географии и т.д.), специальности, направлению, дисциплине и т.д.

Такая особенность обусловлена тем, что учителям и преподавателям устанавливаются не должностные оклады за календарный месяц, а ставки заработной платы за определенную норму часов преподавательской работы в неделю (в год), являющиеся расчетными величинами при определении их месячной заработной платы в зависимости от предусмотренного объема учебной нагрузки. Исходя из этого, численность учителей и преподавателей при одном и том же общем количестве часов преподавательской работы, подлежащем оплате в пределах одного и того же фонда оплаты труда, может быть различной.

Так, если в образовательном учреждении фактический объем преподавательской работы каждого учителя, преподавателя превышает установленную за одну ставку заработной платы норму часов преподавательской работы (18 часов в неделю, 720 часов в год соответственно), то численность этих работников снижается. В то же время, если при таком же общем количестве часов по учебному плану учебная нагрузка каждого учителя и преподавателя будет соответствовать норме или определяться в объеме менее установленной законодательством нормы часов преподавательской работы за ставку заработной

платы, то их количественный состав будет увеличиваться. [19]

Ежегодно на начало учебного года приказом руководителя образовательного учреждения по согласованию с выборным органом первичной профсоюзной организации учителям и преподавателям в порядке, установленном нормативными правовыми актами РФ, устанавливается объем их учебной нагрузки, с учетом которого определяется заработная плата за преподавательскую работу. При установлении на новый учебный год учебной нагрузки учителей и преподавателей, для которых данное общеобразовательное учреждение является местом основной работы, как правило, сохраняется ее объем и преемственность преподавания предметов в классах.

Объем учебной нагрузки, установленный преподавателю при заключении трудового договора, не может быть без его согласия уменьшен по инициативе работодателя на следующий учебный год, за исключением случаев уменьшения количества студентов (обучающихся) и часов по учебным планам и программам. Об изменении учебной нагрузки в новом учебном году администрация образовательного учреждения обязана предупредить работника не позднее чем за два месяца до его начала (ст. 74 ТК РФ).

Установление объема учебной нагрузки преподавателей ограничивается верхним пределом учебной нагрузки.

Объем учебной нагрузки педагогов общеобразовательных учреждений (школ, гимназий и пр.) устанавливается исходя из количества часов по учебному плану и учебным программам, обеспеченности кадрами, других условий работы в данном общеобразовательном учреждении. В нормативных документах случаев, связанных с какими-либо ограничениями при установлении учителям учебной нагрузки, не предусмотрено.

Положение «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и других работников образовательных учреждений» [11] устанавливает *порядок предоставления выходных дней с учетом режима деятельности образовательного учреждения* (круглосуточное пребывание обучающихся, воспитанников, пребывание их в течение определенного времени, сезона, сменности учебных занятий и других особенностей работы образовательного учреждения) и устанавливается правилами внутреннего трудового распорядка образовательного учреждения, графиками работы, коллективным договором, разрабатываемыми в соответствии с Трудовым кодексом РФ и иными нормативными правовыми актами.

Работник должен быть ознакомлен под роспись с Правилами внутреннего трудового распорядка, расписанием занятий, графиками работы, дежурств и иными нормативными документами, регламентирующими режим его рабочего времени и времени отдыха (ст. 68 ТК РФ).

К особенностям режима рабочего времени и времени отдыха работников образовательных учреждений относится отсутствие в правилах внутреннего трудового распорядка обязательного перерыва в течение рабочего дня для отдыха и питания продолжительностью не менее 30 мин., который не включается в рабочее время который предусмотрен законодательством для других категорий работающих. Для этого чаще всего используются перемены (краткие перерывы) между учебными занятиями, которые включаются в нормированную часть рабочего времени учителей (преподавателей).

Другой особенностью режима рабочего времени и времени отдыха является порядок предоставления педагогам выходных дней. Они также устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка образовательного учреждения, графиками работы или коллективным договором исходя из режима деятельности образовательного учреждения (пяти-, шестидневная рабочая неделя). При этом дни недели, свободные для педагогических работников от проведения учебных занятий по расписанию, но не установленные в качестве выходных, являются рабочими. Они используются для повышения квалификации, самообразования, подготовки к занятиям и т.п.

Периоды каникул, установленных для обучающихся и не совпадающие с ежегодными оплачиваемыми основными и дополнительными отпусками педагогов, а также периоды отмены учебных занятий для обучающихся по санитарно-эпидемиологическим, климатическим и другим основаниям являются рабочим временем педагогических и других работников образовательного учреждения.

При составлении расписаний учебных занятий образовательное учреждение обязано исключить нерациональные затраты времени педагогических работников, с тем, чтобы не нарушалась их непрерывная последовательность и не образовывались длительные перерывы (так называемые «окна»), которые в отличие от коротких перерывов (перемен) между каждым учебным занятием, установленных для обучающихся, воспитанников, рабочим временем педагогических работников не являются.

ТК РФ (ст. 334) предусмотрено предоставление педагогическим работникам *ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска*.

Продолжительность такого отпуска в зависимости от вида образовательного учреждения и должности, занимаемой педагогическим работником, установлена Постановлением Правительства РФ «О продолжительности ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска, предоставляемого педагогическим работникам образовательных учреждений» [5].

В приложении к постановлению приведен полный перечень видов образовательных учреждений и должностей педагогических работников, которым установлена определенная продолжительность основного удлиненного отпуска, от 42 до 56 календарных дней.

Большинству педагогов предоставляется отпуск продолжительностью 56 календарных дней.

Педагогическим работникам, работающим в дошкольных образовательных учреждениях, учебных, учебно-методических, методических кабинетах (центрах), предоставляется отпуск продолжительностью 42 календарных дня.

Согласно ТК РФ право на использование этого отпуска педагогические работники приобретают по общему правилу – по истечении шести месяцев непрерывной работы в одной организации (ст. 122). Отпуск за второй и последующие годы работы в учреждении может предоставляться в любое время в соответствии с установленной очередностью (графиком) отпусков. Однако при предоставлении отпуска конкретному работнику исходят из того, что не должен нарушаться нормальный ход работы образовательного учреждения. Поэтому особенностью предоставления отпусков педагогам является предоставление их преимущественно в период летних каникул.

Педагоги, имеющие право на ежегодный основной удлиненный отпуск, могут по соглашению с работодателем получить денежную компенсацию за часть отпуска, превышающую 28 календарных дней (ст. 126 ТК РФ).

Предоставление ежегодного основного оплачиваемого отпуска педагогам и замена его части денежной компенсацией производятся в соответствии с общими правилами предоставления отпусков.

Статьей 335 ТК РФ и статьей 47 закона «Об образовании» установлено право педагогических работников на *длительный отпуск сроком до одного года* не реже чем через каждые 10 лет непрерывной преподавательской работы. Указанный отпуск относится к мерам социальной поддержки и предусмотрен законодателем в целях обеспечения педагогическим работникам эффективного отдыха от учебного процесса, постоянной психической и физической нагрузки и пр.

Порядок и условия предоставления такого отпуска определяются учредителем и (или) уставом данного образовательного учреждения. В отношении педагогических работников образовательных учреждений, учредителем которых является Министерство образования и науки РФ или в отношении которых оно осуществляет полномочия учредителя, действует Положение о порядке и условиях предоставления педагогическим работникам образовательных учреждений длительного отпуска сроком до одного года [13].

Данный отпуск является неоплачиваемым. Однако устав образовательного учреждения может предусматривать возможность его оплаты за счет внебюджетных средств.

Длительный отпуск может предоставляться педагогическому работнику в любое время при условии, что это не отразится отрицательно на деятельности образовательного учреждения. Очередность и время предоставления годового неоплачиваемого отпуска, продолжительность, присоединение к ежегодному оплачиваемому отпуску и другие вопросы, не урегулированные законодательством, определяются уставом образовательного учреждения.

На период нахождения в отпуске за работником сохраняется место работы (должность) и педагогическая нагрузка. Увольнение по инициативе работодателя возможно только в случае полной ликвидации образовательного учреждения. В случае болезни работника отпуск продляется на число дней нетрудоспособности.

Особенности состава и оплаты труда педагогических работников

Заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующей у работодателя системой оплаты труда (ст. 135 ТК РФ). В государственных и муниципальных образовательных учреждениях системы оплаты труда устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, субъектов РФ и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Для преподавателей используется повременная система оплаты, применение которой в значительной степени зависит от условий и качества их трудовой деятельности. Оплата труда педагогических работников, для которых установлена продолжительность рабочего времени, осуществляется на основе размеров должностных окладов, а педагогических работников, для которых установлены нормы часов за ставку заработной платы – на основе размеров ставок заработной платы.

Существуют некоторые отличия между ставкой заработной платы и должностным окладом. Определение этих понятий даны в ст. 129 ТК РФ.

Тарифная ставка – фиксированный размер оплаты труда работника за выполнение нормы труда определенной сложности (квалификации) за единицу времени без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат.

Оклад (должностной оклад) – фиксированный размер оплаты труда работника за исполнение трудовых (должностных) обязанностей определенной сложности за календарный месяц без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат.

Отличие в оплате труда на основе ставок заработной платы от оплаты в размере должностного оклада состоит в том, что в первом случае педагогическому работнику, осуществляющему с его согласия постоянно педагогическую работу сверх установленной нормы или меньше установленной нормы, оплата производится пропорционально количеству часов учебной нагрузки (педагогической работы) в одинарном

размере из расчета установленной ему ставки заработной платы. Исключением являются случаи, когда выполнение работы сверх установленной нормы осуществляется по инициативе работодателя и рассматривается как сверхурочная работа. Например, к такой работе можно отнести привлечение воспитателей дошкольных образовательных учреждений сверх установленного рабочего времени при неявке сменяющего работника или родителей.

Если же работнику выплачивается должностной оклад за установленную продолжительность рабочего времени (30 или 36 часов в неделю), то при привлечении его работодателем к работе сверх указанной продолжительности рабочего времени, его заработная плата пропорционально отработанному дополнительно количеству часов не изменяется. Такая работа компенсируется либо как за сверхурочную работу, либо путем предоставления дополнительного отпуска за ненормированный рабочий день, продолжительность которого составляет не менее 3 календарных дней.

Система оплаты труда работников образовательных учреждений кроме размера должностного оклада, ставки заработной платы, включает в себя выплаты компенсационного и стимулирующего характера.

Фонд оплаты труда работников учреждения формируется на календарный год исходя из объема лимитов бюджетных обязательств федерального бюджета и средств, поступающих от приносящей доход деятельности.

Образовательное учреждение в пределах имеющихся у него средств на оплату труда работников самостоятельно определяет размеры должностных окладов, ставок заработной платы, а также размеры доплат, надбавок, премий и других мер материального стимулирования без ограничения их максимальными размерами.

Размеры окладов (ставок) работников устанавливаются руководителем учреждения по соответствующим профессионально-квалификационным группам (ПКГ) с учетом требований к профессиональной подготовке и уровню квалификации.

Руководитель образовательного учреждения на основе расчетов и в пределах средств, предусмотренных на оплату труда работников, самостоятельно устанавливает размеры повышающих коэффициентов к окладам (ставкам) по ПКГ для соответствующих квалификационных уровней.

Система оплаты труда преподавателей с учетом требований ч. 2 ст. 333 ТК РФ требует четкого определения в объеме времени выполнения педагогом своих должностных обязанностей и нормативной фиксации объема его учебной нагрузки (преподавательской работы). Нормирование времени, предусматривающего исполнение педагогических функций в пределах либо установленной нормы часов педагогической работы за ставку заработной платы, либо за определенную продолжительность рабочего времени, оплачиваемого по повременной системе оплаты труда, в настоящий момент не проведено.

Для учителей, педагогов дополнительного образования и тренеров-преподавателей, норма часов преподавательской работы за ставку заработной платой является лишь нормируемой частью рабочего времени, поскольку их должностные обязанности не ограничиваются только выполнением преподавательской работы.

Ставка заработной платы учителю выплачивается как за выполнение преподавательской работы в пределах установленной нормы часов, так и за выполнение других обязанностей, предусмотренных тарифно-квалификационными (квалификационными) характеристиками.

Таким образом, под размером оклада педагогических работников общеобразовательных учреждений, а также учреждений начального и среднего профессионального образования понимается установленная при тарификации на начало учебного года месячная заработная плата соответственно числу часов учебной нагрузки.

Определенные таким образом должностной оклад или ставка заработной платы составляют основную часть оплаты труда, именуемую в нормативных документах базовой частью фонда оплаты труда.

В состав заработной платы педагогов входят также компенсационные и стимулирующие выплаты.

К выплатам компенсационного характера в соответствии с Перечнем видов выплат компенсационного характера в федеральных бюджетных учреждениях, утвержденным Приказом Минздравсоцразвития РФ от 29.12.2007 N 822 [8], относятся:

- выплаты работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда;
- выплаты за работу в местностях с особыми климатическими условиями;
- выплаты за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных (при выполнении работ различной квалификации, совмещении профессий (должностей), сверхурочной работе, работе в ночное время и при выполнении работ в других условиях, отклоняющихся от нормальных);
- надбавки за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, их засекречиванием и рассекречиванием, а также за работу с шифрами.

К числу компенсационных выплат на практике также относятся доплаты и надбавки за классное руководство, заведование кабинетом, проверку тетрадей и другие. Письмом ЦК профсоюза работников народного образования и науки РФ [16] они определены как выплаты за дополнительные трудозатраты, непосредственно связанные с обеспечением выполнения основных должностных обязанностей по классному

руководству, проверке письменных работ, заведованию отделениями, филиалами, учебно-консультационными пунктами, кабинетами, отделами, учебными мастерскими, лабораториями, учебно-опытными участками и т.п., руководству предметными, цикловыми и методическими комиссиями и другими видами работ, не входящими в должностные обязанности работников, и отнесены к выплатам за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных.

Размеры и условия осуществления компенсационных выплат в конкретном образовательном учреждении устанавливаются коллективными договорами, соглашениями и локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством, а также перечнем видов выплат компенсационного характера, если он принят учредителем. Выплаты компенсационного характера устанавливаются в процентах к окладам, ставкам заработной платы или в абсолютных размерах, если иное не установлено федеральными законами или указами Президента РФ.

К выплатам стимулирующего характера в соответствии с Перечнем видов выплат стимулирующего характера в федеральных бюджетных учреждениях, утвержденным Приказом Минздравсоцразвития РФ [7], относятся:

- выплаты за интенсивность и высокие результаты работы;
- выплаты за качество выполняемых работ;
- выплаты за стаж непрерывной работы, выслугу лет;
- премиальные выплаты по итогам работы.

Отличительной особенностью таких выплат является то, что они производятся не за выполнение должностных обязанностей, а за результативность и эффективность работы. Как следствие, эти выплаты не гарантированы всем работникам, право на их получение имеют те, кто достиг в работе показателей и результатов, выходящих за рамки стандартных.

Порядок назначения стимулирующих выплат, их размеры, критерии начисления и периодичность в конкретном образовательном учреждении также устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством. Конкретный размер выплаты стимулирующего характера по итогам работы может определяться как в процентах к окладу (ставке) по соответствующим квалификационным уровням ПКГ работника, так и в абсолютном размере. Максимальный размер выплаты стимулирующего характера по итогам работы не ограничен.

Аттестация и повышение квалификации педагогических работников

Действующие системы оплаты труда педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений предусматривают дифференциацию уровня оплаты в зависимости от квалификации. Для определения уровня профессиональной компетентности работника, того, отвечает ли он предъявляемым к квалификационным категориям требованиям, а также для подтверждения соответствия работника занимаемой должности проводится аттестация. [19]

Порядок аттестации педагогических работников образовательных учреждений определяется федеральными органами государственной власти в сфере образования (ст. 49 закона «Об образовании»).

В настоящее время действует «Порядок проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» [14]. Он распространяется на педагогических работников образовательных учреждений дошкольного, общего образования, начального и среднего профессионального образования, а также дополнительного образования (независимо от их ведомственной принадлежности). Порядок не касается профессорско-преподавательского состава вузов.

Аттестации подлежат все педагогические работники, включая совместителей.

В соответствии с Порядком аттестации она проводится:

- для подтверждения соответствия педагогических работников, занимаемым ими должностям (обязательная аттестация);
- для установления первой или высшей квалификационной категории (добровольная аттестация).

Обязательная аттестация педагогических работников на соответствие занимаемой должности проводится каждые пять лет на основе оценки их профессиональной деятельности аттестационными комиссиями, самостоятельно формируемыми организациями.

Аттестацию в целях подтверждения соответствия занимаемой должности не проходят:

- педагогические работники, имеющие квалификационные категории;
- проработавшие в занимаемой должности менее двух лет в организации, в которой проводится аттестация;
- беременные женщины, женщины, находящиеся в отпуске по беременности и родам, педагогические работники, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет;
- отсутствовавшие на рабочем месте более четырех месяцев подряд в связи с заболеванием.

Основанием для проведения аттестации с целью подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям является представление работодателя. Работник должен быть ознакомлен с ним под роспись не позднее чем за 30 дней до дня аттестации. После ознакомления с

представлением педагогический работник по желанию может представить в аттестационную комиссию организации дополнительные сведения, характеризующие его профессиональную деятельность за период с даты предыдущей аттестации (при первичной аттестации – с даты поступления на работу).

По результатам аттестации педагогического работника с целью подтверждения соответствия должности комиссия принимает одно из следующих решений:

- соответствует занимаемой должности (указывается должность работника);
- не соответствует занимаемой должности (указывается должность работника).

Если работник признан не соответствующим занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, трудовой договор с ним может быть расторгнут.

Аттестация с целью установления квалификационной категории педагогических работников требованиям, предъявляемым к первой или высшей квалификационным категориям, проводится по их желанию на основании заявления работника. Заявления о проведении аттестации подаются педагогическими работниками независимо от продолжительности работы в организации, в том числе в период нахождения в отпуске по уходу за ребенком. Заявления о проведении аттестации в целях установления высшей квалификационной категории по должности, по которой аттестация будет проводиться впервые, подаются педагогическими работниками не ранее чем через два года после установления по этой должности первой квалификационной категории.

Квалификационная категория устанавливается сроком на 5 лет. Срок ее действия продлению не подлежит.

Аттестация педагогических работников организаций, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, осуществляется аттестационными комиссиями, формируемыми этими органами, а в отношении педагогических работников организаций, находящихся в ведении субъекта РФ, муниципальных и частных организаций, – аттестационными комиссиями, формируемыми органом образования субъекта РФ.

По результатам аттестации комиссия принимает одно из следующих решений:

- уровень квалификации (указывается должность) соответствует требованиям, предъявляемым к первой (высшей) квалификационной категории;
- уровень квалификации (указывается должность) не соответствует требованиям, предъявляемым к первой (высшей) квалификационной категории.

Решение оформляется протоколом, вступающим в силу со дня подписания, и вносится в аттестационный лист работника. При переходе педагогического работника в другое образовательное учреждение (в том числе расположенное в другом субъекте РФ) квалификационная категория сохраняется в течение срока ее действия.

Обязательное прохождение медицинских осмотров для педагогов

В соответствии с трудовым законодательством педагогические работники обязаны проходить предварительные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры, а также внеочередные медицинские осмотры по направлению работодателя, что указано в ст. 48 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Кроме того, все категории работников образовательных учреждений в соответствии со ст.34 Федерального закона № 52-ФЗ [3] обязаны иметь медицинскую книжку. Ее отсутствие – основание для отказа в приеме на работу в образовательное учреждение до момента устранения нарушения.

Работники образовательных организаций всех типов и видов, а также детских организаций, не ведущих образовательной деятельности (спортивных секций, творческих, досуговых детских организаций и т. п.), обязаны проходить ежегодные обязательные медицинские осмотры, что предусмотрено п.18 приложения № 2 к приказу Минздравсоцразвития России от 12 апреля 2011 г. № 302н.[15]

Медицинский осмотр включает:

- осмотр дерматовенерологом, оториноларингологом, стоматологом, инфекционистом;
- лабораторные и функциональные исследования человека (рентгенография грудной клетки, исследование анализа крови на сифилис, мазки на гонорею при поступлении на работу, исследования на гельминтозы при поступлении на работу и в дальнейшем – не реже одного раза в год либо по эпидпоказаниям);
- выявление дополнительных медицинских противопоказаний, а именно заболеваний и бактерионосительства (брюшного тифа, паратифов, сальмонеллеза, дизентерии, гельминтозов, сифилиса в заразном периоде, лепры, заразных кожных заболеваний: чесотки, трихофитии, микроспории, парши, актиномикоза с изъязвлениями или свищами на открытых частях тела, заразных и деструктивных форм туберкулеза легких, внелегочного туберкулеза с наличием свищей, бактериоурии, туберкулезной волчанки лица и рук, а также всех форм гонореи – только для работников медицинских и детских дошкольных учреждений, непосредственно связанных с обслуживанием детей, на срок проведения лечения антибиотиками и получения отрицательных результатов первого контроля, озоны).

Работники образовательных учреждений всех типов и видов проходят медицинский осмотр один раз в год.

Согласно ст. 76 Трудового кодекса РФ, работодатель обязан отстранить от работы (не допускать к

работе) работника, не прошедшего в установленном порядке обязательного медицинского осмотра.

Для прохождения медицинского осмотра работодатель заключает договор с медицинской организацией, имеющей соответствующую лицензию, и передает ей список лиц, подлежащих обязательному медицинскому осмотру. Затем медучреждение составляет календарный план прохождения медосмотров и согласует его с руководством школы. При этом медосмотр для учителей и других работников школы проводится бесплатно.

Система льгот и мер социальной поддержки, устанавливаемых государством для педагогических работников

Согласно закону «Об образовании в РФ» педагогические работники в нашей стране имеют особый статус. Им предоставляются права, свободы и меры социальной поддержки, направленные на обеспечение высокого профессионального уровня, условий для эффективного выполнения профессиональных задач, повышение социальной значимости и престижа педагогического труда. Государственная политика в сфере образования направлена на социальную поддержку педагогических работников и предусматривает систему мер по ее реализации.

Систематическое повышение оплаты труда педагогических работников. В настоящее время расходы на оплату труда педагогов муниципальных общеобразовательных организаций, не могут быть ниже уровня, соответствующего средней заработной плате в соответствующем субъекте РФ, на территории которого расположены такие общеобразовательные организации (ч. 3 ст. 99 Закона «Об образовании»). Эта мера предусмотрена также в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года, где говорится о том, что заработная плата школьных учителей и педагогов дополнительного образования должна повыситься до 100% уровня средней заработной платы в соответствующем регионе, а преподавателей университетов – до 200% этого уровня. Наиболее детально сроки и размеры повышения заработной платы педагогов прописаны в Программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы.

При оценке соотношения заработной платы категорий работников, определенных Программой совершенствования системы оплаты труда, и средней заработной платы в регионе учитывается заработная плата, получаемая из всех источников. Что же касается заработной платы конкретного работника, то она в зависимости от его квалификации, а также сложности, количества и качества выполняемой им работы может быть как выше, так и ниже установленного целевого значения.

Одновременно с повышением заработной платы работников сферы образования Программа совершенствования системы оплаты труда предусматривает переход на новую систему трудовых отношений, в основе которой лежит механизм эффективного контракта.

Важной социальной мерой поддержки учителей является *предоставление жилья на льготных условиях*. Молодым учителям предоставляется *льготная ипотека* – разновидность социального ипотечного кредитования, которое предоставляет возможность построить или приобрести жилплощадь за счет кредитных средств с пониженной процентной ставкой. Такая льгота предоставляется лицам до 35 лет, работающим в государственном или муниципальном учреждении общего образования.

Цель программы льготного ипотечного кредитования для педагогов состоит в том, что ставка по таким кредитам установлена в размере, не превышающем 8,5 процентов. Ставка является фиксированной в течение всего срока кредитования. Для получения такого льготного кредита надо внести первоначальный взнос в размере не меньше 10 процентов от стоимости жилья, а до 20 процентов может быть возмещено за счет средств субсидии, выделяемой из регионального и федерального бюджетов по программе поддержки молодых учителей в рамках реализации Постановления Правительства РФ от 29.12.2011 г. № 1117 [6]. Также для погашения такого кредита может быть использован сертификат на материнский капитал.

Следует иметь в виду, что субъекты РФ могут устанавливать дополнительные требования:

- срок проживания в данном регионе;
- доказанная потребность в улучшении жилищных условий
- определенный срок трудового стажа именно по педагогической деятельности.

Срок действия данной программы пока установлен до 2014г.

Предоставление педагогическим работникам досрочной пенсии по старости, если педагогический стаж составляет не менее 25 лет.

Ряд мер социальной поддержки предусмотрен *для учителей сельских школ*: бесплатная жилая площадь с центральным отоплением для тех учителей, которые трудоустроены в сельской местности; единовременное пособие на хозяйственное обустройство работникам, которые прибыли на работу в сельские школы или другие образовательные учреждения.

Однако размер, условия и порядок возмещения расходов, связанных с предоставлением указанных мер социальной поддержки устанавливают законодательные акты субъектов РФ. Поэтому жилищная социальная гарантия должна быть также предусмотрена законом области (республики, края).

Оплата расходов по коммунальным платежам из бюджетных средств в процентном соотношении, с учетом общей площади фактических объемов потребления в доле, приходящейся на самого педагога.

Законодательством не приведены конкретные виды услуг, которые вместо учителей коммунальщикам возмещает бюджет соответствующего уровня. Их устанавливают на местном или региональном уровне.

Для педагогических работников, проживающих в жилых помещениях, не имеющих центрального отопления, предусмотрено обеспечение (бесплатно) твердым топливом и транспортными услугами по его доставке. Причем количество бесплатного топлива также имеет предельные нормы. Если педагогу компенсируют расходы на оплату топлива, то он должен подтвердить свои расходы документально (например, чеками или товарными накладными). Все указанные меры социальной поддержки предоставляют независимо от формы собственности жилищного фонда.

Ежемесячная *денежная компенсация для приобретения литературы* (книги, периодика), которая не подлежит налогообложению. В соответствии с законом с пунктом 11 статьи 108 ФЗ «Об образовании» в должностные оклады педагогических работников включается размер ежемесячной денежной компенсации на обеспечение книгоиздательской продукцией и периодическими изданиями, установленной по состоянию на 31 декабря 2012 года – 100 рублей.

Таким образом, государственное регулирование труда педагогических работников продолжает совершенствоваться, с другой стороны, нормативная база становится все сложнее и теряет свою прозрачность, что не может не оказывать влияние на регулирование трудовых отношений на местах.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации принят Государственной Думой 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 28.06.2014г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» – URL:http://base.garant.ru/12125268/54/#block_1052/, свободный.
2. Федеральный закон от 29.12.2012г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» с изменениями и дополнениями от 28.06.2014г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» – URL:<http://www.garant.ru>, свободный.
3. Федеральный закон от 30. 03.1999г. № 52ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»
4. Постановление Минтруда от 21.08.1988 г. № 37 «Об утверждении Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих» 4-е издание (с изменениями и дополнениями от 12. 02. 2014 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» – URL:<http://www.garant.ru/1804222/>, свободный.
5. Постановление Правительства РФ от 01.10.2002 N 724 «О продолжительности ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска, предоставляемого педагогическим работникам образовательных учреждений» (с изменениями и дополнениями от 24.06.2014г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» – URL: <http://base.garant.ru/185100/>, свободный.
6. Постановление Правительства РФ от 29.12.2011г. № 1177 «О порядке предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на возмещение части затрат в связи с предоставлением учителям общеобразовательных учреждений ипотечного кредита» (в ред. Постановления правительства от 16.04.2012г. № 299 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Subsidii.net» – URL:<http://subsidii.net/>
7. Приказ Минздравсоцразвития России от 29.12.2007 № 818. «Об утверждении Перечня видов выплат стимулирующего характера в федеральных бюджетных, автономных, казенных учреждениях и разъяснения о порядке установления выплат стимулирующего характера в этих учреждениях» (с изменениями и дополнениями от 17.09.2010г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» – URL: <http://www.garant.ru/192714/>, свободный
8. Приказ Минздравсоцразвития России от 29.12.2007 № 822 «Об утверждении перечня видов выплат компенсационного характера в федеральных бюджетных, автономных, казенных учреждениях и разъяснения о порядке установления выплат компенсационного характера в этих учреждениях» (с изменениями и дополнениями от 12.09.2010г., 20.02.2014г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» – URL:<http://base.garant.ru/192713/>, свободный.
9. Приказ Минздравсоцразвития России от 26.08.2010 № 761н. Раздел ЕКС «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [Электронный ресурс] // RG.RU Российская газета – URL:<http://www.rg.ru/2010/10/20/teacher-dok.html>, свободный.
10. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 N 544н "Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/?frame=1#p31, свободный.
11. Приказ Министерства образования и науки РФ от 27.03.2006 № 69 «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и других работников образовательных учреждений» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» – URL:<http://base.garant.ru/189813/>, свободный.
12. Приказ Министерства образования и науки РФ от 24 декабря 2010 г. № 2075 «О

продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников» [Электронный ресурс] // RG.RU Российская газета – URL: <http://www.rg.ru/2011/02/11/pedagog-dok.html>, свободный.

13. Приказ Министерства образования РФ от 07.12.2000 N 3570 «Об утверждении Положения о порядке и условиях предоставления педагогическим работникам образовательных учреждений длительного отпуска сроком до одного года».

14. Приказ Министерства образования и науки РФ от 07.04. 2014 г. № 276 «Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» [Электронный ресурс] // RG.RU Российская газета – URL: <http://www.rg.ru/2014/06/04/attestazia-dok.html>, свободный.

15. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12.04.2011 г. №302н «Об утверждении перечня вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда» [Электронный ресурс] // RG.RU Российская газета – URL: <http://www.rg.ru/2011/10/28/medosmotr>, свободный.

16. Письмо Центрального Совета Профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации от 11 мая 2012 г. № 113 «Рекомендации по установлению учебной нагрузки учителей и преподавателей» [Электронный ресурс] // Сайт «База законов» – URL: <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=3697320>, свободный.

17. Рекомендации по заключению трудового договора с учителем [Электронный ресурс] // RG.RU Российская газета – URL: http://obraz.tmbreg.ru/files/documenty/kadri/2013/rekomendacii_CS_dogovor_s_uchitelem.pdf

18. Разъяснения по вопросам введения новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных образовательных учреждений (приложение к письму ЦК профсоюза работников народного образования и науки от 19.09.2008г. № 216) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ» – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6294580/>

19. Особенности труда педагогических работников образовательных учреждений [Электронный ресурс] // Сайт «Школа успешного учителя» URL: <http://edu-lider.ru>, свободный.

20. Пластинина Н.В. Особенности трудовых отношений с работниками образовательных учреждений // Кадровые решения, 2009. – № 10.–. [Электронный ресурс] URL: http://www.profiz.ru/kr/10_2009/osob_trud_otnosheniy/, свободный.

1.3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ НОВЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТНИКОВ MMORPG “WORLD OF WARCRAFT” И “LINEAGE”)

Кияшко О.В.

Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

Evgeniya. Kiyashko@vvsu.ru

Марин Е.Б.

МГУ им. адм. Г.И. Невельского

egor-marin@yandex.ru

Васильева Т.А.

Восточный институт-Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета

Аннотация. В данном параграфе конструируется социально-психологический портрет пользователей новых медиа, в том числе участников многопользовательских ролевых онлайн игр в России. Утверждается, что массовые многопользовательские (ролевые онлайн-игры (далее - MMORPG), являясь новым медиа, предоставляют неограниченные возможности для индивидуализации сообщений участников MMORPG, при этом давая возможность одновременного массового обмена ими. В условиях формирования информационного общества в современной России происходит формирование сообществ пользователей различных новых медиа. Это явление остается практически не изученным. В статье обобщены и систематизированы результаты исследования, проведенного авторами в 2014 г. на тему: «Социально-психологический портрет пользователей (на примере участников MMORPG «World of WarCraft и LineAge»)). В результате проведенного исследования авторы смогли дать обобщенную социально-психологическую характеристику группы пользователей новых медиа в России, на примере сообществ участников онлайн игр «World of WarCraft и LineAge».

Ключевые слова: информационное общество, массовые многопользовательские ролевые онлайн игры, новые медиа, ролевое сообщество, социально-психологический портрет

Введение

В современном российском обществе, в условиях развития информационных технологий, в последние два десятилетия XXI века происходит стремительное формирование нового типа общества, которое принято называть информационным. Технологические инновации, стали неотъемлемой частью существования социума, существенно влияя на все стороны его жизни [3, 15] Повсеместное распространение новых медиа (блоги – «Живой журнал»; социальные сети–Facebook, Instagram; виртуальные миры– «Second Life») привело к формированию новой разновидности культуры – «цифровой культуры». Социальные последствия структурных признаков новых медиа отличают новые медиа от межличностного и массового каналов коммуникации [7]. В настоящее время новые медиа описываются через такие характеристики, как цифровая природа, индивидуализированность сообщения, виртуальность, интерактивность, «соединение многих с многими» [17]. В результате распространения новых медиа стал возможен разрыв между живым телом, образом тела и цифровой репрезентацией тела, которое может воспринимать лишь мозг [6].

Определение исследовательского подхода

В настоящее время сложился целый ряд исследовательских подходов к пониманию личности (биологический, социологический, индивидуально-психологический, социально-психологический). В рамках нашего исследования, определяющим является социально-психологический подход изучения личности. В научной литературе принято выделять «ролевые игры живого действия» и «массовые многопользовательские ролевые онлайн игры (далее – MMORPG)». Massively Multiplayer Online Role-Playing Game (MMORPG) is a special online game allowing hundreds or thousands of geographically distributed players to simultaneously play on the internet [10]. MMORPG is composed of solo play and collective play [22]. Solo play is the experience that an individual plays all by himself/herself, exploring the virtual land, killing monsters, progressing toward higher positions, without collaborating with other players. Collective play often takes on the forms of guild-play and group-play [21-22] in which an individual collaborates or interacts with other players. Существует один игровой сервер, на котором находится база данных по игрокам и игровому миру. При входе в игру клиент соединяется с сервером, позволяя игроку взаимодействовать с другими игроками, подключившимися к этому же серверу. Таким образом, образуется нечто вроде паутины, в центре которой находится сервер и к нему тянутся линии от клиентов. Все продвижения в игре сохраняются автоматически на сервере. Большинство таких игр красиво оформлены, имеют привлекательную графику и хорошее музыкальное сопровождение. Основа всех онлайн игр – повышение уровня и умения своего персонажа, который с каждым уровнем становится все сильнее и сильнее, придавая уверенность и самому игроку. Во время путешествий по игровому миру игрок часто встречает персонажей других игроков. Здесь начинается

самое важное отличие обычной игры от MMORPG. Взаимодействие с другими игроками может быть разнообразным от безобидного приветствия до моментальной атаки. «World of Warcraft и LineAge» - это две наиболее популярные онлайн игры в мире.

Обзор литературы

Теоретической основой исследования стали концепции и теории субкультуры, теории информационного общества М. Кастельса [2], теории социологических моделей виртуальной реальности А. Бюля, Д. Белл и Й. Масуда [18], теория «Интернет-зависимости» [12].

При исследовании феномена ролевых игр в России в гуманитарных науках длительный период времени главенствующим был субкультурный подход. Согласно этому подходу, объединения участников ролевых игр определяли как субкультуру. В связи с этим можно упомянуть сборник, вышедший в 2009 году в издательстве РАН под названием «Молодежные субкультуры Москвы» [8]. В настоящее время к интерпретации ролевого сообщества существует и другой подход, согласно которому происходит трансформация ролевого сообщества из субкультуры в культурный мейнстрим [20]. Одним из авторов этого подхода является Д. Хэбдайдж [13]. Основным аргументом в пользу данного мнения является утверждение о том, что за последние 10 лет в мире произошло размывание характерных черт субкультуры ролевого сообщества, коммерциализация сферы ролевых игр. Ролевое сообщество последние годы уже не маргинальная группа, а признанная часть общества.

Теория интернет зависимости. Впервые о проблеме чрезмерного использования интернета заговорили за рубежом в конце 80-х гг. XX века. Количественный анализ интернет зависимости провел Orman (Internet Stress Scale (ISS)). Качественный анализ интернет зависимости в 90-е годы XX века провел А. Голдберг. Он ввёл в научный оборот понятие «Интернет-зависимость» Goldberg Internet Addiction Disorder scale (GIAD) [12]. Согласно его теории интернет-зависимость – это патологическая, непреодолимая тяга к использованию Интернета, оказывающее негативное влияние на бытовую, рабочую, социальную, семейную и финансовую сферы деятельности. Частным проявлением Интернет-зависимости является зависимость от многопользовательских ролевых онлайн игр. MMORPG users show more often problematic gaming behavior, depressive tendencies and lower self-esteem compared to users playing other online-games. MMORPG users reported to playing significantly more often in order to escape from real-life problems, which might be a valuable coping strategy but might also lead to problematic gaming behavior [11].

После произошедшей в XX в. очередной научно-технической революции в научный дискурс прочно вошли понятия «информация» и «информационное общество» [19]. Понятие «информационное общество», до сих пор не имеет общепризнанного определения. Подходы к определению сущности понятия отличаются в зависимости от контекста употребления. Изначально терминология и концепция информационного общества были сформулированы – Ф. Махлупом, Т. Умсао, Ю. Хаяши. «Информационная эпоха, которую принесли с собой компьютерная технология и средства коммуникаций, не просто окажет большое социально-экономическое воздействие на современное индустриальное общество, она повлечёт за собой общественные перемены такого масштаба, которые вызовут трансформацию современной системы в полностью новый тип человеческого общества, то есть в информационное общество» [18]. Таким образом, работы первых исследователей информационного общества были направлены, прежде всего, на исследование «капитализации знаний и образования», развития наукоёмких технологий в конкретной исторической обстановке.

Развитие информационного общества концептуально и практически означает формирование мирового информационного пространства. Основная отличительная черта этого пространства заключается в образовании системы информационных коммуникаций, позволяющей получить доступ к любому виду данных в любом месте в любое время.

Компьютеризация повседневной жизни вводит в обиход виртуальную реальность в качестве компьютерных симуляций реальных вещей и поступков. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества. Понятие «виртуальная реальность» употребляется в широком контексте при описании новых феноменов, таких как «виртуальный банк», «виртуальная корпорация» «виртуальный суд», «виртуальная студия» «виртуальные деньги». Сегодня с помощью Интернета можно покупать интеллектуальный и материальный товар в виртуальных магазинах; зарабатывать деньги, принимая и размещая рекламу на виртуальных билбордах, выигрывать в виртуальном казино, играть на виртуальных биржах, участвовать в виртуальных симпозиумах, конференциях, становиться членом виртуальных клубов, сообществ; можно даже любить и создавать семьи. Эти и другие виртуальные аналоги реальных взаимодействий приводят к замещению реального исполнения социальных ролей симуляцией, созданию образа «реальных атрибутов институциональности».

Благодаря развитию информационных сетей, связывающих людей пространственно-разобщённых, происходит изменение представления о пространстве и времени. О сжатии «времени – пространства» в современном обществе, писал М. Кастельс, описывая это явление через понятие «вневременного времени», подчёркивая, что сетевое общество создаёт «вечную вселенную», в которой ограничения во времени и пространстве будут все больше нивелироваться. Концепция сетевого общества, была представлена М. Кастельсом в работе «The Information Age: Economy, Society and Culture», в которой он называл сети

ключевым фактором развития общества, именно сеть даёт возможность коммуницировать и интерактивно общаться с кем угодно и где угодно. Преимущества сетевой коммуникации, заключается в возможности объединения людей как в пределах одного помещения, так и комплекса помещений, национальной компьютерной сети.

В последнее время актуализировался вопрос о влиянии различных символических реальностей на сознание человека как личности и как члена социума, на формирование его персональной картины мира [16]. Феномен виртуализации социальной реальности в аспектах общества потребления исследовал Ж. Бодрийар, отмечая, что «перспективному пространству социального приходит конец, происходит стирание границ между реальностью и искусственным миром». Ж. Бодрийар оперирует понятием симулякр [5] и доказывает, что сегодня человек имеет дело не с реальностью, а гиперреальностью (сверхреальностью, реальностью виртуальной), в которой весь мир воспринимается как поток информации. Опасности виртуализации культуры Ж. Бодрийар усматривал в неразличности искусственной и подлинной реальности [9].

Анализ социально-психологических закономерностей конструирования социальной реальности предприняли П. Бергер и Т. Лукман. «Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии...». «Происходит «переключение» с мира повседневной жизни на мир игры, как играющих детей, так и взрослых. Блестящая иллюстрация такой игры – театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель «переносится» в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устройством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель «возвращается к реальности», вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад» [1].

Виртуализация общества, распространение сети Интернет привели к возникновению новых социальных структур, прежде всего различных сетевых сообществ, в построении которых, как правило, игнорируется социальная структура общества. Сетевое общество, создает горизонтальные сетевые структуры, своё виртуальное пространство, реальность со своей управленческой технологией, в некоторых случаях снижая значимость ориентации на традиционные институты власти общества.

В массовые многопользовательские ролевые онлайн игры (далее-MMORPG) вовлекаются все социальные слои и возрастные кагорты населения. Цель данного исследования-выявить личностные характеристики участников MMORPG и составить их социально-психологический портрет. Под социально-психологическим портретом пользователей новых медиа, в частности участников MMORPG мы понимаем - комплексную характеристику личности, содержащую описание ее окружающего и внутреннего мира и возможных поступков в определенных ситуациях.

Организация эмпирического исследования

В ходе исследования в сентябре-октябре 2014 г. было опрошено 58 респондентов. Из 58 опрошенных респондентов 15-мужчины, 43 – женщины. Большинство респондентов были в возрасте с 20-30 лет-35 человек, с 16-19 лет-14 чел., с 30-43-9 чел.

В исследовании приняли участие респонденты, участники массовых многопользовательских ролевых онлайн игр – World of WarCraft и LineAge.

Материалы и методы исследования

Методы сбора информации - опрос в форме анкетирования и интервьюирования. При проведении интервью участников массовых многопользовательских ролевых онлайн игр происходило асимметричное коммуникативное взаимодействие, характеризующееся отсутствием коммуникативно-привилегированной роли у интервьюера. Все участники коммуникации имели одинаковые возможности высказываться. Такой тип выстраивания отношений, в ходе интервьюирования участников массовых многопользовательских ролевых онлайн игр, позволил создать условия неформальной беседы. Основой исследования стал метод глубинного интервью, а также мобильный опрос (сотовая связь, видеосвязь, электронная переписка, в случае несовпадения часовых поясов или занятости респондентов). Для проведения опроса была разработана анкета, включающая 20 вопросов. После заполнения анкеты с респондентами проводилось глубинное интервью.

Анкета состояла из двух частей. Первая часть анкеты включала вопросы с 1-14, ответы на которые позволили определить отношение респондентов к ролевой игре и ее возможности. Вторая часть анкеты содержала вопросы с 15-20 – вопросы для пользователей новых медиа, в ответе которых отразились личностные характеристики респондентов.

Социально-демографические характеристики участников сообщества

Большинство респондентов (41 чел.) – жители муниципального городского округа Владивосток, девять респондентов из городов федерального значения Москва (3 чел) и Санкт-Петербург (6 чел.), и по два респондента из г. Ессентуки, Барнаул, Баку, Саки (Крым) всего 8 человек, проживающие в разных городах и

живущие в разных часовых поясах, имеющие разный социальный статус, выполняющие разные социальные роли.

Среди респондентов большинство – люди, нефизического труда. При ответе на вопрос о роде деятельности 21 респондент указал, что они являются учащимися высшего образовательного учреждения (студент, аспирант), тринадцать респондентов указали, что они являются квалифицированными специалистами, десять респондентов выбрали вариант - безработный/домохозяйка/домохозяин, один - режиссёр, один респондент указал, что он военнослужащий, четыре респондента выбрали позицию – менеджер, восемь респондентов отметили позицию - человек с ограниченными возможностями. Как показали результаты исследования, MMORPG являются неотъемлемой частью жизни людей с ограниченными возможностями, так как находясь в замкнутом пространстве (дом, квартира) они не имеют возможности вести полноценную жизнь, общаться, проникая в виртуальную реальность «раздвигая границы реальности», они открывают для себя новые возможности. Для людей с ограниченными возможностями виртуальная среда – убежище, дающее возможность реализовывать свои желания и возможности.

Личностные особенности участников MMORPG

На основе анализа анкет и интервью мы попытались реконструировать личностные особенности, свойственные участникам ролевых онлайн игр. Эти личностные черты отразились в ответах респондентов. «Раздвигая границы реальности я обретаю свободу», «В игре происходит освобождение от норм, ценностей традиционной культуры общества, от социальной, политической, и даже биологической скованности». Большинство респондентов указывают на эмоциональную бедность, ущербность современного общества. Мы вошли в век «зрелищ» [4], когда человек начинает осознавать недостоверность знаков, из которых он создаёт себя сам: «Там, в игре я могу быть кем захочу», «Там я играю роль куртизанки, то чего в жизни я себе не позволю».

Привыкание к жизни в виртуальном мире сродни патологическому стремлению к азартным играм. Одним из средств ухода от реальности, в информационном обществе стали компьютерные игры.

Как отмечают респонденты, характерной чертой виртуального мира является его гибкость, находясь в виртуальной реальности, ты можешь проявить себя в разных ролях: воина, рудокопа, охотника, рыцаря, амазонки и т.д. Наиболее информативными в нашем исследовании были ответы на два вопроса – почему Вы являетесь частью ролевого сообщества и применяете ли Вы в жизни и помогает ли Вашему личностному развитию метод смены роли. Приведем наиболее интересные ответы на эти вопросы.

На вопрос, почему Вы являетесь частью ролевого сообщества, были получены следующие ответы:

1. «Люблю перевоплощаться в других персонажей, видеть себя абсолютно другим человеком, люблю сцену».
2. «Люди, замешанные в ролевой деятельности, очень интересные и разносторонние. Мне интересно проводить в их кругу время, нравится придумывать что-то новое, примерять на себя различные роли».
3. «Потому что у каждого в этом сообществе есть своя роль, исполнение которой обусловлено поведением в повседневной жизни. В прочем и выбор этой роли в нашем сообществе зависит исключительно от поведения и личных качеств всех участников».
4. «Мне близки идеи, цели и задачи данного сообщества. Данное увлечение способствует саморазвитию, увеличивает круг знакомств, способствует продуктивному отдыху, социально адаптирует».
5. «Потому что мне нравится перевоплощаться в людей/нелюдей иных эпох/миров. Я нахожу – это очень занимательным и расслабляющим занятием».
6. «Дает широкий простор для творческой самореализации».
7. «Я люблю необычные красивые костюмы и общение с новыми интересными людьми. Ну и творчество фантастов тоже люблю, конечно».
8. «В этой среде мне комфортно. Помогает учиться взаимодействовать с окружающими людьми».
9. «Отвлекает от проблем, открывает возможность найти интересных собеседников, познакомиться с новыми людьми, получить позитивные эмоции».
10. «Увлечение определенным фендомом до такой степени, что появилось желание применить на себе роль понравившегося персонажа».
11. «Потому что мне нравится и общение и эмоции и, частично, реализация своего потенциала».
12. «Со временем ролевое сообщество стало для меня органичной частью жизни».
13. «В некоторых аспектах жизни не хватает той свободы, которая присутствует в ролевых играх внутри каждого персонажа. Так же взаимодействие со многими людьми невозможно из-за расстояния и собственной замкнутости, обусловленной особенностями характера».
14. «Это интересно, необычно. И так как я человек творческий, люблю театр в широком понимании этого слова, то люблю примерять на себя различные роли, быть не собой, ИГРАТЬ в других людей, другие эпохи, другие вселенные. Все начинается со слов: «А что будет, если я... «И поехали»».
15. «Для меня это способ получения жизненного опыта, способ получить недостающее в реальной жизни – и в плане событий\эмоций, и в плане общения с интересными людьми моего круга».
16. «По привычке, 18 лет как ролевик».

17. «Потому, что стал его участником в подростковом возрасте и с тех пор не видел причин что-то менять в своей жизни».

Таким образом, ответы респондентов показывают, что участие в ролевом сообществе стало для них органичной частью жизни. Это участие позволяет им испытать новые эмоции, реализовать творческий потенциал, обрести новый канал общения. Появляется огромное виртуальное пространство выбора: «Попав в игру, я понимаю, какое количество препонов исчезло с моего пути. У меня появляется соблазн, искушение остаться в этом идеальном для меня мире». Происходит изменение самоощущения индивида и его роли в реальном и виртуальном мире. Некоторые респонденты отмечали, что им легче обсуждать деликатные темы с их онлайн друзьями из-за анонимности в интернете. Эту особенность онлайн взаимодействия отмечали ранее и другие исследователи [23].

Помогает ли вашему личностному развитию метод «смены ролей»? Применяете ли вы этот метод «вне» круга своего общения, в реальной жизни?

1. «Да, нередко, но не в каких-то глобальных масштабах, потому что все мои роли - грани моей собственной личности. Развить те или иные её качества смена роли помогает отчасти. Но скорее все же осознать их и с пользой для всех эксплуатировать».

2. «Адаптируясь в виртуальном пространстве некоторые коммуникативные стороны личности, отвечающие за социализацию, развиваются и вне форумных игр. Метод «смены ролей» в реальной жизни не применяю».

3. «Часто ловлю себя на том, что анализирую многие проблемы от лица своего персонажа. Как бы он поступал, что делал в той или иной ситуации. Ввиду того, что мои роли – это, чаще всего, роли более сильных и внутренне раскрепощенных людей, такая маска подчас весьма помогает, если и не решить проблему, то легче к ней отнестись».

4. «Помогает рассмотреть скрытые грани моего характера, но я стараюсь не применять подобное в реальной жизни, потому что не считаю ее (жизнь) игрой и хочу оставаться вне игры настоящей и такой, какая есть».

5. «Никогда не пробовала. Сомневаюсь, что это как-то может повлиять на мою жизнь. Оставаться собой и заниматься саморазвитием – вот главное».

6. «Возможно, и помогает. Сам я точно сказать об этом ничего не могу – лишь люди, достаточно хорошо знающие меня со стороны, могут оценить мое развитие».

7. «Я никогда не рассматривала «смену роли» в качестве мотивации к личностному развитию. Для меня ролевые игры – способ проведения досуга, и в реальной жизни я его не применяю».

8. «Каждая ролевая модель определенного персонажа так или иначе накладывает некий отпечаток на личность. Навыки, полученные в процессе освоения «роли» применяю в реальной жизни, однако помню и то, что говорил умный человек Станиславский, - «выходя из театра, не забывайте выйти из роли».

9. «Помогает. Так я могу лучше понимать мотивы других людей. Метод в реальной жизни применяю, чтобы легче было общаться с посторонними людьми».

10. «Не практикую смену роли в реальной/повседневной жизни».

11. «Смена роли должна быть обусловлена какой-либо необходимостью. Если такая необходимость существует - и «смена роли» поможет, например, решить проблемы то я, безусловно, этим воспользуюсь, взяв себе качества, в обычной ситуации мне не свойственные. В целом, этот метод может помочь найти выход из ситуаций, где я в своей обычной роли ни за что бы не справилась».

12. «Да. Данный метод помогает найти в себе плохо развитые качества и ярко проявляющиеся в каком-либо персонаже, которого мне приходится играть».

13. «Очень часто применяю «смену роли» подстраиваясь под человека, на учебе, дома и т.д. Естественно, метод помогает».

14. «Не знаю, помогает ли это развитию, но частенько примеряю роли вне круга общения».

15. «Конечно применяю, очень помогает, особенно когда речь идет об отказе от вредных привычек, к которым привыкла в обычном ритме жизни».

Таким образом, ролевые игры являются средством саморазвития, приобретение нового опыта. Для половины участников опроса, свойственно применять смену ролей в реальной жизни. Другая часть участников не практикует перенос опыта смены ролей из игры в реальную жизнь.

Приведенные ответы и другие материалы интервью позволили нам выявить ряд типичных для участников сообщества мотивов и личностных черт. К числу основных мотивов, побуждающих участвовать в ролевых играх относятся:

- игровые мотивы (увлеченность процессом игры);
- стремление реализовать тягу к свободе;
- уход от реальности, свобода выбора в игре кем быть;
- уход от стрессогенных воздействий;
- стремление к раскрепощению
- общение.

В ходе исследования был выделен ряд социальных и психологических проблем участников ММОПП: ограничение социальных связей, контактов, недостаточный доступ к участию в общественной

жизни. Это, прежде всего, отсутствие возможности полноценного участия в гражданской жизни общества, удовлетворения личностных интересов. Для многих участников свойственно стремление к творческой активности, самореализации. Одним из аспектов сообщества участников ролевых онлайн игр является структура коллективного творчества. «Создавая свой индивидуальный мир, населяя его образами, я наблюдаю за собой, продумываю сценарий, осмысливаю опыт своей реальной жизни, собираю себя вновь и вновь», «Стремясь к самовыражению в игре, развиваю воображение и творческие способности. В реальной жизни мне это помогает заниматься любимым делом – я кузнец, нет, не по профессии. Это мое хобби».

Стоит отметить, что увлечение виртуальной реальностью может способствовать как социальной адаптации, так и дезадаптации. Социальная адаптация может происходить как за счёт соответствия социальным стандартам, так и благодаря приобретению нового опыта. Молодежь, не пользующаяся новыми медиа выпадает из привычной для своего круга формы общения.

Выводы и обсуждения

На основе полученных данных нам удалось в общих чертах сконструировать социально-психологический портрет пользователей новых медиа, в частности участников MMORPG. В него входят следующие социально-демографические и личностные характеристики.

Социально-демографические характеристики участников сообщества

Как показал анализ анкет, участников изучаемого сообщества все они (выборочная совокупность респондентов составила 58 человек) - жители больших городов России, находящиеся в разных регионах нашей страны. При этом большинство респондентов (41 чел.) живут во Владивостоке. Среди участников представители разных профессий и разного уровня образования. Треть опрошенных (21 чел.) является студентами высших учебных заведений, в возрасте от 19 до 22 лет. Еще 13 респондентов указали, что они являются квалифицированными специалистами. Десять респондентов выбрали ответ безработный/домохозяйка и еще восемь, оказались людьми с ограниченными возможностями.

Личностные характеристики участников ролевых онлайн- игр

На основе данных анкет и интервью были выявлены основные мотивы, побуждающие участвовать в MMORPG. К этим мотивам относится, прежде всего, стремление повысить самооценку, реализовать свободу выбора социальных ролей, уйти от стрессов и противоречий реальной жизни. Инструменты новых медиа, не являются ни благом, ни злом для личности и общества. С социальной и психологической точки зрения они могут оцениваться нейтрально. Использование средств новых медиа, может как способствовать реализации социальных потребностей, личностному развитию, так и вести к деструктивному для личности последствиям, таким как Интернет-зависимость. Стремление к личностному развитию и формированию новых социальных навыков, освоение которых происходит в процессе игры. Для многих участников свойственно творческое начало в личности. Игра – это реализация творческого потенциала. Для части участников ролевых онлайн игр, в реальной жизни свойственен недостаток интересного общения, ограниченность контактов. Особенно это характерно для лиц с ограниченными возможностями.

Участие в сообществе лиц с ограниченными возможностями

Как мы выяснили, одной из особенностей пользователей новых медиа является довольно высокая доля в их составе лиц с ограниченными возможностями. Для них виртуальная среда – это убежище от противоречий, трудностей реальной жизни и одновременно инструмент компенсации не реализованных социально-психологических и физиологических потребностей.

Заключение

Результаты исследования показали, что многопользовательские ролевые онлайн игры стали для большинства участников органичной частью жизни. Игры объединили людей разного социального положения общества, возраста, места жительства. Для части участников онлайн игры стали инструментом компенсации их физических недостатков. Объединяющим началом стало стремление раскрыть свой творческий потенциал, раскрыть круг общения, реализовать ранее не раскрытые стороны своей личности. Основными факторами, увлечения MMORPG являются: фантазия, любопытство, признание со стороны игроков по гильдии. Составление социально-психологического портрета пользователей новых медиа, в частности участников MMORPG нуждается в более детальной теоретической разработке и методике. Изучить влияние MMORPG на социально-психологические характеристики и адаптацию лиц с ограниченными возможностями.

Библиографический список

- 1 Бергер П., Лукман Т.(1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.
- 2 Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.
- 3 Touraine A. The waning sociological image of social life // International journal of comparative

sociology - Vol. 25 (1984), - # 1-2.

- 4 Уэбстер Ф. (2004) Теории информационного общества. М.
- 5 Бодрийяр Ж. (2000) Символический обмен и смерть. М.
- 6 Кампер Д. «Тела абстракции», антропологический четырехугольник из пространства, поверхности, линии и точки. СПб.
- 7 Crosbie, V. What is New Media? / V. Crosbie// Sociology.org.uk. – Electronic text data. – Mode of access: www.sociology.org.uk/as4mm3a.doc. – Title from screen.
- 8 Громов Д.В. (2009) Молодежные субкультуры Москвы М.
- 9 Доровских В.И., Мамычев А.Ю. (2010) Государственно-правовые взгляды Мишеля Фуко. Таганрог.
- 10 Barnett, J., & Coulson, M. Research from Middlesex University in the area of general psychology published. (2010, July 24). Psychology & Psychiatry Journal.
- 11 Birgit U. Stetina, Oswald D. Kothgassner, Mario Lehenbauer, Ilse Kryspin-Exner (2011) Beyond the fascination of online-games: Probing addictive behavior and depression in the world of online-gaming Computers in Human Behavior, Volume 27, Issue 1.
- 12 Goldberg I., MD Web Publishing 1996-1999
- 13 Hebdige, D. (1979). Subculture, the meaning of style. London: Methuen.
- 14 Kirsanova, L., Korotina, O. (2014) On the Contents of the Protest Conscience in Russia. World Applied Sciences Journal 31(5)
- 15 Kononova O., Yakimova Z. (2013). Competence as an object for Assessment and Measurement in Training Quality Control System//World Applied Sciences journal. T.27.
- 16 Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3, May 2015. Supplement 2.
- 17 Manovich L. The Language of New Media. <http://andreknoerig.de/portfolio/03/bin/resources/manovich-langofnewmedia.pdf>.
18. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
- 19 Mordovtsev A.Yu., Mordovceva T.V., Mamychev A.Yu. (2015) Convergence of law: the variety of discourses // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3, May
- 20 Müller Maya, From Subculture to Mainstream (2011) // Think Larp – Academic Writings from KP2011, First Edition.
- 21 Murphy, S.M. (2007). A social meaning framework for research on participation in social online games. Journal of Media Psychology, 12(2).
- 22 Taylor, T. L. (2006). Play between worlds: Exploring online game culture. Cambridge: MIT Press.
- 23 McKenna, K., Green, A. S., & Gleason, M. E. G. (2002). Relationship formation on the internet: What is the big attraction. Journal of Social Issues, 58(1).

1.4. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК НЕОБХОДИМАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ФОРМА ПРАВОВОЙ СВОБОДЫ

Любашиц В.Я.

Южный федеральный университет

kafedra_tgp@mail.ru

Кияшко Е.Ю.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

evgeniya.kiyashko@vvsu.ru

Тимофеева А.А.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

niko.m_2002@mail.ru

Аннотация. В этом параграфе авторы анализируют становление, эволюцию и современное функционирование социального государства как институциональной формы правовой свободы. Показывается, что существует четыре инновационных этапа в правовой институционализации современного политического господства: гражданское государство, правовое государство, демократическое правовое государство и социальное правовое государство. Отмечается, что по мере накопления опыта осуществления социальной и социально ориентированной экономической политики социальные права человека были институционализированы. Кроме того, обосновывается, что духовными предпосылками освоения правовым государством социальной функции были просвещенческая идея права человека. В свою очередь нормативный принцип солидарности также нашел воплощение в принципе социального правового государства, означающем вмешательство государства в частную сферу жизни граждан ради их достойной жизни. В этом плане современное возрастание государственной ответственности в социально-экономической сфере свидетельствует о трансформации либерализма и переосмысления прежнего принцип невмешательства. Исследователи также дают толкование и различие таких взаимосвязанных политико-правовых явлений как: «политика социального правового государства», его «социальная» и «экономическая политики». Авторы аргументируют, что с освоением социальной функции правовое государство превратилось в высшей степени сложное политическое объединение, его целью является обеспечение условий реализации и гарантий экономических, политических и социальных прав человека и повышение уровня жизни гражданского общества.

Ключевые слова. Социальное государство, право, права человека, политические процессы, политико-правовая эволюция.

Введение

В научной литературе социальным правовым государством именуется то государство, которое обеспечивает условия реализации каждым человеком права на достойную жизнь [1]. Область «достойной жизни» определяется в понятиях уровня жизни, объема и качества жизненных благ, присваиваемых индивидами и социальными группами в соответствии с культурными стандартами общества или международного сообщества. Существует минимальный уровень жизни, выход за пределы которого означает нищенское существование, недостойное человека [4].

Область прав человека на достойную жизнь именуется социальными правами, т.е. возможностью претендовать на получение от государства материальных благ в условиях жизненного риска. В контексте социальных прав жизненный риск означает ситуацию ущерба или потери жизненных ресурсов, возникающей не по вине индивидов, а вследствие природных и общественных процессов. Редукция жизненного риска возможна за счет компенсирующих мер, обеспечивающих защищенность людей. Например, риск несчастного случая, болезни, незанятости, потери кормильца уменьшается благотворительностью, социальным страхованием, пенсиями, пособиями и другими видами помощи. В правоведении, политологии и экономической социологии этот вид защищенности именуется «социальной защищенностью», а совокупность мер со стороны государства – «социальной политикой» [2; 9].

За исходный пункт социальной политики правового государства берется забота индивида об уменьшении своего жизненного риска [15]. Обычно к социальным правам человека относятся право на социальное обеспечение, право на образование, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на жилище, особые права детей и права инвалидов. Объектом социальной политики правового государства выступают индивиды или группы индивидов, независимо от их экономического статуса или доходов. Другим признаком социальной политики является ее непрерывный характер, поскольку она направлена на защищенность индивидов. Наиболее очевидный пример – страхование по старости: его выгода обнаруживается через десятки лет после первого взноса. То же самое относится к страхованию жизни, кредитов и т.д.

Обзор литературы

К интеллектуальным предпосылкам современной социальной политики правового государства относится Просвещение, создавшее новую картину человечества, в котором материальное благосостояние было отнесено, по словам И. Канта, к человеческому праву «на счастливую жизнь» в этом мире [5, p. 374]. Вера в возможность счастья (за счет прогресса человеческого разума, воплощенного в материальных условиях жизни) сочеталась с тезисом о равенстве. Рост социально-экономического неравенства оценивался как несчастье и несправедливость обездоленных людей. Политика лессеферизма XIX в. препятствовала изменению положения низших слоев гражданского общества. Ее негативные последствия и популярность демократической критики ее основ (Руссо, марксизм) подготовили духовную среду социальных реформ правового государства, завершившихся в XX в. Сказалось также влияние прошлого (социальное обеспечение в Германии XIX в.) и последующего (социальное обеспечение в бывшем СССР) опыта [1, p. 38].

Необходимость в социальном правовом государстве была вызвана разрушением традиционной коллективной помощи. С развитием европейской индустриализации отношения свободы найма окончательно заменили корпоративную систему цеховых отношений. Формальное равенство перед законом и свобода договора означали для массы рабочих лишение средств производства. Если для предпринимателя главный интерес представляла максимальная прибыль, то для наемных работников – рост заработной платы как единственный источник существования и возможности создания семьи. Индустриализация разрушила традиционные социальные группы (сословия, гильдии, сельские общины, патриархальные семьи) и традиционные виды коллективной помощи. Видимый рост богатства буржуазии сопровождался столь же видимым обнищанием и симптомами духовного и морального упадка рабочих (болезни, антисанитарные условия городского быта, преступность, массовый алкоголизм).

Отсутствие трудового права, регулирующего условия наемного труда, привело к росту бедности населения и, как следствие, возникновению в XIX в. организованного рабочего движения, возглавляемого профсоюзами и социал-демократами. Борьба за трудовое право, завершившаяся только в XX в., отличалась насилием со стороны рабочих и в большей степени со стороны администрации, которая использовала силы полиции и армии для подавления противника. Историческая память сохранила образец обращения с бастующими рабочими: расстрелы лионских и немецких ткачей в 30-40 гг. XIX в., чикагских рабочих в 1886 г., русских рабочих ленских приисков в 1912 г. Использование локаутов, штрейхбрехеров, «черных списков» и показательных судебных процессов против профсоюзных лидеров представляет дополнительный арсенал традиционного подхода предпринимательства к требованиям рабочих [14, p. 540].

Социальные лишения членов гражданского общества вызывали экономические кризисы 1873-1878, 1883-1885, 1893-1897, 1908-1909, 1913-1914 гг. Великая депрессия 1929-1939 гг. обнаружила ошибочность взглядов либеральных экономистов, верящих в способность рыночной экономики восстанавливать свое равновесное функционирование внутренними ресурсами [2, 9]. Депрессия актуализировала общественную потребность в государственном интервенционизме в экономику в целях смягчения кризисных явлений. Все более очевидным становилось, что рыночная конкуренция порождает монополии, которые причиняют ущерб общественным интересам, вызывают нерациональное распределение ресурсов, способствуют неравенству в доходах и представляют угрозу демократическому правовому государству. Назрела необходимость в антимонопольном законодательстве и государственной политике перераспределения доходов [8, p. 293].

Движение за социальное государство инициировали социал-демократы. К ним были близки по экономическим требованиям профсоюзы. Марксистская критика капиталистической системы радикализовала часть социал-демократии: капиталистическая реальность не реформируема, возможно лишь «смягчить ее родовые муки» революционным отрицанием буржуазного государства [11, p. 28]. В западных странах не подтвердились марксистские пророчества главным образом потому, что институционализация политических свобод способствовала интеграции левых движений в демократическую систему общества. Левые партии из маргинальных превратились в парламентские партии. Они решающим образом повлияли на восприятие идеи социального государства либерально-демократическим движением [6].

Постепенно в демократических правовых государствах стали общепризнанными требования социальной защиты индивидов и групп, занимающих структурно слабые позиции на экономическом рынке. С середины XIX в. и в течение XX в. утверждалось новое понимание прав человека за счет определения социальных прав [20]. Примером расширения этих прав служила французская революция 1848 г. Кроме права на забастовку и гарантий против различного рода дискриминации, трудоспособные лица наделялись правом на труд, что обязывало государство проводить политику полной занятости. Вторая группа прав, связанная с национальной экономикой, включала право наемных работников участвовать в принятии управленческих решений, затрагивающих условия наемного труда, и право этих работников на доленое присвоение прибыли. Третья группа прав относилась к неэкономической деятельности: право на отдых и оплачиваемый отпуск, на помощь в случае бедствий, право на профессиональное обучение, доступность культуры [12, p. 159].

Очевидно, что традиционные экономические и демократические права, институционализированные

французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 г., не совпадали полностью с новыми социальными правами. Традиционные права требовали только своего соблюдения, тогда как новые права требовали позитивно выраженного действия государства [21].

Следовательно, духовными предпосылками освоения правовым государством социальной функции были просвещенческая идея права человека на достойную жизнь в этом мире [25], критика государственной политики лессеферизма и опыт социального обеспечения в авторитарных государствах. К условиям появления социального правового государства относятся разрушение индустриализацией традиционной коллективной помощи и обнищание работников наемного труда в условиях кризисной экономики, рост организованного рабочего движения под руководством социал-демократических партий и профсоюзов, восприимчивость либерально-демократическими движениями и правительствами требований сторонников социального государства [11].

По мере накопления опыта осуществления социальной и социально ориентированной экономической политики социальные права человека были институционализированы конституциями правовых государств мира [17]. Этот процесс ускорился после принятия Всеобщей декларации прав человека ООН в 1948 г. Впервые в истории человечества и международных отношений был провозглашен круг основных гражданских, экономических, политических и социальных прав человека. Несмотря на то, что Всеобщая декларация прав человека не является международным договором, она в силу обычая приобрела общеобязательную силу и является гуманистическим критерием политики государства. Демократическая Россия, ставшая на путь построения правового государства, закрепила права и свободы человека и гражданина в Конституции Российской Федерации 1993 г.

Всеобщая декларация прав человека (ст. 23–27) позволяет определить принципы социальной политики правового государства в общественной системе с рыночной экономикой. Правовая система призвана обеспечить равенство всех граждан перед законом. Она допускает частную собственность, обладание экономической властью. В результате на практике существует неравенство в доходах, собственности и статусе. Участники экономического оборота имеют доходы, которые в принципе определяются их ролью и рыночной конъюнктурой [18]. Легитимирующими нравственными принципами являются частное обеспечение, частная ответственность и солидарность [22–24]. Согласно солидарности тот, кто не участвует в экономическом процессе, получает возмещающее пособие. Социальная защищенность осуществляется главным образом в виде денежного пособия, которое индивид может использовать по своему усмотрению. Потребности, которые не могут быть финансированы индивидом, удовлетворяются государственными и общественными организациями, которые несут расходы. Следовательно, принципами социальной политики выступают: государственная (общественная) помощь (финансируется их налогов и благотворительных фондов), индивидуальная самопомощь (страховые пособия), пенсионное обеспечение (результат государственной политики, финансируется из налогов).

Методы и материалы

В процессе исследования заявленной в статье проблематики использовались общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение, аналогия, дедукция, индукция, абстракция. Кроме того, в плане рассмотрения эволюции сущности и значения социально-правового государства применялись такие методы, как функционально-структурный и сравнительно-правовой, а также моделирование правовых процессов, методологический потенциал современной герменевтики и феноменологии. Следует заметить, что основу настоящего исследования составляют принципы системного анализа, используемые для разрешения проблемы генезиса и эволюции социального государства как политико-правового института общества. К принципам системного анализа эволюции социального государства относятся:

- принцип общественной обусловленности генезиса и эволюции социального государства, заключающийся в решении адаптационных проблем общества, требующих новых управленческих ресурсов;
- структурно-функциональный принцип, ориентирующий на изучение дифференциации структурных компонентов социального государства и их нормативной интеграции, позволяющих осуществлять инновационные государственные функции;
- экзогенно-эндогенный подход, в рамках которого исследуются внутриобщественные причины появления социального государства;
- исторический подход, ориентирующий на изучение процессов становления, распространения и последствий социального государства.

Результаты и обсуждение

В конституциях правовых государств понятие «социальное государство» стало появляться после Второй мировой войны, в частности, в Основном законе ФРГ 1949 г. и потом в других странах. По мнению Х. Лауфера, институционализация данного понятия оправдывается моральной нормой солидарности: «Справедливость и равенство осуществляются посредством солидарности, когда граждане исполняют христианский завет "один несет бремя другого" и практикуют его в повседневности, помогают другим, заботятся о слабых, забытых и тем самым уравнивают взаимные интересы» [19, р. 30]. Норма солидарности нашла воплощение в принципе социального правового государства, означавшем

вмешательство государства в частную сферу жизни граждан ради их достойной жизни. Принцип социального правового государства не исключает, а дополняет демократический конституционализм правового государства, требующий соблюдения экономических и демократических прав и свобод граждан. В комментариях Конституционного суда ФРГ говорится, что без осуществления социальных прав человека невозможна реализация его демократических прав [19, р. 32]. Тем не менее, между классическим либеральным принципом правового государства и принципом социального правового государства существует противоречие. В первом случае от государства ожидается соблюдение прав человека, тогда как во втором – позитивного вмешательства в частную сферу.

Возникает вопрос, можно ли считать социальное правовое государство либеральным институтом. Если термин «социальный либерализм» понимать в узком смысле, тогда остается отождествлять его с буржуазным либерализмом, который выступает против государственного вмешательства в экономику. Подобное одностороннее понимание либерализма не учитывает историчности данного движения. Либерализм противоречиво относится к государственному вмешательству в частную сферу граждан. Буржуазный либерализм оценивал и продолжает оценивать это вмешательство как антилиберальное действие. В то же время с момента осуществления социального законодательства либералы-демократы поддерживали ограниченную государственную помощь, оправдывали ее частной инициативой (которая должна быть защищена социально) и старой идеей ответственности индивида за свой уровень жизни. Этот способ мышления сохранился до наших дней. Он ориентирован на экономическую бережливость [16, р. 14]. Принудительное социальное страхование (например, в бисмарковской Германии) противоречило духу либерализма в той мере, в какой первичной целью этих мер было равенство доходов, а не равенство возможностей.

Нынешнее возрастание государственной ответственности в социально-экономической сфере свидетельствует о трансформации либерализма, который переосмыслил прежний принцип невмешательства. Поэтому эволюционный переход к социальному правовому государству можно рассматривать как процесс трансформации либерального движения. Данным понятием мы обозначаем освоение государством экономической и социальной политики, создающей возможности достойной жизни для большего числа людей. Переход к правовому социальному государству имел духовные предпосылки и был обусловлен экономическими и социально-политическими причинами [7].

Социальная политика государства, обеспечивающая социальные права граждан, зависит от ресурсов государства, экономического развития страны и экономической политики, имеющей социальную ориентацию. В отличие от социальной политики, экономическая политика направлена на функционирование всей хозяйственной системы. Ее объект – социетален, а не партикулярен. Она соответствует общественным потребностям в росте уровня жизни населения, образующего гражданское общество, его социальных слоев. Цель экономической политики – обеспечение возможно более полной занятости населения, перераспределение доходов, сокращение периода спада производства. Экономическая политика имеет циклический характер, поскольку нацелена на равновесное развитие хозяйственной системы. Экономика подвержена структурным изменениям и циклическим колебаниям. Следовательно, чтобы быть эффективной, экономическая политика должна быть эластичной, учитывать способность предпринимателей адаптироваться к изменениям рыночной экономики и способность наемных работников к мобильности в сфере занятости [3, р. 18].

Следует различать понятия «политика социального правового государства», его «социальная» и «экономическая политики». Первое понятие более широкое и охватывает два вторых понятия. Политика социального государства обеспечивает условия реализации права человека на достойную жизнь посредством социальной защиты индивида (социальная политика) и роста уровня жизни населения, социальных слоев гражданского общества (экономическая политика). Между требованием непрерывности социальной политики и гибкостью циклической экономической политики правового государства возникает противоречие. Если проблемы циклической политики не могут быть решены экономическими мерами, тогда социальная сфера становится дополнительным средством экономической политики в виде сокращения социальных программ и уменьшения размера пособий. Оптимальное разрешение противоречия состоит в компромиссе между социальной и экономической политикой, но не за счет средств государственной помощи. Иначе группы населения окажутся за чертой бедности.

В отличие от социальной политики, социально ориентированная экономическая политика имеет отправной точкой не заботы индивида, а общественную потребность в средствах жизнедеятельности. Принципами экономической политики являются государственная минимизация негативных последствий экономического цикла и более равномерное распределение доходов между социальными группами гражданского общества. Первому принципу соответствует политика государственного интервенционизма в рыночную экономику. Второму принципу – дистрибутивная политика. Государства, проводящие эту политику, иногда именуется «государствами всеобщего благоденствия». В теоретическом плане концепция государственного благоденствия вбирает в себя концепцию Дж. Кейнса, обосновавшего необходимость активного вмешательства государства в рыночную экономику [8, р. 301].

Политика экономического интервенционизма (именуемая также структурной политикой) направлена на защиту от негативных последствий рынка групп населения, экономических секторов или

товаров. Метод политики - ограничение рыночных сил, конкуренции. Подмена рыночных государственными функциями происходит при условии сохранения инвестиционной способности частных предприятий. Экономический рост теряет внутреннюю динамику, если экономика будет управляться государственной властью. Поэтому государство применяет непрямую форму регулирования пограничных условий предпринимательских решений и реактивную форму стратегии предотвращения или компенсации побочных влияний. Получила распространение инвестиционная стратегия ограничений экономических кризисов. Кризисные тенденции не только смягчаются, но и смещаются в административную систему государства. Здесь они приобретают формы конфликта (между конъюнктурной и инфраструктурной политикой, рост государственной задолженности), и затем груз проблем перемещается в экономику, когда она вышла из кризиса. Показателем эффективности политики интервенционизма служит снижение государственной задолженности [13, p. 734].

Дистрибутивная (компенсирующая) экономическая политика правового государства имеет целью выравнивание условий экономической деятельности и ответственности. Ее инструменты – законодательство, налоги, субсидии. Ее необходимость вызвана отсутствием в реальности совершенных экономических рынков, наличием дискриминации, ограничений трудовой мобильности, изменением приоритетов и технологических нововведений. Поскольку компенсирующая политика преимущественно имеет социально-экономический характер, относительное выравнивание доходов между высшими и низшими слоями принимается за показатель ее эффективности [13, p. 750].

Существует взаимосвязь между социальной и экономической политикой правового государства. Мерами структурной и дистрибутивной политики государство стремится элиминировать безработицу и повысить уровень жизни низших слоев. Если это не удастся, тогда нуждающимся людям оказывается финансовая поддержка в форме пособия. Эти выплаты позволяют сохранить минимальный стандарт потребления и поддержать совокупный спрос, который в свою очередь определяет занятость. Нижней границей социальной помощи проблема социальной защищенности не исчерпывается. Ее развитость определяется верхней границей, социальными инвестициями в сферах здравоохранения, образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Именно социальные инвестиции создают равенство жизненных возможностей членов гражданского общества.

Итак, активность социального правового государства направлена на создание условий, позволяющих реализовать право на достойную жизнь максимально большому числу граждан. Социальная функция правового государства осуществляется посредством социальной и социально ориентированной экономической политики. Исторически социальное правовое государство возникает в XX в. под влиянием гуманистической идеи права человека на достойную жизнь, в условиях индустриализации и разрушения традиционных форм коллективной помощи, кризисной экономики и восприятия либерально-демократическими движениями и правительствами требований сторонников социального государства и опыта социального обеспечения в странах с авторитарным режимом.

Нынешнее функционирование социального правового государства означает преодоление жесткого противопоставления частного и публичного права. Первоначально правовое государство понималось как институт, связанный правом, в котором проводилось четкое различие между публичными и частными общественными отношениями. Считалось, что публичное действие подчинено норме административного права, а частное действие – норме частного права и контролю суда общей юрисдикции. В условиях социального и экономического вмешательства правового государства в сферу гражданского общества это различие оказалось устаревшим. Исчезновению строгих различий между публичным и частным правом способствовало развитие государственного, коммерческого и промышленного обслуживания, появление частно-публичных корпораций, участие государства в распределении благ, охране окружающей среды, национализация базовых отраслей хозяйства, а также банковского дела и страхования. Вся эта активность правового государства приобрела характер общественных услуг и стала регулироваться публичным правом.

С освоением социальной функции правовое государство превратилось в высшей степени сложное политическое объединение. Его целью является обеспечение условий реализации и гарантий экономических, политических и социальных прав человека и повышение уровня жизни гражданского общества. Его организационные принципы включают верховенство права, полновластие народа, верховенство конституции, разделение властей, независимость суда, приоритет норм международного права над нормами права национального государства. Правовое государство перестало оправдывать свои программы идеологией классического либерализма, оно заимствует аргументацию из разных духовных источников. Фундаментальные права человека и гражданина структурируют деятельность государства, являются гуманистическим критерием его политики, средством самореализации членов гражданского общества и фактором устойчивости демократии. В отличие от недемократических государств, в правовом государстве институционализация социальных конфликтов не только эффективна, но и гуманистична.

Выводы

Существует четыре инновационных этапа в правовой институционализации современного политического господства: гражданское государство, правовое государство, демократическое правовое государство и социальное правовое государство. Переход от дискреционного к правовому государству

опосредован гражданским государством, для которого характерны институционализация коммерческого предпринимательства и регламентация государственного управления. Внутри гражданского государства эпохи абсолютизма происходит трансформация сословного общества в гражданское с характерным делением на частное и публичное право. Переход к правовому государству, осуществленному впервые в западных странах в XVIII в., происходит под влиянием либерального революционного движения и сопровождается конституционным закреплением государственной власти, которая раньше была ограничена бюрократическими средствами. Возникновение в XIX в. демократического правового государства было вызвано демократическим движением против буржуазно-либеральной политики ограничения избирательного права и лессеферизма, игнорирования условий наемного труда. Освоение демократическим правовым государством социальной функции происходит в течение XX в. Социальное государство гарантирует членам гражданского общества свободу от нищеты и достойную жизнь, политику социальной защиты, дистрибутивную и структурную экономическую политику, отрицающую строгое деление на частное и публичное право.

Библиографический список

1. Волгин Н.А., Гриценко Н.Н., Шарков Ф.И. (2003) Социальное государство. М.
2. Гриценко Н.Н. (1994) Социальному государству – эффективную социальную политику //Материалы конгресса «Человек: социальная политика в период осуществления экономических реформ». М. Р. 8–14.
3. Гриценко Н.Н. (1988) Социальное государство (социально-экономический аспект) // Экономическая роль государства в переходной экономике. Челябинск. Р. 3-18.
4. Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. (2001) Лекции по экономике. Проблемы становления социального государства. М.
5. Кант И. (1966) Сочинения. В 6 т. М., Т.6.
6. Любашитц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. (2013) Государственная власть: парадигма, методология, типология. М.
7. Любашитц В.Я. (1998) Формирование гражданского общества – важнейшее условие достижения свободы личности //Права человека в России: время надежд и разочарований. Ростов-на-Дону.
8. Макконнел К.Р., Брюс С.Л. (1992) Экономикс: принципы, проблемы и политика. В 2 т. М. Т.2.
9. Мамут Л.С. (2001) Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. № 7. Р. 5–14.
10. Мамычев А.Ю., Мирошкина О.И. (2011) Теоретико-методологические подходы к интерпретации государственной власти: концептуализм // Юрист-Правоведь. № 2.
11. Маркс К. (1955) Капитал. Т.1 //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23.
12. Омельченко О.А. (2000) Всеобщая история государства и права. В 2-х Т. М., Т.2.
13. Райзберг Б.А., Фатхутдинов Р.А. (1999) Управление экономикой. М.
14. Черниловский З.М. (1996) Всеобщая история государства и права. М.
15. Чернобровкин И.П. (1997) Социальная защищенность //Человек и общество: краткий энциклопедический словарь-справочник (политология). Ростов н/Д.
16. Ford H.L. (1988) Work, Organization and Power. Introduction to Industrial Sociology. Texas.
17. Geddes A., Favell A. (1999) The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe. Aldershot: Ashgate.
18. Geddes A. (1984) Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley; Los Angeles: University Press
19. Laufer H. (1988) Der Grundkonsens in der freieitlichen Demokratie. Köln.
20. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Vronskaya M.V. (2015) Typological analysis of evolutionary forms of a state // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3, May. Supplement 3.
21. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Polyakova A.S., Buharina M.K. (2015) Society and the state: the problem of structuring public-decorated history // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3, May. Supplement 3.
22. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396.
23. Mordovtsev A.Yu., Mordovceva T.V., Mamychev A.Yu. (2015) Convergence of law: the variety of discourses // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3, May 2015. P. 262 – 268.
24. Ovchinnikov A.I., Mamychev A.Yu., Mamycheva D.I. (2015) Socio-cultural foundations of coding state-legal development // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6. №3.
25. Parsons T. (1954) Essays in sociological theory. Glencoe, 1954.

1.5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТАДЖИКСКИХ СЕМЕЙ: ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В РОССИЮ

*Акрамов Ш.Ю.,
Рязанцев С.В.,
Карабулатова И.С.,
Акрамов Ф.Ш.,*

Институт социально-политических исследований РАН, Москва

*Sharif_akram@rambler.ru, akfusha@mail.ru,
Radogost2000@mail.ru, riazan@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является анализ негативных последствий трудовой миграции из Таджикистана в Россию на примере мониторинга социально-экономического состояния домохозяйств в современном Таджикистане, который практически лишился мужской части своего населения, выехавшего на заработки в Россию. В связи с этим авторы ставят следующие задачи: а) выявить факторы, деструктивно влияющие на состояние семейных отношений трудовых мигрантов и тенденции разводимости среди трудовых мигрантов из Таджикистана в России; б) произвести ранжирование данных факторов; в) дать характеристику современным домохозяйствам Таджикистана.

Ключевые слова. Трудовая миграция, демография, домохозяйства, Таджикистан, Россия.

Введение.

Значительный рост трудовой эмиграции из Таджикистана начался с середины 1990-х гг., когда социально-экономическая ситуация в стране сильно ухудшилась, это заставило многих людей искать работу за границей. Хотя по официальным контрактам из Таджикистана ежегодно за границу (в большинстве в Россию и Казахстан) выезжает только 5-6 тыс. человек, реальные размеры трудовой миграции гораздо больше. Потому что значительная часть таджикских трудовых мигрантов, устраивается на работу самостоятельно и не попадает в национальную статистику. Реальная численность трудовых мигрантов из Таджикистана за границей трудно поддается точной оценке. По данным официальной таджикской статистики в середине 2000-х гг. за пределами страны с целью временного трудоустройства находились 420 тыс. человек, в том числе в России – более 413 тыс., Казахстане - 4 тыс., в Кыргызстане, Беларуси и Узбекистане – по 2 тыс., в Украине – около 1 тыс. человек. Эти данные не совпадают с результатами исследований и данными зарубежной статистики. Очевидно, что на самом деле таджикских трудовых мигрантов больше. Исследования, проведенные в начале 2000-х гг. в Таджикистане местными экспертами показали, что в трудовой миграции участвовали около 600 тыс. граждан Таджикистана, из которых 85% выезжают на работу именно в Россию [15]. По данным Всемирного банка за границей в 2010 г. находилось 791 тыс. граждан Таджикистана, что составляло 11,2% населения страны [7]. Таджикские трудовые мигранты работают практически во всех регионах России.

Материалы и методы

Максимальное число сосредоточено в мегаполисах (Москва, Московская область, Санкт-Петербург), а также в приграничных или близкорасположенных регионах к Казахстану (Свердловская, Новосибирская, Тюменская, Самарская, Челябинская, Кемеровская области, Красноярский край). Эмпирической базой послужили данные опросов. По данным опроса, проведенного среди трудовых мигрантов из Таджикистана, большая часть мигрантов (около 69%) работали в России по устной договоренности. Только четверть трудовых мигрантов заключала письменный договор на работу. А также только 23% респондентов имели разрешение на работу в России. Многие испытывают большие трудности во время поездки и работы в России. В частности, порядка 53% респондентов отвечали, что самыми значимыми проблемами по дороге в Россию проверки документов при пересечении границы, около 44% респондентов испытывали поборы со стороны таможенников, пограничников и милиции. В России у многих рабочих-мигрантов из Таджикистана есть плохие условия работы и жизни. Исследование проводилось в двух регионах на основе двух различных, но сходных по структуре и охвату изучаемых проблем анкет. Опрос проводился на русском, таджикском и узбекском языках.

Первая анкета «Таджикские мигранты, семья и репродуктивное здоровье» включала 44 вопроса и была ориентирована на граждан Таджикистана (в основном, мужчин), на момент опроса состоявших в официальном браке или живших в сожительстве, у которых супруга (супруг) находились в Таджикистане. Были опрошены 214 респондентов в Москве и Московской области. Выборка была репрезентативна по трем признакам (полу, возрасту, отрасли занятости в России) и была построена на основе данных Федеральной миграционной службы России по социально-демографическому составу и отраслям занятости граждан Таджикистана, получивших разрешение на работу в России в 2011 г. Для обеспечения репрезентативности

использовалась квотная выборка. Вторая анкета «Гаджикская семья и трудовая миграция» включала 50 вопросов и была сфокусирована на гражданах Таджикистана (в основном, женщинах), которые на момент проведения опроса постоянно проживали в Таджикистане, состояли в официальном браке или жили в сожительстве, супруг которых недавно работал (в течение последнего года, предшествовавшего опросу) или на момент проведения опроса работал в России. На основе данной анкеты было опрошено 186 респондентов в различных регионах Таджикистана. Использовалась случайная выборка, поскольку точных данных относительно социально-демографической структуры домохозяйств в Таджикистане, имеющих трудовых мигрантов нет. Выборка была случайной, достоверность обеспечивалась выбором респондентов в различных типах населенных пунктов и широкой географией проведения опроса. Обработка данных обоих опросов проводилась в программном продукте SPSS. Для более детального анализа данные по многим вопросам у двух групп респондентов были сопоставлены, что позволило получить более объективную информацию относительно влияния трудовой миграции на семейные отношения в Таджикистане на основе мнения двух сторон: трудовых мигрантов в России и их супругов (жен и мужей), оставшихся в Таджикистане.

Результаты

Среди таджикских трудовых мигрантов можно выделить две группы. Первая - более многочисленная - это сезонные работники. Их поток возрастает весной и летом, когда они едут в Россию на работу в сельском хозяйстве и строительстве. Осенью они возвращаются домой. По примерным оценкам в некоторых регионах России на таджиков приходится порядка 75-80% сезонных мигрантов. Вторая группа таджикских мигрантов - это те, кто достаточно долго находится и работает в России, но при этом не имеет легального статуса. Многие работают как легально, так и без официального оформления в строительстве, сфере обслуживания, жилищно-коммунальном хозяйстве. Среди трудовых мигрантов из Таджикистана преобладают мужчины.

Однако в последнее время происходит феминизации миграции из Таджикистана. Возрастной состав зависит от сфер занятости. Среди строительных рабочих больше молодых людей. В строительстве мигранты работают на самых тяжелых работах, требующих выносливости, физической силы и хорошего здоровья. Среди сельскохозяйственных рабочих и домашних работников больше людей среднего возраста.

В этническом отношении большинство трудовых мигрантов из Таджикистана – таджики. Однако есть значительное число этнических узбеков также, поскольку в Республике Таджикистан живут более 1 млн. узбеков.

Наши исследования показывают, что примерно 40% трудовых мигрантов живут там, где работают. Это абсолютно не приспособленные для жизни помещения: чердаки, подвалы, не достроенные или подлежащие сносу здания, мусорные шахты. По данным опроса, проведенного среди трудовых мигрантов из Таджикистана, большая часть мигрантов (около 69%) работали в России по устной договоренности. Только четверть трудовых мигрантов заключала письменный договор на работу. А также только 23% респондентов имели разрешение на работу в России. Многие испытывают большие трудности во время поездки и работы в России. В частности, порядка 53% респондентов отвечали, что самыми значимыми проблемами по дороге в Россию проверки документов при пересечении границы, около 44% респондентов испытывали поборы со стороны таможенников, пограничников и милиции. В России у многих рабочих-мигрантов из Таджикистана есть плохие условия работы и жизни. Как правило, трудовой мигрант приезжает из России в Таджикистан в лучшем случае 1 раз в год. Если речь идет о сезонной занятости, то это, как правило, зимний период времени в Росси, когда в таких секторах экономики, как сельское хозяйство и строительство наблюдается спад активности. Очень редко трудовых мигрантов может навещать жена. По данным социологического опроса только к 10% трудовых мигрантов приезжали супруги за время их работы в Москве, а к 22% - приезжали редко (рисунок 1).

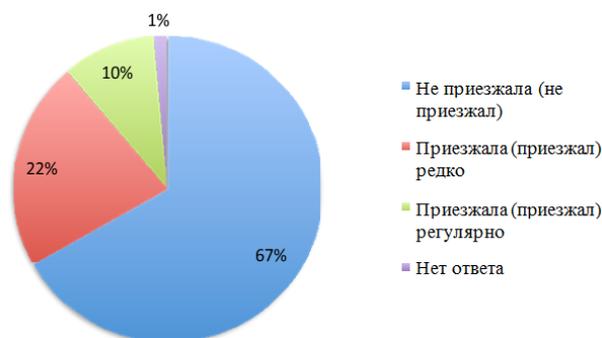

Рис. 1. Распределение ответов трудовых мигрантов на вопрос «Приезжала (приезжал) супруга (супруг) к Вам во время Вашей работы в России», % респондентов (N = 214 человек в России)

Примерно половина опрошенных в России таджикских трудовых мигрантов имели сексуальные отношения с другими партнерами, не своими женами (мужьями) (рисунок 2). Причем 13% опрошенных

имели сексуальных контактов с другими партнерами (кроме супругов) часто! И только 52% опрошенных не имели сексуальных контактов «на стороне» за время работы в России. Полагаем, что это представляет собой кардинальный сдвиг сексуального поведения таджиков, по крайней мере тех, кто участвует в трудовой миграции.

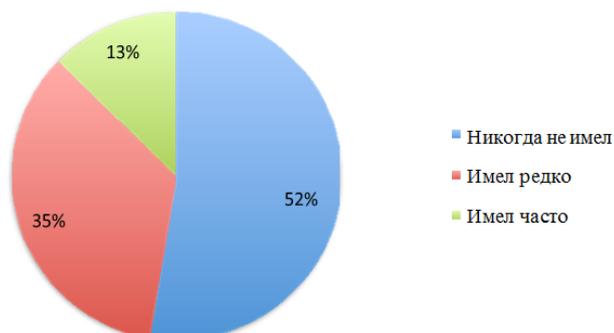

Рис. 2. Распределение ответов трудовых мигрантов на вопрос «Имели ли Вы сексуальные контакты во время пребывания в России с другими партнерами (кроме Вашей супруги (супруга)), % респондентов (N = 214 человек в России)

Второй способ удовлетворения сексуальных потребностей трудовых мигрантов - это «временная жена», «гостевой брак». Это новый феномен, появившийся в результате массовой трудовой миграции таджиков в Россию. В потоках трудовых мигрантов, как правило, больше мужчин молодых и средних возрастов. Многие мужчины, как правило, редко навещают семью на родине – в лучшем случае один раз в несколько месяцев. Мужчины трудовые мигранты создают параллельные семьи или сожительства с москвичками, или женщинами- мигрантами. В миграционной среде получил широкое распространение «гостевой» брак. Зачастую прежняя семья постепенно разрушается. «Гостевой» брак для Таджикистана является относительно новым социально-демографическим явлением. Он получил распространение именно в среде трудовых мигрантов. В современной научной литературе по вопросу гостевого брака нет единого подхода. «Гостевой брак» большинство социологов понимают скорее как вынужденное состояние человека, нежели свободный выбор [16]. По другому определению «гостевые браки» - это состояния, когда люди поддерживают прочные устойчивые отношения (в том числе сексуальные), значительную часть времени проводят вместе, и мало чем отличаются от брачной пары; за исключением того, что живут они при этом порознь и не регистрируют свои отношения официально. Например, многие респонденты до того как жить в «гостевом браке», жили в обычных (традиционных) семьях. Однако, многие исследователи, говоря о «гостевом браке», подчеркивают, что возможна и официальная регистрация отношений супругов.

Несмотря на распространение «гостевого брака» среди таджикских трудовых мигрантов, он пока не стал нормальным явлением для всего таджикского общества. В Таджикистане пока все-таки сохраняются традиционные установки на необходимость создания семьи, прочные семейные отношения, наличие 3-5 детей. Вместе с тем, исследование зафиксировало деструктивное влияние трудовой миграции на семейные отношения в домохозяйствах, представители которых участвуют в перемещении. В частности, 12% респондентов в Таджикистане сказали, что догадываются или предполагают, что из супругов им изменяет в России. Также пятая часть настроена весьма решительно разрыв отношений в случае супружеской измены (рисунок 4).

Рис. 3. Распределение ответов жен (мужей) трудовых мигрантов на вопрос «Боитесь ли Вы, что супруг (супруга) Вам изменяют в России», % респондентов (N = 186 человек в Таджикистане)

Опрос показал, что в 60% семей в результате длительного отсутствия одного из супругов возникло непонимание и психологические проблемы в семейных отношениях (рисунок 4). В каждой шестой семье появились новые болезни, которые люди связывают с отсутствием супруга или его выездом за границу на

временную работы, а в 9% семей обострились прежние болезни. В 13% семей участились конфликты и скандалы в результате длительного отсутствия супруга. Примерно 3% респондентов указали другие проблемы, возникшие в семье в результате длительного отсутствия одного из супругов по причине трудовой миграции в Россию.

Рис. 4. Распределение ответов жен (мужей) трудовых мигрантов на вопрос «Какие проблемы в семейных отношениях Вы испытывали по причине долгого отсутствия супруга»,% респондентов (каждый респондент мог дать несколько вариантов ответов) (N = 186 человек в Таджикистане)

В ходе социологического опросы были определены ключевые проблемы, с которыми сталкивается в ходе трудовой миграции одного из супругов второй супруг, оставшийся в Таджикистане. Примерно половина (более 45%) респондентов отмечали в качестве главного обстоятельства - отсутствие психологического контакта, заботы и моральной поддержки со стороны отсутствующего супруга (рисунок 5). Около 40% партнеров в Таджикистане испытывали проблемы с воспитанием детей и 32% - с ведением домашнего хозяйства. Примерно 12% - отсутствие регулярных сексуальных отношений с супругом, работавшим в России. Таким образом, можно говорить о том, что главным фактором деструктивных отношений для таджикских семей являются морально- психологические обстоятельства, которые разрушают традиционное представление о роли супругов и особенностях функционирования семей. Относительно перспектив семейных отношений. Порядка 28% опрошенных в Таджикистане уверены, что распад семьи невозможен и примерно 23% считают, но примерно столько же (а именно 26%) респондентов считают, что распад семьи возможен (рисунок 6). Это достаточно тревожная и главное масштабная тенденция - каждый четвертый респондент волнуется о том, что семья может распасться. Пятая часть партнеров в Таджикистане не задумывались об этом, а 23% считают, что на прочность отношений влияет не столько расстояние или разлука, сколько другие факторы (отношения между супругами, опыт родителей, материальный достаток и др.).

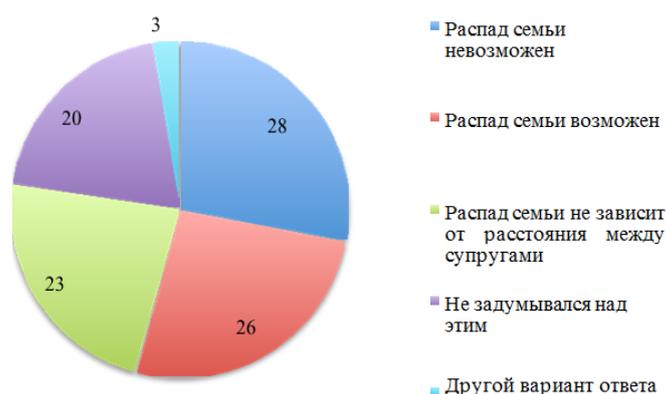

Рис. 5. Распределение ответов жен (мужей) трудовых мигрантов на вопрос «Боитесь ли Вы, что длительное отсутствие супруга может привести к распаду Вашей семьи»,% респондентов (N = 186 человек в Таджикистане)

В какой-то степени результирующим показателем действия факторов разводимости, связанным с трудовой миграцией можно считать ответы двух групп респондентов на вопрос относительно обсуждения разрыва отношений между супругами. Третья часть трудовых мигрантов в России подтверждает, что иногда возникали подобные разговоры в семье, а также каждая четвертая жена (муж) в Таджикистане свидетельствуют об этом (рисунок 6). Часто данные проблемы возникали у 5% трудовых мигрантов, опрошенных в России и у 4% их супругов в Таджикистане.

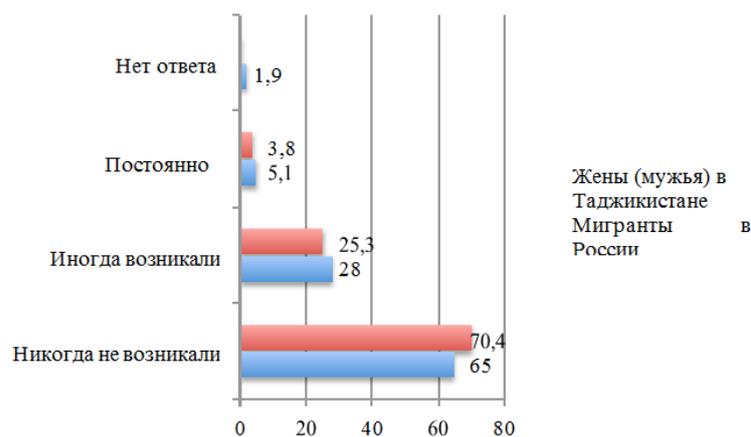

Рис. 6. Распределение ответов трудовых мигрантов и их жен (мужей) на вопрос «Возникали ли в Вашей семье в последнее время разговоры о разводе», % респондентов (N = 214 человек в России и N = 186 человек в Таджикистане)

Таким образом, трудовая миграция значительно трансформирует семейные отношения, матримониальное и сексуальное поведение населения Таджикистана, участвующего в трудовой миграции, что будет иметь для страны значительные социально-демографические последствия в ближайшей перспективе.

Дискуссия

Исследования показывают, что 2.8-3.0 миллиона недокументированных трудовых мигрантов может находиться на российском рынке труда. И если на эти цифры распространить данные о структуре документированной миграции, то в России может находиться, как минимум, 1.5-2.0 миллиона граждан Центральной Азии, не прошедших регистрационных процедур (мигранты, не имеющие регистрации по месту пребывания и (или) разрешения на работу, патента). В этой ситуации серьезной гуманитарной проблемой остается эксплуатация трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в Российской Федерации [1, 11]. На наш взгляд, тенденции таджикского «гостевого брака» опираются на исламскую культуру, где, согласно Корану, можно вступать во временные отношения, в контексте так называемого временного брака (например, орфи – брак без обязательств, мута (сигэ) – брак для удовольствия). Этот вид брака может быть заключен на срок от одного часа до девяноста девяти лунных лет, но при желании супругов может быть переоформлен в постоянный брак.

Следует отметить, что таджики исповедуют ислам суннитского направления, где ярко представлен суфизм, получивший также широкое распространение среди мусульман Центральной, Средней Азии и Сибири [3, 4, 5, 10, 15]. В связи с чем для таджиков полигамная семья является вариантом нормы [12]. В целом тенденция на полигамные отношения относит таджикских трудовых мигрантов к группе риска с точки зрения распространения многих инфекционных заболеваний, в том числе в репродуктивной и сексуальной сфере [7, 8]. Результаты социологического опроса свидетельствуют о том, что 9% таджикских трудовых мигрантов в России болели венерическими заболеваниями за последние три года, члены их семей в Таджикистане в более 11% случаев. Согласно результатам опроса трудовых мигрантов в России 38% из них обращались к врачу по проблемам репродуктивного здоровья в последние года. Обращаемость их супругов в Таджикистане была ниже и составила только 23% опрошенных [12]. Следовательно, сама проблема таджикской трудовой миграции носит полиаспектный характер.

Заключение

Проведенное исследование четко фиксирует тенденцию существенной трансформации матримониальных установок, семейных отношений и сексуального поведения в Таджикистане под влиянием интенсивной трудовой эмиграции. Можно выделить несколько факторов данной трансформации. Во-первых, это масштабы трудовой эмиграции. Они значительны и затрагивают практически каждую семью в Таджикистане. Во-вторых, социально-демографический состав трудовых мигрантов, среди которых значительную долю составляют люди трудоспособного и репродуктивного возраста. В большинстве своем это мужчины молодого или среднего возраста. В условиях традиционного таджикского общества браки, как правило, заключаются очень рано в 17-20 лет. В ситуации, когда социальный базис трудовой миграции значительно расширяется (в ней все более активно участвуют молодежь) многие откладывают заключение брака, и, в результате увеличивается средний возраст вступления в брак в Таджикистане. И как следствие снижается рождаемость в стране. В-третьих, трудовая миграция как социальный феномен кардинально меняет менталитет таджиков в ней участвующих, многие из них после опыта миграции в Россию меняют свое представление о семейных отношениях и браке. Многие респонденты перенимают российский образ жизни, откладывают заключение брака и рождение детей, проще относятся к смене сексуальных партнеров

и разводу. В-четвертых, раздельное длительное проживание супругов, которым сопровождается трудовая миграция, зачастую приводит к деструкции в семейных отношениях, распаду семей в Таджикистане. В-пятых, трудовая миграция дает относительную материальную независимость человеку в ней участвующему, что в совокупности с другими факторами зачастую отдаляет его от моделей традиционной семьи, существующих в Таджикистане. Исследование зафиксировало несколько форм проявления трансформаций семейных отношений, матримониальных установок и сексуального поведения трудовых мигрантов, отразившихся на семьях, а также в перспективе имеющих все шансы отразиться и на демографической ситуации в Таджикистане.

Библиографический список

1. Акрамов Ф.Ш. Демографическая ситуация и трудовая миграция из Таджикистана в Россию. В.: Практика привлечения и использования иностранной рабочей силы в России: тенденции, механизмы, технологии: Материалы научно-практической конференции (16-17 октября 2006 г.). Отв. ред. д.э.н., проф. С.В. Рязанцев, Москва, 2006, сс.: 5-8.
2. Байжигитов Н. Трудовая миграция (<http://rus.kg/news/policy/8923-pyat-problem-kyrgyzskokazahskih-otnosheniy.html>) [Дата обращения: 5 мая 2014 г.].
3. Jonson L., 2006. Tajikistan in the New Central Asia, Published by I.B.Tauris, pg 108.
4. Foltz R., 1996. The Tajiks of Uzbekistan. Central Asian Survey, #15(2), pp.: 213—216.
5. Karabulatova I.S., E.N.Ermakova & G.A.Chiganova. ASTANA IN KAZAKHSTAN AND ASTANA IN SIBERIA AS A FORM OF NATIONAL ISLAM OF EURASIA IN THE LINGUISTIC-CULTURAL ASPECT. In the: Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis, Special Issue, 2014, p. 15-30 Ссылки http://www.cclbsebes.ro/docs/Sebus_SI_2014/02_ISKARABULATOVA_ENE_GAS.pdf (date of base 20.03.2015)
6. Karabulatova I.S. & Sayfulina F.S. Mytholinguistic Interpretation of Sacral Toponym Astana in Sociocultural Practice of the Siberian Tatars. In the: Asian Social Science. Vol 11, No.5, 2015, ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. doi:10.5539/ass.v11n5p303 URL: <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n5p303>.
<http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/45271/24521> (date of base 20.03.2015)
7. Kil-Sang Yoo, Korea: Country Report, Migration and the Labour Market in Asia: Recent trends and policies, Tokyo, The Japan Institute of Labour. Migration and Remittances Fact book 2011, 2nd Edition, Washington DC, The World Bank, 2011.
8. Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана. - Душанбе: MOM, 2003.
9. Рязанцев С.В. Работники из стран Центральной Азии в жилищно-коммунальном секторе Москвы (рабочий доклад). Рабочий доклад, МОТ: Субрегиональное бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – М.: МОТ, 2010 (www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/projects/migration.htm)
10. Sayfulina F.S., Karabulatova I.S., Yusupov F.Yus., Gumerov I.G. Contemporary issues of textual analysis of Turkic-Tatar literary monuments of Western Siberia/ In the: World Applied Sciences Journal Issue 27 (Education, law, economics, language and communication): 492-496, 2013. ISSN 1818-4952 .© IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.27.elelc101. [http://www.idosi.org/wasj/wasj27\(elelc\)13/101.pdf](http://www.idosi.org/wasj/wasj27(elelc)13/101.pdf). (date 05.06.2014).
11. Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Аналитический доклад по проекту на тему: «Роль международной трудовой миграции для экономического развития России, CARIM-East RR 2012/28, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2012 (<http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-2012-RU-28.pdf>) [Дата обращения: 21 января 2012 г.]
12. Ryzantsev S., Migrant workers from Central Asia in the housing and utilities sector of Moscow, ILO, 2010.
13. 300 таджиков ждут депортации из России. In the: Аргументы и факты. - 11 ноября 2011 (<http://www.aif.ru/society/news/99795>) [Дата обращения: 19 января 2013 г.]
14. Рязанцев С.В. Масштабы и социально-экономическое значение трудовой миграции для стран СНГ. In the: Практика привлечения и использования иностранной рабочей силы в России: тенденции, механизмы, технологии. В.: Материалы научно-практической конференции (16–17 октября 2006 г.). - М., 2006. - С. 85.
15. Ryzantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. In the: Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014 Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. Received: June 20, 2014 Accepted: July 16, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40806/22527> (date of base 25.03.2015).
16. Статистика СНГ: Статистический бюллетень. – № 15 (366), август 2005. - С. 55.

1.6. Этнический фактор в репродуктивно-брачном поведении современной российской молодежи

*Карабулатова И. С.,
Институт социально-политических исследований РАН,
Васильева И. С.,
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»,
Галиуллина С. Д.,
Будеева О.Н.,
Никонова С. А.
Уфимский государственный университет экономики и сервиса
450078, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145
Radogost2000@mail.ru*

Абстракт. Многообразие моделей добрачных отношений и выбора брачного партнера, описываемое наукой, определяется сложностью этого процесса. Исследования процесса выбора брачного партнера и добрачных отношений, на наш взгляд, можно разделить на несколько типов, связанных с гендерным подходом (Архипова 2006; Ryazantsev et al 2014; Van Peer 2002). Результаты исследования могут служить основой дальнейшего изучения природы добрачных отношений, ценностных установок выбора брачного партнера. Полученные результаты могут быть использованы в сфере социологии, социальной работы, педагогики, психологии и т.д.

Практические наработки и рекомендации, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы в деятельности государственных органов власти, органов управления для выработки семейной политики, вузами, школами, социальными службами и центрами, любыми другими учреждениями, работающими с молодежью и семьей, для планирования и организации систематической, целенаправленной подготовки молодого поколения к браку и семейной жизни, а также для разработки федеральных, региональных, местных проектов и программ. Ряд положений работы может быть полезен при разработке специальных учебных курсов, ориентированных на подготовку молодежи к браку и семейной жизни.

Ключевые слова: российская молодежь, этнос, брак, семья, добрачное поведение.

Введение

Добрачные отношения молодежи – это формирующиеся в процессе добрачного поведения и направленные на удовлетворение различных потребностей личности отношения, которые представляют собой совокупность повторяющихся взаимодействий между молодыми партнерами. Модификация стереотипов добрачного и семейного поведения современной молодежи на этапе выбора брачного партнера актуализируется как социальный феномен в результате реального развития социальной, психологической и нравственной готовности современной молодежи к браку и семейной жизни, которое происходит под воздействием постоянных объективных факторов: родительской семьи, культурологических особенностей страны (региона), всей образовательной системы, индивидуальных особенностей характера индивидов (Nöhn 2001; Ryazantsev et al 2015a; Казарина-Волшебная, Комиссарова, Турченко 2012; Карабулатова 2004). Насущной необходимостью современного российского общества является разработка постоянно действующей государственной программы, а также методов оптимизации подготовки молодежи к браку и семейной жизни как на федеральном, так и на местном уровнях с целью создания необходимых условий, благоприятствующих укреплению молодой семьи.

Современное супружество предъявляет более сложные требования к личностному взаимодействию членов семьи. В семье нарастающим темпом происходит ослабление социально-психологического эффекта общности, прочной соединенности, что провоцирует разрыв преемственности между поколениями. Молодёжь в этих условиях обретает нравственные ценности во многом самостоятельно. Если в историческом прошлом выбор брачного партнера определялся интересами рода, семьи, сословия, и индивид подчинялся стереотипам, принятым в обществе, то сегодня молодежь во многом свободна в своем добрачном поведении. Сфера общения современных молодых людей становится более избирательной и дифференцированной. Ценностные ориентации юношей и девушек утрачивают матримониальную монополию: любовь, эмоциональные контакты и сексуальное удовлетворение представляют для них самостоятельные ценности, не всегда, связанные с образованием семьи. Являясь наиболее активной частью общества, молодежь через свое отношение к брачно-семейным ценностям определяет принципы добрачных отношений.

Материалы и методы

В данном исследовании использован как первичный, так и вторичный материал. К данным вторичного анализа социологических исследований относятся: а) Переверзева О.В. «Добрачные отношения молодежи: ценностный аспект» (Майкоп, 2012, N=456 чел.); б) Бурханова Ф.Б. «Семейно-брачные установки и ценности современной студенческой молодежи» (Уфа, 2001. N=766 чел.); в) Бурханова Ф.Б.,

Валиахметов Р.М., Хилажева Г.Ф. «Семья и человеческое развитие в Республике Башкортостан» (Уфа, 2012, N=1225 чел.); г) «Семья и рождаемость в Литве» (Опрос в Литве в 1994-1995 г.г. осуществлен фирмой Baltijos tyrimai. Опрошено 5000 респондентов женщин и мужчин в возрасте 18-49 лет); д) «Оценка демографической политики» 2010 г. (Second European Comparative Survey on the Acceptance of Population-related Policies (PPA2)); проект координировался Федеральным институтом демографических исследований (Германия). В исследовании участвовали 14 стран Европы. Опрошено 14000 респондентов в возрасте 18-75 лет; е) социологические данные, полученные ВЦИОМом, Институтом социологии РАН, Центром Левады. Первичный авторский материал сформирован в ходе проведения многокомпонентного комплексного интервьюирования с последующим анализом. Первичное социологическое исследование проведено на тему «Ценностные установки выбора брачного партнера». Выборочная совокупность включала 500 респондентов, проведено в 2012-2013 г. автором среди молодежи, обучающейся в старших классах школ, лицеев, колледжей, вузах Московского региона, а также работающей молодежи. Выборка квотная (по социальному статусу и гендерному составу, по возрасту и образованию). Был проведен социологический опрос в форме анкетирования с участием молодых респондентов из Московского региона в возрасте от 15 до 29 лет. Респонденты были разделены на пять групп по 50 юношей и 50 девушек в каждой группе:

1 - учащиеся старших (10-11) классов 100 человек (50 юношей и 50 девушек) Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения (МБОУ) средней общеобразовательной школы (СОШ) № 25, г. Мытищи, Московской области, Муниципального общеобразовательного учреждения (МОУ) Лицея № 15 департамента народного образования Мытищинского района, Московской области, Муниципального общеобразовательного учреждения (МОУ) средней общеобразовательной школы (СОШ) № 12, г. Королева, Московской области;

2 - учащихся ГОУ НПО Профессионального лицея № 26 им. С.П. Королева г. Королев, Московской области и МБОУ Лицея № 2 Мытищинского муниципального района, Московской области 100 человек (50 юношей и 50 девушек)

3 - учащихся колледжей 100 человек (50 юношей и 50 девушек): Мытищинский машиностроительный техникум, Московский кооперативный техникум им. Г.М. Альтшуля, Королевский колледж космического машиностроения и технологий;

4 - студентов вузов 100 человек (50 юношей и 50 девушек) дневного и заочного обучения: ФГБОУ ВПО Московского государственного университета леса, ФГБОУ ВПО Российского государственного университета туризма и сервиса и некоторых других Московских вузов, ФГБОУ ВПО Московского государственного технического университета им. Н.Э.Баумана и ФГБОУ ВПО Московского государственного строительного университета (до 1993г. Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева);

5 - работающей молодежи 100 человек (50 юношей и 50 девушек). В опросе приняли участие представители различных областей и сфер производственной деятельности: медицинской, фармацевтической, косметической, финансовой, строительной, административной, образовательной, торговой, металлообрабатывающей, пищевой промышленности, лесоперерабатывающей промышленности и др.

При опросе была разработана и применена анкета, состоящая из 40 вопросов, охватывающих отношение опрошиваемых к проблемам добрачных и семейных отношений. Ответы респондентов обработаны с помощью программного пакета SPSS.

Второе исследование проводилось в сентябре-октябре 2013 г. Было охвачено 366 чел., квотная выборка, 183 пары, состоящие в добрачных отношениях, представители различных национальностей от 18 до 30 лет.

Третье исследование - проведено интервьюирование молодежи мегаполиса (г. Москвы) в возрасте 28-30 лет по теме «Добрачные отношения среди молодежи в мегаполисе» (объем выборки 28 человек, выборка целевая), ТРЦ «РИО» и «СпортЕХ», июль 2012 г.

Четвертое исследование - глубинное интервью «Добрачные отношения молодежи мегаполиса и сельской местности: норма или отклонения?» проведено в мае 2013 г. Использовался метод семейных историй, опрошено 45 человек из них состоявших в 23 официально незарегистрированных отношениях.

Разноплановый и междисциплинарный характер проблематики ценностных установок выбора брачного партнера в добрачных отношениях молодежи определяет разнообразие используемых в работе различных источников.

Результаты

По опросу 366 человек – квотная выборка, состоящие в добрачных отношениях, представители различных национальностей (см. Таблицу №1).

Таблица №1.

Национальный состав					
Всего 366 чел. Всего 183 пары	18-22	23-26	27-30	м/ж/всего	Совпадение пар по национальности
русские м/ж	18/28	22/30	18/24	58/82/140	48
татары м/ж	18/10	14/7	4/4	36/21/57	20
евреи м/ж	9/4	4/9	8/6	21/19/40	18
украинцы, белорусы м/ж	11/5	2/7	5/5	18/17/35	11
азербайджанцы м/ж	2/2	2/3	1/2	5/7/11	5
армяне м/ж	1/1	1/1	2/3	4/5/9	3
таджики, узбеки м/ж	1/1	2/4	2/3	5/8/13	2
дагестанцы, адыги, ингуши, чеченцы м/ж	8/12	16/8	12/4	36/24/60	18
	68/63	63/69	52/51	183/183	125 совпадений из 183 пар

Из-за довольно ограниченного количества опрошенных другие многочисленные национальности России оказались не представленными во всем их разнообразии в исследуемой нами совокупности.

Одним из социологических факторов брачного отбора является территориальная близость.

Более 90 % от всего числа опрошенных высказывают в целом положительное отношение к совместной жизни вне зарегистрированного брака. При этом следует отметить, что среди них преобладают женщины в возрасте от 27 до 30 лет. Совместное распределение мнений женихов и невест показало, что установки будущих супругов совпадают у 68% пар, в 68% из которых отношение к сожительству в целом положительное и в 2% отрицательное. Таким образом, мы можем говорить об изменении ценностных установок на факт девственности у девушек.

Также в ходе опроса были выяснены установки женихов и невест относительно добрачных сексуальных отношений. Из всех опрошенных отрицательно по поводу сексуальных отношений до брака высказали лишь 2% респондентов. Оставшиеся 98% считают добрачные сексуальные отношения в целом допустимыми. В числе их противников преобладают мужчины – 2% к 1%.

Заметим, что, по нашим данным, установки относительно совместной жизни вне зарегистрированного брака и добрачного сексуального поведения практически не зависят от образования, социального статуса, места жительства и характеристик родительской семьи.

С ростом числа разведенных людей вопрос о *брачном статусе* вступающих в брак является важным. Из всей совокупности опрошенных в первый брак вступают 81% респондентов. При этом 12 из 19% разведенных женихов и невест уже имеют детей от предыдущих браков. Вдов и вдовцов среди респондентов не встретилось.

Данные показывают, что доли женихов и невест, вступающих в повторный брак, равны – в среднем по 12% тех и других от всего контингента. Обращает на себя внимание разница между числом мужчин и женщин с детьми. Так, имеют детей от предыдущих браков 11% невест и лишь 1% женихов.

Одна из гипотез исследования гласила, что на брачный выбор оказывает влияние *факт миграции будущих супругов* (Ryazantsev et 2014; Ryazantsev et al 2015; Ryazantsev et al 2015 а). В связи с этим опрошенным предлагалось ответить на вопрос, сколько лет они проживают в Москве. Как выяснилось, факт миграции одного из будущих супругов не оказывает существенного влияния на брачный выбор женщин в возрастной группе от 27 до 30 лет.

Браки в других возрастных группах с одинаковой частотой заключаются между всеми выделенными категориями: коренные жители, проживающие в Москве свыше 10 лет, от 5 до 10 лет и т. д. (см. Таблицу 2)

Таблица 2

Возраст	Влияние миграции на заключение брака (%)					
	18-22 68/63		23-26 63/69		27-30 52/51	
	невеста	жених	невеста	жених	Невеста	жених
Проживаю в Москве свыше 10 лет	46	41	60	57	62	59
Проживаю в Москве от 6 до 10 лет	16	10	14	14	16	17
Проживаю в Москве от 1 до 5 лет	13	17	12	12	12	13
Проживаю в Москве менее 1 года	11	13	11	12	8	7
Проживаю в другом городе, стране, имею временную регистрацию	14	19	3	5	2	4

Большая доля браков между коренными жителями (38%) объясняется преобладанием их в общем числе опрошенных.

Следует отметить, что среди коренных жителей города больше женщин (62% в возрастной группе от 27 до 30 лет), а среди тех, кто проживает в Москве менее года – мужчин 13% и 19% в возрасте от 18 до 22 лет.

В остальных категориях мужчин и женщин примерно поровну. Встретились и такие, кто не проживает в Москве постоянно, но, имея временную регистрацию, решил зарегистрировать свой брак – 7,8 % от всего числа опрошенных.

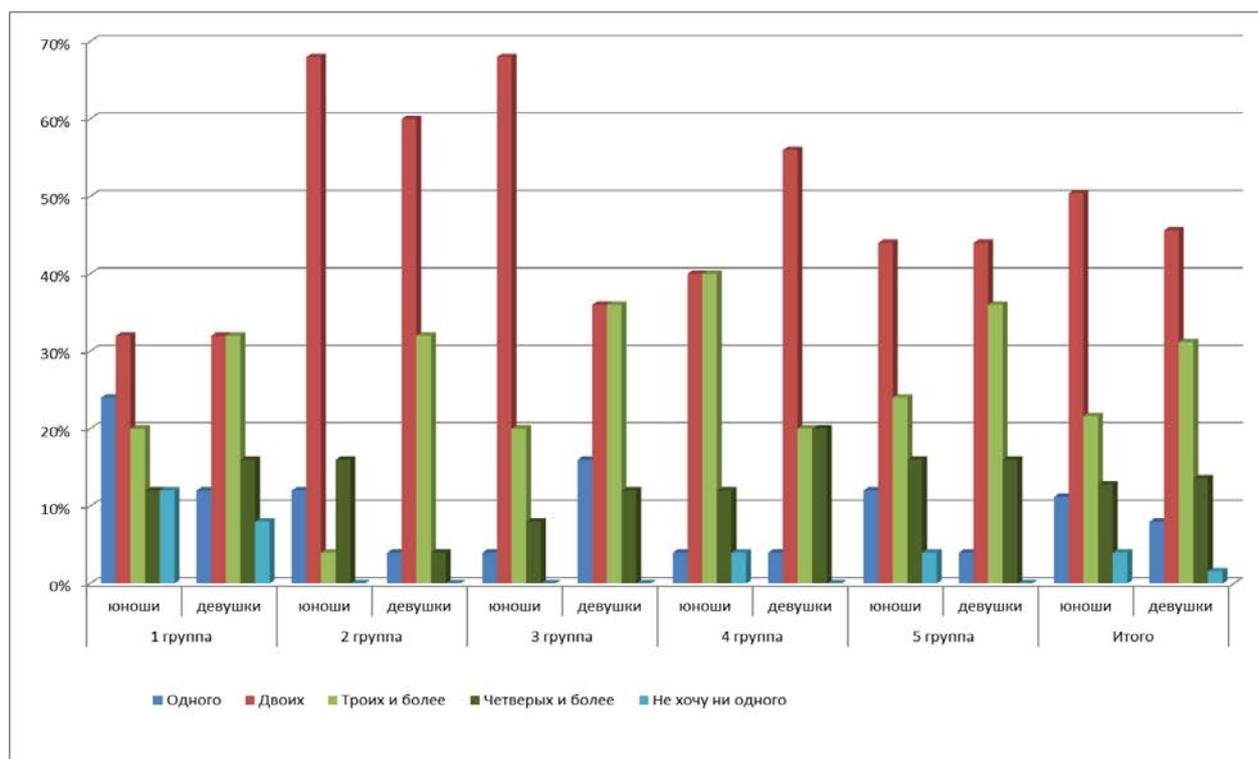
Полученные данные свидетельствуют, что на вероятность заключения брака мало влияет *совпадение религиозных установок* будущих супругов, за исключением татар и народностей, проживающих на Кавказе.

При этом наблюдается некоторая унификация установок на количество детей в браке.

Таблица 3

Сколько бы Вам хотелось иметь детей, если бы для этого были созданы все необходимые условия?
(% от общего количества юношей и девушек по каждой из пяти групп)

	1 группа		2 группа		3 группа		4 группа		5 группа		Итого	
	Юноши	девушки	юноши	девушки								
Одного	24%	12%	12%	4%	4%	16%	4%	4%	12%	4%	11%	8%
Двоих	32%	32%	68%	60%	68%	36%	40%	56%	44%	44%	50%	46%
Троих и более	20%	32%	4%	32%	20%	36%	40%	20%	24%	36%	22%	31%
Четверых и более	12%	16%	16%	4%	8%	12%	12%	20%	16%	16%	13%	14%

Относительно возраста респондентов. Были представлены группы молодежи, начиная с 15 лет и заканчивая 30 годами. На наш взгляд, такая выборка дает сделать некоторые прогностические заявления не только относительно сексуально-матримониального поведения, но и репродуктивного также, что позволит выявить тенденции в демографической ситуации в России.

Таблица 4

Распределение возраста респондентов

	1 группа		2 группа		3 группа		4 группа		5 группа		Итого	
	юнош и	девушки	юнош и	девушки	юнош и	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	Девушки
15 лет	4%	4%	-	4%	-	-	-	-	-	-	1%	2%
16 лет	44%	24%	16%	16%	28%	20%	-	-	-	-	18%	12%
17 лет	36%	32%	32%	24%	48%	72%	-	-	-	-	23%	26%
18 лет	16%	40%	28%	44%	24%	8%	16%	12%	-	-	17%	21%
19 лет	-	-	16%	8%	-	-	40%	36%	-	-	11%	9%
20 лет	-	-	8%	-	-	-	24%	24%	4%	8%	7%	6%
21 лет	-	-	-	-	-	-	16%	20%	-	12%	3%	6%
22 лет	-	-	-	-	-	-	4%	8%	4%	4%	2%	2%
23 лет	-	-	-	-	-	-	-	-	20%	-	4%	-
24 лет	-	-	-	-	-	-	-	-	8%	20%	2%	4%
25 лет	-	-	-	4%	-	-	-	-	16%	8%	3%	2%
26 лет	-	-	-	-	-	-	-	-	12%	20%	2%	4%
27 лет	-	-	-	-	-	-	-	-	28%	16%	6%	3%
28 лет	-	-	-	-	-	-	-	-	8%	8%	2%	2%
29 лет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4%	-	1%

Для различных этнических групп до сих пор предпочтительным является знакомство через посредничество родителей, знакомых. Вместе с тем эпоха глобализации и Интернета расширяет возможности завязывания знакомств интимно-личного плана, которые могут приводить как к устойчивым интимным отношениям, так и браку впоследствии.

Таблица 5

Где Вы познакомились с Вашим избранником (избранницей)?
 (% от общего количества юношей и девушек по каждой из пяти групп)

	1 группа		2 группа		3 группа		4 группа		5 группа		Итого	
	юноши	девушки	юноши	Девушки								
В местах отдыха и проведения досуга	24%	20%	28%	16%	28%	16%	12%	36%	28%	36%	24%	25%
На улице, в транспорте	12%	4%	12%	16%	24%	8%	4%	4%	20%	4%	14%	7%
Познакомили родители, родственники	4%	8%	4%	-	8%	8%	8%	-	4%	4%	6%	4%
В школе	36%	-	4%	-	8%	16%	16%	24%	4%	-	14%	8%
В вузе	4%	4%	20%	16%	-	16%	16%	20%	16%	4%	11%	12%

Живете на одной улице, в одном доме	20%	4%	4%	8%	-	8%	-	-	-	36%	5%	11%
Дали другой ответ	-	-	20%	28%	-	16%	-	16%	28%	-	10%	12%
Нет избранника	-	60%	8%	16%	32%	12%	44%	-	-	16%	17%	21%
На улице, в транспорте	12%	4%	12%	16%	24%	8%	4%	4%	20%	4%	14%	7%

Следует отметить, что на сегодняшний день избирательность знакомств обусловила создание в интернете специализированных сайтов, направленных на знакомство людей с ориентацией: а) на национальность, страну; б) на конфессиональную принадлежность (знакомства с мусульманами и для мусульман, христианские знакомства, знакомства для кавказцев, знакомства для евреев и т.д.); в) на специфические особенности людей (знакомства для инвалидов и т.п.). Закрытость отдельных групп не позволяет провести более глубокое интервьюирование. Однако напряженность в обществе создает установки на поиск партнера в своей этнической группе. Анализируя гендерные характеристики, можно выделить ряд параметров, прямо и косвенно способствующих либо препятствующих вступлению в добрачные отношения. На первый план выходят те, которые повышают их самооценку, прежде всего, в глазах будущей супруги, а также окружающих. К ним относятся наличие квартиры, уровень зарплаты и образовательный ценз. Для женщин это также наличие детей и национальность. Отношение к уровню образования женщины может быть различным со стороны женщины и ее избранника (Дюргейм 1996).

Женщины, вступившие в добрачные отношения, преимущественно русские. Группа женщин, не состоявших в браке, более многонациональна. Различие в национальности является существенным препятствием при вступлении в брак для женщин. Вероятно, от того, что мужчины прежде всего видят их в качестве будущих матерей для своих детей.

В целом национальность у мужчин не влияет на решение личных проблем, хотя группа «успешных» мужчин более многонациональна. Интернациональность среди вступивших в добрачные отношения гораздо больше представлена у мужчин, чем у женщин, которые преимущественно русской национальности.

Вместе с тем более высокий социальный и экономический статус приводит к поиску более привлекательного партнера по различным качествам (внешняя привлекательность, финансовая состоятельность, молодость, здоровье, уровень образования и т.д.), где уже этнический фактор перестает играть определяющую роль в выборе брачного партнера.

Дискуссия

В отечественном и зарубежном семьеведении конкурируют две взаимоисключающие позиции по поводу состояния семьи в современном обществе. Одна из них считает, что моногамия как таковая – утрачивается, семья переживает глубокий кризис, институт семьи изживает себя. Ученые, занимающие другую позицию, утверждают, что в семье происходят активные трансформационные процессы. В направлении изучения современных трансформаций в семье активно работают исследователи как в России, так в ближнем и дальнем зарубежье (Karepova et al 2015; Ostrovskaya et al 2001). Возникает проблема выбора норм поведения, предпочтительности этноса во внутреннем мире индивида (Karabulatova 2013; Karabulatova, Polivara 2013; Khachmafova et al 2015; Gabdrafikov et al 2015).

Термин «брак», который применяется в рамках данного исследования, обозначает долговременные, устойчивые, санкционированные обществом отношения живущих вместе мужчины и женщины. В этом определении «санкционированность обществом» отражается как социальная приемлемость незарегистрированных союзов, так и законная регистрация этих отношений. (Однако, в обыденном сознании слово «брак», как стало ясно из результатов интервьюирования, ассоциируется скорее с законной регистрацией, чем с фактическим супружеством.) Следовательно, изучаемый феномен можно было бы точнее называть «бракоподобными отношениями». Отечественные социологи обращают внимание на пять основных типов мотивации добрачных отношений: любовь, духовная близость, материальный расчет, психологическая адекватность и моральные соображения. Психологи выделяют еще одну группу мотивов, которая не осознается партнерами: общность интересов, интимная удача, взаимная легкость, выгода, боязнь одиночества, жалость, месть.

Направленность исследования добрачных отношений складывается под влиянием научных дискуссий о состоянии современной семьи: переживает ли семья глубокий ценностно-мотивационный кризис, вследствие чего институт семьи изживает себя; или же в современном российском обществе, как и во многих зарубежных странах, происходят трансформационные процессы. В научных работах, которые исследуют добрачные отношения, рассматриваются вопросы институциональных изменений семейно-брачных отношений, проблемы трансформации семьи, сопровождающиеся модификациями её функций.

Добрачные отношения рассматриваются как комплексный процесс, включающий в себя две

основные разновидности: свидания и совместное проживание (Вейнингер 1991). Эти отношения обладают сходствами в вопросах приватности, чрезвычайной интенсивности и эмоциональной вовлеченности партнеров. Далее отмечается, что в добрачный период формируются ценности, мотивации, модели поведения, которые в дальнейшем прямо или косвенно проявятся в брачно-семейных отношениях.

Заключение

Молодежь, находящаяся в добрачных отношениях, наиболее остро нуждается в особом внимании, а изучение их образа жизни и основных проблем, которые может дать ключ к пониманию процессов трансформации института семьи в целом, его места в современном российском обществе. На основании результатов проведенного исследования можно сделать вывод о том, что имеющие место изменения в сфере семьи представляют собой определенную модернизацию и являются этапом эволюции семьи как института, а не её упадком. Эти данные коррелируются с результатами, полученными другими исследователями (Ryazantsev et al 2014; Зидер 1997; Голод 2004; Постл 2003; Антонов 2000; Cliquet Robert 2015). Данный этап представляет собой процесс укрепления институциональной сущности семьи, который соответствует сегодняшним общественным потребностям. Материалы данного исследования показывают, что большинство пар, живущих вместе без официальной регистрации не отказываются от семьи, как таковой, а напротив, проявляют явное стремление к ней, что подтверждает их забота о детях и друг о друге.

Портрет среднестатистического респондента, делающего выбор брачного партнера, содержит следующие характеристики (см. таблица 6).

Таблица 6

Основные характеристики молодежи, делающей брачный выбор

№ п/п	N= 366 чел Наименование	Мужчины N=140			Женщины N=226		
		16-19 лет	20-24 года	25-29 лет	16-19 лет	20-24 года	25-29 лет
1.	Наличие детей:						
	- 1 ребенок	1	3	5	2	5	21
	- 2-3 ребенка	0	1	2	1	2	19
	- нет детей	42	43	43	95	35	46
2.	Образование:						
	- высшее	0	31	30	0	48	25
	- среднее	20	6	5	11	65	41
	- средне-специальное	23	21	21	14	10	12
3.	Зарплата:						
	- высокая	11	16	21	8	12	10
	- средняя	15	21	19	13	35	59
	- низкая	18	10	9	44	23	22
4.	Рост:						
	- до 169 см	13	18	14	48	45	39
	- от 170 до 180 см	15	21	23	29	31	23
	- выше 181 см	8	9	19	2	4	5
5.	Национальность:						
	- русский	34	30	30	53	47	44
	- другая национальность	14	11	21	29	31	22
6.	Жилищные условия:						
	- собственная квартира	11	21	32	9	27	39
	- комната в общежитии	14	11	4	28	13	11
	- с родителями	22	15	10	43	29	27
7.	Период проживания в мегаполисе или в области:						
	- с самого рождения	10	9	11	17	28	21
	- от 1 до 5 лет	13	10	16	13	15	21
	- от 6 до 9 лет	10	8	13	18	19	16
	- свыше 10 лет	12	14	14	19	22	17
8.	Состояли раньше в браке:						
	- да	12	8	10	15	23	23
	- нет	61	21	28	70	51	44

Обращает на себя внимание преобладание женщин (старше 25 лет) относительно выборки. По-видимому, с возрастом женщинам становится сложнее знакомиться в силу меньшего количества подходящих им по возрасту и не состоящих в браке мужчин. Наряду с этим у них возрастают аффилиативные потребности: появляется желание создать семью, иметь детей, особенно если они их не

имеют.

Большинство мужчин, которые относятся к возрастной группе 25-29-летних, состояли раньше в браке. Однако после развода не спешат установить брачные отношения, поскольку распространено стереотипное мнение, что мужчине никогда не поздно жениться, что вся жизнь впереди. Сказывается необходимость подготовиться к семейной жизни, обрести профессию, социальный статус, жилье и т. д. Отметим, что мужчины чаще предпочитают женщин более молодого возраста. Нередко это связано с желанием иметь детей в новых отношениях. Зачастую их притязания явно завышены, что свидетельствует о неадекватной самооценке мужчин.

Около 33% женщин в возрасте 20-25 лет не планируют выбор брачного партнера, но допускают оформление добрачных отношений на непродолжительный период. Это характерно для женщин, проживающих свыше 5 лет в мегаполисе. Что касается женщин данной возрастной группы, проживающих в области, то, они, наоборот планируют выбор брачного партнера, одобряют добрачные отношения при условии заключения официального брака. Принимая во внимание, что сложившаяся демографическая ситуация не в пользу женщин в возрасте 25-30 лет, – малый выбор возможного партнера соответствующего возраста, приводит к потере надежды вступить в этап оформления добрачных отношений и потом зарегистрировать отношения.

Отметим, что молодые женщины (до 30 лет) более охотно, чем мужчины их возраста, часто занимают активную жизненную позицию, пытаясь самостоятельно решить личные проблемы, но нередко испытывают затруднения в выборе партнера.

Женщины чаще, чем мужчины, делают выбор брачного партнера и пытаются создать семью. Однако мужчины возрастной группы 25-29 лет приобретают более целенаправленную брачную мотивацию, рассматривая эти попытки как последний шанс. И если некоторые из них непосредственно говорят об этом, то другие пытаются произвести впечатление человека бесстрастного, для которого выбор брачного партнера и создание семьи не столь значительно.

Сложная демографическая ситуация, заключающаяся в депопуляции, которая наблюдается не только в России, но и в других европейских странах, актуализирует проблему научного анализа брачно-семейных отношений. На современном этапе особенностью развития брачно-семейных отношений является большое количество разводов, легитимизация добрачных отношений, увеличение числа внебрачных детей (Фернхем, Хейвен 2001).

Брачный выбор, являясь первым и ключевым этапом формирования семьи, имеет решающее значение для дальнейшего ее развития, ведь многие факторы риска разрушения брака имеют место уже в момент его заключения (Филипс 2002). На основе проведенного авторского исследования подтвержден вывод социологов, что молодые люди в своем большинстве ориентированы на семью и семейные отношения (THE FUTURE OF FAMILIES TO 2030 PROJECTIONS, POLICY CHALLENGES AND POLICY OPTIONS 2015). Семья выступает в качестве ведущих ценностей современного российского общества.

Выявлено, что гендерная модель добрачных отношений проявляется в сфере разделение труда, власти, эмоциональных и сексуальных отношениях при сохранении гендерной асимметрии. В ценностной системе соотносятся патриархатные и эгалитарные компоненты. Произошло усиление матриархатных ценностей, повышение статуса женщины в семье, ее роли при управлении доходами.

Добрачные отношения молодежи представляют собой совокупность повторяющихся взаимодействий между молодыми партнерами, которые направлены на удовлетворение различных потребностей личности (Кон 2010; McDonald 2000; Karabulatova et al 2015; Гидденс 2004). Добрачные отношения молодежи (до 30 лет) представляют собой экспериментальный, хозяйственно-бытовой и сексуальный союз совместно проживающих женщины и мужчины, дающий возможность проверить партнеров на совместимость, на их готовность к полноценному браку, а также способствующих приобретению определенных социальных компетенций, обязательных в семейной жизни. Для других возрастных групп (после 30 лет) целесообразно добрачные отношения рассматривать как сожительство.

Заключение брака является значимым событием в жизни личности, влияющим на ее дальнейшую судьбу. Это согласуется с пониманием этого жизненного события как поворотного этапа, связанного с принятием важных решений на длительный период жизни (Переверзева 2012; Здравомыслова 2003).

Добрачные отношения представляют собой гендерный феномен, который обладает рядом особенностей: имеет асимметрию – определенное неравенство на этапе выбора партнера и в начале формирования добрачных отношений. Добрачные отношения воспринимаются молодежью как социальная норма или отклонение в зависимости от половозрастных признаков, этноконфессиональной принадлежности, типа поселения, образования, жилищных условий, финансовой состоятельности, наличия детей и возможностью деторождения.

Библиографический список

1. Антонов А. И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. - М.: «Грааль», 2000.-416 с.
2. Архипова Е. Кризисы семейной жизни. – К.: изд. «Фарес», 2006. С.94-128.
3. Вейнингер О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики. Пер. с нем. - М.: Форум XIX- XX-XIX, 1991. - 192 с.

4. Gabdrifkov et al (2015) – Gabdrifkov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov Kh., S. Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia. In the: *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015. Vol 6, No3, Supplement 4, May 2015. – pp.: 213-223. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s4p213 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6732/6446>
5. Гидденс Э. Трансформация интимности /Перев. с англ. В.Ф. Анурина - СПб.: Питер, 2004.-208 с.
6. Голод С.И. Сексуальность, гендер и семья: социологическая интерпретация / Часть 1. / Человек. - 2004. - № 4. С. 113-123.
7. Дюргейм Э. Социология образования: Пер. с фр. Т.Г. Астаховой. Науч. ред. В. С. Собкин, В. Я. Нечаев. - М.: ИНТОР, 1996. - 80 с.
8. Здравомыслова О.Н. Семья и общество: Гендерные измерения российской трансформации. - М.: Эдиториал УРСС, 2003.
9. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII - XX вв.) /Пер. с нем. Л.А. Овчинцевой; науч. ред. М.Ю. Брандт. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. - 302 с.
10. Карабулатова И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. Тюмень: издательство «Академия», 2004. – 268 с.
11. Karabulatova I.S. The problems of linguistic modeling of new Eurasian linguistic personality in multilingual and mental environment (by example of onomasphere). In the: *Middle-East Journal of Scientific Research* 17 (6): 791-795, 2013. ISSN 1990-9233. © IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12262. [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(6\)13/15.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(6)13/15.pdf) <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17%286%2913.htm>.
12. Karabulatova I.S., Polivara Z.V. Turkic and Slavs: bi-polylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region). In the: *Middle-East Journal of Scientific Research* 17 (6): 832-836, 2013. ISSN 1990-9233. © IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12263 [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(6\)13/22.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(6)13/22.pdf) <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17%286%2913.htm>.
13. Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи. In the: *Социс*. 2012. № 6, С. 120-122.
14. Кон И.С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. – М.: Время, 2010. - 608 с.
15. Ostrovskaya et al (2015) - Ostrovskaya T.A., Karabulatova I.S., Khachmafova Z.R., Lyaucheva S.A., Osipov G.V. The Discourse of the Russian Elite in the ERA “Liquid” Modernity as a Problem of Ethnic, Social and Cultural Security. In the: *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015. Vol 6, No3, S4, May 2015. – pp. 147-154. <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6723/6437>
16. Переверзева О.В. «Добрачные отношения молодежи: ценностный аспект». – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, 2012.
17. Постл Г. С Фрейдом и против Фрейда: Люс Иригарэ // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып. 3. - М.: РГГУ, 2003. - 309 с.
18. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. - СПб.: Питер, 2001.-368 с.
19. Филипп Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ / Под ред. А.И. Антонова. - М.: «Грааль», 2002. - 176 с.
20. THE FUTURE OF FAMILIES TO 2030 PROJECTIONS, POLICY CHALLENGES AND POLICY OPTIONS A Synthesis Report. <http://www.oecd.org/futures/49093502.pdf> (дата доступа 10.08.2015).
21. Cliquet Robert. Major trends affecting families in the new millennium – Western Europe and North America - <http://www.un.org/esa/socdev/family/Publications/mtcliquet.pdf>(дата доступа 10.08.2015).
22. Höhn, C. (ed.) (2001), Demographic and Cultural Specificity and Integration of Migrants. 1st Workshop organised by the Federal Institute for Population Research in Co-operation with the Network for Integrated European Population Studies (NIEPS), 10-121 November 2000, Bingen, Germany. Materialien zur Bevölkerungswissenschaft, Heft 103. Wiesbaden: Bundesinstitut für Bevölkerungsforschung.
23. Karabulatova et al (2015) – Karabulatova I.S., Khachmafova Z.R., Bricheva M.M., Nescheretova M.T. & Bersirova A.K. Linguopragmatic Aspect of "Search for the Ideal" in the Discourse of Female Fiction as a Reflection of Matrimonial-Demographic and Sexual Behavior in Contemporary Russian Society. *Review of European Studies*. 2015. Vol. 7. No 6 (2015). – pp.: 35-45. Received: February 28, 2015 Accepted: March 20, 2015 Online Published: April 24, 2015 doi:10.5539/res.v7n6p35 URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/47980/25754>
24. Karepova et al (2015) - Karepova S. G., Karabulatova I. S., Novikov V. S., Klemovitsky S.V., Stratan D. I., Perova A. E. New Approaches to the Development of Methodology of Strategic Community Planning. In the: *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015. Vol 6, No3, S.6. – pp.357-364 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6831/6539> DOI: [10.5901/mjss.2015.v6n3s6p357](https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s6p357)
25. Khachmafova et al (2015) – Khachmamova Z.R., Karabulatova I.S., Luchinskaya E.N., Osipov G.V. Gender Features of Discourse of Woman’s Literature as a Reflection of Changes in the Modern Society. In the: *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015. Vol 6, No3, S.2, May 2015. – pp.: 476-481. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p476. <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6528/6255>
26. McDonald, P. (2000), Gender Equity, Social Institutions, and the Future of Fertility. *Journal of Population Research*, 17, 1: 1-16.
27. Ryazantsev et al (2014) – Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov.

Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. In the: Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014 Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. Received: June 20, 2014 Accepted: July 16, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1.

<http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40806/22527> (date of access 22.02.2015).

28. Ryazantsev S.V. et al (2015) - Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Sivoplyasova S.Yu., Pismennaya E.E., Mashin R.V. Modern Aspects of Human Trafficking in the Context of Labor Exploitation and Irregular Labor Migration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.2, May 2015. – pp.: 67-72. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p67

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6465/6195>(date of access 20.08.2015).

29. Ryazantsev S.V. et al (2015a) - Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Mashin R.V., Pismennaya E.E., Sivoplyasova S.Yu. Actual problems of human trafficking in Illegal immigration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.1, May 2015 (a). – pp.: 621-626. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s1p621 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6451/6185>(date of access 12.08.2015).

30. Van Peer, C. (2002) - Van Peer Desired and Achieved Fertility. In: E. Klijzing and M. Corijn (eds.), Dynamics of Fertility and Partnership in Europe. Insights and Lessons from Comparative Research. Volume II. New York and Geneva: United Nations, pp. 117-142.

1.7. ВНЕПРАВОВОЕ И ТЕНЕВОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Овчинников А.И.

Мамычев А.Ю.

Литвинова С.Ф.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
k_fp3@mail.ru, tamychev@yandex.ru, svetlana.litvinova@vvsu.ru

Аннотация. Исследователи рассматривают различные формы функционирования публичной власти и в частности власти государственной. Авторами аргументируется, что кроме институционально-нормативных и структурно-функциональных характеристик, публичная власть реализуется и внеправовой форме, которая выступает комплексным понятием по отношению к таким формам, как «неформальная», «теневая», «неправовая». Доказывается, что данная форма деятельности государственной власти не опосредованная правом и может иметь как формально-публичный, так и неформальный, теневой и неправовой характер. В содержании работы показывается, что внеправовые формы деятельности ведут не только к негативным, но и к позитивным эффектам - к развитию системы государственной власти, политических форм и режимов, способов государственно-правового воздействия на политическую, экономическую, социальную и другие системы общества. Так, в ряде случаев реализуемые внеправовые, но легитимированные обществом формы государственного воздействия на политические процессы могут получить институционально-нормативное оформление. Кроме того, авторы выделяют причины и факторы развития данной формы, а также дают содержательный анализ неформальной властной деятельности, теневого властного взаимодействия и теневых форм отношений, неправовых практик, неправового пространства и теневого права.

Ключевые слова. Внеправовая деятельность, государство, политическая система, публичная власть, теневое право.

Введение

Традиционно деятельность публичной власти в политической системе общества рассматривают в институционально-нормативном и структурно-функциональном аспектах, безусловно, важных для ее функционирования. Посредством их анализа выявляются сущность, основные функции и задачи, социальное назначение и роль власти в политической жизни общества. Однако очевидно, что это не единственное измерение, форма деятельности публичной власти и ее взаимодействия с иными политическими субъектами. Существует целый спектр форм репрезентации публичной власти, и прежде всего государственной власти в политической жизни общества, которые сегодня исследованы недостаточно. К ним, прежде всего, следует отнести «внеправовую», и «теневую» деятельность публичной власти в современном государственно-правовом процессе. Справедливо в этом плане отмечает А.И. Соловьев, что систему государственной власти, место и роль этой публичной власти и специфику ее функционирования в политической системе рассматривают, «как правило, через перечень ее организационных принципов и функций (дисфункций), деятельность бюрократии, особенности институциональной структуры и ее параметры, в конечном итоге раскрывающие политическую и административно-правовую природу этого явления. Однако при таком, в общем-то, вполне правомочном подходе в первую очередь исследовалось легальное пространство государственного управления, а все иные его проявления едва ли не автоматически относились к частным девиациям и вкраплениям изживаемых его эволюцией “родимых пятен”» [12]. Вообще, по справедливому замечанию известного исследователя Стивена Льюкса, достаточно важно при анализе феномена «власть», властных отношений, разворачивающихся в обществе «учитывать те аспекты, которые менее всего поддаются наблюдению, ибо власть, без сомнения, тем эффективнее, чем менее она заметна» [6].

Поэтому анализ публичной власти в современном обществе предполагает рассмотрение различных форм ее функционирования, которые далеко не исчерпываются традиционным структурно-функциональным и институционально-нормативным анализом. Более того, следует констатировать, что развитие политической системы, форм ее организаций – усложнение структуры потребностей, возникновение новых рисков и угроз на современном этапе эволюции государственно-правовой жизнедеятельности позволяют говорить о возрастающей роли публичной власти и, прежде всего, власти государственной, а также публичных технологий управления в жизни людей.

Обзор литературы

Традиционно государственная власть исследуется либо в качестве основного субъекта, центрального элемента (подсистемы) политической системы [5], либо в качестве системы государственных органов [7], специфической организационно-правовой формы деятельности [4] или системы властных полномочий [8] и проч. Если систематизировать различные специализированные исследования, посвященные государственной власти, нетрудно увидеть, что именно институционально-правовой и

структурно-функциональный подходы превалируют в интерпретации понятия, особенностей и содержания данной формы публичной власти.

Наиболее известными и фундаментальными исследованиями, анализирующими внеправовую деятельность публичной власти, являются работы немецкого политолога и юриста К. Шмитта. Для него внеправовая деятельность вообще выступает критерием «подтверждения» верховенства власти в государстве, а способность к внеправовым формам осуществления власти является атрибутивным свойством всякой государственной воли, ее отличительным признаком от иных форм политической власти. Немецкий политолог считает, что правовые нормы, обеспечивающие режим законности и правопорядка, нуждаются в однородной ситуации, поскольку норма, как известно, регламентирует уже сложившиеся, типичные общественные отношения: «Норма нуждается в усредненной, однородной ситуации. Эта нормальность на самом деле не является просто внешней предпосылкой, которую юрист может игнорировать; напротив, она имеет прямое отношение к имманентной деятельности нормы. Не существует норм, применяемых к хаосу. Сначала должен быть установлен порядок: только тогда правовая система имеет смысл» [14].

В этом плане смысл и назначение верховной, суверенной государственной власти заключаются в создании этой «нормальной ситуации», хаос, нестабильность, переходность и т.п. должны быть сначала упорядочены суверенной властью. Именно государственная власть в своей внеправовой деятельности (внеправовой, поскольку норма права не предусматривает и не может предусмотреть формы, способы и режимы функционирования власти в период нестабильности, хаоса, чрезвычайных ситуаций, здесь она бессильна), и только в ней, «создает нормальную ситуацию». Другими словами, только государственная власть принимает окончательное властно-волевое решение - действительно ли воцарится это состояние нормальности и определенный политический порядок, выражающий эту «ситуацию нормальности». При этом «каждое право является *“правом, применяемым к ситуации”*». Следовательно, сущность государственной власти, по мысли К. Шмитта, «правильно было бы определить не как монополию санкции или власти, а как монополию решения... Исключительный случай делает очевидной и более ясной сущность государственной власти. Здесь решения отличаются от правовой нормы, и власть демонстрирует, что *не нуждается в праве, чтобы создать право...* Исключение интереснее нормального случая. Последний ничего не доказывает, а исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило: само правило живет исключением» [14]

Даже в относительно устойчивом режиме функционирования политической системы, т.е. когда сложилась, например, демократическая конфигурация публично-властного взаимодействия между личностью, обществом и государством, возникают периоды так называемого «внеправового согласия» по поводу стратегии государственного развития, приоритетных целей правовой политики и т.п., формирующие «политический коридор возможностей», основанный на гражданском доверии и признании политической повестки [18]. Это общественное согласие и доверие может легитимировать законодательно не оформленные виды деятельности, направленные на скорейшее решение острых национальных задач, удовлетворение потребностей и интересов: «Получая от граждан тот или иной мандат доверия, государство формирует некий политический коридор возможностей для своего административного аппарата, в рамках которого и осуществляется оперативное и непосредственное управление общественными отношениями» [12].

В современной научной литературе доказывается, что реализуемые внеправовые, но легитимированные обществом формы государственного воздействия на общественные процессы могут получить (в силу своей успешности, эффективности, полезности, адекватности социально-политическому развитию общества) институционально-нормативное оформление [15; 21]. В этом контексте целесообразно подчеркнуть, что на государственном уровне национальные интересы (сбалансированные и гармонизированные интересы личности, общества и государства) являются сами по себе достаточно абстрактными, содержание их подобно «плавающим рамкам интерпретации», что позволяет государственной власти не только «субъективировать» управленческие акценты и приоритеты, но и выбирать более эффективные и экономически целесообразные формы и методы их реализации с точки зрения технологического, бюрократического типа политической рациональности.

Отметим, российского юридического и политического мышления внеправовые формы деятельности государственной власти, практики создания временных, чрезвычайных и иных публичных институтов власти для решения возникающих проблем, рисков, угроз являются вполне традиционными. Так, например, по мнению известного историка и политолога, одним из характерных и важнейших свойств русской системы публичного управления является ее внеправовой или, точнее, неинституционально-правовой характер. Здесь «основным элементом, “актором” администрации является не “институт”, а всякого рода “чрезвычайные комиссии” (ЧК). Разница между институтом и ЧК состоит в том, что первый орган конституционный, его существование закреплено в основополагающих нормативных актах; он действует в границах правового поля, его функционирование не ограничено во времени, полномочия четко определены и известны обществу... Вторые создаются тогда, когда задачи управления не решаются посредством институтов. Существование ЧК не закреплено в фундаментальных нормативных актах. Для этих органов возможен выход за пределы права; их действия нередко носят полусекретный (или даже секретный) характер; во всяком случае, общество знает о деятельности ЧК далеко не все» [9].

В российских исследовательских практиках анализировалась также внеправовая деятельность государственной власти, связанная, прежде всего, с идеократическим элементом ее функционирования. Здесь традиционно политические, юридические и экономические институты и учреждения не имели самоценного и самодостаточного статуса, как наблюдается в западной политико-правовой традиции (где происходит фетишизация политических и правовых институтов), а по большому счету были ценностями вторичными, прикладными, обеспечивали в социальной действительности представление и реализацию ценностей первичного характера, таких как социальная правда, справедливость, порядок, гармоничность, духовная и нравственная свобода и т.п. При этом эффективность государственной и правовой жизни обуславливалась верой в правду, в социальную справедливость, т.к. уважение к правде значило намного больше, чем разумные законы и рационально организованные юридико-политические и социально-экономические институты.

Эти методологические воззрения к внеправовой деятельности государственной власти основываются на том, что существующие социальные, политические и правовые ценности неравнозначны и разнохарактерны, имеют различное социокультурное и духовно-нравственное содержание и значение. Например, конкретный политический и правовой порядок устанавливает и поддерживает посредством юридических и политических институтов, механизмов и средств определенную упорядоченность, желаемое социально-правовое состояние (*замиренную среду* – Б.А. Кистяковский), в контексте которого взаимодействуют политические субъекты, удовлетворяя частные и публичные интересы и потребности.

Однако в этом случае социокультурной ценностью является сам порядок отношений, а конкретные правовые, социальные, политические институты и механизмы выступают лишь *средством, инструментом* его воплощения и поддержания, т.е. представляются в качестве ценностей второго порядка. В силу этого политические институты и государственные учреждения, модели и механизмы взаимодействия формируют (должны формировать!) на уровне публичного дискурса единую публично-властную среду развития и функционирования общественных отношений, которая, в свою очередь, обеспечивает упорядоченность социальных отношений и отражает специфику и закономерности развития социокультурной системы [17]

Методы и материалы

Внеправовая форма деятельности публичной власти будет рассматриваться нами в качестве комплексного и широкого (в содержательном плане) понятия по отношению к таким формам, как «неформальная» и «теневая» деятельность, поскольку последние по определению являются внеправовыми, т.е. не урегулированными правом или нарушающими правовые установления. Это, безусловно, не означает, что данные формы деятельности являются негативными факторами развития государственно-правового процесса. Напротив, довольно часто внеправовые формы деятельности ведут к позитивным эффектам - к развитию системы государственной власти, форм, режимов, способов государственно-правового воздействия на политическую систему, общественную организацию в целом. Иными словами, внеправовая деятельность выражена в различных видах формальной и неформальной деятельности государственных органов, их должностных лиц, которая или не опосредована правом (действующим законодательством), или противоречит ему (нарушает действующее законодательство).

С теоретико-методологической точки зрения выделим комплекс факторов, который по нашему мнению влияет на развитие внеправовой и теневой деятельности публичной власти:

- внеправовая деятельность связана с кризисными, чрезвычайными и иными нестандартными ситуациями, а также с характерными для транзитивного периода эффектами социально-политической аномии и дисномии;
- формирование в государственно-правовой практике «внеправового согласия» по поводу стратегии государственного развития, приоритетных целей правовой политики и т.п., формирующие «политический коридор возможностей», основанный на гражданском доверии и признании политической повестки дня;
- динамичность, а порой и неповторимость общественных отношений, с которыми имеет дело государство, формируют ситуации, при которых не каждое социально-политическое явление и процесс оказываются предопределены правовой нормой и требуют мобильной внеправовой активности;
- возникновение и развитие деформаций в политическом и правовом мышлении граждан, должностных лиц, а также снижение эффективности и легитимности деятельности публично-властных органов и структур;
- развитие авторитарных имитационных демократических политических систем, довольно часто использующих внеправовые формы государственной деятельности, в которых для легитимации власти осуществляется «ритуализация» избирательной системы, виртуализация социально-политической активности госаппарата, иллюзорность подконтрольности политической элиты, «плавающих рамок» справедливости и двойных политических стандартов, «индикативный характер» правовой активности населения, а также оценка (количественная, статистическая, а не качественная) законности и правопорядка по формальным индикаторам и т.п.

Результаты и обсуждение

Внеправовая форма - это деятельность публичной власти, не связанная и не опосредованная правом

(хотя в некоторых случаях она может быть не урегулирована правом, но соответствовать действующему конституционно-правовому строю и духу институционально-правового порядка), которая может иметь как формально-публичный, так и неформальный, теневой и неправовой характер.

Важно подчеркнуть, что внеправовая форма публичной власти, а особенно ведущей формы публичной власти – государственной, так же важна и значима, как и правовая: точно так же как и правовая форма деятельности, она выражает сущность и назначение того или иного политического института, конкретизирует его сущность, опосредует способы, методы и средства публичного воздействия на общественные процессы и т.д. С точки зрения А.М. Витченко реальная политическая практика «свидетельствует, что не все государственные веления оформляются правом. Если признать, что государство функционирует только в рамках права, то придется допустить, что отсутствие правового установления в какой-либо сфере общественной жизнедеятельности неминуемо повлечет бездействие государства в тех случаях, когда государственная задача не может быть решена в связи с тем, что она не вписывается в ранее изданный нормативный акт. Правовое оформление государственной деятельности не является всеобъемлющим фактором» [3]

В теоретико-практическом плане внеправовую деятельность государственной власти можно рассматривать в различных аспектах. Связано это в первую очередь с тем, что правовая регламентация, как справедливо отмечает А.М. Витченко, не поглощает все без исключения веления государства. Возможность свободного усмотрения государственной власти имеется во многих сферах ее жизнедеятельности. Государство повелевает и в тех случаях, когда “молчит право”. Обусловлено это не только сложностью и многогранностью государственной деятельности, но и динамичностью, а порой и неповторимостью общественных отношений, с которыми имеет дело государство [16]. почему в общественной жизни иногда возникает такая ситуация, при которой не всякий случай властного решения бывает предопределен правовой нормой» [3].

Развитие неправовой формы деятельности государственной власти связано и с организационно-правовой структурой ее функционирования, а именно с возникающими деформациями в политическом и правовом мышлении граждан, должностных лиц; с низкой эффективностью и легитимностью деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных органов; с возникающими в переходный период политической организации эффектами правовой и политической аномии и дисномии. Причем эти деформации выражаются в массовых явлениях политического, правового и духовно-нравственного инфантилизма (несформированность и пробельность правовых и нравственных, этических взглядов, знаний, установок, представлений, идеалов и т.п.), нигилизма (игнорирование нравственных ценностей, требований закона, отрицание социальной значимости и ценности социально-нормативных систем и проч.), криминализации (сращивание правового сознания граждан, сотрудников правоохранительных и иных органов с преступными структурами).

Кроме того, деформации обуславливаются также процессами стереотипизации – формирования политических и юридических клише и стереотипов в процессе публично-властной деятельности. Как отмечает П.П. Баранов, наиболее характерными для данной формы деформации являются шаблоны, например, обвинительного уклона во властно-правовом взаимодействии уполномоченных должностных лиц с гражданами; презумпция собственной непогрешимости в решении профессиональных вопросов; стереотипы закрытости (практически «юридической сакральности») внутренней властно-правовой деятельности и жесткая внутренняя психологическая «самоцензура»; ориентация на ужесточение наказания и проч. [2].

Данные деформации порождают, по мнению исследователя, не только все сферы, но и уровни политической культуры и правосознания. Они вторгаются в область специализированных знаний, которыми пользуются граждане и должностные лица, разрушают политические, правовые и нравственные установки, чувства, убеждения, искажают политико-правовое и духовно-нравственное мировоззрение. Современные деформации политико-правового мышления во многом связаны с транзитивностью социально-политической организации российского общества, ломкой традиционных ценностей и мировоззренческих ориентиров развития, духовно-нравственной дезориентацией и социальной аномией. Все это обуславливает нигилистическое отношение к праву и существующей политической действительности. Нигилистическое отношение к политическому порядку и праву, бесспорно, является деструктивным фактором, разрушающим как саму политическую организацию общества, так и ее ценность, и активизируют процесс искажения политического и правового сознания и т.д.

Общеизвестно, что субъективный состав нигилистических отношений включает отдельных индивидов, склонных в своем правовом мышлении и поведении к делинквентной и криминальной форме реализации своих интересов и потребностей, социальные группы, организованные с целью достижения своих идейных и материальных целей неправомерными, неформальными или аморальными средствами, а также и должностных лиц государства, чиновников, ведомственных управленческих подразделений и т.п.

В свою очередь *теневые отношения* существуют и развиваются в различных секторах государственно-правовой жизнедеятельности, которые характеризуются информационной закрытостью определенных видов и моделей властных взаимоотношений субъектов от наблюдения, от общества, государства. Однако их отличие, например, от неформальных отношений, заключается в том, что если

официальные и неформальные властные отношения являются органическими процессами развития общества, усиливая друг друга (естественно, порой и противореча друг другу), то теневые отношения, возникающие как следствие функционирования этих процессов, представляют собой сознательный «уход» от существующих официальных нормативно-правовых моделей и властно-правовых форм отношений в экономике, политике, правовой жизни общества.

Другими словами, *теневые властные отношения* – это взаимодействие по поводу достижения определенных социально-политических целей и потребностей, осуществляемые в «теневом (скрытом) спектре событий», там, откуда никакая информация «вовне» (за рамки самих этих взаимодействий) не поступает и не подается официальной статистике и общественному контролю, т.е. в сфере информационной закрытости [11]. Благодаря этому фактору – тенефикации отношений, их закрытости создается особый мир противостоящей официальной институциональной системе. В рамках этого особого «закрытого мира» властного взаимодействия формируется такая ситуация, при которой теневые формы взаимодействия стимулируют окончательный уход чиновников и политиков «из правового пространства и создают неподконтрольные закону центры перераспределения ресурсов, в структурах власти и управления складываются теневые формы госрегулирования» [12]

В рамках функционирования госаппарата появляются негласные формы сетевого теневого взаимодействия с разнообразными скрытыми формами и правилами. Причем «негласная жизнь этой системы динамична и разнообразна, “бюрократические кроты” различных пород прорыли множество подземных ходов, через которые “секторы” интенсивно сообщаются, обмениваются закрытой информацией, кадры непрерывно перетекают из господствующего аппарата в негосударственные бюрократии и обратно... Сегодня подобные факты распространены настолько широко, что не вызывают не только удивления, но даже сколько-нибудь заметного общественного интереса. Заурядность происходящего, очевидно, притупила бдительность общества в отношении любых бюрократий, юридически не являющихся государственными, но фактически составляющих с нею единое целое, поддерживающих государственную администрацию, постоянно обменивающихся с нею кадрами, информацией, технологиями» [12].

Данное противопоставление официальному порядку властно-правового взаимодействия в современных политических системах имеет, прежде всего, не открытое противостояние, а напротив, скрытое, т.е. «невидимые» (для официальной статистики) практики «обхода» институционально-нормативных правил. Как отмечает известный французский антрополог Н. Рулан, сегодня откровенное нарушение закона таит в себе опасность. В большинстве случаев стараются всё-таки обойти закон [20]. Соответственно, развитие и расширение теневых отношений подтачивают и в конечном итоге разрушают официальные политико-правовые основы общества, являющиеся фактором дестабилизации и хаотизации порядка властного взаимодействия во всех сферах общественной жизни.

Как правило, теневые отношения возникают там, где существуют актуальные для общества проблемы, не находящие нормальных (официальных) форм и способов их решения, или там, где официальные способы вступают в противоречие со сложившимися практиками взаимодействия, разделяемыми большинством политических субъектов, а также там, где официальные способы устанавливают достаточно сложные или неизвестные (неапробированные общественным взаимодействием) процедуры реализации субъективных и коллективных интересов и потребностей.

В этой ситуации, с точки зрения В. Радаева, запускаются процессы непрерывной деформализации правил и норм, в ходе которых формальные правила и отношения в значительной мере замещаются теневыми и в конечном итоге встраиваются в устойчивую систему неформальных отношений. При этом большая часть политических субъектов не выполняют, или выполняют эпизодически предписания формальных правил и процедур, однако это не приводит к их полному отторжению, «скорее, они встраиваются в более сложную систему ограничений, значительная часть которых имеет неформальный характер», а формальные правила и отношения выступают в этом случае способом и языком публичного обоснования, камуфлирования теневых отношений [10].

Что касается таких понятий, как «теневое право» и «неправовые практики», то они являются разновидностью теневых отношений в государственно-правовой жизни общества. Очевидно, что политическая и правовая жизнь общества – это комплексные понятия, отражающие всю совокупность форм и способов политико-правового бытия нации. При этом данные сферы жизнедеятельности субъектов содержат комплекс всех политических и правовых явлений, включающих как позитивные, так и негативные составляющие, она отражает не только упорядоченные, но и неупорядоченные (случайные, стихийные и проч.) начала процессов, протекающих в обществе.

Неправовые практики властного взаимодействия своим возникновением обязаны существующим в обществе разнохарактерным и разновекторным процессам (социально-культурные, юридические, политические, экономические и проч.), которые развиваются параллельно, иногда совпадают, в других случаях идут вразрез друг другу, образуя между собой непреодолимые конфликтные пространства, в контексте которых взаимодействуют субъекты. Например, Л. Фридман убежден, что появление в политической жизни общества неправовых практик и частных неофициальных систем (теневого права) связано с формированием «пустот» или проявлением «слабости» в официальной системе публично-властного регулирования/управления общественными процессами. В большинстве случаев частные

системы, конфликтующие с системой официальной, возникают из-за вакуума власти, отсутствия должной либо адекватной урегулированности определенного сектора общественного взаимодействия. Так, например, это «означает, что были некие группы людей, которые считали, что официальное право слишком слабо или попало не в те руки» [13].

Вообще, по мнению Л. Фридмана, общество, как и природа, не терпит пустоты, и нарушение согласия, разрушение системы авторитетов создает вакуум. В подобных условиях существуют два этнополитических процесса: *позитивный* – образование вакуума в разрешении конфликтной ситуации требует отказаться от неформальных норм и сформировать формальную систему, способную справиться с возникшей ситуацией, и *негативный* – возникновение вакуума в официальной системе или ее неадекватность решаемым социально-политическим задачам, конфликтам, противоречиям вынуждает общество сформировать теневые структуры и механизмы в обход официальной системы.

В этом плане процесс формирования неофициальных практик и структур является ответом общества на возникшие проблемы в социальном взаимодействии, не получившие соответствующего разрешения через официальную систему. Однако этот процесс приобретает негативные характеристики в тех случаях, когда неофициальные практики трансформируются в неправовые, т.е. противостоящие официальной правовой системе. В этих случаях существующая официальная институциональная система теряет свою оправданность и легитимность, авторитетность и действенность, ее замещают стихийные процессы неформального правосудия, неформальные процедуры и инструменты разрешения конфликтов и т.д. Указывая на это, Л. Фридман отмечает, что народное правосудие, вышедшее из-под контроля официальных структур, может приобретать разнообразные формы, доходя до слепой, безжалостной практики судов Линча, французских народных трибуналов и т.п. Формирование и развитие неправовых практик, взятое как единое социокультурное пространство, представляет собой теневое право. Другими словами, теневые практики, как сложившаяся устойчивая и воспроизводимая система теневых отношений, формируют теневое право. В свою очередь, *неправовое пространство* можно определить как совокупность неправовых практик и сложившихся обычаев взаимодействия, различных способов восприятия мира права и политики, неотраженных в объективированном (позитивном) праве и официальном политическом порядке взаимодействия или противоречащих им.

Характерной особенностью неформальных практик является краткосрочность возникающих властных взаимосвязей. Например, преследуя вполне определенную цель, должностное лицо, гражданин или предприниматель может использовать иллегальный канал властной коммуникации для достижения конкретно поставленной цели. В то же время при систематических или долгосрочных контактах между участниками теневых отношений возникают достаточно прочные/устойчивые связи, приобретая форму кланового союза, почти не зависящего от внешней политической конъюнктуры или личных предпочтений членов теневых отношений. При этом подобные локальные межличностные образования способны к разрастанию, самоорганизации, иерархизации и формированию защитных механизмов.

Рассмотрение неформального права начинают с признания принципа, что государственная власть не обладает исключительной монополией на право в обществе, что в отличие от официальных правил взаимоотношения субъектов имеется еще достаточно большой массив правил и норм, регулирующих социальные и политические отношения, разрешающих возникающие в обществе конфликты и противоречия. Тем не менее, необходимо помнить, что термин «право» может быть применен к разного рода процессам – даже в достаточной мере неформальным, очень далеким от официальной правовой системы. Так, например, отмечает Фридман – «существует достаточно большое количество неформальных судов разного рода, разбросанных по всей стране. Некоторые из них управляются аппаратом религиозных организаций. Ортодоксальные иудаисты, например, могут вынести спорный вопрос на суд раввина для урегулирования. Католическая церковь имеет развитую систему канонического права. Церковные суды сами решают, может ли быть аннулировано супружество» [13].

Как отмечает В.М. Баранов, «теневое право как отрицательное проявление юридического плюрализма, опасная разновидность негативного неофициального права, свод асоциальных правил приобрело широкое распространение» [2]. Между тем сам факт существования такого феномена, как теневое право, указывает на процессы институционализации теневых властных отношений, придания им контуров четкой, слаженной антисистемы права и официальной государственной политики. Одновременно с этим следует отметить, что теневое право, как и право официальное, возникает с целью упорядочения сложной, но не легальной, а теневой иерархической системы, обеспечивающей общественную потребность в социальном управлении. Однако в отличие от права официального теневые нормы выражают интересы отдельных социальных групп, противоречат общественному интересу, порождая разрывы в социальной ткани общества. Теневые нормы, будучи скрыты от общественности, не корректируются публично, что позволяет политическим и экономически сильным субъектам формулировать криминальные правила социального взаимодействия, противоречащие морали, социальной справедливости, публичному интересу.

В силу специфики нормативно-правовой системы, при переводе на язык права тех или иных властных отношений, существующих в обществе, они не только корректируются, обобщаются и сужаются, но и в принципе за столь короткое время не могут закодировать в норме права общую модальность

политического управления и нормативного структурирования общественных процессов. Поэтому современное правовое регулирование зачастую оторвано от реальной практики и по большому счёту является лишь, ориентиром, желаемым результатом, а не действительным механизмом. С теоретико-методологической точки зрения выделение и противопоставление двух данных политико-правовых пространств связывают, как правило, с конфликтогенностью официально существующей институционально-властной системы, утверждающей определенный порядок отношений, и практической деятельностью субъектов, реализуемой на уровне повседневных практик.

Выводы

Функционирование государственной власти реализуется в рамках формальной (публично-правовой) и внеправовой государственной деятельности. Внеправовая форма функционирования властных институтов – это деятельность публичной власти, не связанная и не опосредованная правом (хотя в некоторых случаях она может быть не урегулирована правом, но при этом не противоречит действующему конституционно-правовому строю и духу институционально-политического порядка), имеющая как формально-публичный, так и неформальный характер, является широким (родовым) понятием по отношению к таким формам, как «неформальная», «теневая», «неправовая» деятельность, и может иметь как негативное, так и позитивное влияние на развитие политической системы общества. В российском государственно-правовом процессе внеправовые формы устойчиво воспроизводятся в качестве имманентных характеристик государственного властвования, обусловленных идеократическими (идеи, образы, символы, духовно-нравственные доминанты политического и правового мышления) и практическими (практики создания временных, чрезвычайных и иных публичных институтов власти для решения возникающих проблем, рисков, угроз, приоритетных направлений) элементами национальной политической культуры.

Причины возникновения неформальных практик различны. *Во-первых*, это иллегальные (неформальные) отношения, возникающие вследствие невозможности урегулировать какую-либо группу общественных отношений посредством правовых норм. *Во-вторых*, неформальные практики могут быть следствием неадекватной институционализации публичных форм публичного управления, их несоответствия сложившимся в обществе типам, моделям публично-властного взаимодействия. *В-третьих*, теневые практики могут возникать как реакция общества на неэффективность легальных публично-властных институтов. *В-четвертых*, развитие последних стимулирует слабость формальных институтов, нарастание издержек нормативной ориентации для профессиональной деятельности госслужащих, вовлеченных в решение сложных проблем. Кроме этого, на процессы развития неофициальных и теневых форм властного взаимодействия влияет слабость институтов гражданского общества, которая проявляется как в низком уровне гражданской активности, неразвитых формах социального контроля за функционированием госаппарата, так и в неспособности (либо по институционально-правовым - объективным, либо по субъективным - отсутствие должных навыков, традиций политического участия и т.п.) общественных институтов и структур к участию в принятии общезначимых управленческих решений, стратегических национальных программ и проектов, в обеспечении контроля за реализацией последних на различных этапах их осуществления.

Библиографический список

1. Баранов В.М. (2002) Теневое право. Нижний Новгород.
2. Баранов П.П. (2005) Проблемы теории правосознания и правового воспитания. Ростов н/Д, Ч. II. Т. 2.
3. Витченко А.М. (1982) Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов.
4. Гомеров И.Н. (2002) Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М.
5. Иванников И.А. (1995) В поисках идеала государственного устройства России (из истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX века). Ростов н/Д.
6. Льюкс С. (2010) Власть: радикальный взгляд. М.
7. Любашиц В.Я. (2011) Понятие государственной власти, ее особенности и разновидности: проблемы теории // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001. № 1.
8. Малый А.Ф. (2001) Государственная власть как правовая категория // Государство и право. № 3.
9. Пивоваров Ю.С. (2006) Русская политическая традиция и современность. М.
10. Мамычев А.Ю. (2012) «Внеправовые» формы деятельности государственной власти // Философия права. № 5 (54).
11. Рывкина Р.В. (2001) Российское общество как теневая социально-экономическая система // Мировая экономика и международные отношения. № 4.
12. Соловьев А.И. (2011) Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лице власти // Политические исследования. № 5.
13. Фридман Л. (1993) Введение в американское право. М.
14. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.
15. Barker R. (2003) Legitimizing identities. The self-presentations of rulers and subjects. Cambridge:

Cambridge Univ. Press

16. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Vronskaya M.V. (2015) Typological analysis of evolutionary forms of a state // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3, May. Supplement 3
17. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396
18. Lipset S.M. (1994) The social requisites for democracy: Economic development revisited: 1993 presidential address // *American sociological review*. Vol. 59. № 1.
19. Ostrom E.A. (2010) A long polycentric journey // *Annual review of political science*. Vol. 13. № 1.
20. Rouland N. (1988) *Anthropologie Juridigue*. Paris: Presses universitaires de France
- Weatherford M.S. (1992) Measuring political legitimacy // *American political science review*. Vol. 86. №1.

Глава 2. МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРАВА

*Наука - самое важное,
самое прекрасное и нужное в жизни человека,
она всегда была и будет высшим проявлением любви,
только ею одною человек победит природу и себя.
А.П.Чехов*

Гражданская позиция лишь на первый взгляд кажется очевидным явлением, вызывающим у многих реакцию, подобную идиосинкразии. Однако этот феномен требует вдумчивого анализа вследствие его неопределенности, разночтений о данном явлении. Все это создает полиаспектность и многовекторность реализуемых дискурсов в социально-правовом пространстве. Поливариативность проявлений дискурсов гражданственности предопределена социокультурным контекстом и исторической ситуацией, институциональным статусом, ментальностью и идеологией социальных субъектов, этническим, конфессиональным и другими факторами. Идеологически мимикрируя, современный дискурс правового пространства предстает разнообразным спектром исторически меняющихся версий.

Современный глобальный мир задает сложную структуру социальных отношений. В соответствие с ними, дискурсы правового пространства проявляются через большое количество практик: рабочее движение, женское движение, антифашистские инициативы, борьба за гражданские права и защита культурных ценностей и т.д. Самая большая сложность при описании дискурса – это сосуществование в нем единиц и структур самого разного генеза, выполняющих различные функции.

2.1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

*Любашиц В.Я.
Южный федеральный университет
kafedra_tgp@mail.ru*

*Мамычев А.Ю.
Мордовцев А.Ю.
Вронская М.В.*

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
mamychev@yandex.ru, aum.07@mail.ru, m.vronskaya@mail.ru*

Аннотация. В первом параграфе второй главы анализируется современное состояние исследований государственной власти. Выделяются и систематизируются основные направления и исследовательские стратегии познания данного политико-правового феномена. Доказывается необходимость развитие научного направления, предполагающего комплексный анализ государственной власти как правокультурного явления. Показывается, что в современном обществе системе наиболее адекватным является комплексное рассмотрение государственной как сложной социально-политической и правокультурной системы, а исследование юридических и политических явлений исходит из самостоятельности и целостности национальной политико-правовой организации общества (в единстве ее временного и пространственного развития). При этом авторы предлагают рассмотрение государственной власти, в конкретно-исторических и социально-политических условиях, в шести взаимосвязанных измерениях: ценностно-нормативном, структурно-функциональном, институционально-нормативном, инструментально-технологическом, социологическом и геополитическом.

Ключевые слова. Государственная власть, политический процесс, право, цивилизация, юридические доктрины.

Введение

Современная интеллектуальная и практическая борьба за «цивилизационный прорыв» российской правовой и политической систем, их приобщение к западноевропейской традиции и, в конечном итоге, выход на «столбовую дорогу развития человечества» активизирует устойчивый «правовой гнозис» в национальном юридическом мышлении [24]

В рамках последнего вся национальная правокультурная традиции маркируется однозначно негативно, а ее созидательный потенциал и самостоятельность ставится под сомнение. Ряд авторов не перестают писать о том, что самостоятельное государственно-правовое развитие российского общества, без «внешних» правокультурных идеалов и моделей (прежде всего, западноевропейских), сам по себе тупиковый вектор движения, а конечная «станция прибытия» – цивилизационный авторитаризм [6].

Другие авторы указывают на «виртуальный» или «имитационный» характер правового развития, утверждая, что, например, российский конституционализм – это «большая публичная иллюзия», что правовое государство – это своего рода бодряровский симулякр, что развитое правовое сознание и

юридическая культура современной России – это фикция, а режим законности – это «юридически вообразимое» и проч. [18]. Такой устойчивый негативный тренд анализа российской правовой системы нивелирует любую человеческую активность, социальную энергетику в целом, подавляет национальную волю и т.п. При этом чувство ущербности и безысходности оставляет лишь одну перспективу – энергично идти за развитыми (в правовом и политическом плане) цивилизациями, воссоздавать и проникаться их государственно-правовыми традициями, теряя свое лицо и самостоятельность.

Представляется, что необходим иной парадигмальный подход и методологический ракурс исследования как эволюции российской правовой политической систем, так и перспектив ее трансформации в соответствии с вызовами времени. Исследовательскую стратегию, направленную на познание самостоятельности и целостности национальной политико-правовой организации общества (в единстве ее временного и пространственного развития) можно обозначить как правокультурную. Термин «правокультурный» используется в данном случае в узком логическо-понятийном смысле, а именно в качестве элемента общей системы – культурной целостности, связанного с формированием юридической мыслидеятельности и социокультурного стиля публично-правового взаимодействия в системе «личность-общество - право-государство».

Обзор литературы

В настоящей исследовательской практике можно выделить четыре традиции концептуально-политического и юридического анализа государственной власти. Во-первых, это группа исследователей, которые анализируют данный политический феномен в структурно-функциональном плане, к таковым следует отнести работы таких авторов, как Г. Алмонд, К. Дойч, Э. Дюркгейм, Д. Истон, Г. Кельзен, К. Маркс, Р. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин и др. [10, 21, 28, 31].

Во-вторых, это концептуальные версии, акцентирующие внимание на институционально-нормативной трактовке государственной власти, принадлежащие перу таких зарубежных и отечественных авторов, как Х. Арндт, М.И. Байгин, И.Н. Гомеров, А.Ф. Малый, Д. Норт, Дж. Уоллис, В.Е. Чиркин и др. [1, 4, 17].

В-третьих, это политические, социологические и государствоведческие учения, ориентирующие на понимание государственной власти как специфической системы публично-властных отношений. Такой подход к трактовке данного политического феномена представлен в работах Н.Н. Алексева, П. Блау, Н. Лумана, Г.В. Мальцева, Л.С. Мамута, В.А. Подорога, В.Е. Чиркин, Э. Юнгера и др. [14, 16, 23].

В четвертой традиции государственная власть рассматривается в качестве либо определенного типа политической рациональности [2, 5, 13, 22], либо как социально-психологическая установка [8, 12, 19], либо в качестве массового политического образа (реального или виртуального), представлений, архетипической установки и т.п. [9, 30], организующих социально-политическую мыслидеятельность акторов и процессы институционализации публично-властного пространства (Правокультурные основы исследования..., 2014).

Методы и материалы

Вызовы современности, по-разному описываемые исследователями, обуславливают сегодня не только необходимость комплексного, интенсивного и адекватного (социокультурного) развития и усложнения общей теории государственной власти, но и, что более важно, общей концепции публичной власти в современном обществе. Отметим, что методологическим принципом настоящей работы выступает положение о том, что игнорирование политических традиций и социокультурных трендов развития приводит к тому, что концептуализация государственной власти чаще всего ориентируется на общие, универсалистские модели, а исследования публично-властных институтов с их историческими (национальными и провинциальными) особенностями протекают по заранее готовым схемам, «отрекаясь» от всего нетипичного, специфического. Отсюда нередко возникают нестыковки, теоретические путаницы, игнорирование факторов и доминант в политической организации общества, оказывающих существенное, а иногда и решающее влияние на институционально-властную конфигурацию, развитие политического процесса, официальное и неофициальное взаимодействие в системе «личность – общество – государство».

В теоретико-методологическом и практическом плане работа опирается на положения нового институционализма, разрабатываемого в работах таких авторов как: П.Дж. Димаджио, Дж. Марч, Д. Нортон, Дж. Олсон, Р. Тейлор, Дж. Уоллис, О. Фаворо, П. Халл, Ф. Эмар-Дюверне и др. [25-27, 32] в которых политические институты трактуются достаточно широко, с одной стороны, в качестве формальных правил, нормативных моделей, процедур и норм; а с другой в качестве символических систем, когнитивных сценариев, социокультурных и духовно-нравственных образцов, организующими и управляющими мыслидеятельностью людей. Такой подход наиболее правомерен для адекватного описания государственной власти как институционально-нормативного и социокультурного феномена.

Исследование государственной власти опирается на теоретико-методологические работы: В.В. Аверьянов, А.С. Ахизер, И.И. Глебова, М.Р. Деметрадзе, А.Г. Дугин, Н.И. Лапина, С.В. Лурье, А.Ю. Мордовцев, Ю.С. Пивоваров и др., обосновывающие принципиальную взаимосвязь политического процесса и социокультурной динамики [1, 7, 15, 20]. Методологические и теоретико-практические наработки данных авторов выступили основой исследования влияния архетипических структур (социокультурных кодов),

духовно-нравственных, территориальных, этнокультурных и иных факторов и доминант на эволюцию системы государственной власти, соотношение традиционных и модернизационных трансформационных политических процессов и проч.

В качестве гипотезы можно сформулировать следующее положение: правокультурные исследование выступает конкретизацией цивилизационного подхода к праву, направленного на социокультурное понимание права, различных юридических явлений и государственно-правовых процессов, становящихся, развивающихся и преемственно воспроизводящихся в определенной национально-культурной целостности

Результаты и обсуждение

Социокультурный аспект в политико-правовых исследованиях позволяет: с одной стороны, анализировать эволюции правовой и политической систем в качестве целостного социокультурного (цивилизационного по типу и форме) феномена, несмотря на различные повороты (случайности, эволюционные скачки и т.п.) в ее развитии; с другой – нивелировать (или по крайней мере свести к минимуму) «исследовательские издержки», возникающие при реализации цивилизационной стратегии познания права и государства.

Последнее, как правило, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, ряд аналитиков напрямую (осознано) или косвенно сводят цивилизационный подход к государству, праву, политике к идентификации критериев и качественных характеристик цивилизованности самой политико-правовой системы. В этом контексте государственно-правовые пространства, отбрасывая все нюансы в интерпретации и типологизации, дифференцируются на цивилизованные (современные, развитые и т.д.) и не цивилизованные (отсталые, традиционные, слабо развитые). При этом основные теоретико-методологические положения в этом контексте сводятся к выделению центральных, продвинутых правовых цивилизаций, выступающих образцом, идеалом современности и тех пространств, которые только лишь «вступили на дорогу цивилизованного развития».

Очевидно, что здесь принципиальными выступают проблематики модернизации (а какая это модернизация – прямая или косвенная, полная и фрагментарная, силовая или органичная – вопрос уже вторичный) и конвергенции (процессы смешивания, унификации, гуманизации и т.п.) с центральными, развитыми политическими и правовыми системами [29]. И как следствие процесс реконструкции специфических (социокультурных) характеристик права и государственно-правового процесса, выделение правовых традиций, ценностей, символов и образов анализируются с точки зрения препятствий, преград и проч. на пути «цивилизационного совершенства». Однако в этом направлении достаточно редко возникает вопрос о пределах модернизации и конвергенции с точки зрения сохранения и воспроизводства правокультурной целостности общества, поскольку различные правовые «инъекции», «прививки», «новеллы» и т.п. могут в конечном итоге ослабить иммунитет живого организма и разрушить единство политико-правовой жизни общества, породить эффекты правовой дефрагментации, политической аномии, дисномии, деформации правосознания и т.д.

Во-вторых, это технократическая трактовка цивилизационной уникальности, направленная на выделение организационно-правовых, институциональных и практических (разнообразные публично-правовые практики взаимодействия в системе «личность – общество - право – государство») элементов правой жизни общества, без должного внимания к тому, что является содержанием этой уникальности. Справедливо в этом плане отмечает В.В. Аверьянов, который считает, что «цивилизация без традиции предстает как инфраструктурная машина с отлаженной системой управления, но без управляющего ею (на что, собственно, и указывает немецкое направление критики феномена “цивилизация”). В соединении традиции и цивилизации в единый комплекс есть схватывание сущности реальных социальных систем. В этой категории подчеркивается («традиция-цивилизация» или «традиция-система» - авт.) историко-типологическое единство традиций и комплекса всех (традиционных и нетрадиционных) явлений, из которых складывается дочерняя по отношению к ней цивилизация» [1, р. 103]. Перефразируя исследователя, заметим, что действующая традиционная правокультурная система координат выступает не специфическим способом развития политической и правовой систем, национальной юридико-политической культуры, а сущностной их основой, которая по-своему специфично развивается.

Следовательно, «правокультурная ось» выступает как содержание, а правовая и политическая системы (как цивилизационные феномены) являются формой политико-правовой жизни общества, т.е. первое рассматривается как сущностная, качественная характеристика государственно-правовой организации, а второе анализируется как внешнее, специфическое – конкретно-историческое, системное, организационно-правовое, институциональное и проч. – оформление правокультурного содержания. При этом насколько это оформление адекватно или неадекватно является проблематикой уже ценностно-инструментальной, т.е. доминирующие конкретно-исторические ценности и правовые представления, юридические институты и учреждения направлены на воспроизводство правокультурной целостности общества, единство общественной системы и стабильность ее эволюционного развития, поддержание устойчивости и гармоничности всей системы социально-нормативного регулирования.

В этом плане любой институт (правовой, политический, религиозный), действующий в том или

иной социокультурном пространстве не может быть свободен от той среды, в которой он функционирует и реализует ту или иную общественно значимую функцию. В противном случае, например, если какой-либо институт устанавливает правило поведения, идущее вразрез с национальной правовой и политической мыслью, то он утрачивает не только свою эффективность, но социальную легитимность.

Таким образом, правокультурный срез трансформации государственно-правовой организации общества, в процессе которой взаимодействуют как модернизационные (инновационные, инокультурные и т.п.), так и консервативно-правовые (традиционные, обычно-правовые и т.п.) элементы, обеспечивает гармоничное и стабильное развитие всей системы социально-нормативного регулирования, где включение в правокультурную традицию различных элементов и комплексов, сформированных в иной цивилизационной среде, призвано усилить и укрепить качество и целостность национальной политико-правовой жизни общества.

Так, в рамках антропологических и социокультурных направлений гуманитарного познания устоявшимся считается положение о том, что каждая публично-правовая организация представляет собой определенную культурную целостность, со своими технологиями преемственности, механизмами идентификации, духовно-нравственной суверенизации, стержневым (национально-культурным) проектом эволюции, представляющим, прежде всего, формообразующую сущность, «впитывающей» и организующей актуальное содержание той или иной эпохи (различные явления, процессы, случайности в институциональном и социально-практическом развитии общественной системы), социально-психологические, когнитивные и эмоциональные каноны (коды, стандарты, предправовые кодексы поведения и т.д.) публично-правового взаимодействия в системе личность – общество – государство и проч.

Поэтому с нашей точки зрения необходимо развитие научного направления, которое предполагает комплексный анализ государственной власти как правокультурного феномена, включающего три основных раздела: 1) теория государственной власти (или политическая энциклопедия государственной власти); 2) идейно-концептуальные (доктринальные) основы развития системы государственной власти; 3) институционально-нормативная теория организации и функционирования государственной власти. Безусловно, и то, что сам феномен государственной власти также привязан к определенному временному геополитическому и геюридическому континууму, в рамках которого последний получает свой бытийственный статус в шести взаимосвязанных проекциях:

- во-первых, в ценностно-нормативной (аксиологической), отражающей социокультурный аспект, влияющий на идейно-теоретическое, доктринальное, идеологическое и понятийно-смысловое восприятие, понимание и интерпретацию сущности, социальной роли и значения государственной власти, определяет ее устойчивость и легитимность;

- во-вторых, в структурно-функциональном, в этом контексте государственная власть связывается с устойчивой системой публичных институтов власти, ее структурно-функциональными характеристиками, публичными и скрытыми моделями взаимоотношений и взаимосвязей в системе осуществления государственной власти, а также с вопросами оптимальности, адекватности и эффективности ее функционирования, регулирования общественных отношений, реализации интересов и потребностей, доминирующих в системе «личность – общество – государство», разрешения конфликтов и противоречий;

- в-третьих, в институционально-нормативном, здесь государственная власть рассматривается в качестве системы легальных полномочий, составляющих содержание государственной власти, осуществляемой для достижения законодательно определенных целей;

- в-четвертых, в инструментально-технологической, согласно которому государственная власть анализируется как система организационных, материальных и символических ресурсов, необходимых для реализации управленческим аппаратом своих функциональных целей и задач, в качестве особого субъекта политической деятельности участвующего в накоплении, обмене и реализации вышеуказанных ресурсов;

- в-пятых, в социологической, в этом аспекте система государственной власти рассматривается, с одной стороны, как взаимосвязанная совокупность специфических политических практик, направленных на осуществление публичной власти в обществе, а с другой – интерпретируется с точки зрения адекватности последней социальным структурам и культурным контекстам, а также возможности реализации социально ориентированной правовой политики, управленческих решений, учитывающих национально-культурные особенности;

- в-шестых, в геополитической, государственная власть рассматривается в качестве суверенной политической организации на определенной территории, обладающей верховенством, единством и социально-политической целостностью.

С учетом выделенных элементов познания государственной власти как социально-политического и публично-правового феномена можно сформулировать рабочее определение последнего. При этом подчеркнем, что государственная власть как сложный правокультурный феномен выступает специфическим видом (звеном) общей системы публичной власти, которую реализуют различные политические субъекты (политические партии и движения, общественные организации и движения, профсоюзы и т.д.) и иные институты гражданского общества (например, институты власти местного самоуправления), которая имеет жесткую привязку к социокультурному и территориальному пространству. Кроме того, государственной властью, как отмечалось выше, всегда реализуется в строгих легальных формах, режимах и процедурах и

предусматривает возможность властных форм принуждения, что является одним из фундаментальнейших отличий данного вида публичной власти. Понять функционирование государственной власти в современном государственно-паровом процессе, основные формы и режимы государственного властвования, перспективы развития данного феномена вне институционально-нормативного измерения также представляется невозможным.

Итак, государственную власть, с нашей точки зрения, следует трактовать в качестве системы официально признанных (легитимных и легальных) властных практик, процедур и институтов, действующих на основе социокультурно обусловленных идей, образов, символов в определенном политически и территориально организованном пространстве, характеризующейся суверенностью, функциональностью и устойчивостью. В этом плане любая государственная власть территориальна, суверенна, национальна и имеет устойчивый характер.

Заметим здесь, что монопольное право государственной власти на использование легального и легитимного насилия (принуждения) является, конечно, ключевой характеристикой государственной власти, однако, в современных исследованиях, посвящённой властной проблематике аспект насилия (принуждения) постепенно «оттесняется» от характеристики данного феномена. Например, известный политический философ А. Кожев в своем феноменологическом анализе властных отношений формулирует три весьма важных утверждения для понимания публичной власти. Во-первых, он обосновывает, что легитимное «употребление власти не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно исключают друг друга. Вообще говоря, для употребления Власти следует ничего не делать. Обязанность вмешиваться посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует» [11]. Данное утверждение в большей степени отражает не столько потенциальное, авторитетное понимание власти, сколько социально-психологическое ее признание, а также существующего порядка, стабильности властных отношений в обществе, исключающей негативную реакцию (явного и латентного характера), силовые отношения (господства – подчинения) и т.п.

Далее отметим, что в своей деятельности государственная власть реализует связь различных общественных (публичных) ценностей, интересов и потребностей с общим политическим порядком, а также сообразно с ними осуществляет свои функции и направляет развитие политической и правовой системы общества, отдельных политических институтов, формальных и неформальных институтов гражданского общества. Все выделенные выше шесть измерений взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, складываются не стихийно, а развиваются на определенном национально-историческом фундаменте, и имеют особый, свойственный конкретному обществу стиль публично-властного мышления. Все это формирует неповторимый колорит государственной жизни народа, вектор ее развития, который позволяет не только управленческой элите, но и обществу свою государственно-правовую идентификацию и целостность бытия.

Выводы

Сегодня можно выделить три исследовательских стратегии познания государственной власти: формирование комплексного и самостоятельного направления - общая теория государственной власти; отдельный раздел политологии, рассматривающий государственную власть как один из видов политической власти; раздел общей теории государства, анализирующий последнюю в качестве институционально-нормативной системы. Наиболее адекватным является комплексное рассмотрение последней как сложной социально-политической и правокультурной системы, которая политически презентуется в официально признанных (легитимных и легальных) властных практиках, социально-политических процедурах и технологиях, публично-правовых институтах, действующих на основе социокультурно обусловленных идей, образов, символов в определенном политически и территориально организованном пространстве.

В настоящее время необходимо развитие научного направления, которое предполагает комплексный анализ государственной власти как правокультурного феномена, включающего три основных раздела: 1) теория государственной власти (или политическая энциклопедия государственной власти); 2); идейно-концептуальные (доктринальные) основы развития системы государственной власти; 3) институционально-нормативная теория организации и функционирования государственной власти.

Государственная власть в конкретно-исторических и социально-политических условиях следует анализировать в шести взаимосвязанных измерениях: ценностно-нормативном, структурно-функциональном, институционально-нормативном, инструментально-технологическом, социологическом и геополитическом. Все выделенные и проанализированные в работе шесть измерений взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, складываются не стихийно, а преимущественно развиваются на определенном национально-культурном фундаменте, и формируют особый (цивилизационный) стиль публично-властной мыследеятельности.

Библиографический список

1. Аверьянов В.В. (2012) Традиция и динамический консерватизм. М..
2. Агамбен Д. (2001) Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.
3. Арент Х. (1996) Истоки тоталитаризма. М.

4. Байтин М. И. (2001) Сущность права: Современное нормативистское правопонимание на грани двух веков. Саратов: СГАП.
5. Бурдьё П. (1993) Социология политики. М.
6. Гавров С.Н. (2004) Модернизация во имя империи. Социокультурны аспекты модернизационных процессов в России. М.
7. Деметрадзе М.Р. (2012) Центральная зона традиционных социокультурных ценностей как информационно-коммуникативный феномен. Новые подходы к изучению традиций и традиционализма (на примере России). М.
8. Жувенель Б. де. (2011) Власть: естественная история ее возрастания. М.
9. Исаев И.А. (2003) *Politica hegetica*: скрытые аспекты власти. М.
10. Кельзен Г. (1925) Общее учение о государстве. Берлин: Изд. Шпрингера
11. Кожев А. (2006) Понятие власти. М.
12. Коркунов Н.М. (2003) Лекции по общей теории права. СПб.
13. Крауч К. (2010) Постдемократия. М.
14. Луман Н. (2001) Власть. М.
15. Лурье С.В. (1994) Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.
16. Мамут Л.С. (1996) Метаморфозы восприятия государства // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.
17. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.
18. Пастухов В.Б. (2013) У конституционной черты... Вызовы и ответы российского конституционализма // Полис. № 1.
19. Петражицкий Л.И. (2010) Теория и политика права. СПб.
20. Пивоваров Ю.С. (2006) Русская политическая традиция и современность. М.
21. Сорокин П. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.
22. Фуко М. (1999) Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.
23. Чиркин В.Е. Основы государственной власти. М., 1996
24. Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. (2011) Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.
25. Armagan S., Portugal Ferreira M. (2005) The Impact of Political Culture on Firms' Choice of Exploitation-Exploratio Internalization Strategy // International Journal of Cross Cultural Management. - London, SAGE. Vol 5 (3)
26. Hall P.A., Taylor R. (1996) Political Science and Three new institutionalism // Political studies. Vol. 44.
27. March J.G., Olsen J.P. (1984) The new institutionalism: Organizational factors in political life // American political science review. Wash., D.C. Vol. 78. No 3
28. Merton R.K. (1957) Social Theory and Social Structure / Robert K. Merton. Enl. Ed. New York: Free press
29. Mordovtsev A.Yu., Mordovceva T.V., Mamychev A.Yu. (2015) Convergence of law: the variety of discourses // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3,.
30. Ovchinnikov A.I., Mamychev A.Yu., Mamycheva D.I. (2015) Socio-cultural foundations of coding state-legal development // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6. №3.
31. Parsons T. (1954) Essays in sociological theory. Glencoe, 1954.
32. Tyler T.R. (1994) Governing and diversity: The effect of fair decisionmaking procedures on legitimacy of government // Law and society review. - Beverly Hills, Calif., Vol. 28, No 4.

2.2. ГОСУДАРСТВО: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ФОРМ

Любашиц В.Я.

Южный федеральный университет

kafedra_tgp@mail.ru

Мамычев А.Ю.

Мордовцев А.Ю.

Вронская М.В.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

mamychev@yandex.ru, aum.07@mail.ru, m.vronskaya@mail.ru

Аннотация. Второй параграф представляет комплексный анализ подходов к типологии государств, рассматриваются принципы и критерии выделения различных типов эволюционных форм государства. Обсуждаются традиции и новации в исследовании данной проблематики. Аргументируется, что понятие исторического типа государства служит логической основой для выхода его общей теории к теории отдельных типов государства и для ввода этих теорий в общую теорию государства в качестве ее элементов. При этом доказывается, что типологический подход к государству имеет своим следствием познание его типов в состоянии встроенности в более широкое всеобъемлющее целостное образование – культуру. На основании этого авторы предлагают новый подход к понятию и содержанию типологии государства. В частности, обращается внимание на то, что историко-типологический подход к государству предполагает необходимость генетического анализа, познанию государства в динамическом состоянии, а именно постоянного перехода к наиболее развитым формам. Авторы доказывают, что исторический тип государства может быть составлен на основе признаков по сопряженным параметрам базовых социальных режимов (политико-правового, экономического и культурного). Отдельно представляется сущностная характеристика современной эволюционной формы государства.

Ключевые слова. Государство, исторический тип государства, форма государства, общественно-экономическая формация, сущность государства.

Введение

Многообразие государств у разных народов и в разные времена предполагает схожесть и повторяемость ряда признаков им присущих. Их обобщение позволяет объединить рассматриваемые общественные явления в единую структуру – тип. С другой стороны, многообразие государств обуславливает также наличие у них специфических признаков, благодаря которым их можно классифицировать по разным историческим типам.

Термин «типология», введенный в научный оборот французским ученым Бленвилем в 1816 г. [1, р. 3], широко используется в настоящее время в самых различных областях человеческого знания: социологии, истории, литературоведении, языковедении, археологии, правоведении и т.д.

Историко-типологический подход к государству фиксирует наше внимание на его относительно устойчивых сущностных свойствах в развитом состоянии. Это предполагает необходимость генетического подхода к государству, его познанию в динамическом состоянии зарождения, перехода к развитым формам, гибели данного конкретно-исторического типа государства и замены его государством иного исторического типа.

В познавательном смысле понятие исторического типа государства служит логической основой для выхода его общей теории к теории отдельных типов государства и для ввода этих теорий в общую теорию государства в качестве ее элементов. Типологический подход к государству имеет своим следствием познание его типов в состоянии встроенности в более широкое всеобъемлющее целостное образование – культуру, детерминированную самыми разнообразными внутренними и внешними факторами: совершенствованием технологии, ростом народонаселения, сокращением ресурсов и т.д. и т.п.

Обзор литературы

В науке существуют различные подходы к типологии общества и государства и формам их исторического развития. Так, Г. Еллинек при классификации государств исходит из их организации и функций, а также из характера взаимоотношений между личностью и государством. Руководствуясь этими признаками, Еллинек относит древневосточное, греческое и римское государства к трем различным типам государств [4, р. 22]. Кроме названных типов, он выделяет средневековое и современное государство [4, р. 186].

Аналогичную классификацию типов государства дает русский историк Н.И. Кареев. Он выделяет шесть типов государств: государство-город, восточную деспотию, феодальное поместье – государство, сословную монархию, западноевропейскую абсолютную монархию и конституционное государство [5, р. 71].

Значительное место в типологии государства занимает теория двух основных типов

государственности: демократии и автократии. К примеру, Ганс Кельзен считает, что типизацию современных государств необходимо проводить на основе «идеи политической свободы» [24, p. 284].

Французский автор Раймон Арон также различает два основных типа современного государственного строя в зависимости от того, господствует ли многопартийная или однопартийная система [22, p. 234].

Американский профессор Мокайвер, в свою очередь, делит все государства на два типа: а) династические, где общая воля (государственная) не выражает воли большинства поданных, и б) демократические, в которых общая воля отражает волю всего общества или большинства его [27, p. 342-343].

Наиболее общим критерием типологии государств, который широко использовался в рамках теории государства и других наук, до недавнего времени считалась общественно-экономическая формация. Она представляет собой исторический тип общества, основывающийся на определенном способе производства и выступающий как важнейшая ступень поступательного развития человечества.

Каждая общественно-экономическая формация характеризуется определенным типом производственных отношений. Каждая из них имеет, наряду с мировой историей, свои особые, неповторимые законы возникновения и развития. Над экономическим базисом каждой общественно-экономической формации возвышается соответствующая надстройка в виде совокупности идей, теорий, взглядов, представлений, различных организаций и учреждений, а также системы возникающих между ними отношений. Каждой социально-классовой формации соответствует определенный исторический тип государства. Смена одной общественно-исторической формации другой знаменует собой смену системы производственных отношений – экономического базиса, возникающей на его основе надстройки, а вместе с тем соответствующего типа государства.

Одна из наиболее популярных классификаций политических форм принадлежит американскому исследователю Элману Сервису. Именно он первым отметил, что представленные Обергом структурные типы, в то же самое время представляют собой последовательные эволюционные стадии. Сам Сервис выделил четыре исторических типа: локальные группы; племя; вождество (англ. *chiefdom*); раннее государство. Уже в раннем государстве центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. Именно здесь появляется письменность, цивилизация, города. Эта схема на протяжении последних трех десятилетий неоднократно дополнялась и конкретизировалась.

Ричард Адамс, используя типологию Сервиса, рассмотрел эволюцию форм власти как последовательное усиление контроля над энергией общества. Он предложил на рассмотрение глобальную конструкцию, включающую шесть уровней социальной интеграции: локальные группы; вождества или провинции; государства или королевства; национальный; интернациональный и всемирный уровни. Важным дополнением было разделение этих уровней на два параллельных потока - централизованные и согласованные единицы. Так, на третьем уровне в разряд централизованных единиц включаются город-государство и королевство, а в группу согласованных единиц – альянсы, религиозные объединения, формирования крестоносцев [21].

Немаловажное значение для развития теории политогенеза имела дискуссия о происхождении и сущности государства. В ней активное участие приняли М. Фрид и Э. Сервис. Фрид, кстати, предложил отличающуюся от Сервиса типологизацию: «эгалитарное общество – ранжированное общество – стратифицированное общество – государство» [23, 25, 26]. Фрид считал, что государство возникает как результат урегулирования конфликтов в стратифицированном обществе. Сервис настаивал на том, что становление государства связано с необходимостью интеграции, поскольку оно усложняется. Дискуссия по этим проблемам еще не закончилась, и ее продолжение наблюдается в российской науке. Важно включение в отечественную науку неозволюционистских теорий «вождества» и «раннего государства». Сюда можно отнести и концепцию «власти-собственности», разрабатываемую Л.С. Васильевым [7].

Следует заметить, что в последнее время в работах по проблемам теории государства наметилась тенденция уходить от рассмотрения вопроса об исторических типах, по той причине, что в основе типологии лежит марксистское учение об общественно-экономических формациях. Однако, как справедливо заметил В.А. Ржевский, общеизвестно, что в процессе исторического развития общества никогда не было государства вообще, были только конкретные государства определенного типа [8, 13, p. 13].

Методы и материалы

Настоящее исследование базируется на многомерном, комплексном анализе при рассмотрении эволюции государства и выделении его специфических, конкретно-исторических типов государства. Типологический подход к государству имеет своим следствием познание его типов в состоянии встроенности в более широкое всеобъемлющее целостное образование – культуру, детерминированную самыми разнообразными внутренними и внешними факторами: совершенствованием технологии, ростом народонаселения, сокращением ресурсов и т.д. и т.

Типологизировать эволюционные формы государства возможно только на основе ряда теоретико-методологических принципов. К ним относится в качестве приоритетного принцип субстанциональности,

учитывающий главные характеристики, определяющие качество социальных режимов, задающие в свою очередь специфику политико-правовых режимов.

Развитие понятия «режим» («человеческий режим»), которым активно оперировали голландские ученые Й.Гудсблом и Ф.Спир, было продолжено российским философом и политологом Н. Розовым, который выделил четыре типа человеческих режимов, соответствующих четырем онтологическим сферам:

- экотехнологические режимы (материальные аспекты взаимодействия человека с природой; демографические процессы);
- психические режимы (регулярные процессы психики и общения индивидов, групп, сообществ);
- социальные режимы (регулярные военные, политические, экономические, морально-правовые и другие взаимодействия).

Данные теоретико-методологические основания и принципы выступают исходными в анализе типов и эволюции государств.

Результаты и обсуждение

На фоне новых поисков мировой социально-философской мысли отчетливо проявились крайности и односторонность формационной структуры общества. Эти крайности выразились: во-первых, в абсолютизации экономической основы структуры общества; во-вторых, в недооценке системообразующего значения нематериально-экономических факторов общественной структуры, таких, например, как политические, культурологические, этнические и т.д.; в-третьих, в излишней жесткости формационно-структурных связей, их слабой вариантности применительно к конкретным условиям и этапам развития исторических эпох, регионов, стран; в-четвертых, в тенденции к «накладыванию» формационной структуры на характеристику любого конкретного общества, подгонке его особенностей под формационные схемы; в-пятых, в излишнем, противопоставлении формационной структуры как «единственно правильной» иным моделям структуры общества как идеалистическим и ошибочным [2].

Как справедливо заметил М.Н.Марченко, руководствуясь данным критерием, его не следует абсолютизировать и считать единственно правильным, неким «всеобщим» критерием типизации государств. Ибо, во-первых, кроме него, как известно, существуют и другие, хотя и менее общие критерии типизации государства, комплексное использование которых помогает провести более четкую, строго обоснованную классификацию рассматриваемых явлений. А во-вторых, критерий, в соответствии с которым тип государства определяется только принадлежностью последнего к той или иной общественно-экономической формации, нуждается в серьезных уточнениях. Ибо в мире всегда существовало и существует множество других, так называемых переходных государств и правовых систем, которые «не вмещаются» в рамки той или иной формации [11, p. 181].

Существующие многочисленные определения понятия исторического типа государства, встречающиеся в научной литературе, особенно политико-юридической, мало чем отличаются друг от друга. «Типом государства, утверждается в издании 1980 г., называется находящийся в развитии и обусловленный в конечном счете характером экономического строя классового общества комплекс существенных черт, которыми данное государство отличается от государств других типов» [15, p. 78].

Аналогичные определения характерны и для других изданий [16], а также монографий [12, p. 21]. «Под историческим типом государства и права понимается закономерная степень в развитии государственно-правовых систем, существующих в пределах одной общественно-экономической формации, характеризующихся единством экономической основы, классовой сущности и внешних форм проявления» [17, p. 142]. В сравнительно недавних изданиях по общей теории государства и права исторический тип государства рассматривается как совокупность основных черт, свойственных государствам и правовым системам определенной общественно-экономической формации, выражающих их классовую сущность, содержание и социально-классовое назначение [10, 11, 15-19].

Кроме того, во многих определениях исторический тип государства рассматривается в качестве совокупности характерных черт, особенностей государства. Чтобы определить и отнести то или иное государство к определенному историческому типу, надо знать его черты и свойства, однако анализ только этих черт при определении исторического типа превращает их в самодовлеющие величины, поскольку они отрываются от явления, т.е. самого государства. Тем самым исторический тип государства лишается исторической реальности, целостности как отдельное структурное образование.

Отметим, что в трактовке исторического типа государства нужно исходить из следующего: во-первых, признавать важность и необходимость определения типа государства; во-вторых, признавать то, что тип – это не какое-либо отдельно существующее государство, а научная категория, некий собирательный образ реально существующих на данном историческом отрезке времени государств и правовых систем; в-третьих, эта категория создается не умозрительно, а складывается из совокупности наиболее важных, общих для всех этих государств и правовых систем признаков и черт и, в-четвертых, в процессе определения типа государства за основу брать не формально-юридические, а, прежде всего, сущностные и содержательные признаки и черты.

Переход от одного исторического типа государства к другому совершается как революционно, так и эволюционно, в процессе перехода изменяется социальное назначение, а следовательно, и сущность

государства.

Становление нового типа государства происходит путем отпадения отдельных государств от старого типа и присоединения их к новому, идет единый процесс борьбы нового со старым, постепенной замены старого новым.

Сегодня в академической среде не получает распространения анализ эволюции общества с точки зрения «прогресса». Актуализируется рассмотрение проблем с позиции качественной реорганизации общества в иное состояние в нейтральном контексте усложнения культурных форм. В теории политогенеза определенной популярностью пользуется теоретическая парадигма неозолюционизма. Видным ее представителем является Джулиан Стюард. Он придерживался теории многолинейной эволюции и на этой основе выявил функциональную зависимость между средой, определяющей разнообразие эволюционных форм, и уровнем технологии и социально-политической организацией. Общество, по Стюарду, проходит последовательно восемь стадий - от охоты и собирательства до индустриального общества.

Этнолог Калерво Оберг в 1955 г. предложил типологию культурных форм, построенную на различиях политических структур. Оберговская типология могла быть применена к культурам не только Южной и Центральной Америки, но и других частей мира. Типология была следующей: 1) гомогенные племена; 2) сегментированные племена; 3) политически организованные вождества; 4) феодальные государства; 5) города-государства; 6) теократические империи [28, p. 472-487].

Полагаем, что принадлежность государственно - организованного общества к тому или иному историческому типу должна определяться на основании анализа его режимов, аспектов и элементов этих режимов.

Обратимся к критериям, носящим интегративный характер, которые помогут типологизировать эволюционные формы государства. Можно выбрать параметры, переменные, отражающие сложную характеристику с очевидной «уровневостью». Это будут параметры или признаки, определенные изменения которых составляют класс или тип объясняемых явлений (зависимые переменные).

Совокупность зависимых, или объясняемых, переменных на одном этапе исторического развития задает свою, присущую только ей, тренд-структуру. Если переменные пересекают отведенные им пределы, то прежняя тренд-структура «перестает быть собой», т.е. осуществляется фазовый переход или подъем на качественно иную ступень развития.

Классификация государств по историческим типам предполагает, на наш взгляд, учет следующих аспектов (переменных) базовых социальных режимов:

- уровень политической эволюции (развитие политических структур и институтов);
- организация и масштаб военной силы, уровень развития коммуникаций, таких как транспорт, связь, средства наблюдения;
- уровень развития самостоятельного производства вооружения;
- способность создавать и поддерживать альянсы (уровень развития дипломатии) и обеспечивать внутреннюю и внешнюю легитимацию;
- уровень накопления и развития знаний и практик;
- уровень развития способов удовлетворения духовных потребностей;
- развитие способов аккультурации;
- развитие способов воспроизводства (характер обеспечения новых циклов и новых этапов производства);
- развитие способов перераспределения и обмена (порядок обеспечения потребностей в условиях экономико-географического разнообразия);
- уровень развития техники и технологии в мирной сфере [14].

Исторический тип государства может быть составлен на основе признаков по сопряженным параметрам базовых социальных режимов (политико-правового, экономического и культурного).

Итак, исторический тип государства есть определенное единство базовых социальных режимов, включающих в себя как обязательные общую политическую власть, режим обмена и распределения благ и услуг.

Десять перечисленных выше параметров как раз задают идеальный исторический тип государства. Каждому типу государства соответствует определенная степень развитости по всем десяти параметрам.

Вместе с тем мы выделяем уровень политического развития в качестве универсального по своему значению. Он может служить основным критерием или фактором для фиксирования перехода от одного исторического типа государства к другому.

Другими словами, данный критерий позволяет проследивать эволюционный ряд в последовательности от менее развитых и простых к более сложным и развитым формам политической организации. При определении эволюционного ряда в категориях нарастания степени сложности мы отдаем себе отчет в том, что процесс изменения от простого к сложному не является сущностью культурной и политической эволюции. В этом случае трудно объяснить циклическое развитие и те случаи, когда на разных стадиях эволюции вновь появляются сходные политические структуры. Здесь полезно обратиться к понятию структурного изменения. Эволюция будет пониматься как «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от

предшествующей формы» [30, p. 862].

В качестве примера приведем таблицу из исследования А.В. Коротаева о взаимосвязи между типом хозяйства и уровнем политической интеграции [6, p. 141].

Таблица 1 – Типы хозяйства и уровень политического развития

Индекс государственности	А	В	С	Итого
0	49	10	9	68
1-4	13	24	18	50
5-7	0	4	26	30
Итого	62	38	53	153

В этой таблице:

А – присваивающее хозяйство, В – раннее земледелие, С – развитое земледелие;

0 - 7 «индекс государственности» по Дж. Мердоку, где в целом: 0 – простые общины, 1 - 4 – общества с развитой внутренней структурой и вождество, 5 - 7 – государственные образования разной степени сложности.

Четко видно, что имеется положительная связь между усложнением систем хозяйства и ростом политической централизации.

Очевидно, что историческое развитие государств шло разными путями, но в то же самое время оно, как справедливо отмечает Джонатан Хаас, обладает «такими важными общими чертами, как зарождающаяся бюрократия, правящая элита, государственная религия, постоянная армия и централизованная экономика. Эти общие черты, выражающие суть государственной организации, возникают в культурах, дающих ответ на действие таких сходных сил, как демографическое давление, сокращение ресурсов и усложнение общества» [20, p. 22].

Тот или иной уровень политической эволюции определяет границу, отделяющую государственные образования одного типа от государственных образований другого типа. Важным моментом является выявление признаков определения, через которые проходит граница.

Так, А.В. Коротаев определяет уровень политической эволюции или уровень государственности по двум параметрам: количеству надобщинных ступеней иерархии и их развитию, а также по специализированности аппарата принуждения [6, p. 136-191].

Карнейро называет государством социальную структуру с правительством, которое способно принуждать людей к труду и войне. Здесь мы наблюдаем два операциональных параметра: наличие/отсутствие правительства и способность/неспособность правительства принуждать людей к труду и войне. При таком определении именно «наличие/отсутствие правительства» будет тем параметром или признаком, изменение которого составит класс или тип объясняемых явлений (уровня политической эволюции).

Другой исследователь Т. Скочпол базовые трансформации государства определял через осуществление классовых восстаний снизу, выделяя тем самым три основных параметра: скорость трансформации, ее базовый или небазовый характер и наличие/отсутствие классовых восстаний снизу. Скочпол использовал в качестве объясняемых переменных два из трех параметров – второй и третий. Другими словами, трансформация государственных структур и наличие восстаний снизу являются объясняемыми переменными для переинтерпретации исторического типа государства.

Приведем еще один пример определения государства, принадлежащего Альфу Россу. Он считает, что о действиях государства осмысленно можно говорить в двух случаях: «когда действие представляет собой реализацию государственной власти или официальной силы принуждения» и «когда действие является исполнением некой работы, оплачиваемой из «государственной казны» [29, p. 123-124]. Росс обуславливает действия государства (действия человека, как если бы они исходили от государства) четырьмя моментами: этот человек облечен властью в качестве занимающего определенную государственную должность; его полномочия включают в себя власть приказывать другим; эти полномочия осуществляются не в его личных интересах, а в интересах законных учреждений для общего блага; когда данные полномочия переплетены с другими, в сумме составляя систему власти (правительство). Здесь, как и в случае Карнейро, важнейшим параметром (объясняемой переменной) является наличие государственной власти (аппарата принуждения), которая создана на законных основаниях для общественного блага (второй параметр).

Исследователи по-разному определяют фазы государственного развития общества (политогенеза) и соответствующим образом интерпретируют эволюционные формы (исторические типы) государства. Мы выделяем три таких исторических типа:

- традиционное государство;
- феодальное государство;
- современное государство.

Вождество представляет собой такой тип социально-политической организации, который создает

предпосылки для перехода от общинной автономии к собственно государству. Поэтому вождество мы также будем исследовать как самостоятельный исторический тип. В марксистско-ленинской историографии не «вождество», а «военная демократия» рассматривалась как форма организации общества периода разложения родоплеменного строя и перехода к государству.

В этом же ключе на основе общности экономической базы, единой классовой сущности и однородных принципов организации и деятельности выделялись государства классических типов (рабовладельческие, феодальные, капиталистические). Внутри названных исторических типов государственности выделялись так называемые подтипы. В рабовладельческом – патриархально-рабовладельческий (государственность стран Древнего Востока) и античный (государственность Древней Греции и Рима). В феодальном – раннефеодальный, сословный, абсолютистский. В буржуазном – промышленный и империалистический.

Все это означает, что проблема типологизации государства неоднозначна и не поддается однолинейному истолкованию. Исторические типы государств и характеристики их политического уровня могут быть выражены следующими примерами.

Традиционное государство в ее типологической интерпретации характеризуется наличием мелких деспотий, королевств, царств, княжеств ... По И.М. Дьяконову к этому типу относятся Государство Инь в Китае и все, что предшествовало империи Цинь вплоть до III в. до н.э.; в Японии - вся раннегосударственная эпоха вплоть до периода Нара (III-VI вв. н.э.); в Европе - Крито-Микенская цивилизация II тысячелетия до н.э. (а в I тысячелетии до н.э. - этруская); ранние государства Севера и Востока – англосаксонские до IX в. н.э.; скандинавские и славянские до XII в.; в Африке к типу ранних древних обществ возможно отнести государства Малинке, Сонгай VII-XV вв. н.э., государство народа хауса с X- XI вв. н.э. и государства Конго, Буньоро и Буганда (с XVIII в.) и т.д. [3, р. 38].

В данном типе государства существует централизованный институт с чиновническими должностями, который уже не сводится к родству и военной элите и который способен принуждать людей к труду и войне. Имеются также властные структуры, обладающие монополией на легитимное насилие на территории. Данный тип может иметь и протогосударственные формы, но тем не менее он способен выполнять основные функции государства (организация военной силы, поддержание своей легитимности). Общества ранней государственности могут иметь паритетные отношения друг с другом.

Феодальное государство как определенный исторический тип государства включает в себя различные территориальные империи, княжества и королевства феодальной структуры, протокапиталистические города-государства. Примерами государственных образований этого типа могут послужить китайские империи начиная с Хань от I в. н.э.; империи в Японии XII-XVI вв.; государство Маурья (IV-II в до н.э.); Византийская и Римская империи; Ахеменидская империя персов; Империя Карла Великого; Монгольская кочевая империя; Османская империя; Московское государство XIV-XVI вв.; колониальные империи Португалии и Испании и др.

В феодальном государстве упорядочивалось управление большими территориями. Центральная бюрократия осуществляла разнообразную функциональную деятельность, сосредотачивала в своих руках военные, даннические, таможенные, судебные, отчасти церковные дела. Вместе с тем наблюдалась дисперсия или дуализм политической власти: власть в центре и власть отдельных феодалов на местах, в их вотчинах и сеньориях. На локальном уровне власть принадлежала правителям, носившим разные имена (царь-басилевс, князь, хан, боярин, барон, мандарин, бай и т.д.), но выполнявшим в сущности, одни и те же публично-правовые функции.

Сформировался кодекс общих законов, но местные законы провинций и городов продолжали играть важную роль.

Понятие феодального государства ассоциируется в первую очередь с господствовавшими формами социальной и политической организации европейского средневековья, имеющей специфические отношения зависимости (сеньор/вассал) на основе существования феодала – опоры этого отношения.

Современное государство типологически берет свое начало в Нидерландах с конца XVI в., в Англии с конца XVII в., во Франции, Пруссии в разном измерении с середины XVIII – начала XIX вв., в большинстве стран Западной Европы – где с начала, где с середины XIX в., в России в разных аспектах с начала XVIII – начала XX вв., в Турции, Японии – с конца XIX в., в Китае, Индии, Бразилии, большинстве стран остального мира – с середины XX в. США, Австралия, Канада и др. являются современными государствами с XVIII столетия. Сегодня к этому типу относится подавляющее число государств. Такое государство еще называют национальным государством.

Благодаря территориальному принципу организации политической власти, централизации и институционализации политического авторитета и монополии на легитимное применение силы внутри общества национальное государство было способно сохранять население и контролировать правопорядок, наращивать военный потенциал и завоевывать новые территории, поддерживать гражданскую лояльность и использовать преимущества рыночной экономики [9].

Выводы

Тип – это научная категория, собирательный образ реально существующих на данном

историческом отрезке времени государств и правовых систем. Данная категория складывается из совокупности наиболее важных, общих для всех этих государств и правовых систем признаков и черт и в процессе определения типа государства за основу должны браться не формально-юридические, а, прежде всего, сущностные и содержательные признаки и черты.

Переход от одного исторического типа государства к другому совершается как революционно, так и эволюционно, в процессе перехода изменяется социальное назначение, а следовательно, и сущность государства. Становление нового типа государства происходит путем отпадения отдельных государств от старого типа и присоединения их к новому, идет единый процесс борьбы нового со старым, постепенной замены старого новым

Исторический тип государства может быть составлен на основе признаков по сопряженным параметрам базовых социальных режимов (политико-правового, экономического и культурного). К таким признакам следует отнести: уровень политической эволюции (развитие политических структур и институтов); уровень организации и масштаб военной силы, уровень развития коммуникаций, таких как транспорт, связь, средства наблюдения; уровень развития самостоятельного производства вооружения; способность создавать и поддерживать альянсы (уровень развития дипломатии) и обеспечивать внутреннюю и внешнюю легитимацию; уровень накопления и развития знаний и практик; уровень развития способов удовлетворения духовных потребностей; развитие способов аккультурации; уровень развития способов воспроизводства (характер обеспечения новых циклов и новых этапов производства); уровень развития способов перераспределения и обмена (порядок обеспечения потребностей в условиях экономико-географического разнообразия); уровень развития техники и технологии в мирной сфере.

Наиболее четко можно выделить такие фазы государственного развития общества (политогенеза) и эволюционные формы (исторические типы) государства как: традиционное государство; феодальное государство; современное государство.

Существуют четыре инновационных этапа в правовой институционализации современного политического господства: гражданское государство, правовое государство, демократическое правовое государство и социальное правовое государство.

За время существования юридической, философской и политической науки были созданы десятки различных теорий и доктрин, предпринято столько же попыток типологизации эволюционных форм государства. Высказаны сотни, если не тысячи противоречивых предположений. Вместе с тем споры о природе государства, его сущности и условиях возникновения продолжают по сей день. Теоретические трудности связаны со сложностью и неоднозначностью конкретно-исторических процессов формирования и развития государства.

Библиографический список

1. Городцов В.А. (1927) Типологический метод в археологии. Рязань.
2. Гуревич А.Я. (1990) Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. №11.
3. Дьяконов И.М. (1994) Пути истории. М.
4. Еллинек Г. (1903) Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. СПб.
5. Кареев Н.И. (1905) Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории // В сб.: Известия С.-Петербургского политехнического института (экономич. отд.). Т. 3. Вып. 1-2. СПб.
6. Коротаяев А.В. (1991) Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М. Ч.1.
7. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. (2013) Государственная власть: парадигма, методология и типология. М.
8. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. (2010) Теория государства и права. Ростов н/Д.
9. Мамычев А.Ю. (2014) Государственная власть как правокультурный феномен // Юристы – Правоведь. № 3(64).
10. Общая теория права и государства (1996) Под ред. В.В. Лазарева. М., 1996.
11. Общая теория государства и права (2001) Академический курс. Т.1 /Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. М.
12. Петров В.С. (1967) Тип и формы государства. Л.
13. Ржевский В.А. (1992) Основы государства и права. Ростов н/Д.
14. Розов Н. (2001) На пути к обоснованным периодизациям всемирной истории // Время мира. Вып.2. Новосибирск.
15. Теория государства и права (1977) Под ред. А.М. Васильева. М.
16. Теория государства и права (1980) Под ред. А.И. Денисова. М.
17. Теория государства и права (1987) Отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. 2-е изд. Л.
18. Теория государства и права (2000) Под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. М.
19. Теория государства и права (2007) Под ред. проф. Н.И. Матузова и проф. А.В. Малько. М., 2004.
20. Хаас Дж. (1995) Пути к государственности // Альтернативные пути ранней государственности / Отв. ред. И.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток: Дальнаука.

21. Adams R.N. (1975) *Energy and Structure. A Theory of Social Power*. Austin.
22. Aron R. (1965) *Democratie et Totalitarisme*. Gallimard.
23. Fried M.H. (1967) *The evolution of political society; An essay in political anthropology*. New York: Random House.
24. Helsen G. (1946) *General Theory of Law and State*. Cambridge.
25. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Vronskaya M.V. (2015) Typological analysis of evolutionary forms of a state // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3, May. Supplement 3.
26. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396.
27. Maciver R. (1964) *The Modern State*. Oxford.
28. Oberg K. (1955) Types of Social Structure Among the Lowland Tribes of South and Central America // *American Anthropologist*. Vol. 57.
29. Ross Alf. (1960) On the Concepts "State" and "State Organs" in Constitutional Law. *Scandinavian Studies in Law*. Vol. 5.
30. Voget F.W. (1975) *A history of ethnology*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston.

2.3. ГОСУДАРСТВО И АЛГОРИТМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Любашиц В.Я.

Южный федеральный университет

kafedra_tgp@mail.ru

Мордовцев А.Ю.

Мамычев А.Ю.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

aum.07@mail.ru, mamychev@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемом материале анализируются процессы (алгоритмы) глобализации и их влияние на институт государства. Рассматриваются различные методологические подходы к исследованию глобальных процессов и теоретико-практические модели трансформации института государства. Показывается, что модернизационные и глоболокальные тренды существенным образом влияют на смысл и социокультурную динамику государства как политического феномена, проблематизируя сущность, основные функции и задачи, социальную роль государственной власти в политической жизни общества. При этом отмечается, что современные процессы глобализации значительно увеличивают рискогенность функционирования локальных, национальных и региональных жизненных пространств, ставят в жесткую зависимость от деятельности государственной власти. В работе делается вывод, что международно-политическая коммуникация, основанная на государственном единстве, суверенности и национальной целостности, эволюционирует в сторону адаптирующихся (постоянно изменяющихся и переструктурирующихся) структур взаимодействия, где государственная власть рассматривается в качестве одного из глобальных акторов, участвующих в политическом процессе наравне с неправительственными гражданскими институтами, транснациональными субъектами, военно-политическими блоками. В тоже время авторы аргументируют, что глобализация качественно обогатит и усложнит роль государства, обосновывается, что данный институт не утратит свое доминирующее положение в международном взаимодействии и в управлении внутринациональными процессами.

Ключевые слова. Глобализация, государство, право, политические процессы, юридические доктрины.

Введение

Термин «глобализация» происходит от французского слова «global» – всеобщий. Этим термином обозначается объективный процесс формирования, функционирования и развития принципиально новой всемирной системы отношений между странами и народами на основе углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества [6, p. 106]. В широком смысле слова под глобализацией, с одной стороны, понимается перерастание национальных и региональных проблем в общемировые, а с другой – формирование общей хозяйственной, социальной и природно-биологической среды в планетарном масштабе. В узком смысле слова процесс глобализации трактуется только в социоэкономическом аспекте как превращение национальных, социетальных и хозяйственных структур в целостную и единую геосоциоэкономическую реальность.

Процессы глобализации, унификации политического развития и стандартизации социально-экономической организации различных обществ [8, 9, 22], легитимации (или делигитимации) существующих политических режимов со стороны международного сообщества обуславливают принципиально иную эпоху в развитии национальных государств, другую геополитическую матрицу оценки существующих проблем и угроз – с одной стороны, вариантов и перспектив цивилизационного взаимодействия – с другой.

Эта эпоха рассматривается многими аналитиками как «парад мягких суверенитетов», постепенной десоверенизации государственно-правовых пространств, слом «национально-территориальных инстинктов» (Rischar J. F., 2002) государства, предполагающие всеобщее (сетевое) управление глобальными политическими процессами, «гуманитарные интервенции», стандартизацию экономической и политической действительности. Политическим клише, оценочной матрицей происходящих трансформаций стало выражение известного политолога Г. Киссинджера о том, что современные мировые процессы свидетельствуют о «смерти» Вестфальской системы и бессмысленности идеи государственных суверенитетов, идеи национально-культурного развития [5]. Если сегодня и принято говорить о суверенитете, то лишь в контексте объединенных (региональных, межгосударственных), глобальных суверенитетов, предполагающих интеграцию различных государств в некоторое политически единое (союзное, сетевое) целое, в качественно новую форму «космополитической организации» [13].

Обзор литературы

В современной политико-правовой науке процесс глобализации рассматривается двояко [19]. С одной стороны, он анализируется как специфическая, объективно существующая тенденция наравне с

такими процессами, как регионализация, провинциализация, локализация и др. Обосновывает, что процесс глобализации не является продуктом исключительно нашего времени, а свойственен, в той или иной мере и в разных качествах, всей истории развития человечества [11]. Это обусловлено, прежде всего, тем, что одним из побудительных мотивов человеческой деятельности, как полагает Г. Х. Шахназаров, стала потребность в общении, взаимопонимании. Данная мотивация, как известно, проявлялась на разных уровнях человеческой организации – от самых простых социальных систем – до планетарных общностей – «объединение людей в род, племя, государство, нацию, мировое сообщество» [12, р. 186].

С другой стороны, глобализм трактуется как тенденция к распространению культурно-индифферентного международного стандарта, глобального мирозерцания [20], планетарного и сетевого сознания, имеющих «свои теневые стороны» и порождающих «собственную антитезу – идеологию и движение антиглобализма» [10, р. 110]. В данном случае речь идет о гуманитарной, экономической, политической унификации существующих государственно-правовых пространств в соответствии с определенными «стандартизированными» идеалами и принципами [7].

2.1. Реалисты

Реалисты полагают, что в глобализованном мире государство продолжает преследовать свои собственные интересы. «В международной политике, - утверждает Н. Спайкмен, - допустимы все формы насилия, включая разрушительные войны. Это означает, что борьба за власть тождественна борьбе за выживание, и главной задачей внутренней и внешней государственной политики становится усиление властных позиций. Все остальное вторично» [29, р. 18]. По мнению Дж. Доннелли, в глобализованном мире отсутствует мировое правительство, которое бы руководило действиями государств на международной арене. «Чтобы выжить на этой арене, государство должно преследовать свои собственные интересы и больше ничьи» [15, р. 12]. Реалисты отрицают влияние глобализации на изменение власти государства.

2.2. Институционалисты

Противоположную позицию занимают институционалисты. Они предсказывают замену национального государства транснациональными институтами глобализованного мира. К. Омае утверждает, что в условиях глобализации национальное государство превращается «в ностальгическую функцию» [24, р. 12]. По мнению В. Рейнеке, «глобализация бросает вызов суверенитету национального государства» [26, р. 129]. Разросшиеся международные организации и режимы, интернализация международных норм местными гражданскими обществами приводят к эрозии государственного суверенитета.

В исследованиях институционалистов, посвященных изучению этого процесса, подчеркивается одно из его важнейших последствий – изменение функций государственной системы [3]. Если прежде государственные институты самостоятельно определяли основные параметры национальной внутренней и внешней политики в экономической и социальной сферах, осуществляли безраздельный пограничный контроль над перемещением людей и товаров по своей территории, то сегодня понятие национального суверенитета размывается. Наиболее могущественные в экономическом и военном аспектах государства оказывают все более сильное влияние как на внутривнутриполитическую, так и на внешнеполитическую ситуацию в менее влиятельных странах. Еще одним важным следствием глобализации современного мира является возникновение надгосударственных институтов, придающих межгосударственным отношениям признаки федеративной структуры. Наиболее ярко это наблюдается в Европейском союзе.

2.3. Структурно-функциональные исследования

Преодолению крайностей позиций реалистов и институционалистов служит системно-функциональный подход [22], ориентирующий на изучение процессов адаптации государства к вызовам глобализованного мира. В ходе этой адаптации происходит изменение характера государственной власти и корректировка государственных функций [21-23].

Так, развитие политических систем в современной международной обстановке свидетельствует об усилении функциональной роли государственной власти [1]. В противовес теории «ослабления суверенного качества» государства наблюдаются процессы возрастания роли институтов государственной власти не только в управлении внутринациональным пространством, но и на международной арене – в урегулировании различных конфликтов. Поэтому в рамках структурно-функционального подхода утверждается, что сегодня следует говорить не об «отмирании» института государства, а о его адаптации к изменяющимся условиям функционирования: «Государству и органам еще предстоит пережить нелегкий процесс адаптации к меняющимся условиям развития глобализирующегося мира, но уже сейчас видно, что от этого зависит не только судьба государства и преодоление его, пусть и видоизмененной, однако столь же важной, как и раньше, исторической миссии» [2, р. 105].

Методы и материалы

В современных политико-правовых исследованиях существует целое многообразие методологических позиций и теоретико-практических подходов к пониманию процессов глобализации и

политическому моделированию алгоритмов развития института государства в глобализирующемся мире. Если систематизировать все эти позиции и подходы, то можно выделить три основных направления, по которым осуществляется анализ заявленной проблематики. *Первое методологическое направление* заключается в интерпретации процессов глобализации с точки зрения взаимосвязи и взаимозависимости национальных систем государственной власти, при реализации своих внутренних и внешних функциональных направлений деятельности, в контексте устойчиво увеличивающихся международно-политических и социально-экономических взаимозависимостей, транснациональных потоков, сближения политических идентичностей и социокультурных взаимосвязей [17].

Второе методологическое направление делает упор на сближение и унификацию политических форм и средств коммуникации [18]. Здесь глобализационные политические и правовые процессы мыслятся не с точки зрения увеличивающейся взаимозависимости национально-государственных пространств – как в первом случае, а с точки зрения глобализации самих этих пространств, их открытости и «готовности» к глобальной трансформации политических институтов власти и практик.

Третье методологическое направление рассматривает процессы глобализации как качественную трансформацию политических и юридических форм организации, в контексте которых национально-государственное перестает «создавать общий порядок взаимоотношений» и стимулирует новые космополитические принципы организации человеческой жизнедеятельности. Эти процессы приведут к тому, что «мировое внутривнутриполитическое пространство власти будет концептуально и политически освоено вне старых категорий национального и интернационального» и откроются «перспективы космополитического обновления политики и государства» [13, р. 15].

Кроме этого, отметим, что настоящее исследование базируется на сравнительно-политическом и сравнительно-правовом методах, при сопоставлении тенденций и трендов развития политических и юридических процессов в разных государственно-правовых пространствах, а также историко-политическом, позволяющим описать трансформацию государственной власти в ходе развития глобального и национального политического процесса. Для анализа направлений и перспектив развития политического феномена государственной власти в современном глобализирующемся мире используются методы политического моделирования и семантического анализа действующих политико-идеологических дискурсов.

Эмпирической базой исследования явились информационные, социологические и фактологические источники, содержащие сведения о специфике трансформации современного политического процесса и государственной власти, изменениях ее роли, значении и функциях, основных противоречиях, конфликтах и рисках. В работе также используются разнообразные аналитические материалы, отражающие систему функций и структуру государственной власти на рубеже XX – XXI вв., развитие основных направлений деятельности властных институтов.

Результаты и обсуждения

Обратимся к изменениям власти и функций государства в условиях глобальной экономики. Эти изменения корнями восходят к периоду разгара холодной войны, расколовшей мир на два полюса. В этот период в национальных государствах Западной Европы начались процессы экономического, политического и военного объединения, чему, по мнению П. Ван Хама, способствовали два основных фактора [16]. Во-первых, это угроза, исходящая от стран - членов Варшавского договора, которая заставила европейские страны забыть о своих исторических распрях и объединиться против общего врага. Во-вторых, европейскую интеграцию подстегнуло послевоенное доминирование США. Перед лицом советской угрозы американцы вкладывали значительные средства в укрепление обороноспособности стран Западной Европы, что позволяло последним отвлекать значительные ресурсы именно на экономическое развитие. Следовательно, именно внешние факторы способствовали немислимой в недалеком прошлом межгосударственной кооперации в послевоенной Европе.

Наиболее важным признаком сложившейся в послевоенной Европе институциональной структуры является относительная стабилизация государственно-территориальных границ. Западноевропейские государства не стремились к увеличению своего могущества за счет территориальной экспансии, что прерывало прежний ход истории в этой части света. Возникновение новых режимов и международных организаций снизило необходимость национальных государств прибегать к односторонним средствам обеспечения собственной безопасности и отстаивания своих интересов. Они все более начинали оценивать свое благосостояние в экономическом, а не геополитическом аспектах. Если на протяжении длительного периода времени государства держались преимущественно на территориальных завоеваниях, в этот период они начинают ориентироваться на контроль над распределением мировых ресурсов как на основное средство обеспечения своего благосостояния. Товары постепенно приобрели большую мобильность, чем капитал и рабочая сила, что привело к возникновению торгового государства [27, р. 160].

Торговое государство обладает рядом особенных характеристик. Во-первых, оно не рассматривает военное соперничество как атрибут власти. Атрибутом власти оно полагает международную торговлю. До середины XX в. экономически выгодным был захват силой чужой территории, нежели создание изолированных экономических и торговых институтов, приносящих прибыль от коммерческого обмена

товарами с соседними территориями. Сегодня цена силового обеспечения благосостояния превышает экономическую выгоду, которое оно приносит. Распространение современных видов вооружений, таких как ядерное, биологическое и химическое, имеющийся у них разрушительный потенциал вызывают сильное сопротивление со стороны общественности и провоцируют ненужные конфликты в обществе. Кроме того, торговое государство преследует экономическое развитие на основе принципов свободного рынка, а не на основе меркантилистской модели, ориентированной только на получение сверхприбыли. Поэтому оно стремится приспособить местные рынки и структуры к нормам международного рынка.

Развитие европейского рынка привело к серьезному изменению власти государства и переопределению его роли в экономических процессах. Функцией государства стала организация и защита саморегулирующегося рынка [28, р. 202]. При либеральной демократии ценностями выступают благосостояние потребителя и самостоятельность рынка, и государство играет незначительную роль. Современному же государству свойственно нести постоянную ответственность за обеспечение людей товарами и исправление ошибок рынка для содействия экономическому росту и стабильности. Поэтому у торгового государства сформировались иные политические и экономические интересы в сравнении с прежним национальным государством. Акцентируя внимание на торговле, а не на силовой экспансии, торговое государство большую часть своих ресурсов направляет на разработку и производство новых товаров и на завоевание новых позиций на международном рынке. Те страны, которые полностью интегрировались в глобальный рынок, имеют очень хорошие показатели экономического роста даже в условиях недостатка природных ресурсов. Примерами могут служить Сингапур и Тайвань. Вместе с тем, страны, ориентированные на игнорирование процесса глобализации, независимо от того, какими природными богатствами они обладают, оказываются на обочине мирового экономического пространства, примером чему служило положение Советского Союза [25, р. 77]. Торговые государства в большей мере способны кооперироваться друг с другом и создавать институты и режимы, ограничивающие международную анархию. Они также приобретают интерес в развитии и поддержании экономического благосостояния и в странах-партнерах, поскольку начинают осуществлять прямые инвестиции в их экономику. Эти инвестиции касаются промышленной инфраструктуры, поэтому они не являются высоколиквидными в рамках локального рынка. Именно взаимное вложение инвестиций развивает кооперативные тенденции на межгосударственном уровне. Причем эти кооперативные тенденции заключаются не просто в попытках гармонизации экономической политики друг друга, но и в желании нести кратковременные убытки, пока торговые партнеры не приспособятся к новой политике.

Появление таких кооперативных тенденций вызвано действием трех факторов. Во-первых, торговое государство опирается на открытую международную торговую систему, которая исключает такие барьеры, как тарифы, квоты или ценовая поддержка, обязательно включает свободу и открытость торговли и гарантирует свободное передвижение капитала. В такой системе государства получают возможность беспрепятственно инвестировать друг друга. Во-вторых, торговые государства обеспечивают собственную безопасность посредством коллективных усилий, а не через обособление. Государства Западной Европы в последние сорок лет могли существенно экономить свои расходы на оборону, поскольку отдельные страны несли их не самостоятельно, а в рамках общеевропейской системы безопасности. В-третьих, торговые государства признают, что во взаимозависимом мире они не могут занять позицию игнорирования международных организаций и режимов без серьезных экономических и политических потерь для себя. Иначе говоря, полная независимость и свобода действий отдельных государств - это совершенно нереалистические ожидания в современной международной политике.

В Западной Европе итогом кооперативных тенденций между торгующими государствами стало укрепление торговых связей. После подписания Римского соглашения в 1957 г., 37% экспорта двенадцати стран Европейского Союза приходилось на внутриевропейский общий рынок. В 1970 г. эта доля возросла до 53%, а к 1991 такой экспорт составил 61% торгового оборота стран ЕС [14, р. 90]. Более того, с 1980 г., когда рост ВВП 12 стран ЕС находился в пределах 2,1% в год и увеличение внешнего торгового оборота за пределами ЕС составляло приблизительно 1,1% в год, рост торгового оборота внутри Европейского Союза находился в пределах 4,2% в год. Наиглавнейшим результатом такого социоэкономического процесса стал полный отказ от войны как средства решения политических вопросов, однако, это сопровождалось ростом ограничений автономии национального государства.

Торговые государства ограничены сложившимися в процессе эволюции «постоянными нормами» международных отношений. Постоянными нормами называются такие правила взаимоотношений, нарушить которые можно только при наличии особых оправданий. Примером таких норм могут служить правила «контракт всегда должен быть выполнен» и «долги всегда нужно отдавать». Такие нормы добровольно принимаются участниками взаимоотношений, поскольку они воспринимаются как лучшее средство достижения целей. Если же государства полагают, что они могут достичь определенных целей самостоятельно, заплатив за это приемлемую цену, они избегают вовлечения в подобную систему отношений. Однако очевидно, что выгоды от принятия ограничений государственной автономии, налагаемых режимом торговых отношений, должно быть значительно больше. Иначе бы такая система не получила широкого распространения в современном мире.

Интеграция государств в глобальную экономику происходит неравномерно и приводит к появлению

неравенства государств по степени экономического могущества. В. Иноземцев отмечает тенденцию усиления замкнутости кооперативных связей экономически влиятельных государств. О тенденции свидетельствует статистика современной международной торговли, движения инвестиций и потоков рабочей силы [4, р. 31].

На протяжении XX века рост торговых оборотов опережал рост ВВП большинства индустриально развитых стран. Если суммарный ВВП всех государств мира вырос с 1950 по 1992 год с 3,8 до 18,9 трлн. долларов, то объем торговых оборотов повысился с 0,3 до 3,5 трлн. долларов. В конце 80-х – первой половине 90-х годов рост объемов мировой торговли характеризовался показателями от 5,3 до 7 % в годовом исчислении. Между тем структура этих торговых потоков существенно изменилась. В 1953 году индустриально развитые страны направляли в страны, достигшие того же уровня развития, 38 % общего объема всего экспорта, в 1963 эта цифра составляла 49%, в 1973 – 54%, в 1987 – 54,6%, а в 1990 – 76%. Во второй половине 90-х годов постиндустриальные державы импортировали из развивающихся и индустриальных стран товаров и услуг на сумму, не превышающую 1,2% своего суммарного ВВП. В 1996 году отношения экспорта к ВВП было в Соединенных Штатах втрое меньшим, нежели в Англии 150 лет назад, в середине 40-х годов XIX века. В Европе формальные показатели оставались более высокими, однако это обуславливалось тем, что товарные потоки внутри ЕС, на долю которых приходилось 74% всех экспортно-импортных операций европейских стран, учитывались как международные. Картина резко изменилась с завершением формирования Европейского союза. Величина торговых потоков между ЕС и развивающимися странами (за исключением Китая) сегодня не превышает объема торговли со Швейцарией [4, р. 30].

Еще более показательна динамика международных инвестиционных потоков, раскрытая на примере США. С одной стороны, несмотря на рост инвестиции в американскую экономику в 30 раз на протяжении периода с 1970 по 1990 год, компании 7 стран – Англии, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов – обеспечивали суммарно 85% всех инвестиций в США и выступали реципиентами для более чем 60% всех американских капиталовложений за рубежом. Если в 1970 году в Европу направлялось не более трети всех американских инвестиций, то сегодня – более 50% (в новые индустриальные страны Азии – не более 8%, а в Мексику – около 3%). При этом развитые страны вкладывают средства в наиболее передовые секторы хозяйства друг друга. В начале 90-х годов 63% американских инвестиций в европейские страны направлялись в сервисный сектор, а 31 – в индустриальное производство; европейцы вкладывали средства в американскую промышленность (49%), а также в банковскую и финансовую сферы (25%). Напротив, инвесторы из Японии и новых индустриальных государств предпочитают лишь спекулятивные капиталовложения или ограничиваются покупкой торговых компаний (41%) и недвижимости (30%). Доля японских инвестиций в промышленное производство не превосходит 18% для США и 16% - для ЕС. Степень монополизации финансовых транзакций в рамках развитого мира еще более очевидна.

Наблюдаются противоречивые последствия глобализации на рынке труда. Сокращение иммиграции в развитые страны стало реальностью, начиная с середины 70-х годов. Сегодня в ЕС лишь 2% рабочей силы находят себе применение вне национальных границ. Одновременно усиливается давление на постиндустриальные страны со стороны иммигрантов из «третьего» мира. Если в 50-е годы 68% легальных иммигрантов, прибывавших в США, происходили из Европы или Канады и принадлежали к среднему классу, то в 80-е более 83% были азиатского и латиноамериканского происхождения. Они, как правило, не имели достаточного образования. В европейских странах, как и в США, иммигранты пополняют низшие классы общества и создают жесткую конкуренцию местным работникам. Сегодня в молодежной среде негативное отношение к иммигрантам разделяют от 27,3% французов до 39,6% немцев и 41% бельгийцев. В США только на протяжении последних трех лет администрации ряда округов шести крупнейших штатов - Калифорнии, Флориды, Нью-Йорка, Аризоны, Техаса и Нью-Джерси - возбудили официальные судебные иски против Федерального правительства (суммы колебались от 50 млн. до 33 млрд. долларов), требуя компенсировать их финансовые потери, вызванные излишней либеральностью национального иммиграционного законодательства. По мнению В.Иноземцева, ближайшее десятилетие станет для США и ЕС периодом более жестких ограничений использования иностранной рабочей силы.

Выводы

Распространение и усиление международных организаций и режимов оказались вызовом традиционному понятию государственного суверенитета. Реалисты утверждают, что национальное государство остается главным участником глобальной системы отношений, и международные институты выражают их волю. Институционалисты заявляют, что международные организации и режимы ограничивают самостоятельность современного государства в осуществлении своих функций. Преодолению крайностей волюнтаристического подхода реалистов и процессуального подхода институционалистов служит более широкий системно-функциональный анализ. Современное государство интернализирует международные нормы и правила, что ограничивает традиционный государственный суверенитет, и одновременно, приобретает новые функции государства-члена международного сообщества, что увеличивает власть государства в решении внутри- и внешнеполитических задач.

В постхолодный период институты глобальной экономики, международные организации и режимы

ограничили самостоятельную деятельность государства. Государственное участие в глобальной экономике приводит к появлению торгового типа государства, измеряющего свое могущество долей мировых экономических ресурсов, а не размерами территории и военной силы. Торговое государство направляет большую часть своих ресурсов на разработку и производство новых товаров и на завоевание новых позиций на международном рынке. Торговое государство заинтересовано в поддержании экономического благосостояния в странах – партнерах, поскольку осуществляет прямые инвестиции в их экономику. Усиление взаимозависимости торговых государств сопровождается возникновением государственного неравенства по степени экономического могущества. Государства, развивающиеся на постиндустриальной основе, образуют замкнутую систему, в то время как индустриальные и доиндустриальные страны оказываются в положении зависимости от этой системы. Об этом свидетельствуют замыкание торговых и инвестиционных потоков в пределах постиндустриальной системы, ее растущая устойчивость к потрясающим периферию хозяйственным кризисам и ужесточению иммиграционной политики.

В настоящее время происходит разработка правовых конструкций и политических форм, адекватно описывающих современное функционирование институтов государственной власти и перспективы их развития в космополитическом мире, критериев и характеристик, типологизирующих «суверенные качества» государства, уточняющих их реальность (или номинальность), фактичность (виртуальность) и т.д. Так, например, концепт «сила государства» в современных условиях явно или неявно выражает потенциальную и реальную способность государственной власти самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности, ведущего субъекта глобальной политэкономической системы.

В современной политической практике подчеркивается возрастающее значение регулирующих мероприятий и программ государственной власти, направленных на преодоление кризисных явлений, противоречий, конфликтов, а также обеспечение социального порядка, стабильности и устойчивого развития общественной системы. Однако степень такового властно-управленческого вмешательства в общественные процессы и его влияние на регламентацию социальной жизнедеятельности зависит от национальных традиций, сложившихся публично-правовых практик взаимодействия общества и государства, а также предпочтений, интересов и потребностей населения. Поэтому постклассические концепции эволюции институтов государственной власти, нивелирующие его суверенные качества, обосновывающие размывание традиционной роли и значение данного института, трансформацию его компетенций, следует трактовать не просто как вызов самостоятельности, независимости, целостности национальной государственности, но и как угрозу дальнейшего существования государственно-организованных форм жизнедеятельности. Считаем, что ориентиры дальнейшего государственного строительства и укрепления политических систем связаны с развитием концепции стабильности и устойчивости публично-правовых институтов власти, форм и моделей взаимодействия в системе личность – общество – государство, обеспечивающих преемственное воспроизводство национально-культурной целостности и идентичности в стандартизирующемся и унифицирующемся мире, а также самостоятельность в принятии общенациональных управленческих решений и реализации правовой политики.

Глобальная трансформация государства, права, гражданского общества и доктрины прав человека, несомненно, делает вызов национальной государственной власти, ее суверенитету, независимости ее функций, приоритетов деятельности и проч. Безусловно, глобализация качественно обогатит и усложнит роль государства, но вряд ли данный институт утратит свое доминирующее положение в международном взаимодействии и в управлении внутринациональными процессами.

Библиографический список

1. Генезис федеративных отношений в современной России. М., 2014.
2. Глобализация и государственное единство России (2006)/ Б.С. Эбзеев, Р.А. Айбазов, С.Л. Краснорядцев, отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.
3. Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева (2003) / Под ред. А.А. Галкина. М.
4. Иноземцев В. (2000) Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль – XXI век. № 1.
5. Киссинджер Г. (2002) Нужна ли Америке внешняя политика. М.
6. Капто А.С. (2002) Энциклопедия мира. М.
7. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. (2013) Государственная власть: парадигма, методология, типология. М.
8. Мамычев А.Ю., Стародубцев С.С. (2013) Режимы легитимации органов государственной власти // Философия права. № 2(57).
9. Национальные и провинциальные тренды развития российской государственной власти. М., 2013.
10. Неклесса А.И. (2002) Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. №1.
11. Проскурин С. (2002) Глобализация как фактор поляризации современного мира. М.
12. Шахназаров Г.Х. (2000) Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pro et contra. № 4.

13. Beck Ulrich (2005) *Power in the Global Age*. Cambridge: Polity Press.
14. Cable V. (1994) *Key Trends in the European Economy and Future Scenarios* // In: Miall, ed., *Redefining Europe*, n. 24.
15. Donnelly J. (2000) *Realism and International relations/* Cambridge.
16. Ham van, P. *Can Institutions Hold Europe Together?* (1994) In: Miall H., ed., *Redefining Europe: New Patterns of Conflict and Cooperation*. London, 1994.
17. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perration J. (1999) *Global Transformation*. Cambridge: Polity Press.
18. Geddes A., Favell A. (1999) *The Politics of Belonging: Migrants and Minorities in Contemporary Europe*. Aldershot: Ashgate.
19. Giddens A. (1984) *Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley; Los Angeles: University Press.
20. Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press.
21. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) *Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396.
22. Merton R.K. (1957) *Social Theory and Social Structure* / Robert K. Merton. Enl. Ed. New York: Free press
23. Mordovtsev A.Yu., Mordovceva T.V., Mamychev A.Yu. (2015) *Convergence of law: the variety of discourses* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3, May 2015. P. 262 – 268.
24. Ohmae K. (1998) *The End of the nation State*. L.
25. Putnam R. (1993) *Two-Level Games: The Impact of Domestic Politics on Transatlantic Bargaining* // In Haftendorn H. And Tuschhoff C. eds., *America and Europe in an Era of Change*. Boulder.
26. Reinicke W.H. (1997) *Global public Policy* // «Foreign affairs»: Wash., V.76, № 6.
27. Rosecrance R. (1986) *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. N.Y.
28. Ruggie J.G. (1983) *International Regimes, Transactions and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order* // Krasner S., ed. *International Regimes*. Ithaca.
29. Spykman N.J. (1994) *American Strategy in Worldpolitik: The United States and the Balance of Power*. N.Y.
- Rischar J. F. (2002) *High Noon: Twenty Global Problems, Twenty Years to Solve Them*. BASIC BOOKS, New York.

2.4. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ОФОРМЛЕННОЙ ИСТОРИИ

Любашиц В.Я.

Южный федеральный университет

kafedra_tgp@mail.ru

Мордовцев А.Ю.

Бухарина М.К.

Плякова А.С.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
aum.07@mail.ru, buharina-masha@mail.ru, an.poliakova2012@yandex.ru

Аннотация. В следующем параграфе авторы на основе анализа существующей научной литературы критически рассматривают различные подходы к теоретико-методологическому решению проблем структурирования государственно-оформленной истории, предлагают свое видение теории эволюции государственной организации общества. В частности, предметом анализа в статье являются теории Йохана Гудсблома, Карла Поппера, Р. Нисбета, К. Маркса, Ф. Энгельса и др. В работе аргументируется, что эволюция государства как политического института обусловлена необходимостью решения тех проблем общества, которые требуют освоения и внедрения качественно новых управленческих ресурсов. В эволюционном аспекте управленческими ресурсами выступают дифференциация структурных компонентов государства и их нормативная интеграция. При этом функционально-организованное государство воплощает тип деятельности, удовлетворяющий потребность общества в самосохранении и целенаправленной организованности. С позиции авторов каждая новая эволюционная фаза развития государства как политико-правового института – это не только более эффективный способ выполнения старых функций, но и появление новых, усиливающих возможности для развития других структурных компонентов государства. Все это способствует возникновению качественно новой системы функций и формированию нового исторического типа государства.

Ключевые слова. Государство, общество, политический процесс, эволюция государства.

Введение

Проблема эволюции государства как политико-правового института является классической для государствоведения. В научной литературе представлено множество способов описания эволюционной типологии государственной организации, что связано с допущением вариативности, которая задается определенной логикой образования и развития политических институтов. Анализируя вопрос о сущности государственности, необходимо, на наш взгляд, найти первооснову ее системного единства. Основными элементами государственности являются «относительно обособленные части государственной структуры, обладающие определенной властью и автономией» [15, р. 124]. Однако генетический уровень государственности как характеристику ее врожденных свойств невозможно определить только по характеру власти, сосредоточенной в органах государства. Государственность формируется под воздействием совокупности социальных отношений, позволяющих сначала складываться ее элементам, а затем и собственно государству.

Следует заметить, что в узком значении государственность можно рассматривать как синоним государства вообще, государства того или иного исторического типа, как структуру власти и властных отношений в государстве, т.е. определенную Конституцией систему институтов и правил их взаимодействия. Мы будем рассматривать государственность в широком смысле через взаимную связь ее элементов и общественных отношений, функций, институтов, идеологии, права, экономики, культуры и т.д., опосредующих общие черты и признаки государства.

Рассматривая государственность в широком смысле, мы не ограничиваемся анализом только государственных (политических) и правовых структур, но исследуем взаимосвязь структурных элементов государства, права и институтов гражданского общества.

В юридической и политологической литературе проблемы эволюции государства как политико-правового института, анализ его сущности и особенностей функционирования всегда занимали приоритетное место.

Сегодня предлагается много способов описания эволюционной типологии государственной организации, существуют альтернативные версии. И дело даже не в выстраивании жесткой эволюционной схемы, а в допуске некоторой вариативности, которая все-таки задается определенной логикой образования и развития политических институтов. Нам важно рассмотреть ряд идей и подходов, выдвинутых современными учеными и касающихся наиболее крупных стадий и эпох политогенеза.

Рассмотрение исторического прошлого в терминах хронологии и стадийного развития имеет более чем многовековую традицию. Еще Платон в «Законах» начинал обсуждение разнообразия политических институтов с самых низких ступеней социальной организации. Понятие «процесс» стало

служить основой для разработки понятия «фаз» или «стадий». «Процесс» рассматривается как последовательность изменений, которые предполагают трансформацию нечто из одной фазы в другую. То есть каждая «стадия» или «фаза» есть переход в поступательном движении. Она состоит из малых процессов и является, в конечном счете, частью больших процессов. При этом сам процесс не исключает различения стадий в социальном развитии.

Обзор литературы

Теория стадий или фаз не остается незамеченной критиками, наиболее яркими из которых являются К. Поппер и Р. Нисбет [7, 19-21]. Йохан Гудсблом в работе, о которой пойдет речь ниже, отмечал, что традиция построения фазовых моделей (от Платона и Аристотеля до Маркса и Спенсера) вызывает критику по следующим соображениям: *во-первых*, им не хватает исторической конкретности, а значит, и проверяемости; *во-вторых*, они смешивают фактуальное и нормативное утверждения; *в-третьих*, они исходят из понятия неизбежности и телеологии. Последние десятилетия к ним добавились еще два пункта: *в-четвертых*, они не в состоянии объяснить переход от одной стадии к другой и, *в-пятых*, они активно раскрывают опыт Западной Европы и Северной Америки, т.е. являются «европоцентристскими» [16, р. 20].

Можно согласиться с мнением Й. Гудсблома о том, что стадийные модели имеют наряду с преимуществами и определенные недостатки. На выходе, в силу малой эмпирической представленности, они могут быть неверифицируемыми. Построение общих схем социальной эволюции осуществлялось нередко за счет хронологической точности.

К числу преимуществ относится отсутствие изначальной пространственной ограниченности. Одной из существенных метаморфоз, случившихся за последние годы со стадийными моделями, - это переакцентировка с «фаз» и «стадий» на «процессы». Это позволило снять претензии критиков теории стадий в пунктах несостоятельности в объяснении переходных состояний между стадиями и «европоцентризмом».

Одним из теоретических предшественников современных типологий структурирования истории является формационно-стадийный подход. Этот подход – одна из серьезных попыток создать всеобъемлющую естественно-историческую теорию. Авторами ее являлись К.Маркс и Ф.Энгельс.

Непосредственные материальные жизненные обстоятельства были признаны единственной и безусловной реальностью. Главный постулат выражен в формуле: «способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политические и духовные процессы жизни вообще» [6].

Первичность и безусловность материального производства жизни ведет к созданию определенной зависимости политической надстройки от экономического базиса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [6]. Тем самым подчеркивается, что государство, политика, политические институты обусловлены экономикой. Несмотря на отдельные признаки того, что способно оказывать обратное воздействие на экономику, марксизм вычлняет главное: наблюдается сущностная зависимость политических институтов от экономики, логика развития государственных форм определяется динамикой производительных сил, способом производства и производственных отношений.

«Производительные силы ... образуют основу всей истории». Эта история включает в себя три последовательные ступени мирового развития: первичную, или архаическую; вторичную, или экономическую, и третичную, или коммунистическую. Марксистская идея о ступенях развития производительных сил стала ключевой в концептуализации понятия общественной формации, которая выразилась в типологическом закреплении и оформлении как стадии мирового развития. Марксизм предполагает четкое различение формаций, связанных с типом производительных сил, межформационных и внутриформационных стадий, связанных со способами производства, а также более мелких этапов, не только связанных с типами производственных отношений, но и включающих также аспекты организации труда, технологии производства, распределения и т.д. [2, 5].

Многочисленные последователи Маркса и Энгельса, в силу разного рода обстоятельств, в том числе неправильного перевода Маркса в ленинской работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», выражения «эпоха экономической общественной формации», превратившегося в «эпохи в истории экономических формаций общества», способствовали появлению так называемой пятичленки. Марксистская трактовка политогенеза оказалась чрезвычайно живучей и нашла отражение в многочисленных нео- и постмарксистских исследованиях. Формационно-стадийному подходу марксизма генетически близка концепция циклов Н.Д. Кондратьева. В циклическую основу истории легко имплантируются общественно-экономические формации, стадии и этапы развития человеческого общества.

Структура кондратьевских циклов (продолжительность цикла составляет 40-60 лет) состоит из двух частей или волн: повышательной волны и волны понижательной. Повышательная волна – это период длительного преобладания высокой хозяйственной конъюнктуры в мировой экономике. Понижательная

волна – это период длительного преобладания низкой хозяйственной конъюнктуры.

Длинные волны Кондратьева позволяют рассмотреть не только циклы мировой конъюнктуры, но и проявление технологических, экономических, политических, социальных сдвигов, происходящих в пределах такой волны или цикла.

Один из специалистов в области кондратьевских волн Г. ван Рум обозначил тематический ряд из социальной жизни, который может исследоваться в этой парадигме: социальная стратификация, социальная мобильность, революции и реформизм, развитие и распространение различных идеологий – от либерализма до фашизма, изменения в религиозных воззрениях, демократические изменения и др. [22, р. 237-244].

В рамках кондратьевской парадигмы рассматриваются волны самой различной периодичности – от 3-5 до 1000 лет [8]; для отдельных регионов выделены временные дистанции их действия (Андре Гундер Франк, Барри Гиллс, Джордж Вильям Модельски); описывается политическая динамика [13] Андре Гундер Франк в совместных работах с Барри Гиллсом выявляют кондратьевские циклы подъема и спада в эпоху средних веков и Древности, что определенным образом структурирует всемирную историю, устанавливая протяженность мировой системы в пять тысяч лет против валлерстайновских пятисот лет европейской системы.

Движущей силой развития мировой системы является накопление прибавочной стоимости или капитала, связанное со сменой гегемонии и различным сочетанием рынка и власти.

Франк и Гиллс помимо экономической конъюнктуры рассматривают подъемы и расширения империй, установление связей между ними, активизацию обмена либо распад империй и миросистемных связей.

Другой специалист в области социальной эволюции анализа мировых систем и длительных геополитических циклов Дж. Модельски по-своему структурирует схему всемирной истории. Эволюция делится на четыре главных этапа: вариация, кооперация, отбор и подкрепление. Переходы от одного этапа (эры) к другому объясняются исчерпанием инновационных импульсов, которые доминировали в прежнюю эпоху, и подготовкой новых продуктов инноваций.

Так, инновационный переход от первой эры (3200 – 1200 гг. до н.э.) ко второй (1200 г. до н.э. – 1000 г. н.э.) был связан с формированием множественных культур и характеризовался распространением городов-государств, малым числом крупных империй и т.д.

Достаточно оригинальный подход к периодизации исторического развития общества продемонстрировал Йохан Гудсблом в своей работе «История человечества и долговременные социальные процессы: к синтезу хронологии и фазеологии» [16, р. 22-23]. В его исследовательской стратегии выделяются главные «катализаторы» (контроль над огнем; аграризация и индустриализация) как своего рода экологические трансформации, которые становятся доминирующими на той или иной стадии развития. Затем выстраиваются четыре последовательные стадии:

1. Стадия, когда нет общества с контролем над огнем, или сельским хозяйством, или машинной промышленностью, или X (под X понимается условное человеческое достижение – государственность, письменность, религиозные институты и т.д.).

2. Стадия, когда некоторые общества осуществляют контроль над огнем, но ни одно не имеет ни сельского хозяйства, ни машинной промышленности, ни X.

3. Стадия, когда, по крайней мере, в некоторых обществах есть контроль над огнем и сельским хозяйством, но ни в одном нет ни машинной промышленности, ни X.

4. Стадия, когда, по крайней мере, в некоторых обществах есть контроль над огнем, сельское хозяйство и машинная промышленность, но ни у одного нет X.

Если мы X наполним таким эпохальным новшеством как «государство (в последовательности от менее развитых и простых к более сложным и развитым типам политической организации), то мы получим эффективный инструментальный для сопоставления и координирования самых различных периодизаций.

Вводится простой четырехступенчатый критерий. К примеру, для перехода от общинной автономности к государству возьмем такое новшество, (X) как вождество: 1) данного достижения нет ни у одной социальной общности; 2) вождество имеется у одной социальной общности; 3) вождество имеется у некоторых социальных общностей; 4) вождество имеется у всех социальных общностей.

Завершается этот жизненный цикл стадий с появлением пятой ступени, когда некоторой социальной общности уже не требуется такой формы общественной организации, как вождество. Оно замещается другим новшеством: специфической формой политической организации – традиционным государством. Традиционное государство вступает в свой собственный жизненный цикл. Такому развертыванию могут подвергнуться другие типы государственных форм.

При обзоре различных стадийальных попыток структурирования моделей нельзя обойти вниманием крупное явление отечественной науки – книгу востоковеда И.М.Дьяконова «Пути истории» (1994 г.). Автор предложил стадийную модель истории, включающую восемь фаз: первобытную, первобытно-общинную, раннюю древность, имперскую древность, средневековье, стабильно-абсолютистское постсредневековье, капиталистическую и посткапиталистическую.

Ученый в своей периодизации отталкивается от базовых марксистских позиций и сам это отмечает: «С точки зрения каузальности имеет преимущество теория социально-экономических формаций,

намеченная Марксом более ста лет назад (в 1859 г.) и в деформированном виде сформулированная Сталиным в 1938 г. Согласно этой теории, производительные силы, т.е. технология в сочетании с ее производителями как общественной категорией, развиваются до тех пор, пока нуждам их развития соответствуют существующие в обществе производственные отношения» [3, р.6]. Дьяконов считает, что в конце XX века марксистская теория исторического процесса, отражавшая реалии XIX века, «безнадежно устарела». Он пытается учесть новые факторы, а именно: уровень технологии и состояние социально-психологических процессов. Чтобы установились новые производственные отношения, необходимо, по его мнению, «введение принципиально новых технологий, в особенности технологий производства оружия» [3, р.10].

Переход от одного типа хозяйствования к другому и далее – от одной системы социальных отношений к другой должен сопровождаться сменой социальных ценностей. Самостоятельное значение придается роли военной техники и военного дела в целом. Это важно с точки зрения принадлежности военной организации к политической структуре в целом.

Таким образом, уровень технологии и состояние социально-психологических процессов (Kirsanova, L., Korotina, O., 2014) является критерием «смены принципа социальных отношений» или характера государственного устройства. Именно эти факторы обуславливают смену подъемов и упадков как в рамках той или иной фазы, так и между ними.

Только в третьей дьяконовской фазе (ранняя древность) система управления социумом институционализируется, получает постоянную общепризнанную структуру, аппарат принуждения, и превращается в государство.

Фазовый переход к общинной древности венчал вождество (вторая фаза общинной первобытности). Государственные образования типологически относятся к общинной древности (третья фаза).

В каждый отдельный период истории сосуществуют общества разных фаз развития, а в рамках одной фазы – разные общества. Это свидетельствует о том, что в каждый отдельный период истории сосуществуют общества разных фаз развития, но в рамках единой фазы разные общества обладают примерно равными возможностями (паритетностью) и эффективностью своих политико-правовых режимов.

О подобных разрывах и нестыковках между поколениями политических систем, создающих трудности во взаимодействии хронополитически разновременных, но календарно современных политических систем [1].

Интересно, что типология миросистем, предложенная Христофером Чейз-Данном и Томасом Холлом [14] в интересующем нас аспекте во многом созвучна периодизации Дьяконова. При сопоставлении двух подходов обнаружим, что третья дьяконовская фаза (ранняя древность) соответствует первичным государственным миросистемам, куда входят Месопотамия, Египет, долина Инда, долина Ганга, Китай, доколумбовы Мексика и Перу. Четвертая фаза – фаза имперской древности – первичным империям, в которые автономные государства объединились в результате завоевания (Аккад, Египет древнего царства, Магадха, Чжоу, Теотиуакан, Уари), и отчасти многоцентровым, состоящим из империй, государствам и периферийным регионам (Ближний Восток, Индия, Китай, мезоимперия Перу).

Пятая фаза, средневековая, частично охватывает многоцентровые имперские миросистемы и коммерциализирующиеся, основанные на государстве, в которых развиты важные аспекты товарности. Отметим, что в качестве критерия различения миросистем взят «способ накопления». Корреспондируются также 6, 7 и 8-я фазы.

Для Чейз-Данна и Холла при анализе исторического развития чрезвычайно важной была проблема возникновения и развития чифдома (вождества) и государства из менее иерархичных структур, основанных на родстве обществ. Ими была предпринята попытка обозначить в периодизации важность интерсоциетальных процессов и структур (миросистем) в сетке координат «ядро – периодизация».

Существенный аспект концептуализации миросистем – выявление последствий различных типов взаимодействий на дальнейшее расстояние, для локальных социетальных структур. Интересно, что ключевым показателем, позволяющим осуществлять господство ядра, где в наибольшей степени развита техника власти, является, как и для Дьяконова, специализированная военная организация, тыл и снабжение, стратегия и вооружение, а также организационная техника для управления отдаленными провинциями и изъятие дани и налогов [14, р. 436].

На свой собственный вопрос: «каковы сходство и различие между последовательностью процессов политической централизации и децентрализации в различных видах миросистем?» авторы отвечают своей же формулировкой гипотезы. Она состоит в том, что, во-первых, когда в централизованных империях совершенствовалась техника власти, периферийные регионы отставали в своем развитии, и, во-вторых, периферийные регионы гораздо быстрее усваивают социальные и технологические особенности регионов ядра, как только торговля на дальние расстояния становится более интенсивной и основанной на товарных отношениях [14, р. 437]. Таким образом, Чейз-Данн и Холл специфицируют условия и характер влияния обществ, лидеров (ядра) на другие общества (периферии) в рамках миросистемы.

Методы и материалы

В процессе исследования поставленных выше проблематик использовались общенаучные методы

познания: анализ, синтез, сравнение, аналогия, дедукция, индукция, абстракция. Кроме того, применялись такие методы, как функционально-структурный, сравнительно-правовой, социологический и формально-юридический. Следует заметить, что основу рассмотрения процессов структурирования государственно оформленной истории составили принципы системного анализа, используемые для разрешения проблемы генезиса и эволюции государства как политико-правового института общества. К принципам системного анализа эволюции государства относятся:

- принцип общественной обусловленности генезиса и эволюции государства, заключающийся в решении адаптационных проблем общества, требующих новых управленческих ресурсов;

- структурно-функциональный принцип, ориентирующий на изучение дифференциации структурных компонентов государства и их нормативной интеграции, позволяющих осуществлять инновационные государственные функции, характеризующие появление эволюционно нового типа государства;

- экзогенно-эндогенный подход, в рамках которого исследуются внутриобщественные причины появления национального государства и международные причины перехода от феодального к национальному типу государства;

- исторический подход, ориентирующий на изучение процессов становления, распространения и последствий эволюционных типов государства.

Объединяющим моментом рассматриваемых типологий является согласие относительно сосуществования государственных образований и стадий развития в один и тот же исторический период времени. При этом образование государств представляет собой четкий водораздел в развитии социума. Государство – это политически структурированное общество со специализированными институтами, в том числе военными и бюрократическими, выполняющими функции управления и контроля.

Результаты и обсуждения

Понятие «политической эволюции» взято из работ голландского исследователя, известного специалиста по проблемам эволюционизма Х.Дж.М. Классена [17]. Классен на основе многолинейного эволюционизма пытался объяснить циклическое развитие и те случаи, когда на разных стадиях эволюции вновь появляются сходные политические структуры. Эволюция осуществляется как процесс структурной реорганизации во времени. Результатом является возникновение той или иной формы, структуры, которые качественно отличаются от предшествующей формы. Он констатировал, что похожие политические организации (государство или вождество) неожиданно появляются в самых разных регионах мира и в различных эволюционных потоках. В поисках решения этого парадокса Классен обращается к идее Джулиана Х. Стюарда, который задолго до него пытался объяснить появление патрилокальной группы в ряде обществ, не связанных между собой. Появление несхожих социально-политических структур Стюард объяснял наличием сходных культурных форм у данных групп. Обращает на себя внимание мысль Классена и его соавтора Остена о том, что для поддержания закона и порядка, сохранения территориальной целостности страны и др. требуются такие организационные структуры, которые достаточно быстро вынуждены находить эффективные и функционально удачные решения. Здесь выдвигается обоснованный функциональный аргумент [18]. Каждая политическая организация проходит суровые испытания на эффективность и в силу этого обстоятельства существует мало функционально пригодных институтов. Классен считает, что эволюционные изменения являют собой результат комплексного взаимодействия ряда факторов, а именно: экономических, идеологических, демографических и социополитических.

Структура, периодизация, предлагаемая новосибирским исследователем Н.С. Розовым, радикально не отличается от академической традиции изучения политогенеза, но достаточно инновационна и требует к себе должного внимания. Розов ставит задачу улучшения и переструктурирования концептуального каркаса в объяснении и понимании истории. На основании своих достаточно обширных философско-методологических исследований [10] он формулирует совокупность требований к периодизации истории и соответственно политогенеза: принцип субстанциональности (периодизация должна прямо соотноситься с главными характеристиками, определяющими качествами, задающими специфику и стабильность различных частей историко-политической реальности, а также с наиболее сильными факторами (причинами, движущими силами, паттернами) исторического изменения в этих частях [11]; принцип временной сравнимости (деление периодов истории на основании концептуально гомогенных и сравнимых критериев); принцип пространственной сравнимости (учет реально существующего разнообразия исторических форм, очевидного различия в скорости исторических изменений); принцип сравнимости парадигм (концептуальная структура периодизации должна быть сопоставимой с ключевыми категориями наиболее развитых и продуктивных макроисторических парадигм); принцип гибкого традиционализма [12].

По Розову, субстанциональный критерий периодизации заключается в смене основных типов разнообразий режимов. Социальный режим, к примеру, включает регулярные военные, политические, экономические, морально-правовые и прочие взаимодействия. Характер эпохи задается сильнейшими доминирующими режимами, и это в явном или неявном виде присутствует во многих попытках структурирования истории человечества, начиная с Гегеля и Маркса. Под доминирующими режимами автор понимает «их более высокую эффективность в широких пределах, сложившихся в данное время условий,

причем эта эффективность проявляется в неуклонном распространении через вытеснение и ассимиляцию конкурирующих режимов» [12, р. 247]. Розов вводит понятие «тип – аттрактор», которое определяется в структурном плане как режимный комплекс, устойчивый в рамках определенного разнообразия условий.

В предложенной Розовым концептуальной конструкции важнейшим звеном является схема смены доминирования новых режимов и режимных комплексов (типов – аттракторов). Критерии выделения факторов доминирования закрепляет связь роста значения политического режима при переходе общества и государства из одной фазы в другую.

Отметим, что заметное влияние на выделение факторов доминирования оказали работы американского политического антрополога Р. Карнейро, который в целях выявления политического лидера выделил 14 категорий. Из них категория «политическая организация» служит определяющим критерием эффективности режимов.

Итак, опираясь на идеи стадий политической эволюции Стюарда, Классена, разработки Карнейро, общую структуру истории Геллнера, И.М. Дьяконова и других, Розов предлагает свою идеально типическую схему, включающую шесть фаз развития общества, из которых четыре являются государственно оформленными. Третья фаза – «общество ранней государственности»; 4-я – «общество зрелой государственности»; 5-я – «общество сквозной государственности» и 6-я – «сензитивное общество» (развитый капитализм с либеральной и корпоративно-государственной версиями). Здесь же фиксируются основные государственные образования на той или иной фазе развития социума. Каждому типу-аттрактору или режимному комплексу присущ свой уровень политической эволюции (фактор универсального значения). Развитие политических структур и институтов определяет остальные факторы доминирования, которые группируются в факторы геополитического, геокультурного и геоэкономического доминирования.

Для нашего исследования представляется наиболее актуальным выделение факторов доминирования, или показательных критериев, которые коррелируются с рассматриваемыми выше представлениями ряда ученых о фазах и развитии обществ, о сущности переходов от одних фаз к другим, а также о причинах доминирования.

В своем идеально-типическом построении общество, по Розову, представляет собой совокупность человеческих групп с единством структур власти, моральных и/или юридических правил, единством порядка обмена и распределения, единством языка или языков социального взаимодействия.

Но такие критерии отвечают развитой форме государственности, в частности, национальному государству. Учитывая тот аспект, что базовыми режимами являются политико-правовой и экономический, мы можем определить государственно-оформленное общество как совокупность человеческих групп с единством структур власти, норм права и общим единством порядка, обмена и распределения.

Какими бы разными путями ни шло формирование государственности у народов мира, мы везде обнаружим установившуюся систему власти (политический режим), которая регулирует правила взаимодействия между людьми (правовой и моральный режим), порядок обмена материальными благами и услугами и их распределения (экономический режим). Для общения и социального взаимодействия необходим общий язык (культурный режим).

И первой государственности на земле, возникшей на Древнем Востоке (в Египте, Вавилоне), отличающейся особыми закономерностями, обусловленными спецификой египетской, вавилонской и иных современных им цивилизаций [4], и Античным государствам Древней Греции и Древнего Рима - примера государственности, возникшей, развившейся, достигшей цивилизационной высоты и зашедшей в тупик в рамках данной культуры - древнегреческой и древнеримской, и феодальным государствам, которые характеризуются своими, только им присущими чертами, и всем другим государственным формам присуще единство базовых социальных и культурных режимов. Если разрывается единство базовых режимов – говорить о подобном обществе можно в терминах «падающих государств» или «провалившихся государств» (failing states). Современные специалисты насчитали сорок одно государство, которое можно отнести к категории падающих или провалившихся государств. Вектор развития всех этих государств показывает их быструю социальную, экономическую, политическую и интеллектуальную деградацию. Нередко правление просто ведет к вымиранию своего собственного народа (Руанда, Сомали др.). Один из параметров подобных образований - неспособность руководства этих стран обеспечить элементарные права человека на своих территориях [9].

Выводы

Проблемы структурирования государственно оформленной истории исключительно сложны, прежде всего, из-за наличия огромного разнообразия социальных, политических, государственных форм, различной скорости политогенеза. Выделение этапов развития политических организаций (государственности) осложняется неопределенностью общих единиц анализа, терминов и понятий относительно различных парадигм структурирования и периодизации истории.

Анализ эволюции общества через изменения комбинаций различных структурных признаков, которыми данное общество отличается от предшествующего, осуществляется в настоящей работе с учетом отдельных идей концепций структурирования истории Стюарда, Классена, разработок Карнейро, структуры истории Геллнера, общего концептуального подхода Розова. Хотя концептуальные схемы названных

авторов не предлагают окончательных решений проблем периодизации историко-государственного процесса, но представляют важный шаг на пути познания связи внутренних структур (социальных процессов и закономерностей) и внешних структур (деление на временные исторические отрезки). Очевидно, что рассмотрение и классификация политических организаций (государства) во многом отражают ценности классификаторов.

Рассмотрение различных точек зрения на структурирование государственно оформленной истории показало важность вопроса о базовом критерии различения периодов. Фиксирование перехода общества от одной фазы государственного развития к другой требует выделения основного критерия или фактора - уровня политического развития, который, на наш взгляд, является универсальным по своему значению.

Сущностью любого исторического периода, раскрывающей источник изменения, решающую силу, вызывающую трансформацию всех остальных общественных секторов, является рост, распространение и удержание доминирующего положения наиболее эффективного в условиях данного периода политического режима.

Библиографический список

1. Ильин М.В. (1999) Выбор России: миф, судьба, культура // «Via Regia» (Москва). № 1-2
2. Любашин В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. (2010) Теория государства и права. Ростов н/Д.
3. Дьяконов И.М. (1994) Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.
4. История политических и правовых учений. Древний мир (1985) Под ред. В.С. Нерсесянца. М.
5. Мамут Л.С. (1989) К. Маркс как теоретик государства. М.
6. Маркс К., Энгельс Ф. (1955-1981) Соч. М. Т.13.
7. Поппер К. (1993) Нищета историцизма. М.: Прогресс.
8. Пашинский В.М. Цикличность в истории России (взгляд с позиции социальной экологии) // Полис. 1994. №4
9. Проблемы и противоречия развития государственного управления в современной России. М., 2013.
10. Розов Н.С. (1992) Структура цивилизаций и тенденций мирового развития. Новосибирск.
11. Розов Н.С. (1995) Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12.
12. Розов Н.С. (2001) На пути к обоснованным периодизациям всемирной истории. Структуры истории // Время мира. Вып. 2. Новосибирск.
13. Умов В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. 1992. № 4.
14. Чейз-Данн К., Холл Т. (2001) Одна, две, много миросистем // Время мира. Вып. 2. Новосибирск.
15. Чиркин В.Е. (2000) Государствование. М.
16. Goudsblom J. Human History and Long-Term Social Processes: Toward a Synthesis of Chronology and Phaseology // *Goudsblom J., Jones E.L., Mennell S. The Course of Human History. Economic Growth, Social Process and Civilization.* M.E. Sharpe, N.Y.; L., 1996. Ch.1.
17. Claessen H.J.M., Velde P. van de. Smith M.E. (1985) Development and decline; The evolution of sociopolitical organization. South Hadley, MA: Bergin and Garvey.
18. Claessen H.J.M., Oosten J.G. (1996) Ideology and the formation of early states. Leiden; Brill.
19. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Vronskaya M.V. (2015) Typological analysis of evolutionary forms of a state // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* Vol. 6, № 3, May. Supplement 3.
20. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396
21. Nisbet R. (1969) *Social Change and History.* N.Y.: Oxford Univ. Press
22. Room van C. (1984) *Historians and Long Waves // Long Waves in the World Economy.* L.

2.5. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУРСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Мамычев А.Ю.

Кияшко Е.Ю.

Тимофеева А.А.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
mamychev@yandex.ru, evgeniya.kiyashko@vvsu.ru, niko.m.2002@mail.ru

Аннотация. В представленном материале анализируются два основных доминирующих политических проекта трансформации политической системы и государственно-правовой организации на постсоветском пространстве – консервативный и модернизационный, которые отличаются внутренней неоднозначностью и противоречивостью. Авторы аргументируют, что процессы политической трансформации следует рассматривать в качестве более широкой категории, чем понятие «модернизация», которая является одним из видов трансформационных процессов, трактуемых в качестве эволюционных, революционных или маятниковых форм развития политических институтов, системы властных отношений. Доказывается, что современные проекты консервативной трансформации политической жизни общества, направлены на формирование адекватных и органичных социокультурной среде публичных институтов власти, форм организаций, отвечающих интересам и ценностям общества. При этом показывается, что в XXI веке на постсоветском пространстве и в частности в развитии российской политической организации происходит восстановление устойчивой консервативной стратегии. В работе формулируются общие характеристики, а также указываются принципиальные различия между консервативными и модернистскими политическими программами. В зависимости от стиля консервативной мыследеятельности и фундаментальных цивилизационных стандартов политической организации в статье выделяются и анализируются, действующие в российской политике, такие консервативные платформы как: традиционалистическая, неоевразийская, модернистская, постмодернистская и другие.

Ключевые слова. Власть, консерватизм, модернизация, политическая система, правовая система.

Введение

Консерватизм как стиль политического сознания представляет собой специфические мыследеятельностные структуры, отражающие способ познания и оценки существующей политической действительности, а также публично-властную практику, направленную на охранение традиционного государственного опыта, рационализацию и репрезентацию устойчивых иррациональных (метаюридических, этнополитических, социокультурных и т.п.) доминант национальной культуры, их охранения и воспроизводства.

В современной меняющейся политико-правовой реальности консервативный стиль мыследеятельности (несмотря на различные нюансы, программные положения, идеологические предпочтения и т.п.) ориентирован на устойчивость и преемственность, сохранение форм организаций, обеспечивающих единство и целостность, солидарность и справедливость. Причем последние выступают в качестве *типоформирующих признаков* консервативного типа политического мышления, характерных для различных консервативных учений, доктрин, идеологических платформ. В свою очередь, содержание консервативного мышления может меняться в зависимости от конкретно-исторических условий, возникающих проблем и т.п. [8].

Консервативная стратегия ориентируется на этнополитическую и правокультурную обусловленность социального взаимодействия граждан, формирование и развитие политической организации, правовой упорядоченности и т.д. При этом предполагается, что именно из этих оснований (социально-культурных кодов) граждане из поколения в поколение черпают свою идентичность, определенный порядок взаимоотношений. В свою очередь, навязывание обществу чуждых параметров политического порядка, не знающей пределов социокультурной, правовой и политической модернизации истощают в конечном итоге запасы исторической памяти, от которой зависят стабильность и воспроизводство общественной системы. Поэтому ни правовые институты, ни политические структуры не могут и не должны быть независимыми от культур, в которых они действуют и которым служат. Более того, последние, напротив, должны оцениваться и подвергаться контролю с точки зрения целей и норм социокультурной среды, в рамках которой они функционируют.

С точки зрения консервативного стиля политического мышления – насколько бы масштабными ни были трансформационные процессы, влекущие за собой формирование новых публичных институтов, становление новейшей нормативно-структурной конфигурации, обуславливающие новые принципы легитимации, они ведут к тому, что «новоиспеченные» институциональные режимы либо приспосабливают к себе традиционные формы и способы социально-правового взаимодействия, либо вообще полностью усваивают последние, не меняя принципиально характер и содержание этих процессов, либо новый институциональный порядок вообще искажается до неузнаваемости, сталкиваясь с традиционным

контекстом.

В настоящей статье будет предложен теоретический и практический анализ развития консервативного стиля мышления на постсоветском пространстве и рассмотрены его репрезентация в конкретных политических программах и движениях на примере современной российской политики.

Обзор литературы

Анализ феномена консерватизм как стиля мышления и как определённой структуры мыследеятельности политических акторов первым предложил, как известно К. Мангейм [6]. Влияния консервативного стиля мышления на реальную политику и политические стратегии различных акторов очевидно и бесспорно. Это обстоятельство неоднократно подчеркивается в различных исследовательских проектах [18-20, 22]. Группирование различных политических программ и реальных политических действий можно, по мысли Фрохова группировать в определенные «кластеры идей» помещаются схожие по смысловой направленности понятия, стратегии, действия [23]. На эту идею и методологическую практику мы будем опираться с целью выявления связей и взаимосвязей между различными современными консервативными учениями и программами, общая центральную конфигурацию смыслов и практик консерватизма. В целом мы придерживаемся позиции, которую обосновал Л.А. Тихомиров, согласно которой консерватизм нацелен вовсе не на застой, а на развитие человеческой организации (публично-правовой, духовно-нравственной, социально-экономической), но на развитие, не отрекающееся от прошлого, а, наоборот, предполагающее и опирающееся на традиционный культурно-исторический опыт [16].

В отличие от фундаментализма и традиционализма, которые ориентированы на регрессивное движение политического, т.е. восстановление изначальной универсальной (примордиальной) традиции, утраченных форм и моделей общественного взаимодействия [2], что предполагает негативное отношение ко всяким изменениям, инновациям, трансформациям, консерватизм, напротив, «не требует сохранения традиции неизменной несмотря ни на что, он лишь стремится ввести эти изменения в рамки “естественного развития” самой традиции» [10]. В теоретико-методологическом и практическом плане рассмотрение современного консерватизма и его доминирующих дискурсов опирается на положения нового институционализма, разрабатываемого в работах таких авторов как: П.Дж. Димаджио, Дж. Марч, Д. Нортон, Дж. Олсон, Р. Тейлор, Дж. Уоллис, О. Фаворо, П. Халл, Ф. Эмар-Дюверне и др. в которых политические институты трактуются достаточно широко, с одной стороны, в качестве формальных правил, нормативных моделей, процедур и норм; а с другой в качестве символических систем, когнитивных сценариев, социокультурных и духовно-нравственных образцов, организующими и управляющими мыследеятельностью людей [21, 24, 27].

В рамках неинституционализма консервативный стиль политической мыследеятельности предполагает в качестве центральной, осевой идеи – формирование адекватных и органичных культуре публичных институтов власти, форм организаций, отвечающих интересам и ценностям общества. Поэтому словосочетание «консервативная трансформация» – это не феномен постмодернистского дискурса, совмещающего несовместимое, сочетающего противоположности и т.п., а реальная программная установка консервативного политического мышления: «Безапелляционное противопоставление традиции и модернизации возникает в том случае, если с понятием «модернизация» связывается исключительно заимствование зарубежного опыта, а под традицией понимается приверженность ко всему старому и отжившему в социально-политической и общественной жизни. В этом случае вместо понятия “консерватизм” более уместно употреблять понятие “реакция”», консерваторы не пытаются противостоять переменам, они пытаются сделать их управляемыми. Поэтому, продолжает исследователь, «консерваторы видели пути решения проблем, стоящих перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опиравшемся на национальный опыт постепенном эволюционном реформировании системы» [15].

Причем, в конце XX века, по мнению многих исследователей на постсоветском пространстве и в частности в развитии российской политической организации происходит восстановление устойчивой консервативной стратегии.

Более того, Институтом комплексных социальных исследований РАН было проведено общероссийское социологическое исследование, которое показало, что консервативно ориентированные взгляды, духовно-нравственные принципы понимания публично-властного пространства, традиционные ценности и системы социальных ожиданий «постепенно восстанавливают свое влияние на общество... Ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть. Даже в условиях системной трансформации российского общества, практически все аспекты и проблемы современного мира - демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством – получают в России специфическое звучание и окраску» [3].

Методы и материалы

Основополагающая методологическая позиция, реализуемая в настоящей статье, заключается в том, что восприятие нового социально-политического или институционально-правового опыта, получаемого

нацией в те или иные переходные (трансформационные) периоды, осуществляется сквозь призму преемственно-воспроизводимых эмоционально-психологических готовностей и когнитивных клише, адаптируемых и применяемых согласно сложившемуся стилю политической мыслительности, воспроизводимых в практике (в повседневном, обыденном поведении и взаимодействии граждан) в соответствии с базовыми национальными формами, режимами и моделями.

Существующую политическую реальность с этих позиций нельзя рассматривать как результат только рационально-волевых усилий, причем какого-то одного поколения. Она формируется и развивается вместе с формированием и развитием общества, имеет схожие закономерности, принципы и специфические черты. Следует каждый этап развития политической культуры рассматривать, с одной стороны, как относительно самостоятельный, цельный (в социокультурном смысле) этап развития общества; а с другой – констатировать целостность национальной политической эволюции, поддерживаемой социокультурным ядром общественной системы, несмотря на все неожиданные повороты в исторической судьбе национального государства и права.

В теоретико-методологическом и практическом плане следует указать на общие (схожие) характеристики, а также на принципиальные различия между современными консервативными и модернистскими стратегиями политической трансформации. Итак, *общим*, безусловно, является обоснование необходимости изменений, ориентация на оптимизацию, совершенствование, улучшение форм политической организации, поиск адекватных и эффективных средств и механизмов управления, решения социальных задач и проч. *Отличий* на самом деле гораздо больше, и они более серьезны и принципиальны, чем принято сегодня считать. К таковым различиям, обобщенно говоря, можно отнести следующее:

- *во-первых*, оппозиция консервативных и модернистских платформ обусловлена разностью трактовки социальных оснований политического порядка. Первая исходит из того, что общество выстраивается на основании определенных целостных структур, в нем доминируют конкретные целостные социальные системы, обеспечивающие политическое единство, общественную целостность, социокультурную идентичность и т.п. В то время как вторая платформа (основанная на либерально-демократической парадигме политического мышления), напротив, в качестве основ политического порядка видит индивидуализированные воли субъектов, а не тотальные социокультурные суперсистемы (Muouffe Ch., 2000). Причем эти формы целостности и единства рассматриваются в качестве форм «подавления личности», «тоталитаристских средств» закрепощения гражданской активности и практик развития гражданских институций и проч.;

- *во-вторых*, противоречия между этими двумя платформами и, соответственно, стратегиями развития политической системы связано с соотношением традиций и инноваций. Для консервативной платформы характерна жесткая связь между государственной политикой и историческими закономерностями развития общественной системы, доминирующими традициями и инновациями. Например, С. Эйзенштадт утверждал, что инновации и традиции не противостоят друг другу, а, напротив, в правильном сочетании приводят к стабильному и органичному развитию общества, политической системы и т.п. Он доказывал, что характер изменений в любом обществе не произволен, он задан традицией изнутри, в каждом обществе имеют место «реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности, определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в таком обществе служит не только символом непрерывности, но и определением пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием социальной активности [22]».

В свою очередь, модернистский вектор трансформации государственно-правовой организации (шире всей общественной системы) «исходит из концепции, согласно которой индивиды предшествуют обществу, являются носителями “естественных прав”, они рациональны и движимы стремлением к личной пользе; авторитет же и традиция, ограничивающие таких индивидов своими рамками, суть предрассудки и пережитки, которые должны быть преодолены и отброшены [10]».

Кроме того, по мнению многих исследователей с середины XX века всякое консервативное учение или доктрина представляет собой неоконсерватизм, поскольку в «чистом виде» о консервативных правовых и политических учениях можно говорить лишь в период конца XVIII - середины XX века. После указанного периода консерватизм теряет свою сущность как «проектность прошлого» (Мужаев В.М.), а последующие учения и доктрины, отличающиеся консервативно-ориентированным стилем политического мышления, представляют собой гибриды, смешанные варианты, которые сегодня принято обозначать как «неоконсервативные программы» [12].

Результаты и обсуждение

Обобщая развития консервативного стиля мышления на постсоветском пространстве и его репрезентацию в конкретных политических программах и движениях на примере современной российской политики выделим наиболее доминирующие идеологические платформы

Традиционалистическая идеологическая платформа консервативной трансформации и организации государственной власти опирается на восстановление традиционной мировоззренческой парадигмы национального восприятия государства, власти, политики и права, публично-властных форм взаимодействия личности, общества и государства. Как правило, в качестве «идеологающей» основы

(идеи-принципа) берутся принципы организации властных отношений, характерных для монархической организации московского периода.

Вообще, традиционному консервативному мышлению свойственно главным образом регрессивное отношение к социально-политическим ценностям и идеалам государственно-правового развития. Так, период формирования и развития московской государственности трактуется в рамках этой идеологической платформы в как эпохальный и судьбоносный выбор России, определивший национально-культурный архетип организации властных отношений, преемственно воспроизводящийся из поколения в поколение; т.е. данный властно-правовой архетип выступает в качестве формообразующей идеи государственно-правовой организации на различных этапах эволюции отечественной правовой и политической организации [11].

Кроме того, сформированный в эту эпоху национально-культурный архетип, выступает также типотформирующим элементом в отечественной политической культуре, опосредующим как сам выбор моделей организации публично-властных отношений, так и типологически схожие тенденции их развития в разных конкретно-исторических условиях. Рассмотрение московской государственности как ключевого социально-политического кода, повлиявшего и влияющего до сих пор на развитие политического сознания, является одной из определяющих позиций традиционного консервативного стиля мышления. Принципиальной отличительной чертой для традиционной консервативной идеологической платформы является то, что вся политическая организация должна базироваться на совокупности объективно существующих исторических факторов, которые интерпретируются с помощью системы абсолютных идеалов и идей.

При этом государственная власть призвана служить этой общей идее, которая выработана в ходе внутренней, духовной жизни общества [5], и благодаря именно следованию этой общей идее оно находится на действительной высоте, служением ей объясняется его существование и положение в обществе.

В рамках этой идеологической платформы «сосуществуют» различные направления, обосновывающие принципы организации и трансформации (прежде всего, постепенного эволюционного развития, базирующегося на национальных ценностях, традициях, обычаях и проч.) современных властных отношений в обществе. Ярким примером отстаивания традиционалистических структур в публичной сфере может служить концепция «Просвещенного консерватизма». Эта концепция предполагает скорейший возврат к восстановлению сильной власти, несущей ответственность за социально-политическое и духовно-нравственное развитие нации, а также к формированию сословной организации и основанного на ней народного представительства. Проблематика организации властных отношений здесь связана с традиционалистическими самодержавными принципами. Именно в деятельности самодержавной власти и ее привилегированных слоев надо, по убеждению автора, искать сегодня образец для подражания, ведь, по мнению Михалкова, все значимые социальные проекты и важнейшие реформы, направленные на оптимизацию национального правового пространства и модернизацию тех или иных сфер народной жизнедеятельности, успешно осуществлялись только в том случае, когда они проводились по решению и под контролем верховной власти. Причем успешность последних связана, как показывает исторический опыт, с симфоническим взаимодействием государственных, общественных и церковных деятелей России [9].

Обновленная» евразийская (неоевразийская) идеологическая платформа базируется на мировоззренческой и идеологической основе дореволюционных государствоведов, философов, геополитиков и т.п. Сегодня неоевразийство основывается на патриотической, консервативной и традиционалистической политической идеологии, которая исходит из «убежденности в самобытности пути российской цивилизации, не имеющей аналогов ни на Западе, ни на Востоке. Эта самобытность берется как высшая ценность, которую необходимо всячески укреплять и защищать» [4].

Данный проект консерватизма формирует идею и принципы цивилизационного подхода к государству, власти, обществу, политике, праву и т.п., обосновывая типологическую уникальность российских публично-властных отношений и функционирующих политических институтов. При этом в качестве ведущих принципов развития властных отношений в национальном правовом пространстве евразийцы выделяют:

- во-первых, это возрождение роли и мессианского значения российского государства на евразийском пространстве;
- во-вторых, утверждение духовно-нравственных стандартов в основании цивилизации и культуры, в противовес утилитарным властным отношениям западноевропейской культуры, потребительским и индивидуалистским измерениям развития общественной системы;
- в-третьих, политическую организацию общества, которая должна основываться на справедливости, чести, нравственности в противовес коррупции, политической стагнации и аномии, правовому нигилизму и идеализму, власти капитала и олигархии;
- в-четвертых, возрождение суверенности народов и национальной уникальности культур перед лицом глобализации, политической стандартизации и правовой унификации, культурной типизации и проч.;
- в-пятых, это институционально-нормативную фиксацию в действующем законодательстве и политической практике нового принципа формирования элит, основанного на отборе людей по принципу

личных достоинств, духовно-нравственных и профессиональных качеств, развитие деонтологических основ правоприменительной, правоохранительной, судебной и иной политико-правовой деятельности;

- в-шестых, создание социального общества, формирование и реализацию социально ориентированной политики государства, обеспечивающей солидарность и взаимоподдержку, а также сохранение социально-политических институтов социалистического общества в различных сферах жизнедеятельности общества (в здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальном хозяйстве, пенсионном обеспечении и проч.);

- в-седьмых, развитие системы патриотического образования и формирования духовно-нравственных стандартов личности, поскольку «евразийцы считают, то последовательные патриоты и настоящие полноценные граждане нашего Отечества должны исповедовать одну из традиционных религий. Евразийское движение - движение традиционалистов, верующих людей или (по меньшей мере) тех, кто находится на пути к традиции» [4, р. 248];

- в-восьмых, на место государства-нации должен прийти новому типу политической организации, сочетающий в себе объединение больших континентальных пространств (здесь очевидно развитие идеи Н.Я. Данилевского о формировании единого славянского суперсоюзного государства на евразийском пространстве) со сложной, многомерной системой национальных, культурных и хозяйственных автономий.

К модернистской консервативной идеологической платформе следует отнести создаваемые проекты консервативных идеологий официальной властью, сочетающих набор модернизационных (модерных, современных) и устойчивых социокультурных ценностей, идей и представлений. В частности официальная идеология власти сочетает различный набор ценностей, таких как свобода, равенство, справедливость, обращение к прошлому как источнику будущих свершений, преемственное и эволюционное развитие, православная вера, нравственные стандарты, семья, собственность, государство, справедливость, закон, порядок, свобода, в соединении ее с ответственностью и защитой человеческого достоинства, патриотизмов и проч.

Впрочем, использование идеологии соединения консервативных и современных (модернизационных и инновационных) идей и ценностей является с нашей точки зрения вполне логичным, поскольку отвечает сложившемуся мировоззрению современных российских граждан, их ценностно-нормативной структуре, а также международно-правовым и политическим стандартам и развивающимся процессам унификации права и политической стандартизации систем организации публично-властных отношений в государстве. Это так называемая «синтетическая модель» неоконсервативного стиля политического мышления, старающегося совместить современные процессы модернизации и устойчивые социокультурные ценности общества. Например, современные социологические исследования фиксируют доминирование в российском обществе как либерально-индивидуалистических (38 % респондентов), так и авторитарно-коммунитаристских (37 % респондентов) политических установок, а также около 18 % смешанных политических идей – сочетающих как первые, так и вторые политические установки [17].

В течение последних десяти лет в развитии модернистского неоконсервативного проекта не было концептуально-идейного и идеологического единства. По крайней мере, в официальной идеологической концепции оптимизации властно-правовых отношений в России было три различных программы: формирование «сильного государства», обеспечивающего социальную справедливость, стабильность и т.п.; модель «суверенной демократии», которая была больше ориентирована на независимость политики российского государства на международной арене, и ее влияние на глобальные политические, экономические, социально-культурные и иные процессы; проект «социального консерватизма».

Так, в 2000 году действующий Президент РФ В.В. Путин провозгласил главной целью государственной политики построение сильного государства, опирающегося на национально-культурные традиции и различные инновации, характерные для современности, способные усилить государство и его независимость. Этот неоконсервативный проект был поддержан и ведущими политическими субъектами. Причем данный вариант консервативной идеологии основывался на эволюционном развитии и постепенном системном реформировании отечественной государственно-правовой организации.

Эти консервативные проекты не были изолированы друг от друга, напротив, в официальной риторике обосновывалась их эволюционная преемственность. Например, в официальных текстах и заявлениях подчеркивалась их логическая связанность, а также обосновывался синтетический подход (совмещение традиционных и модернизационных идей и ценностей) к государственно-правовому развитию семенной России. Данный вариант консерватизма отстаивает только неизменные ценности и устойчивые национальные идеи и не принимает в современности только то, что угрожает таковым ценностям и идеям или не пытается создать им адекватной современной замены (Копонова О., Yakimova Z. 2013). Причем здесь охранительный консерватизм выступает чаще всего не в виде утонченной философской концепции или стройной политической идеологии, а скорее как ориентация власти, как определенная «политтехнология власти, пропагандистская программа, упрощенная интерпретационная схема и т.п.

Постмодернистская консервативная идеологическая платформа представляет собой определенного рода социальную технологию, т.е. выступает не в качестве концептуально-идеологической парадигмы организации и развития современных властных отношений, а имеет характер скорее «технологического варианта» [25] общенациональной стратегии развития, которая конструируется «элементов из тех старых и

новых идеологических систем, которые бытуют в российском обществе» [26]. Это своего рода фрагментарная и умело «сшитая» модель публично-властной организации, легитимирующая себя как через традиционную ценностно-нормативную систему координат, так и посредством современных доминирующих в обществе идей, ценностей и потребностей. Эти «фрагментарность» и «контекстуальность» позволяют ей легко адаптироваться к различным мировоззренческим системам, действующим в современном российском обществе, а также «увязываться» с постоянно изменяющимся международным и внутриполитическим контекстом, геояридическими тенденциями, разворачивающимися в евразийском пространстве.

Постмодернистский стиль консервативного мышления – это мозаичный и контекстуальный подход к организации властных отношений. Данный постмодернистский подход, по справедливому выражению Т.П. Вязовика, является конструктором, т.е. конструируется из различных идеологических программ, блоков, содержащих разные ценностно-нормативные системы [1, р. 87]. В качестве наиболее известного постмодернистского консервативного проекта можно выделить политический бренд «Проект Россия», разрабатываемый коллективом современных консервативно ориентированных авторов и имеющий анонимный характер [13]. Он представляет собой сконструированную идеологическую систему социально-политических, духовно-нравственных и геополитических основ преобразований. И основан как на традиционных ценностях христианского консерватизма, так и на новых модернистских принципах политических практик.

Общая логика рассуждений в различных книгах, изданных достаточно большими тиражами, связана с формированием идеационной общественной системы и идеократической организации властных отношений. Идеационный характер (термин П.А. Сорокина) политической организации отношений основан на традиционалистическом типе морального мировоззрения, в котором вертикаль ценностно-нормативной иерархии устремлена из земного мира, мира обыденности и быта к сверхчувственному. При этом идеационное мышление опирается на идеациональную этику, для которой характерно пренебрежительное отношение к мирским (социальным) ценностям, материальным благам, власти, богатству, телесным удовольствиям и проч. В этом аспекте рассуждений об организации властных отношений и форме правления полагается формирование некой универсальной христианско-консервативной теократии, где верховная власть и отдельные органы публичной власти подчинены церкви и духовно-нравственным стандартам.

Кроме того, авторы этого проекта по-новому реанимируют идею сословной организации общества, утверждая, что именно духовно, нравственно и идейно ориентированная «элита способна умереть за свои убеждения. Масса – нет. Ее максимум – инстинкты». Поэтому область идей – это не прерогатива большинства, а достояние меньшинства. Причем в этом проекте негативно оценивается принцип социально-политического служения, который, по убеждению авторов, часто выражается в массе именно в виде инстинктов правосознания, не наполненных смыслом и идейно-концептуальным основанием, пустых и бесполезных в общественно-политической жизнедеятельности. Однако данный принцип может быть использован для достижения искомой универсальной консервативно-христианской организации, т.е. большинство должно служить, реализуя свои «публичные инстинкты», идейному меньшинству.

Еще одним проектом консервативной трансформации политико-правового пространства является такое направление, как «консервативная революция» [14]. Справедливости ради следует отметить, что его весьма условно можно отнести к реальным политическим проектам трансформации публично-властной организации в России, поскольку оно является скорее интеллектуальной реакцией на процессы либерально-демократической модернизации российской политической системы: «мировоззрение в духе “консервативной революции” направлено не столько против метафизических “врагов”, сколько против либерального кредо, в котором отсутствует политическая субъективность и мобилизационный пафос» [7].

Выводы

В современной российской политической действительности проявляются три взаимосвязанные и взаимообуславливающие тенденции: во-первых, стремление к духовно-нравственному обоснованию государственной власти, социально-нравственной (идеократической) ответственности властно-управленческой элиты; во-вторых, требование интегрировать западноевропейские достижения в области прав и свобод человека, некоторые демократические ценности с социокультурной моделью политической организации и традиционными (исторически сложившимися) практиками публично-властного взаимодействия; в-третьих, потребность (на уровне массового политического мышления) в восстановлении сильной государственности. Причем конкретно-историческое проявление государственной силы имеет морально-правовой способ обоснования, в котором вертикаль ценностно-нормативной иерархии выстраивается от духовных, абсолютных истин и доминант к социально-политическим.

В российском публичном пространстве доминируют два направления трансформации форм и принципов организации политического процесса и оптимизации системы государственной власти: модернизационный и консервативный. Модернизационный проект имеет очевидную социокультурную нагрузку, опирается на определенный образец политической трансформации, сформированный в конкретно-исторических условиях и преемственно развивающий специфический (универсалистский) стиль

политического мышления и политической организации.

Консервативная идейно-политическая платформа позиционируется в качестве альтернативной стратегии трансформации публично-властной организации, основанной на интеграции традиционных ценностей, символов, верований и т.д. с неизбежными процессами эволюции социально-политической организации, в которой доминируют конкретные и целостные социально-духовные системы, обеспечивающие политическое единство, общественную целостность, социокультурную и этнополитическую идентичность и т.п. В российской государственности доминируют пять идейно-консервативных платформ: традиционалистическая, «обновленная» евразийская (неоевразийская), модернистская консервативная и постмодернистская идеологии, а также проект консервативной революции (радикальной трансформации).

Библиографический список

1. Вязовик Т.П. (2011) Попытки консервативного синтеза в постсоветском идейном пространстве // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О.Ю. Малиновой. М.
2. Генон Р. (2002) Символы священной науки. М.
3. Горшков М.К. (2005) Граждане новой России: К вопросу об устойчивости и изменчивости общественного менталитета: тезисы доклада на семинаре РАН. М.
4. Дугин А.Г. (2004) Проект «Евразия». М.
5. Ильин И.А. (2003) Путь духовного обновления. М.
6. Мангейм К. (1994) Диагноз нашего времени. М.: Юрист.
7. Межуев Б. Американский фундаментализм и русская «консервативная революция» // Логос. 2003. №1 (36).
8. Мамычев А.Ю. (2015) Консервативная правовая политика государства: историческое наследие или актуальный проект современности? // Государственная власть и местное самоуправление. № 3.
9. Михалков Н.С. (2010) Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма // М.: Российский фонд культуры, ИД «Сибирский цирюльник».
10. Никитаев В. (2005) Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. № 5 (50).
11. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. (2009) Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д.
12. Окара А.Н. (2010) Консерватизм как модернистский проект и как политтехнология элиты // Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспективы. Материалы научного семинара. Вып. №3. М.
13. Проект Россия (2011) Четвертая книга. Большая идея. М.
14. Ремизов М. (2002) Опыт консервативной критики. М.
15. Репников А.В. (2007) Консервативные концепции переустройства России. М.
16. Тихомиров Л.А. (1992) Монархическая государственность. СПб.
17. Шестопал Е.Б. (2011) Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Политические исследования. № 2.
18. Armagan S., Portugal Ferreira M. (2005) The Impact of Political Culture on Firms' Choice of Exploitation-Exploratio Internalization Strategy // International Journal of Cross Cultural Management. - London, SAGE. Vol 5 (3)
19. Buchanan J., Tullock G. (1962) The Calculus of Consent. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press.
20. Clemens E.S., Cook J.M. (1999) Politics and institutionalism: Explaining durability and change // Annual review of sociology. Palo Alto, Calif. Vol. 25.
21. Hoppe R. (2002) Cultures of Public Policy Problems // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. - London: Taylor & Francis. No. 4
22. Eisenstadt S.N. (1973) Tradition, Change, and modernity. N.Y., Sydney, Toronto.
23. Frohock F. (1978) The Structure of politics // The American Political Science Review. Vol. 76. № 3
24. Quermonne J.-L. (1986) Les regimes politiques occidentaux. P.
25. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Vronskaya M.V. (2015) Typological analysis of evolutionary forms of a state // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3, May. Supplement 3
26. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396
27. March J.G., Olsen J.P. (1984) The new institutionalism: Organizational factors in political life // American political science review. Wash., D.C. Vol. 78. No 3.

2.6. ФЕНОМЕН «РУССКОЙ ДУШИ» И ТРАДИЦИЯ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА: НОВЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОБЫДЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ КОНСЕРВАТИЗМА

Федулов А.М.

Кареева С. Г.

Карабулатова И. С.,

Институт социально-политических исследований РАН, Россия, Москва

Ахметова Б. З.

Костанайский государственный университет им.А.Байтурсынова,

Республика Казахстан, Костанай

Истамалин Р.С.

Уфимский государственный университет экономики и сервиса

Radogost2000@mail.ru

Абстракт. Модернизационные изменения, происходящие в России с начала 90-х г.г. XX в., обозначили глубокое разделение общества и власти. Волна общественных выступлений, длаящаяся с декабря 2011 г. и снизившаяся, но полностью не исчезнувшая в настоящее время в России, обнаружила определенную степень непонимания и взаимного недоверия.

Особая роль в процессе формирования консолидирующего общество духовно – нравственных и социально - политических основ отведена консерватизму, поскольку именно консервативная функция государства состоит в объединении народа в социальном пространстве, а задействие социальной мысли апологетов русского консерватизма позволяет осуществлять это объединение. Традиционный русский консерватизм рассматривается как существенная часть загадочной «русской души», которая определяет бытие русского человека как в родной среде, так и в иноэтничном окружении (Anisimov, Gulyaihin 2013; Karabulatova, Koyche, Gulyaev 2013; Karabulatova, Polivara 2013; Karabulatova, Sayfulina, Akhmetova 2013; Karabulatova, Akhmetova 2015). Феномен «загадочной русской души» известен как избитый штамп, стереотип во всем мире, вызывая незыблемый интерес со стороны жителей стран и Запада и Востока. Авторы полагают, что существующие «ножницы» в восприятии менталитета русских людей являются пусковым механизмом для искаженного портрета русских, но и также влияют на выбор предпочитаемых стратегий и тактик в общении с русскими, в результате чего обе стороны терпят убытки материального и морального плана. Авторы дают аналитический разбор существующих концепций и приходят к выводу к мегаконцептуальности и полиаспектности русского консерватизма как такового.

Ключевые слова: консерватизм, феноменология, философия и социология культуры, типология консерватизма, менталитет.

Введение

Исключительность любого народа, этноса и нации является основной аксиомой, которая требует от нас изучения тех исключительных доминант, которые их характеризуют. Изучение консерватизма проходило в основном в рамках истории и политологии. Исходя из свободоловлия русского человека, а также исторических аспектов, оказавших влияние на его ментальность, можно утверждать, что русский человек стремится преклониться перед силой государственного инстинкта, духовной лояльности и христианского терпения. Иными словами, русский человек верит в Россию, надеется на лучшее будущее для нее и терпит невзгоды настоящего.

Уникальность любой нации, требует от нас более детального изучения России, изучения ее базовых ценностей и ментальности. Согласно И.А. Ильину, Л.И. Солоневичу и Л.А. Тихомирову, для русского человека свойственно стремление к свободе, которая должна быть гарантирована центральной властью, чтобы он мог самовыражаться и решать внутренние проблемы на местном уровне. С другой стороны, при соблюдении своих свобод, он требует от власти соблюдения его прав и справедливости, которая бы исключала какого-либо рода несправедливость, возникающую из-за несовершенства закона. При соблюдении своих прав, на основе справедливости, и свобод он готов поддерживать власть, терпеть любые невзгоды и верить в нее. Наилучшей же формой для государственной власти будет единоличная власть, которая, исходя из исторических событий и национального менталитета, является лучшим решением, т.к. Россия обладает слабостью своей общественной дисциплины. И наконец, единовластие исключает борьбу за власть, не распяляет и не делит ее, а также исключает борьбу с органами исполнения власти, что лишь усиливает центральную власть, позволяя в большей степени действовать во благо народа.

Ментальность определяется как «качество ума, характеризующего отдельных индивидов или целый класс. Х. Штейнталь и М. Лацарус отмечают ментальность как единое сверхличное сознание, которое мыслители называли «народным духом». Сам термин впервые встречается в 1882 году в трудах Р. Эмерсона. Н.Я. Данилевский рассматривал ментальность как явление, которое содержит в себе основные черты психологического строя народа, которые проходят через всю его историю. В XX в. М. Блондель и Ж.

Гоффре, продолжили изучение понятия и выяснили, что ментальность несет в себе совокупность образов и представлений, которыми руководствуются в поведении члены любой социальной группы. В данных представлениях выражено их понимание мира, а также места в нем.

Ментальность актуализируется в различных формах: мировоззренческой, религиозной и творческой. Религиозная форма ментальности актуализируется в верованиях, обрядах, посредством которых регулируется отношение людей к экзистенциальным проблемам (жизни и смерти, добра и зла и т.д.). Творческая форма ментальности реализуется в мифах, фольклоре и художественной культуре. В творчестве наиболее полно проявляется связь между сознательной и бессознательной составляющей ментальности. Общественное коллективное бессознательное кодирует социальную информацию, переводя бессознательное психическое в социальное бессознательное. Мировоззренческая форма выражается в совокупности взглядов, суждений, понятий, свойственных национальному характеру людей. Стиль мышления, как выражение сознания индивида, определяет его самосознание. В ментальности любой нации имеются психические механизмы, представляющие сплав сознательного и бессознательного, рационального и иррационального. Действие этих психических механизмов заключается в идентификации языков, наций и этносов, обеспечения миропонимания между людьми. Социологию ценности интересуют, прежде всего, как фактор, играющий определенную роль в регуляции социальных взаимодействий, основополагающий элемент культуры, являющийся основой идеологии, ценностно-нормативного механизма социальной регуляции. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Было разработано большое количество подходов к типологизации ценностей консерватизма, их определениям и структуре. Авторы на основе анализа социологических, культурологических, философских, социологических концепций выделяет три основных подхода к определению понятия русского консерватизма как характерной черты русской ментальности, загадочной «русской души».

Материалы и методы

Конкретным выражением ментальности как культурной универсалии является менталитет, который прослеживается в устойчивой совокупности мировосприятия, миропонимания личности или общественной группы в контексте определенной этнокультурной традиции и социально-природной среды обитания. В связи с этим нами были проведены социологические опросы россиян. Эмпирическую базу исследовательской работы составили качественные и количественные социально-политические исследования, выполненные в 1994 - 2008 гг., часть из которых проведена при непосредственном участии авторов. Менталитет играет роль регулятора общественной жизни индивидов и влияет на формирование определенного типа «повседневного сознания», определяющего критерии рациональности.

В основе данного исследования лежат положения и выводы ведущих российских и западных ученых, специализирующихся на изучении процессов трансформации политической системы общества. Анализ базировался на совокупности методов, приемов, принципов, применяемых в политической и смежной с ней науках, прежде всего политической истории, политической философии, политической социологии, политической психологии. Ментальные представления и установки выступают в качестве референтных образцов при выборе альтернативных способов поведения индивида, группы. Среди исторических работ можно выделить труды Гарбузова В.Н., Ионина Л.Г., Лебедева Ю.Б., Мочкина А.Н., Рахшмира П.Ю. и др. (Гарбузов 1995; Ионин 2010; Лебедев 1982; Мочкин 1999; Рахшмир 1989). В числе политологических трудов можно назвать работы Гусева В.А. (2001), Дугина А.Г. (1994), Панарина А.С. (2002), Посадского А.В., Репникова А.В., Шувалова Ю.Е., Чернавского М.Ю. Идеология изучалась Гердером И.Г. (1977), Гирцем К. (1996), Иглтоном Т. (1996). Социологический подход к анализу консерватизма содержится в работах зарубежных ученых: Альтюссера Л. (1956), Дюркгейма Э., Коллинза Р. (1994), Лукача Д. (1970), Манхейма К. (1994), Маркса К., Энгельса Ф. (1984-1988). Среди российских ученых можно назвать Андреева Э.М., Дмитриева А.В., Зиновьева А.А., Межуева В.М., Миронова А.В., Славина Б.Ф., Тощенко Ж.Т., Чупрова В.И. (Громовик 2003; Москвичев 2003; Сорокин 2006; Яновский 2007).

Тема национальной идеи впервые прозвучала у представителей раннего славянофильства Аксаковых К.А. и И.С., Киреевских И.В. и П.В., Кошелева А.И., Самарина Ю.Ф., Хомякова А.С. (Аксаков К.С., Аксаков И.С. 1981; Зеньковский 1955; Кереевский 1911; Сохряков 2000; Хомяков 1900) и др. В XX в. славянофильская парадигма проявилась у представителей веховского движения, определяющих духовное основание модернизационных процессов и адекватных российской почве социокультурных векторов государства (П.И. Новгородцев 2009; П.Б. Струве 1906; С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков 2008; Г.В. Флоровский, 2000 и др.). Веховская мысль, таким образом, представляла собой проект консервативного мышления.

Л.А. Тихомиров основательно проработал идею «этического монархизма», суть которой отражена в формуле об ограничении Верховной Власти нравственностью (Тихомиров 1923). И.Л. Солоневич разработал учение о самобытных началах народной власти, которую он считал идеалом русского государственного устройства (2010).

Методологическую основу исследования образуют использованные во взаимосвязи неинституциональный, структурно-функциональный, бихевиоралистский, социетально-деятельностный

подходы, методы сравнительного и системного анализа. *Неоинституциональный подход* позволил выявить специфику функционирования различных институтов политической системы общества, проанализировать особенности институциональных усложнений и институциональных искажений в условиях трансформационного процесса. На его основе рассмотрена взаимосвязь функционирования формальных и неформальных институтов, развития институциональной структуры и деятельности субъектов трансформационной активности. Опираясь на принципы *структурно-функционального подхода*, автор исследовал процесс трансформации политической системы общества на трех взаимообусловленных уровнях: институциональном, ценностном и поведенческом. Руководствуясь положениями *бихевиоралистского подхода*, диссертант охарактеризовал стратегии политического поведения, используя такие показатели, как уровень адаптированности, степень сформированности системы идентичностей, характер политических ценностей и установок. Применение *социально-деятельностного подхода* было продиктовано необходимостью учета инверсионной природы социально-политической динамики, определения специфики протекания трансформационных процессов, направленных как на воспроизводство, так и на изменение тех или иных структур.

Результаты

Доверие к власти со стороны населения формируется, если его мнение учитывается властями и особенно, если положение меняется к лучшему. Треть респондентов смогли отметить этот факт (36,2%) Из них 16,1% отметили, что таких фактов было несколько и 20,1% отметили, что такой факт имел место один раз. Среди отметивших вышеуказанное: люди, называющие себя консерваторами (45,0%) и люди, называющие себя либералами (43,2%) представлены практически в равной степени. Примечательно, что треть опрошенных никогда не высказывали своего мнения властям. Из людей, выбравших этот ответ и называющих себя либералами (16%), высказывалось за то, что нужно участвовать в дебатах 45%. Самые пассивные в этом отношении православные (92,3%) никогда не высказывали своего мнения властям.

Тем не менее, 20,3% считают, что они, несомненно, могут оказать влияние на принятие властью тех или иных решений и 27,3% считают, что в некоторой степени могут повлиять. Среди придерживающихся вышеуказанных позиций 41,3 % людей, называющих себя консерваторами и 58,7% людей, называющих себя либералами. 52,8% - молодых людей и 47,2% людей старшего возраста.

В целом, респонденты положительно относятся к власти, что может быть подтверждено сторонней статистикой ВЦИОМа за 2012 год 190, где одобрение президента составляет 66%; за 2013 191 - 62% и 2014 192 - 76%. Такая же статистика с высоким уровнем доверия и в исследовании Левады центра 193, где доверие к президенту за 2009 год составляет 63%, а за 2013 - 55%. Мы в нашем исследовании не разделяли институты власти, так как для нас было принципиально это разделение, но важнее было измерить степень недовольства населения, которое могло бы в итоге выразиться в применении радикальных мер и полном отказе от имеющихся ценностей и переходу к либеральным, как наиболее удовлетворяющим их требованиям. В целом всеобщее недовольство не имеет радикальной окраски и выражено лишь в мирном отстаивании своих интересов на митингах, санкционированных властями, т.е. можно утверждать, россиян волнует не определенный идеологический курс властей, но их внутренние решения, которые могут быть скорректированы при активном участии граждан. Таким образом, постепенный уход от навязанных либеральных ценностей и возврат к другим более традиционным (как мы это видим из всей статистики целиком) не консолидирует общество радикальным образом и не вызывает желания в россиянах «идти на баррикады» ради возвращения либеральных ценностей. С другой стороны, если проанализировать данные того же Левады центра, то высокий показатель рейтинга президента, как института власти, по сравнению с правительством (34% за 2009 г. и 30% за 2013 г.) или Государственной Думой (21% за 2009 г. и 25% за 2013 г.) 194 подтверждает тот факт, что россияне тяготеют к принципу единовластия и во власти видят прежде всего персонификацию в лице президента. Все это обусловлено тем, что традиционные ценности образа власти наследуются в архетипах и воспроизводятся как молодежью, так и россиянами в целом 195, поэтому доверие к президенту в России гораздо выше, чем к другим институтам власти.

Нравственная власть. 64,8% опрошенных убеждены, что представители власти в России не несут реально ответственность за последствия своих действий. Об этом в первую очередь заявляют люди, относящие себя к либералам (68,8%), а также голосующие за ЛДПР (81,6%), «Яблоко» (78,6%), КПРФ (64,6%), «Правое дело» (64,3%) 24,6% респондентов отметили, что они являлись свидетелем ситуации, когда представители власти признавали свои ошибки перед народом, но значительное количество респондентов (75,4%) не отметили этот факт. Довольно большое количество опрошенных встречались с фактом вымогательства взятки у него или близких со стороны представителей властей (38,8%).

Все это также соотносится с другим исследованием, согласно которому 49% российских граждан считают, что современной российской государственности отражает интересы богатых слоев общества и 46%, что интересы государственной бюрократии 196. Таким образом, несмотря на то, что россияне в большинстве своем поддерживают президента, они не удовлетворены внутренней политикой государства, которую рассматривают как ориентированную на определенную прослойку общества.

Справедливость. Респонденты оказались довольно законопослушными. 55,7% отметили, что существующие законы несовершенны, но их следует соблюдать, чтобы общество не погрузилось в хаос

беззакония. Из выбравших этот ответ 65,6% называли себя консерваторами, 49,6% - либералами. 53% респондентов - молодежь и 53,3% - представители старшего возраста. 70,8% проголосовали за КПРФ. Существующие законы несовершенны, но их можно обойти ради своих интересов, - отметили 33,9% опрошенных. Этот пункт больше всего поддержали люди, называющие себя либералами (34,4%) с высшим образованием (31,5%) и самым высоким уровнем дохода (40%). Выбор образа жизни не по законам, а «по совести» отметили всего 10,4%. Эти данные кажутся бы демонстрируют довольно высокий уровень правосознания современных россиян, заменившему которые сакраментальное понимание жизни «по правде», но в следующем же вопросе: «поступали ли Вы когда-нибудь в своей жизни «по совести», нарушая при этом закон?», -положительно отвечают 60,9% респондентов, из которых 56,9 % назвали себя консерваторами, 63,2%-либералами. 54,3% молодежь и 64,4%- люди старшего возраста. Причем из людей, назвавших себя консерваторами и объявивших о своей законопослушности, 23,3% признали факт его нарушения ради поступка «по совести», а из назвавших себя либералами - 46,8%

Дискуссия

Под консерватизмом, по сути, понимается идея «сохранения чего-либо в своем первоначальном состоянии» (Vincent, Andrew 2009: 55). Существует пять основных сформированных на основе русской и западной исторической мысли подходов к определению консерватизма, а именно: *как аристократической идеологии; прагматического политического мнения; ситуационный подход; позиционный подход; идеологическая интерпретация.*

Согласно *первому подходу* как к аристократической идеологии - консерватизм представляет собой реакционные выражения мыслей среди феодального аграрного аристократического класса после Французской революции, где несет в себе особый исторический и экономический подтекст и отражает негативное отношение европейской аристократии к изменениям.

Согласно *второму подходу*, консерватизм рассматривается как форма политического прагматизма, согласно которой он поглощает преобладающие политические, культурные и экономические черты, т.е. он вбирает в себя идеи других идеологий и ведет протекционную политику касательно них, при необходимости. Таким образом, он может включать крайне противоположные друг другу либералистические идеи.

Также консерватизм рассматривают с *situational (ситуационной)* и *positional (позиционной)* точек зрения. В *первом случае* консерватизм не связан ни с каким-либо определенным историческим событием или особенностью сознания человека. Он не обладает какой-либо идеей или утопией, к которой нужно стремиться (Huntington, S. P. 1957). Другими словами, консерватизм стремится лишь защищать любые политические доктрины, которые институализировались. Любые политические идеи, которые находятся за пределами устоявшихся институтов и которые могут привести к изменениям - являются естественными врагами консерватизма.

С точки зрения *«позиционной»* можно отметить, что консерватизм связан с интерпретацией человеческих привычек, ценностей, является частью повседневной жизни и называется "естественным консерватизмом". Существует несколько подходов к "аккумуляции" данных ценностей:

- *абсолютизм*, где для каждого общества есть свой уникальный и универсальный набор ценностей, но проблемой является "различия" в самих обществах, т.к. их "идеальность" может привести к столкновениям внутри самого общества;

- *релятивизм*, считается, что он менее склонен к догматизму и "ценностным" репрессиям;

- *плюрализм* понимается как промежуточный вариант между абсолютизмом и релятивизмом. В список могут входить: справедливость, свобода, верховенство закона, правопорядок, правовое и политическое равенство, процветание, мир, вежливость, счастье и т.д.¹

И, наконец, *четвертый подход* или *идеологическая интерпретация*, в котором консерватизм представляет собой вполне четкую идеологию, которая не является просто следствием исторических событий или определенным мировоззрением какого-либо класса, но цельную структуру идей.

Русский консерватизм в первой четверти XIX в. был сродни западноевропейскому консерватизму, хотя развивался скорее параллельно под воздействием сходных факторов, чем под его влиянием.

Исторические события, потрясшие Россию в VIII-XIX в., обусловили общественную реакцию на радикальную вестернизацию страны. Начиная с реформ Петра I, проявлений крайнего либерализма Александра I, галломании русского дворянства, лишение православной церкви ее общегосударственного влияния, русский консерватизм представлял собой ответ консервативно настроенного дворянства на разрушение всех коренных устоев и традиций. Беспрецедентность вызовов порождала желание защитить основополагающие ценности.

Факторы, повлиявшие на формирование консервативного течения отечественной социальной мысли связаны с историческим, географическим и национальным контекстом и в дальнейшем отразилось в культуре.

¹ <http://www.deepleafproductions.com/utopialibrary/text/kekes-conservatism.html> (дата обращения: 28.09.2013).

Исторические события в первую очередь связаны с поражениями в войнах с Наполеоном в 1806-1807 г.г., когда дворянство захлестнула волна национализма, имевшая четкие консервативные акценты. При дворе консерваторы заняли влиятельные государственные посты и получили реальную возможность влиять на внутри- и внешнеполитические решения.

«В первой четверти XIX в. консервативные настроения оформились в концепции самодержавия как проявлении национального самобытного русского духа подчиняющегося лишь правде, совести и Богу, а не каким-либо земным силам».² Наиболее полное воплощение концепции самодержавия этого времени содержала «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина, основные положения которой восприняла плеяда следующего поколения русских консерваторов от С.С. Уварова до Л.А. Тихомирова.

Приоритет монархии, критическое отношение к идеям Просвещения, культ нравственности, контроль над общественной жизнью провозглашали представители консервативного крыла московского масонства. Интересно, что даже в масонстве существовали носители националистических умонастроений, которые осуждали петровские преобразования как разрушившие национальную идентичность (например, Рунич Д.П.).

Протестантское направление консервативной мысли проповедовало государственный космополитизм, где самодержавная власть понималась как политическая сила, защищающая Европу от революционных идеологий.

Русский националистический консерватизм ставил целью законсервировать традиционалистическое настоящее, апеллировал к этническим ценностям и реконструировал историческое прошлое Руси как опору национального самосознания, создавая мифологические фигуры светских святых (например, А.В. Суворова), помогавших пережить России самые тяжелые исторические катаклизмы.

К началу XX в. как реакция на сепаратизм усилились националистические тенденции в консервативной идеологии.

В современной общественно-исторической мысли «...вопрос о существовании единой консервативной модели остается дискуссионным»³.

Кроме того, не существует единой общепринятой классификации направлений русского консерватизма. *Но на основе анализа основных взглядов теоретиков консерватизма можно предложить следующую классификацию его представителей.*

1) *Консерваторы-православные церковники* (митрополиты Иннокентий (Смирнов), Серафим (Глаголевский), Филарет (Дроздов), Феофан Затворник, старцы Козельской Оптиной пустыни: Амвросий, Леонид, Макарий; архимандриты Фотий, Магницкий М.Л., Станевич Е.И., Смирнов С.И.).

Митрополит Иннокентий (И.Д. Смирнов) провозглашал «... путь единения с Христом, полный трудов и подвигов, отрицал разделение церкви на толки, секты, расколы»⁴. Митрополит Серафим (С.В. Глаголевский) также выступал за «...охрану православной церкви России от тайных обществ, которые вредят не только церкви, но и обществу и царскому престолу»⁵.

«Оптина Пустынь стала духовным центром России, заслуга которого состояла в том, что в русской культуре, находившейся с петровских времен под сильным западным влиянием, во второй половине XIX происходит постепенное возвращение к Православию. Старцы Амвросий, Леонид и Макарий оставили немало заветов духовным чадам своим, призывая к терпению, смирению и надежде на лучшее».⁶

М.Л. Магницкий⁷ – государственный деятель, публицист и поэт - предвосхищая известную формулу С.С. Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность», предлагал императору Александру I принять план «народного воспитания», построенный на началах православия и самодержавия. Предложил идею создать «уложение истинно русское», поскольку, по его убеждению, существовавшее в России законодательство являлось результатом заимствования западноевропейского юридического опыта. Будучи активным членом русской православной оппозиции, считал неприемлемым покровительство, оказываемое властью различным мистическим течениям, проникающим с Запада.

Политический и общественный деятель Г.А. Шечков свои взгляды сосредотачивал «... на

² Тихомиров Л.А. Критика демократии. И., 1997, с. 531.

³ Русский консерватизм середины XVIII- начала XX века: энциклопедия/отв. ред. В.В. Шелухаев., М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010, с. 17.

⁴ Иннокентий (Смирнов), епископ. Начертание библейской истории от древнейших времен до XVIII в. Т. 1-2. СПб., 1817.

⁵ Слова и речи на разные случаи. Письма к митрополиту Филарету // Письма духовных и светских лиц к митрополиту московскому Филарету // Изд. А. Н. Львова., СПб., 1900.

⁶ Изречения старца Амвросия Оптинского, записанные преимущественно сестрами Шамординской общины // ДЧ. 1892. Ч. 1. с. 176–195, 383–385, 527–530; Ч. 2. с. 151–154; Ч. 3. с. 370–371; http://www.optina.ru/starets/makariy_life_full3/#4 (дата обращения 28.09.2013).

⁷ Магницкий М.Л. Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I-го Отделения С.Е.И.В.К. СПб., 1876, с. 369-374.

православном вероучении, противостоящем восставшему языческому миру»⁸.

2) *Консерваторы-масоны* (Лабзин А.Ф., Голенищев-Кутузов П.И., Поздеев И.А., Рунич Д.П., Шечков Г.А.). Московские представители розенкрейцерства Голенищев-Кутузов П.И. и Поздеев И.А. «...признавали господствующее положение православной церкви, поскольку она являлась государственным институтом, который лояльный подданный должен признавать, если он хочет стабильности и порядка, поддерживали жесткий контроль над общественной жизнью и умонастроениями»⁹.

«Даже в масонстве встречались представители националистических настроений. Так, например, московский мемуарист и писатель Д.П. Рунич придерживался идеи самобытности России»¹⁰, геополитически обреченной на противоборство с Западом и Востоком. Называл Россию единственной страной, сохранившей совершенную систему государственного устройства с древности и осуждал прозападную политику властей как разрушающую русский «национальный дух». Выступал за возвращение к нравственным нормам и традициям прошлого, за укрепление семьи как опоры общества, беспрекословное подчинение и служение обществу. Власть, по его мнению, должна быть твердой, не допускающей смуты. Реформы – единственное, что может быть допустимо, но не восстания и перевороты.

3) *Консерваторы-мистики-космополиты* (Александр I, Голицын А.Н.). На определенном этапе своего правления Александр I¹¹ и государственный и общественный деятель, князь А.Н. Голицын¹² исповедовали социальную утопию «евангельского» или «общехристианского» государства. Самодержавная власть мыслилась как орудие, призванное защитить Европу от распространяющихся там подрывных учений и революционных потрясений. В современной России эти идеи могут осмысливаться как сопротивление распространяющимся со стороны Запада сценариям «оранжевых»¹³, «тюльпанных» и им подобных революций.

4) *Консерваторы-националисты* (Меньшиков М.О., Ковалевский П.И., Погодин М.П., Ростопчин Ф.В., Урусов А.П., Шишков А.С., Шульгин В.В.). В воззрениях представителей этого направления народ рассматривался как носитель традиционных нравственных ценностей, в отличие от подвергнувшейся западному влиянию элиты.

А.С. Шишков - военный и государственный общественный деятель впервые стал конструировать национально-консервативную традицию. По его убеждению народное образование должно быть национальным, а главная задача воспитания – «...вложить в душу ребенка гордость за свое Отечество и любовь к Родине»¹⁴. Формула С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» восходит к идеям Шишкова.

Государственный деятель и литератор Ф.В. Ростопчин основал свою концепцию консерватизма на самодостаточности России, ее независимости от Европы. Критиковал власть за увлечение идеями космополитизма и отсутствие порядка в государственной жизни.

Общественный деятель и публицист М.П.Погодин¹⁵ свою роль связывал с защитой «русской своенародности». В ряде работ подчеркивал ненависть Европы к России и утверждал, что для спасения своей самобытности все славяне должны объединиться в единое государственное целое под управлением русского царя.

5) *Консерваторы-либералы* (Витте С.Ю., Струве П.В. Чичерин Б.Н.). Консервативно-либеральное направление общественной мысли с одной стороны подчеркивало свой традиционализм, но при этом отрешивалось от реакционных взглядов, которые расценивались как причина многих региональных и общегосударственных провалов.

Философ и общественный деятель Б.Н. Чичерин¹⁶ уже в XIX в. обозначил основные направления либерализма, выраженные в общественном мнении. Низшую ступень занимает «уличный либерализм», который ничего не хочет знать, кроме собственного своеволия. Представители этого вида либерализма питают непримиримую ненависть к авторитету. Второй вид либерализма – оппозиционный, отрицательно критикует сложившееся положение вещей, ничего, не предлагая взамен. Его представители держатся

⁸ Шечков Г.А. Наше знамя. Харьков, 1905, С.8

⁹ Консерватизм в России// Русский консерватизм середины XVIII- начала XX века: энциклопедия/отв. ред. В.В. Шелохаев., М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010, с. 8-9.

¹⁰ Рунич Д.П. Россия от 1833 до 1854 г. Взгляд на древний и ее новый быт. Ярославль, 1909. с.25.

¹¹ Грюнберг П.Н. Император Александр I Благословенный – ревнитель Православия или «экуменист» своего времени? Ежегодная богословская конференция. Правосл. Свято-Тихоновский богословский ин-т: Мат-лы. М., 1997.

¹² Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.

¹³ http://igion1.ucoz.ru/news/protoierej_maksim_obukhov_dana_komanda_v_2012_godu_organizovat_oranzhevuj_revoljuciju_v_rossii/2011-12-24-2581 (дата обращения: 16.07.2012).

¹⁴ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802-1902 г. СПб., 1902, с. 177.

¹⁵ Погодин М.П. Сборник статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878.

¹⁶ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма. М., 1862.

отчужденно от власти, что не мешает занимать доходные места и чины. Третий вид либерализма – охранительный. Его представители знают историю страны, понимают условия власти и не враждуют с ней. Верховный нравственный закон – закон добра, личная свобода человека связана со свободой других. Власть – сильная, обеспечивающая свободу граждан и мысли, отстаивающая общественные интересы от анархических.

б) *Консерваторы-славянофилы* (Аксаковы И.С. и К.С., Беляев И.Д., Киреевский И.В., Кошелев А.И., Самарин Ю.Ф., Хомяков А.С.). Славянофильство – течение, отстаивавшее идею национальной самобытности и особого пути развития России в противовес их оппонентам-западникам. В целом славянофилы стремились преодолеть космополитизм и умственную апатию русского общества.

Родоначальником славянофильства считается философ А.С. Хомяков¹⁷ придавал первостепенное значение самобытному развитию России по сравнению с основными европейскими цивилизациями. Общинность русского народа, терпимость, исповедание традиционных православных ценностей – основы для построения гуманного общества, основанного на братских связях и взаимной любви. Индивидуалистическое сознание западного человека есть следствие распада целостной жизни духа.

К.С. Аксаков¹⁸ – один из идеологов славянофильства, создавший «теорию земли и государства», которая стала символом веры славянофилов. В своей теории Аксаков утверждал, что до IX в., до образования государства славяне жили своей общиной, своей землей, на основании нравственного закона человеческих отношений. Лишь внешние опасности вынудили славян создать государство, которое своими внешними нормами, а не нравственным голосом совести заставили людей выполнять обязательства.

7) *Консерваторы-почвенники* (Григорьев А.А., Достоевский Ф.М., Страхов Н.Н.). Почвенничество как направление русской общественно-политической мысли второй половины XIX века, было продолжением воззрений славянофилов, пытающееся сформировать общественное мнение в консервативном духе. Народ должен быть единым со своим руководителем (у Ф.М. Достоевского – монархом), духовно слиты все сословия, чуждые материальной выгоде. Правящая же элита должна покончить с подражательством Западу и забвением собственной цивилизации.

8) *Консерваторы-геополитики* (Вандам А.Е., Данилевский Н.Я., Дусинский И.И., Карцов Ю.С., Сыромятников С.Н., Ухтомский Э.З.). Это направление не содержало единой программы. Основным направлением их размышлений был поиск союзников в Европе, начиная от славян до французов, англичан и немцев. Славянский тип, центральное место которого занимает Россия, по мнению Данилевского, должен, преодолев враждебное отношение стран романо-германского культурно-исторического типа, занять первенствующее место на исторической сцене.

Геополитик и панславист Дусинский И.И.¹⁹ полагал, что разумная внешняя политика должна носить двойственный характер: национальный (русский) и племенной (славянский). Территории Российского государства еще находятся в стадии формирования. Он поддерживал идеи Данилевского по поводу культурного и политического объединения славян всего мира под эгидой России. Самобытность славянских народов в пределах его территории сохранится. Речь не шла об обрусении славян, а лишь о мирном объединении.

Публицист Ю.С. Карцов также разделял взгляды славянофилов о самобытности Российского государства, образовавшегося из центра и развивающегося по направлению к периферии²⁰. Государственная власть – залог целостности и безопасности, как самого государя, так и всего культурного слоя. Причиной ожесточения народа против государства считал вырождение высшей аристократии, озабоченной выгодами своего положения.

Взгляды общественного деятеля С.Н. Сыромятникова²¹ обращались к государственному устройству России, который он воспринимал скорее восточным, нежели западным, а русскую культуру ближе к китайской, корейской, тюркской, что обуславливает ее особое положение в евразийском пространстве. Оптимальной формой правления считал самодержавие, а царя – ответственным за всех подданных империи независимо от их социального положения. Государство должно развивать личность гражданина, поддерживать его стремление к саморазвитию.

9) *Консерваторы-государственники* (Ильин И.А., Катков К.П., Пазухин А.Д., Победоносцев К.П., Солоневич И.Л., Тихомиров Л.А., Толстой Д.А., Уваров С.С., Шевырев С.П.). Государственный деятель и ученый Сергей Семенович Уваров сделал лозунгом своей деятельности триаду: «Православие, Самодержавие, Народность». Выступая против бесконтрольной европеизации, призывал удержать Россию на началах, исконно ей присущих. Православная вера им понимается как вера предков, питающая творческие силы народа. Самодержавие видится как опора политического существования России,

¹⁷ Хомяков А.С. Избранные статьи и письма. М., 2004.

¹⁸ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981.

¹⁹ Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003, с. 48-49.

²⁰ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России) //Философская культура. Журнал русской интеллигенции. Январь-июнь, 2009. № 4, с. 175.

²¹ Сыромятников С.Н. Опыты русской мысли. СПб., 1900.

поползновение на державное бытие, по мнению, Уварова, приведет к снижению могущества и ослабления внутреннего спокойствия страны. Вопрос о народности Уваров оставил открытым, адресуя его решение образованным российским мыслителям.

Историк Степан Петрович Шевырев стал выразителем официальной идеологической доктрины «Самодержавие. Православие. Народность». Он интерпретировал эту триаду в категории чувств, а не мыслей, подчеркивая ее врожденность русскому национальному бытию²².

Государственный деятель Константин Петрович Победоносцев²³ критиковал безрассудное заимствование западных политических веяний, подчеркивал, что представительские учреждения напрямую связаны с историей своей страны. Критически относился и к процедуре выборов, поскольку она играет на эмоциях толпы и не всегда побеждает самый профессиональный политик. Он не считал, что парламентаризм помогает позитивно наладить жизнь российского общества, поскольку сторонниками этой идеи движет либо наивный утопизм, либо стремление к личной выгоде. Опыт показывает, что получив в руки власть, демократы становятся еще худшими бюрократами и распорядителями народной жизни. Быть государственным человеком – значит принести себя в жертву делу, которому служишь. В образовательных учреждениях необходимо воспитывать любовь к родине, семье, нравственные принципы. Семья – основа государства, в ней, как и в государстве нет места чрезмерному самолюбию и искусственным потребностям.

Заключение

На основании вышеизложенного можно выделить универсальные основы русского консерватизма:

- сакрализация самодержавной власти. Власть является богоданной и имеет высокое предназначение;
- государство - высший приоритет и судья человеку. Отеческая забота государства о человеке и повиновение государству со стороны общества.
- единство народа и властвующей элиты;
- служение в свободе. Свобода личности связана с ее обязанностями по отношению к обществу, государству;
- идея самобытного российского пути. У России свой собственный исторический путь и перенесение иностранных моделей развития приводит к разрушительным последствиям для страны;
- революции противопоказаны российскому обществу, т.к. ведут к еще большим социальным противоречиям;
- Россия должна вести независимую внешнюю политику. Интересы страны превалируют над общеевропейскими и общемировыми;
- обеспечение экономической и политической безопасности страны. Сохранение неотчуждаемой территории;
- идея несовершенства человека, следовательно, подлинное спасение возможно только путем возвращения к национальным истокам.

Таким образом, исходя из особенностей исторического процесса можно сделать вывод о том, что консерватизм представляется собой идеи, не отрицающие все новое, в угоду традициям, а допускающие изменения, но с одним ключевым содержательным аспектом - они должны происходить ради пользы общества, а не только как процесс изменений ради изменений.

Таким образом, исходя из анализа основных теоретических взглядов ученых на консерватизм, можно выделить его следующие базовые ценности: *духовность*, под которой понимается опора на нравственность и русские социокультурные традиции; *государственность*, подразумевающую сильную власть, защищающую национальный суверенитет России, обеспечивающую безопасность граждан и принимающую на себя ответственность за развитие страны и благополучие своих граждан); *народность*, заключающуюся в национальной самобытности); *семейные ценности* и др.,

Эти ценности до сих пор остались основными в системе приоритетов россиян. Также сохранилось тяготение к единовластной и персонифицированной власти, о чем свидетельствует, с одной стороны, выделение института Президента на фоне других институтов власти и его высокий рейтинг. То же самое можно сказать и о ценности *справедливости*, которая россиянами ставится выше, чем написанный закон и его соблюдение. Россияне предпочитают жить больше по совести, нежели по закону. И, наконец, *патриотизм* и восприятие Родины как места рождения и жизни говорит о глубинных связях россиян с самой Россией, и все недовольство внутренней политикой и стремление к лучшей жизни за границей, преимущественно остается лишь словами.

Так или иначе, у россиян, с присущим им оптимизмом все ещё остается вера в светлое будущее для самой России, а выделенные нами ценности, которые лежат в основе русского консерватизма продолжают сохраняться в сознании россиян и могут служить основой построения новой русской идеологии, которая консолидировала бы общество.

²² Шевырев С.П. Московитянин. 1841. №1, С. 292.

²³ Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996, С. 278.

Литература:

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981;
2. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002;
3. Allison, L. 1984 Right Principles: A Conservative Philosophy of Politics. Oxford: Blackwell;
4. Althusser L. For Marx. Hammondsworth, 1969;
5. Anisimov A.P., Gulyaihin Vyacheslav N. THE STUDY OF THE PHENOMENON OF “MYSTIFYING RUSSIAN SOUL” WITHIN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORY AND ITS SIGNIFICANCE FOR INCREASING MUTUAL UNDERSTANDING BETWEEN THE RUSSIAN PEOPLE AND OTHER NATIONS. In the: Global Journal of Arts Humanities and Social Sciences Vol.1, No.3, pp. 131-145 September 2013 Published by European Centre for Research Training and Development, UK (www.ea-journals.org) <file:///C:/Users/Irina/Pictures/Downloads/000000271601.pdf> (date of base 19.08.2015).
6. Beck U. Politics of risk society// The politics of risk society. Ed. By Jane Franklin. Polity Press, 1998;
7. Беленький И.Л. Роль географического фактора в отечественном историческом процессе. Аналитический обзор., М., 2000;
8. Бельков О.А. Русский вопрос в современной России. Полемические заметки о «Русском проекте» //Смысл Великой победы/ под общей ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2010;
9. Бердяев Н.А. Судьба России., М., 1990;
10. Булгаков С.Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008;
11. Бурдьё П. Начала. Choses Dites. М.: Sociologos, 1994;
12. Витте С.Ю. По поводу непреложных законов государственной жизни. СПб., 1913;
13. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002;
14. Возьмитель А.А. Российская власть в представлениях массового сознания// Смысл Великой победы/под общей ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2010;
15. Gehlen A. Studien zur Anthropologie und Soziologie., Neuwied U. Berlin: Luchterhand, 1963;
16. Giddens A. The Consequences of Modernity, Cambridge: Polity Press, 1991;
17. Гирц К. Идеология как культурная система//Гирц К. Интерпретация культур: Пер. с англ. М., 2004; Eagleton T. Ideology: An Introduction. L., 1996;
18. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития, Тверь, 2001;
19. Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York Free Press. 1964; Durkheim E. The Elementary Form of Religions. Life. Allen & Unwin, 1976
20. Eagleton T. Ideology: An Introduction. L., 1996;
21. Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs (N.J.), 1961;
22. Eisenstadt S.N. Socialism and Tradition. Jerusalem, 1976;
23. Эфендиев А.Г. Идеология в современном обществе//Общая социология. М., 2000
24. Inside Right: A Study of Conservatism. London: Quartet Books;
25. Ильин И.А.. Наши задачи. Т.1 Издание Русского Обще-воинского Союза, Париж, 1956;
26. Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010;
27. Кадафи М.«Зеленая книга», М., 2000;
28. Karabulatova I.S., Polivara Z.V. Turkic and Slavs: bi-polylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region). In the: Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 832-836, 2013. ISSN 1990-9233. © IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12263 [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(6\)13/22.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(6)13/22.pdf) <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17%286%2913.htm>.
29. Karabulatova I.S., Koyche K.K., Gulyaev V.N. The Dialogue of Kazakh Steppe and Russian Forest: About the Character of Turkic-Speaking Linguistic Personality on the Territory of Russian-Kazakhstani Border-Zone. In the: Middle-East Journal of Scientific Research 17 (7): 853-858, 2013. ISSN 1990-9233. © IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.07.12264 [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17\(7\)13/4.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17(7)13/4.pdf) <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr17%287%2913.htm>.
30. Karabulatova I.S., Sayfulina F.S., Akhmetova B.Z. Ethno-lingual aspect of modern functioning of Russian dialects in North Kazakhstan (on an example of Kostanai region). In the: World Applied Sciences Journal Issue 27 (Education, law, economics, language and communication): 137-140, 2013. ISSN 1818-4952 .© IDOSI Publications, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.27.elelc28 [http://www.idosi.org/wasj/wasj27\(elelc\)13/28.pdf](http://www.idosi.org/wasj/wasj27(elelc)13/28.pdf) <http://www.idosi.org/wasj/wasj27%28elelc%292013.htm>.
31. Karabulatova I.S. and B.Z.Akhmetova. Characteristics of Social-Cultural Vitality of Modern Russian Settlements of the Former Gorky Line of Kazakhstan. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S4, May 2015. – pp.201-206. <http://www.mcsr.org/journal/index.php/mjss/article/view/6730/6444>.
32. Kekes, J. 1998 The Case for Conservatism. Ithaca, NY: Cornell University Press
33. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации., М.: 2000.
34. Lukaes G. History and Class-Consciousness. Cambridge, 1970.
35. Манхейм К. Идеология и утопия// Диагноз нашего времени., М., 1994;
36. Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Mashin R.V., Pismennaya E.E., Sivoplyasova S.Yu. Actual

problems of human trafficking in Illegal immigration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.1, May 2015. – pp.: 621-626. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s1p621

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6451/6185>

37. Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Sivoplyasova S.Yu., Pismennaya E.E., Manshin R.V. Modern Aspects of Human Trafficking in the Context of Labor Exploitation and Irregular Labor Migration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.2, May 2015. – pp.: 67-72. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p67

<http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6465/6195>

38. Shils E. Tradition - Essays on Modernity: The Indian situation. The Hague. 1961.

39. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

40. Флоровский Г.В. Вера и культура. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. Ин-та, 2002.

41. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900.

2.7. КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРАВА: МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСОВ

Мордовцев А.Ю.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
aum.07@mail.ru

Мордовцева Т.В.

Таганрогский институт управления и экономики
mtvtaganrog@mail.ru

Мамычев А.Ю.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
mamychev@yandex.ru

Аннотация. Проблема понимания сущности конвергенции права всегда в том или ином виде рассматривалась в западной и российской правовой науке. Конвергенционные процессы всегда имели объективную основу своего возникновения и развития, определяли содержание и особенности развития многих национальных правовых институтов, а также нормы и принципы международного права. В настоящее время конвергенция права проходит в рамках политической и экономической глобализации, что, безусловно, стимулирует интерес исследователей к этому многомерному явлению. Особый интерес в этом аспекте представляют смешанные правовые системы, исследование которых проводится в рамках теории правовой конвергенции и имеет высокий уровень сложности в силу неизбежного вовлечения в него широкого круга самых разных факторов. Происходит воздействия различных факторов, способствующих сближению романо-германского и англосаксонского права, протекают процессы «проникновения» институтов права на региональном уровне и проч. В статье прослеживаются ключевые аспекты эволюции дискурсов конвергенции права от Античности до современной теории смешанных правовых систем. Полученные авторами выводы имеют несомненное значение для развития теории права, сравнительного правоведения и политической науки в начале XXI в.

Ключевые слова. Конвергенция права, правовые системы, «смешанные юрисдикции», юридические доктрины.

Введение

К сожалению, в советском обществоведении в 60-80-х годах западная теория конвергенции (в правовом и политологическом варианте этого теоретико-практического образования) сразу получила, что называется «прописку» в научном официозе, поэтому, естественно, здесь имело место ее идеологическое прочтение, в результате которого она и была признана «буржуазной» и «антимарксистской».

Конвергенция в советском гуманитарном дискурсе сводилась, преимущественно, к острой критике возможностей сближения социалистического и капиталистического миров, приобретения ими сходных черт и признаков. Такого рода трактовки получали свое развитие и в монографических исследованиях тех лет, в словарных статьях и учебной литературе.

«Теория конвергенции (от лат. converge – сближаюсь, схожусь) – социально-философская и политологическая концепция, согласно которой интернационализация экономической, политической, культурной деятельности и наличие ряда общих структурных и функциональных аспектов у индустриально развитого общества... ведут к сближению политически и социально дивергентных систем – капитализма и социализма – с возможностью их слияния в будущем в смешанное общество, синтезирующее в себе положительные стороны каждого из них» [1].

На рубеже XX-XXI вв. исследователи уже уходят от формационно-идеологического понимания природы конвергенции вообще и правовой конвергенции в частности и рассматривают сущностные моменты этого явления и процесса в иных измерениях. В частности, многие западные правоведы обращают внимание на то обстоятельство, что любое «обновление», «изменение» или «модернизация» правовых норм и институтов, наступающее в ходе конвергенции отдельных элементов национальной правовой системы, а также разных правовых систем всегда имеет *рискогенный характер* [2]: порождает в юридической практике разные правотворческие, правоприменительные и правоинтерпретационные риски, что особенно проявляется в так называемых «смешанных юрисдикциях» [3].

В этом плане, неслучайно, что теория конвергенции в XX в. стала одной из основных концепций современного западного правоведения, политологии, социологии, экономики, а также оказала заметное влияние на сравнительно-правовые исследования, во многом, расширяя их предмет и теоретико-методологическую базу.

Обзор литературы

2.1. Античный период

Обращаясь к историческим аспектам конвергенции в правовой сфере заметим, что в античном мире

понятие «конвергенция» отсутствовало, тем не менее, начиная с Платона были построены различные философемы, в которых содержание и смысл этого концепта рассматривались на интуитивном уровне. В частности, Платон в своем наиболее позднем произведении «Законы» заложил философско-правовые основы интереса последующих европейских мыслителей к проблеме политико-правовой «смешанности», вопросу о природе, объективном или субъективном характере конвергенционных процессов на заре западной цивилизации. В общетеоретическом плане, древнегреческая мысль двигалась в направлении поиска политико-правовых идеалов («правильных форм»), однако, в итоге, вышла на осмысления государственных и юридических реалий.

Аристотель, оставаясь, естественно, в этой же философско-правовой традиции, идет еще дальше в понимании значимости конвергенционных процессов в политике и праве. Его государственно-правовым идеалом, как известно, является смешанная модель организации публичной власти. «Государственный строй в его целом является не демократией и не олигархией, но средним между ними – тем, что называется политией... Итак, правильное суждение тех, кто смешивает несколько видов, потому что тот государственный строй, который состоит в соединении многих видов, действительно является лучшим» [4].

Для римлян Вселенная уже не выглядит бесконечной, она сужается до пределов государства, а имперский социум, наоборот, расширяется до масштабов Космоса, что, естественно, уже выступает важной бытийно-мировоззренческой предпосылкой в отношении возникновения юридикско-конвергенционных процессов.

2.2. Западноевропейское Средневековье

Формирование национальных государств и правовых систем Западной Европы в период разложения Римской империи и много позже самым тесным образом было сопряжено с многоплановыми и поливекторными конвергенционными процессами, сближением и синтезом самых разных по своей природе, способам и формам нормообразования правовых систем. Христианство в этот период стало особой духовной основой для конвергенционно-аккультуративных государственно-правовых процессов. Правовые нормы и институты самых разных христианских народов начинают сближаться, пусть медленно, но все же происходит их особый синтез, причем, на основе нового для Европы христианского миропонимания и мирозерцания.

Первым же результатом правовой конвергенции в рамках этой социально-духовной (пронизанной библейскими заповедями, представлениями о Страшном суде и нормах христианской этики) парадигмы стала, конечно же, рецепция римского права, институты которого далеко не сразу вытеснили из западного регулятивного пространства феодальные нормы обычного права и нивелировали имеющиеся в эпоху раннего Средневековья стремления построить христианские государства по «апостолическому образцу». Ясно, что все эти процессы возникли только после весьма сложного и длительного конвергенционного этапа.

«Построить общество на основе римского права, принять его за образец – не было ли это нарушением божественного закона, поиском справедливости за счет и в ущерб милосердию?... Фома Аквинский в начале XII века положил конец этой критике. Его труды, использующие труды Аристотеля и показывающие, что дохристианская философия, основывающаяся на разуме, в значительной степени соответствовала божественному закону, способствовали «изгнанию чертей» из римского права» [5]

2.3. Новое Время

Итак, в течение многих столетий в западноевропейском политико-правовом пространстве идут весьма и весьма ощутимые конвергенционные процессы. Однако их результатом так и не стала некая «однородная» юрисдикция, происходило не слияние, а именно сближение разных правовых форм, что разумеется, не осталось незамеченным исследователями XVIII-XIX вв.

В этом плане, конечно же, обращают на себя внимание труды Ш.Л. Монтескье, в частности, такое значимое в его творчестве произведение, как «О духе законов», в котором он, обосновывая значение эмпирико-социального метода правовых исследований, внес значительный вклад в определение предмета сравнительного правоведения, а также в выявление критериев оценки объективных, имеющих место в мировом политико-правовом пространстве конвергенционно-дивергенционных процессов, причем, не «вообще», на уровне некой научно-философской абстракции, а в отношении конкретных (причем, современных ему) государств.

Монтескье принял во внимание «природу вещей» в изучении государственно-правовых институтов и структур, возникающих у тех или иных народов в определенную историческую эпоху, отметил необходимость учета многих геоклиматических и культурных факторов, влияющих на разного рода юридические и политические рецепции, определяющих возможность и принципы взаимодействия национальных правовых систем. Он весьма скрупулезно подошел к анализу специфики государственно-правовой реальности разных народов – римского, греческого, французского, африканского, персов, англичан, китайцев и др.

В целом же, Ш.Л. Монтескье создал оригинальное контекстное поле не только для теоретического, но и для практического осмысления процессов правовой конвергенции и дивергенции, а также их

результатов.

Например, он отмечает, что «благодаря итальянским ученым право Юстиниана проникло и во Францию, где раньше знали только Кодекс Феодосия, так как законы Юстиниана были составлены уже после водворения варваров в Галлии. Это право встретило некоторое противодействие ; тем не менее оно удержалось вопреки отлучениям пап, покровительствовавшим своим канонам. Людовик Святой старался распространить уважение к нему с помощью сделанных по его распоряжению переводов книг Юстиниана...» [6].

Важно, что Ш.Л. Монтескье обратил внимание и показал со всей очевидностью то, что функционал конвергенции права (как и политических систем) диалектичен и включает в себя регулятивную, новаторскую, инструментальную (меняет средства осуществления юридической практики), коммуникативную (создает новые нормативно-правовые условия взаимодействия субъектов правоотношений), прогностическую функции, однако в тоже время конвергенционные процессы могут иметь дестабилизирующий и конфликтогенный характер, т.е. негативно влиять на сложившийся в конкретном государстве и обществе механизм поддержания правового порядка и сохранения режима законности.

Г.В.Ф. Гегель, очевидно, не усматривал в движении, сближении различных национальных правовых систем значимых для создания, например, единого западного правового пространства проявлений в отношении изменяющегося (на его глазах) европейского мира. Хотя, некоторый конвергенционный правовой аспект он видел в колонизации, основной проблемой которой, по его мнению, была недооценка важности полноценной интеграции правового пространства колоний и метрополий. В частности, он писал: «В новейшее время колониям не предоставлялись такие же права, как населению метрополии; это привело к войнам и в конце концов к самостоятельности колоний, о чем свидетельствует история английских и испанских колоний» [7].

Конвергенция в западном доктринально-правовом пространстве XX в.

Вообще, в западном мире XX в. сложился широкий диапазон взглядов на характер и пределы допустимой политико-правовой и социально-экономической конвергенции: от попыток обосновать неизбежность «ассимиляции» капитализмом социалистических стран, которая неизбежно должна последовать за развитием в них рыночной экономики, демократизацией правовой и политической жизни, либерализацией государственно-правовых режимов и последующего отказа от идеологической конфронтации, до суждений, опирающихся на определенную интерпретацию объективных изменений [13], происходящих в обеих политико-правовых системах (например, развитие институтов государственно-монополистического регулирования и планирования социально-экономической жизни в ряде западных государств, совместное решение социалистическими и капиталистическими государствами ряда важных общечеловеческих задач и т.п.).

В этом плане, не случайно и то, что примерно, в это же время, среди некоторых представителей западной правовой и политологической науки получает распространение идея «негативной конвергенции» (Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др.), согласно которой обе социально-экономические и политико-правовые системы усваивают друг у друга не столько положительные, сколько отрицательные элементы [12]

Методы и материалы

Именно в XX в вопросы конвергенции и дивергенции правовых систем получают новое теоретико-методологическое звучание, что, во многом, связано и с все более усиливающимися тенденциями сближения романо-германской и англосаксонской правовых семей, конвергенция которых (кроме отмеченных выше ситуативных прагматически-утилитарных причин), несомненно, связана с общей историей, протестантско-католической христианской культурой, относительной близостью (при сохранении некоторых логико-структурных отличий) правового мышления, юридического мировоззрения и основных этико-правовых ценностей, юридической практики, политических идеологий в западноевропейских и северо-американских государствах и т.п.

Именно в этот период можно говорить о возникновении, преимущественно, в западном юридическом и политическом дискурсах нескольких *методологических направлений* осмысления феномена конвергенции права:

- 1) системно-функциональном;
- 2) культур-антропологическом;
- 3) политическом.

Именно эти направления и акцентируют внимание исследователей на *праводоктринальном, юридико-практическом* (включающего содержание и формы правовой политики), *государственно-идеологическом* и *правокультурном* аспектах рассматриваемой проблемы.

Результаты и обсуждение

Особый интерес и в теоретическом, и, тем более, в практическом плане представляют смешанные правовые системы, исследование которых проводится в рамках теории правовой конвергенции и имеет

высокий уровень сложности в силу неизбежного вовлечения в него широкого круга самых разных (собственно юридических, а также политических и социальных) факторов.

В этом плане, в полной мере оправданным представляется то обстоятельство, что западные исследователи, прежде всего, проводят комплексный анализ таких категорий, как «смешанная правовая система» и «смешанная юрисдикция». Так, У. Тетли предлагает использовать понятие «смешанная юрисдикция» для обозначения «страны или административно-территориальной единицы, в которой имеет место смешанная правовая система» [3].

Вообще же, в современной западной юридической литературе эти понятия весьма часто используются как синонимы, а под «смешанной» понимается такая правовая система, в которой элементы, характерные для различных правовых семей, систем, традиций *сосуществуют* или особым образом смешиваются. В рамках теории конвергенции именно смешанные правовые системы, с одной стороны, являются результатом конвергенции разных (близких или нет) правовых миров, а с другой – создают необходимые основы, социально-правовые предпосылки для эскалации самих конвергенционных процессов (причем, не только в юридической, но и в экономической, политической и даже культурной сферах жизнедеятельности).

В отношении же соотношения понятий «смешанная правовая система» и «смешанная юрисдикция» в западноевропейской и американской литературе к настоящему времени накоплено уже достаточно количество «доктринального» материала, т.к. концептуализация по этому вопросу имеет место уже на рубеже XIX-XX вв. В частности, Ф.П. Уэлтон предлагает следующую дефиницию: «Смешанные юрисдикции – это правовые системы, в которых романо-германская традиция наполнилась до некоторой степени англо-американским правом» [3]. Значительно позже, Р. Эванс-Джоунс считает, что смешанная правовая система «в определенной степени демонстрирует характерные черты одновременно и гражданской континентальной и английской общеправовой традиций» [8].

Современный английский компаративист В.В. Палмер в работе «Смешанные юрисдикции во всем мире: третья правовая семья» использует категорию «смешанная юрисдикция» в том же значении, а именно «юрисдикция, в которой общее и континентальное право составляют основные компоненты правовой доктрины» [2]. На основе такого подхода, как правило, и выделяются такие смешанные правовые системы, как Южная Африка, Шотландия, Луизиана, Квебек, Филиппины, Израиль и др.

Заметим, что эти (и многие другие) определения, в общем, весьма показательны для традиционного европейского понимания смешанных правовых систем: в западной компаративистике основной акцент уже давно делается именно на результате конвергенции романо-германской правовой традиции и англо-американского права, сочетании их элементов, что, конечно, соответствует объективно обусловленному вектору развития политико-правовых процессов во второй половине XX вв., однако с теоретико-методологических и практических позиций уже не соответствует реальному положению дел и должно быть существенным образом уточнено.

В отношении процессов конвергенции романо-германского и англо-саксонского права М.Н. Марченко предлагает выделять несколько групп факторов, способствующих, или наоборот, препятствующих их сближению.

Так, в качестве *первичных факторов* конвергенции романо-германского и англо-саксонского права, следует рассматривать «все то общее — в виде однотипной экономики, социальной и политической структуры общества, однотипного государственного механизма, правовой культуры и других им подобных по своему характеру и своей потенциальной направленности компонентов, — что эти правовые семьи объединяет» [9].

В качестве же *первичных факторов*, препятствующих сближению романо-германского и англо-саксонского права, необходимо выделять и рассматривать все то особенное — в виде исторических и национальных традиций, обычаев, свойственных каждой правовой семье, и других им подобных по своему характеру явлений, институтов и учреждений, — что данные правовые семьи разъединяет.

В целом же, *первичные факторы* — это базис, который не только обуславливает сущность, внутреннее строение и содержание каждой из рассматриваемых правовых семей, но и предопределяет характер и тенденции развития отношений между ними, т.е. включает в себя особую эволюционно-функциональную составляющую.

Вторичные факторы, естественно, являются производными от первичных, выражают, а точнее — «отражают заложенный в романо-германской и англо-саксонской правовых семьях базисный потенциал, а также тенденции, как к их сближению, так и к расхождению.

Среди *вторичных факторов* — элементов, способствующих сближению рассматриваемых правовых семей, — следует выделить прежде всего такие, которые проявляются на региональном уровне взаимосвязи и взаимодействия романо-германского и англосаксонского права» [9].

Разумеется, *вторичные факторы*, способствующие сближению данных правовых семей, находясь в неразрывной связи с *первичными факторами*, в определенной мере проявляются и на глобальном уровне (на уровне правовых семей) и на локальном уровне (в отношении конкретных национальных правовых систем). Например, в правовой системе США, где правовая система штата Луизиана, будучи по природе и характеру романо-германским феноменом, находится в непосредственной связи с англо-саксонским

юридическим миром.

Наиболее отчетливо характер воздействия вторичных факторов, способствующих сближению романо-германского и англосаксонского права, как и сами эти факторы, проявляется на региональном уровне, в частности на уровне Европейского Союза.

Ж. Битсон считает, что вскоре после присоединения Великобритании к Европейскому Союзу «английское право все больше стало походить на европейское континентальное право, на право Европейского Союза» [10]. Причём, по его мнению, влияние общеевропейского континентального права на английское общее право со временем не только не ослабевает, а наоборот, еще больше возрастает по мере его развития и совершенствования, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные решения ряда институтов Европейского Союза, «исходящие из традиций романо-германского континентального права» и непосредственно касающиеся в том числе британского общего права.

Вообще, по мере расширения правового регулирования, осуществляемого с помощью норм, содержащихся в актах институтов Европейского Союза, все больше набирает обороты процесс «европеизации» английского права, процесс «проникновения» и адаптации многих норм и институтов общеевропейского (континентального) права в системе англосаксонского (общего) права [10].

В результате этого, а также под воздействием ряда других факторов, по мнению некоторых исследователей, «английское право постепенно становится все менее английским» [11] как в практическом, так и в теоретическом плане. При этом имеется в виду, в частности, тот факт, что членство Великобритании в Европейском Союзе все более заметно сказывается не только на правотворческой и правоприменительной деятельности соответствующих английских органов, но и на традиционном представлении английского юридического истеблишмента, в частности, о конституционном и муниципальном праве [14].

Большое значение среди факторов, способствующих сближению романо-германского и англосаксонского права в западной, преимущественно американской литературе, придается такому феномену, как американизация, или рецепция американского, общего по своему характеру, права в европейском континентальном праве [15].

«Называя рецепцией американского права его огромное влияние после Второй мировой войны на европейское право, а в ряде случаев и на право других регионов мира, авторы с чрезмерным преувеличением значимости данного явления, проводят даже некую параллель между рецепцией американского и рецепцией римского права» [9].

Чрезмерно преувеличивая влияние американского права на европейское в послевоенный, а тем более в последующие периоды и без всяких на то оснований, приравнивая «американизацию» европейского права к рецепции римского права, исследователи, тем не менее, правы в том, что общее право в лице американской правовой системы оказало определенное влияние на романо-германское, континентальное право.

Выводы

Конвергенция права – это поливекторный процесс сближения и взаимопроникновения отдельных компонентов разных национальных правовых систем на основе глобальных социокультурных, политических и экономических факторов, универсальных правовых принципов и стандартов, а также специфики их реализации во внутригосударственных правовых отношениях, результатом которого является интернационализация и унификация механизма правового регулирования общественных отношений.

К основным конвергенционным рискам в настоящее время следует отнести: а) утверждение необходимости заимствования разными по своей цивилизационной природе государствами правовых институтов, идеалов и образов западной цивилизации как средства «спасения» мира и преодоления опасных для человечества угроз; б) нивелирование различий между национальными правовыми системами, ведущее к сужению и постепенной элиминации собственных социально-культурных и духовных основ, отказу от принципов мультикультурности и плюрализма в государственно-правовой сфере, а в результате – к затяжной юридической аномии; в) усиливающиеся тенденции отмены национальных суверенных государств, природа и функции которых перестают соответствовать возникшей (имплементированной) и действующей в рамках национальной правовой системы международно-правовой подсистеме и «вызовам нового миропорядка».

Категории «смешанная правовая система» и «смешанная юрисдикция» соотносятся между собой как целое и часть, т.к. последняя отражает преимущественно публично-властный компонент национальной правовой системы, специфику осуществления судебной власти, совокупность правомочий иных властных структур по разрешению различных правовых конфликтов и дел о правонарушениях на определенной территории, тогда как под смешанной следует понимать правовую систему, включающую широкий круг элементов, характерных для различных правовых и политических традиций, сосуществующих и взаимовлияющих в едином механизме правового регулирования общественных отношений.

Библиографический список

1. Современная западная философия (2013). Словарь. М.
2. Palmer V.V. (2011) Mixed Jurisdictions Worldwide: The Third Legal Family. C.U. Press.

3. Tetly W. (2012) *Mixed Jurisdictions: Common Law vs. Civil Law* // *Louisiana Law Review*. Vol. 60.
 4. Аристотель (2012) *Сочинения в четырех томах*. М.
 5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. М. (2013) *Основные правовые системы современности*. М.
 6. Монтескье Ш.Л. (2011) *О духе законов*. М.
 7. Гегель Г.В.Ф. (2013) *Философия права*. М.
 8. Evans-Jones R. (2008) *Receptions of Law, Mixed Legal Systems and the Myth of the Genius of Scots Private Law* // *Law Quarterly Review*. Vol. 114.
 9. Марченко М.Н. (2007) *Конвергенция романо-германского и англо-саксонского права*. Киев-Симферополь.
 10. Beatson J. (2010) *Has the Common Law a Future? II* *The Cambridge Law Journal*. 2010. Vol. 56. Part I.
 11. Cooke R. (2008) *The Road Ahead for the Common Law II* *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 53. Part 2.
 12. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Vronskaya M.V. (2015) *Typological analysis of evolutionary forms of a state* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3, May. Supplement 3
 13. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) *Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396
 14. Bognar V. (2006) *The British Constitution in the Twentieth Century*. Oxford.
- Wiegand W. (1991) *The Reception of American Law in Europe* // *The American Journal of Comparative Law*. №2.

Глава 3. Человек, социум и государство

**В частной и общей жизни один закон:
хочешь улучшить жизнь, будь готов отдать ее.
Л.Н.Толстой**

3.1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ КОДИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Овчинников А.И.

Мамычев А.Ю.

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
k_fp3@mail.ru, mamychev@yandex.ru*

Мамычева Д.И.

*Таганрогский институт управления и экономики
mamycheva@yandex.ru*

Аннотация. В статье комплексному рассмотрению подвергается социокультурные основы государственно-правового развития, обсуждается традиции и новации в исследовании последнего, а также формулируется и аргументируется авторская теоретико-методологическая программа реконструкции данных основ. Авторы обосновывают, что социокультурные основы легитимируют конкретно-историческое функционирование публично-властных институтов и их дальнейшую трансформацию через формирование особого социально-политического состояния общества - политическую метанаррацию. Показывается, что социокультурные основания всегда сопряжены с доминирующей социально-политической и юридической мышледеятельностью общества, его возможностями и границами, представляют собой совокупность тенденций и векторов публично-властной трансформации. В рамках статьи дается модель анализа социокультурной обусловленности государственно-правового развития, имеющая ряд уровней: а) архетипический (нравственно-когнитивные интуиции, архетипические коды, образы, символы, базовые сценарии и форы политической активности); б) «квазиизмерение» архетипических структур; в) эмпирический – повседневное (обыденное) социально-политическое взаимодействие и его эмоционально-психологическая составляющая; г) институциональный (политические институции, институционально-нормативная активность и иная публично-правовая практика); д) доктринальный и идейно-концептуальный; е) «квазиизмерение» институционально-организованной государственно-правовой жизни общества, состоящее из позитивных (социокультурно одобренных) и негативных (вредных, опасных) политико-правовых явлений и процессов; ж) уровень социально-политической целостности.

Ключевые слова. Юридические архетипы, государственно-правовое развитие, политический процесс, социокультурная обусловленность, юридические доктрины.

Введение

В современных исследованиях с целью анализа социокультурных основ кодирования государственно-правового развития, применяют комплексный, системный подхода. Данный подход представляет возможность адекватного исследования глубинных культурных установок, их влияние на развитие форм властно-правовой организации, мотивов и сюжетов (типизированных режимов) социально-правового взаимодействия, а также воспроизводство стиля правового мышления, когнитивных установок, определяющих восприятие и оценку правовых институтов и юридической деятельности [14].

Неслучайно в контексте юридической антропологии исследовательская работа направлена на реконструкцию, прежде всего, повседневного социально-правового взаимодействия в системе личность – общество – государство, специфика которого приоткрывает закономерности и специфику юридического бытия общества. Известно, что на уровне институционально-правовой организации многие геополитические и геояридические пространства схожи, типологически однородны. Однако, при анализе именно юридического бытия, повседневного взаимодействия и массового стиля осмысления юридических явлений и процессов они, соответственно, существенно различаются [15].

Вообще, строго говоря, нет ни одного государственно-правового пространства совпадающего по специфике повседневного юридического общежития. Даже с учетом схожести вектора политико-правового развития большинства европейских государств, все же существуют существенные различия в повседневном юридическом быте и специфике массового и политико-правового восприятия реальности. Напротив, следует полагать, что неоднородность в юридическом быте свойственна не только отдельным (суверенным, цивилизационным) юридико-политическим пространствам, но и проявляет себя (неоднородность) в контексте отдельно взятой общественной системы. Так, например, Е.А. Лукашева указывает на то, что «неоднородность социально-нормативных регуляторов в любом европейском обществе, наличие групп с различными субкультурными ориентациями, стремление мигрантов, представляющих различные

цивилизации, навязать свои ценностные представления приводят к конфликту культур» [3].

Причем реальная юридико-политическая практика показала, что проект правовой стандартизации развития общественных систем приводит к хаосу и «смуте» в функционировании не только внутреннего правокультурного пространства, но и внешнего международно-правового сотрудничества. Иллюзорность этого проекта очевидна, поскольку невозможна стандартизация и унификация правового развития неоднородных культурных пространств.

В этом плане реконструкция социокультурных основ государственно-правового развития того или иного общества, понимания процесса преемственности, доминант и факторов, влияющих на стабильность и упорядоченность общественного взаимодействия, уровней архетипической обусловленности правовой культуры общества, представляет собой не столько теоретический, сколько практический интерес. Подобные исследования актуальны и востребованы, поскольку связаны с формированием адекватной обществу правовой политики, направлений институциональных реформ, формулированием ясных основ и приоритетов законотворческой деятельности, а также способствуют, в стратегическом плане, обеспечению национальной безопасности России.

Действительно для адекватного понимания сути национальной правовой реальности, закономерностей ее развития и функционирования, преемственности и трансформации логики и стиля юридического мышления, оценки действующих политико-правовых институтов и структур необходимо, прежде всего:

- *во-первых*, признать неполноценность и односторонность рациональных методов исследования права, поскольку правовая жизнь общества намного многообразней и сложнее, а восприятие и познание правовых и смежных феноменов не исчерпывается рационализированными методиками;

- *во-вторых*, переориентация правовой проблематики с изучения логико-методологических проблем, зачастую оторванных от непосредственного процесса культурной эволюции права и государства, юридического быта нации, реальных (сложившихся, типизированных в обществе) практик повседневного социально-правового взаимодействия, на исследование смысложизненных, мировоззренческих основ правовой жизни;

- *в-третьих*, признать кризис западного рационального типа правосознания, «привитие» которого в иных духовно-нравственных пространствах вызывает правовой нигилизм и политическую аномию, и направить интеллектуальные усилия на поиск выхода из кризиса через возврат на позиции ценностной рациональности и правокультурной обусловленности;

- *в-четвертых*, создание и обоснование принципиально новых моделей правовой жизни общества, адекватных нравственно-идеологической и социокультурной среде, развитию юридико-политической мысли и практики на основе собственных цивилизационной доминант и возможностей развития;

- *в-пятых*, отрицание объективной истины и убеждения в гипотетичности научного знания, поскольку в этой интерпретации иные формы восприятия и познания реальности, а также иные виды знания – религиозное, обыденное и т.д. лишаются статуса «объективности».

Так, П. Бергер и Т. Лукман в своей наиболее известной работе неоднократно подчеркивали, что логика свойственна не институтам как таковым, и не их внешней функциональности, но *«способу рефлексии по их поводу. Иначе говоря, рефлектирующее сознание переносит свойство логики (или, в этом контексте, стиля мировоззрения, восприятия и оценки существующей действительности – авт.) на институциональный порядок»* [10]. В том же контексте отмечает и известный социолог Р. Мертон, что логика функционирования и функциональная компетентность тех или иных институтов и структур опосредована общественной средой. В свою очередь институты не соответствующие логике развития социокультурной среды (импортированные или абстрактно сконструированные, либо утратившие свое социальное значение и т.п.) вызывают дисфункции в институциональном развитии общества, приводят ее к кризисному, неустойчивому функционированию. В силу чего «функциональные недостатки официальной структуры порождают альтернативную (неофициальную) для несколько более эффективного удовлетворения существующих потребностей» [13].

Обзор литературы

В современной литературе можно выделить достаточное количество работ направленных на реконструкцию культурных оснований тех или иных феноменов политико-правовой, социально-экономической и духовной жизнедеятельности общества. Как правило, в поле научной рефлексии актуализируется поиск социогенной матрицы, соответствующей определенному обществу, группе, социальному слою, которая характеризует различия в установках, поведенческих ориентирах, интересах и потребностях, ценностного мира и мировоззрения [7].

В целом традицию исследования основ государственно-правового развития можно сгруппировать по четырем основным направлениям.

Во-первых, это группа исследователей, которые анализируют политический и правовой процесс развития в структурно-функциональном плане, к таковым следует отнести работы таких авторов, как Г. Алмонд, К. Дойч, Э. Дюркгейм, Д. Истон, Г. Кельзен, К. Маркс, Р. Мертон, Т. Парсонс, П. Сорокин и др.

Во-вторых, это концептуальные версии, акцентирующие внимание на институционально-

нормативной кодировании государственно-правового развития принадлежащие перу таких авторов, как Х. Арндт, М.И. Байтин, И.Н. Гомеров, А.Ф. Мальй, Д. Норт, Дж. Уоллис, В.Е. Чиркин и др.

В-третьих, это политические, социологические и государствоведческие учения, ориентирующие на понимание государственно-правового развития как сложной и динамической системы публично-властных отношений. Такой подход к трактовке представлен в работах Н.Н. Алексеева, П. Блау, В.Ю. Верещагина, Н. Лумана, Г.В. Мальцева, Л.С. Мамута, В.А. Подорога, О. Хархордина, Э. Юнгера и др.

Наконец, *в четвертой традиции* политико-правовое развитие задается либо определенным типом политической рациональности (Дж. Агамбен, М. Вебер, П. Бурдьё, К. Крауч, М. Фуко и др.), либо как социально-психологическими установками (Б. де Жувенель, И.А. Ильин, М.Н. Коркунов, Л.И. Петражицкий, И.Л. Солоневич и др.), либо массовым политическим образом государственно-правовой реальности (реального или виртуального), доминирующими представлениями, симулякрами, архетипическими предрасположенностями общества и т.п. (Ж. Бодрийяр, Д.В. Иванов, И.А. Исаев, Ю. Эвола, М. Элиаде, Ж. Эллюль и др.), организующие социально-политическую мыследеятельность акторов и процессы институционализации публично-властного пространства.

Кроме того, целый ряд современных исследований в последнее время посвящены государственно-правовой эволюции, развитию различных форм политико-правовой организации, отдельных властных институций и практик в рамках конкретной социокультурной среды. Однако эти фундаментальные разработки, теоретико-методологические новации, сформулированные тренды развития публично-властных отношений довольно редко подвергают анализу действующих государственно-правовых систем и перспектив их трансформации с учетом социокультурного кодирования их эволюции. Все это требует комплексного исследования оснований государственно-правового развития с учетом социокультурных факторов и направлений ее трансформации. В настоящей статье формируются теоретико-методологические и структурные компоненты таковой исследовательской программы.

Методы и материалы

В настоящий момент нет сколько-нибудь эвристически выверенной методики исследования социокультурного кодирования государственно-правового развития. Хотя, для составления общеметодологического контекста необходимо учесть следующие теоретико-методологические ориентиры:

1. религиозное мирозерцание и его роль в жизни конкретного народа; 2. Отношения «Чужие» и «Свои»; 3. Отношения «Свои» и «Чужие». 4. Ценность семьи (клана) и ее интересов. 5. Традиционное отношение к государственной и иной власти («дистанция власти»); 4. Отношение к труду и к собственности. 5 Отношение к действующему законодательству («Закон»-«Обычай»-«Традиции»).

Считаем, что эти пункты позволяют наиболее приблизиться к пониманию социокультурных основ государственно-правовой эволюции конкретного общества, основных векторов его развития.

В качестве методологических принципов можно выделить следующие:

1) принцип дополненности в понимании специфики поведения индивидов и их групп в правовой и политической сферах, когда, с одной стороны, имеющие место правовые и политические институты, структуры и механизмы во многом обуславливают человеческую активность, ее характер и направленность, а с другой – эффективность и устойчивость юридико-политических компонентов национальной государственности предопределяются «субъективным фактором»;

2) принцип "понимающей интерпретации", т.е. концепция выстроена методами понимания и объяснения, что в целом соответствует эвристическим установкам постнеклассической (понимающей) науки. Именно такой подход и позволил рассмотреть сферу правовой и политической повседневности, особенности их политико-правовой активности, выявить факторы устойчивого развития государственности и институтов гражданского общества, оценить критерии определения эффективности законодательства в его социокультурном измерении;

3) этнокультурная конвенциональность, означает что действующие в обществе ценностно-нормативные системы имеют конкретно-исторический и социально-коммуникативный характер. При этом познание последних обусловлено социокультурным и историческим контекстом, любое юридическое явление или процесс теоретически и мировоззренчески нагружен и обусловлен социокультурными факторами и доминантами;

4) целостность – представляет собой методологический принцип системного и органичного единства, взаимодействия и взаимообусловленности всех элементов социально-правовой жизнедеятельности общества;

5) объективность – как методологический принцип настоящего исследования предполагает ориентацию на реконструкцию существующих представлений и характеристик юридического мировоззрения, независимых от воли и сознания отдельно взятых индивидов;

6) инструментально-правовой реализм, означает познание социокультурных факторов и доминант необходимо не только для понимания права и юридического мировоззрения народов, но и для управления реально существующими социально-правовыми и политическими процессами.

Результаты и обсуждения

Центральным для современных исследований социокультурной обусловленности государственной власти и властных отношений является реконструкция социокультурных кодов (архетипов, доминант), обуславливающих развитие политической системы и культуры общества, а также уровней этой обусловленности. Однако уровни, содержание и формы социокультурной обусловленности политического процесса являются одной из дискуссионных проблем [12].

Сложность и неоднозначность подобных исследований заключается, с одной стороны, в излишней «психологизации» данного исследовательского проекта, что не всегда отвечает задачам анализа; а с другой – в определенной «сдержанности», «осторожности» с которыми исследователь относится к глубинным социокультурным структурам политической и правовой культуры, что обусловлено отсутствием в теории достаточно ясной и авторитетной позиции по исследованию национальных оснований власти, политики, права и других политико-правовых феноменов [9].

Однако очевидно, что формирование политических и социально-правовых мотивов поведения, схем, образов и условностей восприятия политико-правовых явлений и процессов современной действительности во многом детерминировано воспоминаниями «о событиях, верованиях, чувствах хранимых веками. Все это составляет всеобщее достояние большинства. Даже если оно не осознается, даже если от него отказываться, оно остается основой, – основой нации... и каким-то невидимым образом влияет на наши мнения и действия» [6].

Такой методологический поворот в исследовании политической и правовой культур общества и государственно-правового процесса основан на системном анализе всех факторов и закономерностей развития конкретной социокультурной среды. При этом главным в данных исследованиях становится анализ поведенческих образцов (культурных моделей) и клише, а также стереотипов мышления, характерных для представителей определенной культуры. В этом контексте справедлива позиция Сепира, озвученная на конгрессе Британской ассоциации этнографов, согласно которой культура на социально-психологическом уровне навязывает определенные стили политического мышления и поведения, включая типичные политические ритуалы и символы, даже позы и жесты [4].

Поэтому без понимания процессов социокультурной обусловленности невозможно адекватно проанализировать закономерности и случайности в развитии институциональной властно-правовой системы общества, национального политического процесса, систему практик публично-правового взаимодействия в системе личность – общество – государство, осуществить политическое моделирование современного развития общества, а также адекватно определить функции и задачи правовой политики государства.

Нам представляется, с учетом вышеизложенных теоретико-методологических принципов, целесообразным выделить структуру архетипической обусловленности государственно-правового развития. Как уже было замечено выше, повторяющийся политико-правовой опыт формирует определенные бессознательные (устойчивые, коллективные) факторы и доминанты взаимодействия, которые становятся архетипическими структурами или социокультурными кодами (архетипами) развития политической жизни общества. В то же время эти архетипические структуры влияют на наши представления и опыт, стремясь организовать их в соответствии с уже существующими моделями. Социально-политические архетипические структуры и модели, по нашему определению, представляют собой кристаллизацию государственно-правового опыта нации, фиксирующего *базовые сценарии* юридического и политического мышления, *режимность взаимодействия* между личностью, обществом и государством, *формирующие* тенденции в институционально-властной и социально-правовой организации социума.

1. *Архетипический уровень* жизни общества представляет собой первичный, базисный уровень формирования политической и правовой культуры общества, собственно, и представляющий собой фундамент. Он является несущей социокультурной арматурой, которая как обуславливает специфику институционализацию тех или иных явлений и процессов правовой жизнедеятельности, так и формирует «конгруэнтную смысловую и деятельностную перспективу» [4]. Ряд исследователей предлагают называть подобный уровень первичным, *партикулярным слоем культуры*, который «формируется преимущественно на уровне массового бессознательного, проявляющего себя при движении из частной жизни в социокультурное психе локального человеческого сообщества и обратно. В то же время партикулярная культура существует и как феномен индивидуального бессознательного, отражая общие тенденции частной жизни и во многом обуславливая формирование личности и ее социальных ролей, а также характер взаимодействия с другими индивидами» [7]. Содержательно характеризуя данный уровень, можно выделить следующие составляющие: нравственно-когнитивные интуиции; надрациональные ценности (архетипические коды); архетипические образы и представления; архетипические предправовые первоноормы [8].

2. *Квазиизмерение архетипических структур* – это то социокультурное пространство, где коренятся и действуют основные социально-политические и правовые архетипы данного локального сообщества (этноса, этнического меньшинства, народности и т.п.).

Именно на этом микроуровне идет непрерывное, достаточно медленное *формирование* социокультурных доминант, воспроизводящих специфичность и неповторимость государственно-правовой культуры определённого общества и его особенные властно-правовые практики взаимодействия.

Следовательно, данное измерение отражают так называемые «производные» «социотворящие» факторы и источники. Другими словами, производность означает, что социально-политические коды и факторы, обуславливающие национальную политическую реальность, выражаются в обычаях, традициях, стиле восприятия политико-правовых явлений и процессов, нравственно-духовных доминантах и стереотипах взаимодействия в системе личность – общество – государство, в иных национальных и религиозных артефактах, обуславливающих особенности политической культуры, форм и практических схем удовлетворения духовных и материальных потребностей, сопровождающих их ритуалах.

При этом соотношение между архетипом и его производными не информативное, а энергетически-мотивационное. Например, сам К. Юнг подчеркивал, что архетипическое основание общества не относится к наследуемым представлениям, но к внутренним диспозициям, которые производят одинаковые представления. Первый уровень обуславливает не содержание, а форму упорядочения правокультурной жизни общества. Справедливо пишут в этом контексте И.В. Мостовая и А.П. Скорик, что данный уровень *инициирует формирование первичных бытовых отношений, ритуалов, первичных социальных норм, ценностей и оценок*. Словом, он формирует «отчасти *нерефлексируемый обыденный мир социальных взаимодействий* – с его устоявшимися традициями, особой (только для внутреннего пользования) социальной символикой, особым языком, который практически *интуитивно понимается* “своими»» [7].

3. *Эмпирический уровень* государственно-правовой жизни общества представляет собой уровень обыденного политико-правового взаимодействия, в контексте которого осуществляется повседневное (практическое) поведение субъектов на основе сложившихся и преемственно воспроизводящихся форм и типизированных моделей социально-властного взаимодействия, достижения субъективных интересов и потребностей. Существенное значение на этом уровне имеет, конечно, не только «поведенческая традиция», но и «устная традиция», а также сформированные на предшествующих уровнях нравственно-когнитивные готовности и установки в восприятии существующей реальности, а также правовые эмоции и установки (эмоционально-психологическая составляющая обыденного политического взаимодействия). Именно практическое (обычно-повседневное) поведение отражает реально, в отличие, например, от санкционированных (официально признанных) обычаев, специфику социально-политического бытия нации, этносов, конкретных групп.

В свою очередь, эмоционально-психологическая сторона отражает внутреннюю составляющую обыденного социально-политического взаимодействия, которое строится на эмоционально-психологическом опыте индивидов.

4. *Доктринальный (теоретический) уровень* государственно-правовой жизни общества представляет глубинные, сущностные (концептуальные, аксиологические, символические) характеристики политико-правовых явлений, процессов и связан с их представлением и оценкой в политическом мышлении. Этот уровень интегративный, сплачивающий существующее культурное содержание с базовыми, типифицирующими установками, доминантами социально-политического развития и т.п. Он включает в себя следующие элементы, характеризующие данный уровень с точки зрения архетипической обусловленности: аксиологическую (нормативно-ценностную), концептуальную (политические и юридические теории, доктрины, категории и понятия) и символическую (существующие государственно-правовые символы и ритуалы) составляющие.

5. *Институциональный уровень* государственно-правовой жизни общества соответственно воплощает исторические закономерности развития конкретной социокультурной среды, институционализирует сложившиеся, типизированные формы и модели позитивного взаимодействия в системе личность – общество – государство. Справедливо полагают в этом плане П. Бергер и Т. Лукман, что «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт», в свою очередь, «логика (институционального развития – *авт.*) свойственна не институтам и их внешней функциональности, но способу рефлексии. Иначе говоря, рефлектирующее сознание переносит свойство логики на институциональный порядок». Следовательно, делают вывод исследователи, «институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан» [10].

Прав проф. А.Ю. Мордовцев, указывающий на действие следующей закономерности в развитии институционально-правовой организации: «С одной стороны, существующие в обществе государственно-правовые институты (в частности, элементы правовой системы) неизбежно детерминируют, регулируют, направляют и даже оценивают поведение индивида как правомерное или неправомерное, а с другой – эффективность функционирования данных институтов, направление их развития, специфика деятельности, роль и значение в обществе и государстве всегда предопределяются субъективным или “личностным” фактором, т.е. происходит взаимное дополнение, уравновешивание субъективного и объективного в правовом секторе регулирования общественных отношений» [5].

Итак, данный уровень, кроме действующих государственно-правовых институтов и структур, отражающих, по сути, *статический элемент* институционального уровня, включает в себя также такие *динамические элементы* как институционально-нормативная активность (законодательная, правоприменительная, судебная и иная политико-правовая практика), а также институционально-

нормативная активность граждан и различных общественных институтов и структур [14].

6. *Квазиизмерение* государственно-правовой жизни общества – уровень, отражающий позитивные (имеющие социально-политическое одобрение) и негативные (вредные, опасные) политико-правовые явления и процессы. На данном уровне происходит взаимодействие существующей институционально-властной и правовой организации с реальными поведенческими практиками, преломление действующих институтов в национальном политическом мышлении.

Кроме того, следует полагать, что политико-правовое пространство представляет собой определенную сферу жизнедеятельности общества, в которой осуществляется взаимодействие социальных субъектов по поводу организации и осуществления политической власти, реализации конкретных интересов и потребностей, непосредственное руководство общественными делами и организация упорядоченности политического и правового взаимодействия отдельных индивидов, их социальных общностей, организаций, институтов и т.п.[1]. Таким образом, политико-правовое пространство включает в себя институциональную структуру, ее политические, правовые, культурные и духовно-нравственные основы, обеспечивающие определенный государственно-правовой режим. В общественном сознании формируются определенные представления об окружающем индивидов социальном пространстве, предопределяя тем самым и политико-правовую организацию последнего, а само политическое взаимодействие субъектов в рамках этого пространства задает подлинный смысл и значение политических и правовых установлений, институтов в имеющихся условиях места и пространства.

7. *Уровень социально-политической целостности* характеризует собственно культуру конкретного общества как целостный феномен, отражает ее специфику и адаптивные возможности перед вызовами современности. Он выражает три основных элемента, характеризующих специфику той или иной политической и правовой культур, институциональные перспективы ее развития, возможности адаптации к внешним заимствованиям тех или иных институтов, импортированию каких-либо идей и доктрин, а также устойчивые формы и способы восприятия и оценки феноменов политико-правовой реальности, социокультурные стандарты и модели взаимодействия в системе личность – общество – государство. К этим элементам следует отнести:

а) доминирующий тип социально-политического и юридического мышления, отражающий соответственно, *условие* (языковое, коммуникативное, историческое), которое *раскрывает* и *актуализирует* государственно-правовое бытие для субъекта как особый «фон», контекст существования реальных политико-правовых феноменов;

б) социально значимые и легитимные стандарты и модели социально-политического и правового взаимодействия, отражающие сложившиеся на уровне институциональной организации и в повседневной политической деятельности устойчивые модели взаимодействия в системе личность – общество – государство, а также сложившуюся и разделяемую большинством систему восприятия и оценок (национальная когнитивная матрица), протекающих внутри общества и за его пределами политико-правовых явлений и процессов. Эта составляющая отражает высшие формы человеческой деятельности, которые имеют коллективное происхождение (Э. Дюркгейм), а также действующую в обществе доминирующую политическую и правовую идеологию;

в) социально-правовую и политическую психологию нации, отражающую в интегративном виде социально-политическую чувствительность и социально-политические стереотипы властного взаимодействия. Причем эта политическая чувствительность, когнитивные установки и готовности (определяющие стиль, сюжетные линии и ценностные предрасположенности) находят свое выражение в преобладающих шаблонах поведения, моральных нормах, массовых оценках и суждениях по поводу тех или иных политических и юридических явлений и процессов. Так, например, представитель школы анналов Ж. Дюби отмечал, что «системы образов, представлений, которые в разных группах или странах составляют общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [5].

5. Выводы

5.1. В контексте анализа государственно-правового развития следует говорить о едином политико-правовом порядке, который представляет собой основанную на политических, правовых нормах, идеях, ценностях и идеалах институциональную организацию общества, обеспечивающую упорядоченность социальных отношений и отражающую специфику и закономерности развития социально-культурной системы.

5.2. Важным для понимания государственно-правовых трендов развития является анализ социокультурной обусловленности публично-властных и социально-правовых отношений, а также реконструкция социокультурных кодов (архетипов, доминант). Социокультурная обусловленность государственно-правового развития и современного политического процесса связана с кристаллизацией политико-правового опыта нации, фиксирующего базовые сценарии юридической и политической мысли деятельности, режимность взаимодействия между личностью, обществом и государством, формообразующие тенденции в институционально-властной организации социума.

5.3. Для описания социокультурной целостности государственно-правового развития, отдельных

политико-правовых явлений и процессов в работе разработана следующая многоуровневая модель: 1) архетипический уровень (нравственно-когнитивные интуиции, надрациональные ценности, архетипические образы и символы, социокультурные первоформы общественного взаимодействия; 2) квазиизмерение архетипических структур (социально-правовые и политические коды и доминанты, которые выражаются в политических и юридических обычаях, традициях, стиле восприятия политико-правовых явлений, нравственно-духовных доминантах и стереотипах взаимодействия в системе личность – общество – государство); 3) эмпирический уровень государственно-правовой жизни общества («поведенческая традиция» и «устная традиция», социально-политические и правовые эмоции, установки); 4) доктринальный уровень – аксиологическая (нормативно-ценностная), концептуальная (политические и правовые теории, доктрины, категории и понятия) и символическая (существующие государственно-правовые символы и ритуалы) составляющие; 5) институциональный уровень – действующие политические институты и структуры (статическое измерение), институционально-нормативная активность государства (законодательная, правоприменительная, судебная и иная публично-властная деятельность), институционально-нормативную активность граждан и различных общественных институтов и структур (динамические элементы); 6) квазиизмерение государственно-правовой жизни общества – позитивные (имеющие социально-политическое одобрение) и негативные (вредные, опасные) политико-правовые явления и процессы; 7) уровень социально-политической целостности – доминирующий тип социально-политической мыследеятельности, социально значимые, легитимные стандарты и модели социально-политического взаимодействия, а также сложившуюся и разделяемую большинством систему восприятия и оценок (национальная когнитивная матрица), социально-политическую психологию нации.

Библиографический список

1. Андреев Д.Ф., Бордюгов Г.А. (2004) Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Пугина. М.; СПб.
2. Дюби Ж. (1991) Развитие исторических исследований во Франции. М.
3. Лукашева Е.А. (2006) Права человека: конфликт культур // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М.
4. Мид М. (1988) Культура и мир детства. М.
5. Мордовцев А.Ю. (2002) Национальный правовой менталитет: Введение в проблему. Ростов н/Д.
6. Московичи С. (1998) Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.
7. Мостовая И.В., Скорик А.П. (1995) Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. № 4.
8. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. (2009) Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д.
9. Мамычев А.Ю. (2014) Государственная власть как правокультурный феномен // Юристъ – Правоведъ. № 1 (62). С. 26-29.
10. Berger, P. L., Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge.* 1966
11. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu. Vronskaya M.V. (2015) Typological analysis of evolutionary forms of a state // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* Vol. 6, № 3, May. Supplement 3
12. Mamychev A.Yu., Kiyashko E.Yu., Timofeeva A.A. (2015) Conservative political transformation projects of Russian power: the main discourses of modernity // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* Vol. 6, № 3, May. Supplement 2. P. 389 – 396
13. Merton R.K. (1957) *Social Theory and Social Structure* / Robert K. Merton. Enl. Ed. New York: Free press.
14. Muouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox.* London: Verso.
15. Rouland N. (1988) *Anthropologie Juridigue.* Paris: Presses universitaires de France.

3.2. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ПАРЛАМЕНТАХ ГОСУДАРСТВ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Шеховцов В.А.

Евseenко Е.Д.

*Дальневосточный федеральный университет
parlament6348@mail.ru, evseenko.lawyer@gmail.com*

Аннотация. В разделе раскрываются отдельные особенности законодательного процесса в парламентах государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Развитие отношений России с данными странами обуславливает необходимость изучения их правовых систем, положительного опыта эффективного регулирования общественных отношений, складывающихся, в том числе, в законодательной деятельности. Законодательный процесс является одним из основных конституционно-правовых институтов современного государства вне зависимости от его формы правления, государственного устройства, политического режима. Процесс создания закона тщательным образом регламентирован и строго формализован. Это касается как самой процедуры, так и формы законодательных актов. В общем виде законодательный процесс определяется как система процедур и действий, результатом которых является создание закона. Традиционно в этом процессе выделяют стадии законодательной инициативы, рассмотрения и принятия законопроекта палатами парламента, промульгации, обнародования закона. Сравнительно-правовой (компаративный) анализ стадий законодательного процесса в парламентах стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет выявить и оценить их отличие по субъектному составу, содержанию, процедурам, временным рамкам и ряду других существенных характеристик. Расширение политических, экономических, культурных и иных связей между Россией и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона приводит к созданию и развитию правовых механизмов, процедурных правил оптимизации партнерских отношений. В первую очередь это касается нормативного регулирования всех сфер взаимодействия посредством принятия качественных законов. Полученные авторами выводы имеют несомненное значение для повышения эффективности законодательного процесса, поскольку изучение отдельных его особенностей, заимствование положительного опыта с учетом специфических черт конкретного государства может стать важнейшим шагом на пути совершенствования законодательной деятельности парламента.

Ключевые слова. Законодательный процесс, Азиатско-Тихоокеанский регион, парламент, глава государства, право вето.

1. Введение

В последние тридцать лет, прошедшие с начала так называемой «перестройки», в российской науке конституционного права происходит пересмотр некоторых теоретических положений о сущности государства, вопросах организации и деятельности органов государственной власти. И в Конституции Российской Федерации 1993 года, и в реальной жизни нашли закрепление принцип разделения властей, многопартийность, парламент и парламентаризм, а также демократические процедуры законодательного процесса.

Развитие партнерских отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) обуславливает необходимость изучения их правовых систем. Осмысление новых правовых явлений, основных закономерностей позволяет использовать новейший зарубежный опыт в реалиях российского государства.

В современном мире усиливаются интеграционные процессы, возрастает интерес к изучению и взаимному использованию опыта развития национальных законодательств, обмену правовой информацией и научными идеями [15]. Особый интерес приобретает изучение опыта конституирования институтов государственной власти в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Законодательный процесс является одним из основных конституционно-правовых институтов современного государства вне зависимости от его формы правления, государственного устройства, политического режима.

Разделение властей в законодательном процессе играет особую роль. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 22 апреля 1986 г. № 10-П, в соответствии со ст. 94, ч. 1 ст. 95, ст. 104-108 Конституции РФ в осуществлении законодательной функции участвуют Совет Федерации и Государственная Дума, а также Президент России, другие государственные органы и лица. При этом все участники обязаны соблюдать установленную Конституцией РФ процедуру законодательства.

В Постановлении от 18 января 1996 года № 2-П Конституционный Суд России отметил, что Конституция РФ относит принятие законов к исключительному ведению законодательных органов. Вместе с тем она предусматривает право вето и промульгацию (подписание и обнародование) федеральных законов главой государства как существенный элемент законодательской процедуры, обеспечивающей разделение

властей как гарантию от возможных ошибок. В результате закон, принятый парламентом, обретает силу правового акта единой государственной власти [6].

Изучение конституционно-правового регулирования различных аспектов законодательного процесса в странах АТР может способствовать внедрению апробированных, эффективных организационных форм, методов и процедур в деятельности парламента.

2. Методы исследования

В ходе изучения многогранного процесса создания законов – нормативно-правовых актов высшей юридической силы, определяющее значение имеют методы: сравнительно-правовой (компаративный); исторический; системно-функциональный и некоторые другие методы научного познания.

Настоящее сравнительно-правовое исследование имеет своим результатом изучение и сопоставление современного состояния одного из важнейших демократических институтов государств Азиатско-Тихоокеанского региона – законодательного процесса. Авторами анализируются некоторые особенности рассматриваемого института в рамках отдельно взятых стадий законодательного процесса.

Поскольку, как известно, критерий истины – практика, для оптимизации законодательного процесса необходимо детальное изучение различных сторон, характеристик деятельности парламентов и законодателей стран с разными уровнями конституционного и парламентского развития, историей и традициями.

3. Основная часть

3.1. Законодательная инициатива

В самом общем виде законодательный процесс определяется как система процедур и действий, результатом которых является создание закона [6]. В юридической науке нет единого подхода к выделению стадий законодательного процесса [1]. Традиционно выделяют стадии законодательной инициативы, рассмотрения и принятия законопроекта палатами парламента, промульгации и обнародования закона.

Первым этапом законодательного процесса называют внесение проекта закона в парламента. Стадия законодательной инициативы закреплена в законах всех без исключения государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

Являясь элементом конституционно-правового статуса, законодательная инициатива представляет собой право соответствующего субъекта на официальное внесение в парламента законопроекта или законопредложения. В Российской Федерации оно может быть реализовано также в форме внесения в нижнюю палату парламента поправок к законопроектам, уже находящимся на рассмотрении палаты.

В большинстве государств АТР среди субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, традиционно называют парламентариев и правительство. В ряде конституций можно обнаружить иные субъекты: государственные органы высшего и нижестоящего уровня (например, Мексика, РФ), государственные учреждения и организации (Королевство Таиланд), иные общественные формирования (Республика Перу, Вьетнам), группы избирателей (например, Колумбия). В Соединенных Штатах Америки правом вносить законопроекты обладают только члены палат Парламента. Исключение – проект бюджета, который представляется Президентом.

Практически во всех государствах рассматриваемого региона в круг субъектов законодательной инициативы включается правительство (Российская Федерация, Индонезия, Таиланд, Колумбия и др.). В ряде случаев в качестве такого субъекта называется не само правительство, а глава исполнительной ветви власти (статья 72 Конституции Японии). Наглядно данный факт прослеживается в странах с развитой системой парламентаризма, основанной на механизме формирования правительства парламентского большинства, в этих случаях законодательная инициатива реализуется фактически только исполнительной властью.

В классической президентской республике – США глава государства формально не располагает правом законодательной инициативы. Конституция Соединенных Штатов Америки предоставляет это право исключительно высшему законодательному органу страны – Конгрессу, а точнее, членам обеих его палат (Сахаров, 1994, стр. 109). Между тем, не являясь субъектом законодательной инициативы, Президент США может реализовывать ее косвенным путем через послания Конгрессу, которые нередко являются руководством к действию для парламентариев президентской партии, побуждая их выступать формально со своей личной инициативой.

Для стран Латинской Америки с президентской формой правления характерно как широкое применение посланий парламента, так и активное использование главой государства своего права законодательной инициативы. Президент Мексики при открытии очередной сессии Конгресса делает доклад о положении страны. «В этом документе, — пишет мексиканский юрист Морено Санчес, — содержатся обязательные указания для Конгресса, которыми он вынужден руководствоваться при принятии законов» [4].

Наряду с посланиями исключительной прерогативой главы государства остается внесение законопроектов по вопросам бюджета страны (Мексика, США, Таиланд и др.).

Что касается верхних палат парламента Азиатско-Тихоокеанского региона, не все они наделены

правом законодательной инициативы. При этом не стоит смешивать полномочия по внесению законопроекта собственно верхней палатой, как, например, в Японии или России, и право законодательной инициативы отдельных ее членов (США, Мексика). В некоторых странах, например в Канаде, названное право верхней палаты ограничено процедурными особенностями, а также перечнем вопросов, по которым эта палата может выступать с законодательной инициативой. Такие ограничения касаются бюджетных, налоговых вопросов и вопросов ратификации международных договоров.

Особое место среди субъектов права законодательной инициативы отводится населению государств АТР. Народная законодательная инициатива представляет собой право определенной группы избирателей предложить проект закона, который подлежит обязательному рассмотрению парламентом.

Впервые в современном виде институт народной законодательной инициативы появляется в Соединенных Штатах Америки в связи с принятием в 1715 году закона штата Массачусетс, закрепившего право населения выдвигать соответствующие инициативы на местном уровне. В настоящее время в АТР институт народной законодательной инициативы действует на государственном уровне в Перу, Колумбии, на Филиппинах, на региональном уровне - в 24 американских штатах, в отдельных субъектах Российской Федерации.

Возможность реализации народом своего права ограничена рядом процедурных условий, касающихся количества участвующих избирателей, сбора подписей граждан, проверки их подлинности. Так, в Перу для внесения проекта закона необходимо собрать не менее 50 тысяч подписей избирателей. При этом по ряду вопросов народная законодательная инициатива не может осуществляться. Напротив, Конституция Республики Колумбия 1991 года не закрепляет такого рода ограничения реализации гражданами законодательной инициативы: проект закона может быть представлен в числе, равном или превышающем 5 % общего числа избирателей, зарегистрированных на соответствующую дату [5]. Конгресс рассматривает такие проекты в срочном порядке, а выступившие с инициативой граждане могут назначить своего представителя, который будет заслушиваться палатами на всех этапах прохождения законопроекта.

Консолидированные законодательные инициативы носят межрегиональный характер. Они являются одним из механизмов взаимодействия субъектов Федерации в законодательном процессе, направленных на улучшение качества принимаемых законов. Анализ опыта федераций Азиатско-Тихоокеанского региона (Австралийский Союз, Канада, США, Индия) показывает, что консолидированная законодательная инициатива является уникальной специфической формой, получившей свое распространение только в Российской Федерации.

Процедура внесения законопроектов в некоторых странах крайне проста. В Соединенных Штатах в Палате представителей билль опускается в специальный ящик, в Сенате акт внесения сопровождается краткой речью автора документа. В индийском парламенте внесение законопроекта лишь в редких случаях сопровождается краткими прениями.

В то же время часто закрепляется конституционное право коллективной законодательной инициативы депутатов. В Японии парламентарий, желая внести законопроект, должен заручиться письменной поддержкой 10 советников или 20 представителей, сопроводить предлагаемый документ письменным обоснованием, соблюсти установленные сроки подачи. Для проектов бюджета требуется минимальная поддержка 20 советников или 50 представителей. Требование групповой инициативы вызвано главным образом фракционной раздробленностью палат японского парламента. Однако, несмотря на определенные трудности, подобный порядок имеет ряд преимуществ. Он способствует сокращению числа «любительских» законопроектов, усиливает чувство ответственности законодателей.

В Конституции Китайской Народной Республики отсутствует раздел, посвященный порядку внесения законопроектов в законодательный орган. Исчерпывающий перечень органов и лиц, обладающих правом законодательной инициативы, дается в Законе об организации Всекитайского Собрания народных представителей, согласно которому проект закона может быть внесен не менее чем 30 депутатами или делегацией, то есть группой депутатов от одной избирательной единицы (Закон КНР "О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней").

3.2. Рассмотрение и принятие законопроекта

Вторая стадия законодательного процесса – рассмотрение проекта закона палатами парламента. Каждый этап обсуждения законопроекта завершается принятием того или иного решения, которое документально оформляется.

Заметим, что в большинстве зарубежных стран применяются правила, ограничивающие свободу слова парламентариев. Так, в США согласно процедурному правилу «кенгуру» Спикер сам решает вопрос о том, какие из предложенных поправок будут поставлены на обсуждение и голосование. Кроме того, существует целый ряд способов ограничения прений и ускорения прохождения законопроекта: преобразование палаты в «комитет всей палаты по положению Союза», ограничение продолжительности дебатов Председателем палаты, прекращение прений приказом ведущего комитета. Спикер имеет право отклонить любое предложение как «затягивающее голосование», указать палате, что она «отклоняется от рассмотрения дел». В Палате представителей часто применяется заимствованный из английской практики

«предварительный вопрос» - закрытие прений. В отличие от нижней палаты прения в Сенате могут быть закрыты по требованию 3/5 сенаторов. Благодаря этой особенности в Сенате процветает «флибустьерство». Противники билля, используя принцип дисконтинуитета, могут провалить законопроект, выступая с продолжительными речами. Так, сенатор Бильбо в 1944 году говорил в течение двух дней.

Ограничения прений в парламентской практике Индии - обычное явление. Дебаты по законопроекту ограничены содержанием доклада и основными принципами билля. Аналогичная практика применяется в японском парламенте.

Важнейшим этапом данной стадии является рассмотрение законопроекта комитетами. Наиболее типичной в этом отношении является комитетская система США, где основная деятельность палат Конгресса осуществляется несамостоятельно, а посредством многочисленных постоянно действующих комитетов. В отличие от американских, законодательные комитеты большинства парламентов Азиатско-Тихоокеанского региона не узурпируют полномочия палаты, а играют роль вспомогательных органов.

Своеобразная система действует в парламенте Индии. До принятия Конституции 1950 года в Законодательном собрании Индии существовали постоянные совещательные комитеты, которые создавались в соответствии с номенклатурой министерств и фактически их обслуживали. Современные комитеты индийского парламента являются вспомогательными органами палат и действуют строго в соответствии с их рекомендациями.

Рассматриваемая стадия завершается постатейным голосованием и принятием закона. В парламентской практике стран АТР применяются различные способы голосования: «делением» (США, Индия), поименно, поднятием рук (Чили, Перу), посредством бюллетеней (Канада), электронных машин (Россия, США).

3.3. Промульгация и обнародование закона

Законодательный процесс завершается подписанием, обнародованием и введением закона в действие. Содержание рассматриваемой стадии заключается в том, что принятый палатами парламента закон направляется для подписания главе государства.

Большинство глав стран АТР на стадии промульгации наделены правом вето – эффективным средством воздействия на законодательную власть. Абсолютное (резольютивное) вето состоит в том, что отказ главы государства утвердить принятый парламентом законопроект является окончательным, безусловным и преодолеть его нельзя [8]. В настоящее время таким правом обладает монарх Великобритании. Однако абсолютное вето лишь числится в арсенале прерогатив монарха, но не применяется. Юридически оно существует, фактически же пребывает в состоянии длительного летаргического сна [13].

Относительное (отлагательное) вето представляет собой запрет главы государства, налагаемый на закон, который может быть преодолен парламентом. Относительное вето можно преодолеть простым (например, в Перу) либо квалифицированным большинством голосов от общего числа парламентариев (РФ, Мексика и др.). Практика показывает, что в последнем случае преодолеть вето главы государства непросто. В США практически за всю историю существования из 1405 вето Президента было преодолено лишь в 110 случаях [17] в связи с тем, что в каждой из палат Конгресса часто не набирается необходимых для преодоления вето 2/3 голосов. «Рекордсменом» среди президентов США стал Ф.Д. Рузвельт, который воспользовался этим правом 635 раз, и лишь в 9 случаях его вето было преодолено Конгрессом [11].

Выборочное вето – это право главы государства опротестовывать лишь отдельные статьи, одобряя законопроект в целом. Конституция Филиппин предусматривает, что Президент уполномочен наложить вето на любую статью об ассигнованиях, доходах и пошлинах, при этом запрет не влияет на другие статьи, по поводу которых не было высказано возражений (Конституция Республики Филиппин). В России вето трудно назвать выборочным, поскольку Конституция РФ говорит о праве Президента отклонить закон, а не отдельные его статьи. Вместе с тем, как показывает практика реализации этого полномочия, Президент может не согласиться как с законом в целом, так и с отдельным его положением.

Еще один вид - «карманное вето» берет свое начало в президентской практике Соединенных Штатов Америки. Когда до конца парламентской сессии Конгресса США остается меньше 10 дней, глава государства может не подписать билль, в результате чего у Конгресса не остается временных возможностей для проведения повторного голосования, закон отклоняется, по крайней мере, до следующей сессии парламента. Законодательной практике Соединенных Штатов известно немало случаев применения главой государства «карманного вето» [2]. В американской истории в период с 1789 по 2010 гг. насчитывается около 1100 случаев его применения президентами США.

После подписания главой государства законы подлежат официальному опубликованию. Значение данной процедуры заключается в том, что не опубликованные законы не применяются (часть 3 статьи 15 Конституции РФ). В итоге закон вступает в силу по истечении установленного срока со дня его официального опубликования, если в самом законе или акте о введении его в действие не указан иной срок.

4. Результаты и обсуждения

Законодательный процесс в узком смысле представляет собой порядок внесения в парламент

законопроектов, их обсуждения, принятия и обнародования законов. Процесс создания закона в зарубежных странах тщательным образом регламентирован и строго формализован. Это касается как самой процедуры, так и формы законодательных актов.

Каждая стадия законодательного процесса характеризуется собственным субъектным составом, содержанием, временными рамками и рядом других существенных характеристик.

Первой стадией законодательного процесса является внесение проекта закона в парламент или иначе – стадия законодательной инициативы. В узком смысле законодательная инициатива представляет собой право субъекта на официальное внесение законопроекта или законопредложения. В зависимости от особенностей государственного устройства, политической практики и правовых традиций конституции зарубежных стран определяют различный круг субъектов законодательной инициативы. Помимо законодателей, комиссий и комитетов парламента, он может включать правительство, главу государства, субъекты федерации, избирателей, политические партии, общественные организации и других. На наш взгляд, чрезмерное расширение, равно как и необоснованное ограничение перечня субъектов законодательной инициативы являются крайностями, которые следует избегать.

Мировая практика исходит из того, что главы государств обычно не входят в число субъектов законодательной инициативы. В этом отношении опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона уникален. В соответствии со ст. 71 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов право законодательной инициативы принадлежит Президенту, депутатам и сенаторам Федерального Конгресса, законодательным органам штатов. Аналогичные нормы содержатся в основных законах России, Чили, Перу, Индонезии.

Странам Азиатско-Тихоокеанского региона известна альтернативная форма реализации законодательных инициатив в виде законопроектов «пор энкарго», вносимых отдельными депутатами, но по поручению президента. Такие законопроекты, как правило, принимаются парламентом. Подобные законодательные инициативы составляют около 40 % всех вносимых в мексиканский Конгресс законопроектов [3].

На стадии рассмотрения проекта закона палатами парламента наблюдается перенесение центра тяжести с пленарных заседаний в комитеты, что объясняется изменением характера деятельности современных парламента. На наш взгляд, ни один парламента современного государства не может работать без помощи постоянных комитетов, которые, однако, не должны превращаться в нормоустанавливающие органы.

Полномочие подписывать, утверждать принимаемые парламентом нормативно-правовые акты, имеющие высшую юридическую силу, принадлежит главам государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Роль главы государства на этапе обнародования и предшествующих действий по промульгации заключается «в засвидетельствовании подлинности текста законодательного акта или его аутентичности с подлинником» [16]. Подписывая закон, он констатирует тем самым, что данный акт принят парламентом должным образом и подлежит обязательному исполнению после его опубликования и вступления в силу.

Большинство глав стран АТР на стадии промульгации наделены правом вето – эффективным средством воздействия на законодательную власть. В последнее время в странах Азиатско-Тихоокеанского региона наметилась тенденция активного использования президентами своего права вето. Так, Президент Мексики Лопес Матеос за годы пребывания у власти наложил вето на 14 законопроектов. Сменивший его на этом посту президент Диас Ордас использовал право вето 23 раза [3].

В некоторых странах (Япония, КНР) право вето главы не закреплено, однако закон должен быть им утвержден. Здесь прослеживается прямая зависимость между наличием или отсутствием такого права и формой правления, политическим режимом страны.

5. Выводы

5.1. В современных условиях интенсивного законотворчества, вызванного многообразием законодательных инициатив, большое значение приобретает выявление действительной потребности в принятии конкретного законодательного акта. При этом ключевыми остаются вопросы эффективности принимаемых законов. Культура и уровень законодательного процесса, а соответственно и качество принимаемых законов — это показатель цивилизованности общества и демократичности государства.

5.2. Расширение политических, экономических, культурных и иных связей между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона приводит к созданию и развитию правовых механизмов, процедурных правил оптимизации партнерских отношений. В первую очередь это касается нормативного регулирования всех сфер взаимодействия посредством принятия качественных и эффективных законов. Изучение отдельных особенностей законодательного процесса парламента стран АТР, заимствование положительного опыта с учетом специфических черт каждого конкретного государства может стать важнейшим шагом на пути совершенствования законодательной деятельности парламента.

5.3. Учет опыта государств Азиатско-Тихоокеанского региона, а также правовых норм, которые доказали свою целесообразность и эффективность в зарубежной практике, на наш взгляд, может способствовать совершенствованию процесса создания закона в России и других странах.

Библиографический список

1. Aleman, E. (2003). Legislative rules and the amending process in Argentina, Chile and Mexico: theory and evidence. California: UCLA.
2. Gicquel, J., & Gicquel, J.-É. (2011). Droit constitutionnel et institutions politiques (изд. 25-éd. P.).
3. Gonsales, C. P. (1974). La democracia en Mexico. Mexico.
4. Moreno, S. (1974). Crisis política de Mexico. Mexico.
5. Text of constitution of Colombia 1991. Получено из http://confinder.richmond.edu/admin/docs/colombia_const2.pdf
6. Авакьян, С. А. (2015). Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. Москва: Юстицинформ.
7. Авакьян, С. А. (2014). Современные проблемы организации публичной власти. Москва: Юстицинформ.
8. Баглай, М. В. (2013). Конституционное право зарубежных стран. Москва: Норма.
9. Закон КНР "О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и в местные собрания народных представителей различных ступеней". Получено из http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/law_npc_elections-2
10. Зиммерман, Д. (1991). Прямая демократия в Соединенных Штатах Америки: опыт и проблемы. Вестник МГУ. Сер "Право" (5), 52-53.
11. Кененова, И. П. (2014). Организация государственной власти и разделение властей в США. В книге "Организация государственной власти в России и зарубежных странах". Москва: Юстицинформ.
12. Конституция Республики Филиппин. Получено из <http://worldconstitutions.ru/?p=36>.
13. Мишин, А. А. (2013). Конституционное (государственное) право зарубежных стран (17-е издание). Москва.
14. Сахаров, Н. А. (1994). Институт президентства в современном мире. Москва: Юридическая литература.
15. Тихомиров, Ю. А. (1996). Курс сравнительного правоведения. Москва: НОРМА.
16. Тороп, Ю. В. (2009). Особенности промульгации и опубликования закона как стадии законодательного процесса в парламентарных федеративных государствах Западной Европы. Российский юридический журнал (6), 141-149.
17. Чиркин, В. Е. (2014). О точности терминологии по вопросу принятия закона. Журнал российского права.

3.3. ДЕФИНИЦИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Овчинников С.Н.

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
E-mail: sovchinn@yandex.ru*

Аннотация. Таможенные правонарушения представляют серьезную угрозу мировому правопорядку. Установление ответственности за них в международном праве требует точности и формальной определенности. Определение таможенного правонарушения необходимо для выработки единого подхода к ним, установления полномочий таможенных органов, обеспечения содействия между таможенными органами различных стран. В проблеме определения таможенных правонарушений можно выделить три аспекта: разграничение таможенных правонарушений от иных правонарушений; разграничение таможенных преступлений и таможенных проступков; разграничение международных преступлений и преступлений международного характера. Определение таможенных правонарушений в международном праве осуществляется на разных уровнях: общем, региональном и двустороннем. Региональное регулирование осуществляется, как правило, в рамках таможенных союзов, которые предполагают единый подход к таможенным правонарушениям. Причем, это регулирование существенно различается по степени детализированности. На основе анализа международно-правовых актов выделяются следующие признаки таможенного правонарушения: материальный – эти деяния так или иначе связаны с перемещением товаров через таможенную границу; формальный – они представляют собой нарушение таможенного законодательства; и процессуальный – производство по этим правонарушениям отнесено к ведению таможенных органов. Наиболее распространенным и опасным таможенным преступлением является контрабанда. Контрабанда в международно-правовых актах рассматривается как преступление, когда они устанавливают обязанность государств соответствующим образом квалифицировать эти деяния в национальном законодательстве. Встречается и иной подход, когда международно-правовой акт определяет контрабанду как правонарушение и предоставляет государствам возможность самим квалифицировать эти деяния либо как преступление, либо как административное правонарушение. Отмечаются достоинства и недостатки каждого из названных подходов. Международное таможенное правонарушение в статье определяется как деяние, посягающее на установленный международно-правовыми актами порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу, влекущее административную или уголовную ответственность по национальному законодательству.

Ключевые слова. Международное таможенное право, международное уголовное право, таможенные правонарушения, таможенная преступность, контрабанда.

1. Введение

В современный период возрастает значение международного права, что определяется стремлением к обеспечению мира и международной безопасности, развитием международного сотрудничества, усилением интеграционных процессов. Среди отраслей международного публичного права выделим международное таможенное право, представляющее собой систему норм и принципов, регулирующих отношения, складывающиеся между государствами и международными межправительственными организациями в ходе их сотрудничества в сфере таможенного дела, в регулировании перемещения предметов, товаров и транспортных средств через таможенную границу. Международное право осуществляет правоохранительную функцию, которая выражается в выявлении и пресечении международных преступлений и преступлений международного характера. Охранительная функция международного таможенного права состоит в защите жизненно важных интересов международного сообщества в целом и каждого государства в отдельности, общества и личности, поддержании мирового правопорядка путем установления запретов и ограничений на перемещение объектов, угрожающих ценностям, признаваемым мировым сообществом, а также посредством определения таможенных преступлений и иных правонарушений [11]. В соответствии со сложившимися в международном праве общими принципами уголовного права определение преступления должно быть точно истолковано и не должно применяться по аналогии [6].

2. Определение таможенных правонарушений по общему международному праву

Основным международно-правовым актом, определяющим таможенные правонарушения, является Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур 1973 г. (Киотская конвенция) и ее Специальное приложение Н [21]. Это специальное приложение устанавливает стандарты и рекомендации по практическому применению, которыми должны руководствоваться национальные таможенные администрации при расследовании и квалификации таможенных правонарушений, аресте или задержании товаров и транспортных средств и т.п.

Определение таможенного правонарушения необходимо для выработки единого подхода к ним, установления полномочий таможенных органов, обеспечения содействия между таможенными органами

различных стран. В Специальном приложении Н Киотской конвенции таможенное правонарушение определяется как любое нарушение или попытка нарушения таможенного законодательства. Данное весьма общее и лаконичное определение не перечисляет конкретные виды таможенных правонарушений, поскольку, согласно Стандартному правилу 2 Специального приложения Н Киотской конвенции, национальное законодательство определяет таможенные правонарушения и оговаривает условия, при которых они могут расследоваться, устанавливаться и, при необходимости, являться объектом административного регулирования.

Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений 1977 г. (Конвенция Найроби) дает аналогичное определение таможенного правонарушения [19]. Вместе с тем, в ней выделяются такие таможенные правонарушения как обман таможи и контрабанда. Обман таможи означает таможенное правонарушение, при котором лицо обманывает таможду и таким образом частично или полностью уклоняется от уплаты импортных или экспортных пошлин и налогов или обходит установленные таможенным законодательством запреты или ограничения либо получает другие выгоды в нарушение таможенного законодательства. Контрабанда означает обман таможи, состоящий в перемещении товаров через таможенную границу в любой скрытой форме, т.е. контрабанда рассматривается как разновидность обмана таможи. В Комментариях Всемирной Таможенной Организации к Конвенции Найроби [20] уточняется, что данное в ней определение контрабанды касается не только случаев, когда товары скрываются для того, чтобы избежать таможенного контроля, но и случаев, когда товары, хотя и не скрываются, но должным образом не декларируются. Контрабанда охватывает все способы перемещения товаров, включая международные почтовые отправления.

3. Определение таможенных правонарушений в региональном международном праве

Определение таможенных правонарушений в международном праве осуществляется на разных уровнях: общем, региональном и двустороннем. Региональное регулирование осуществляется, как правило, в рамках таможенных союзов, которые предполагают единый подход к таможенным правонарушениям. Причем, это регулирование существенно различается по степени детализированности: от минимального в Модернизированном таможенном кодексе Европейского союза до максимального в Общем таможенном законе таможенного союза Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Модернизированный таможенный кодекс Европейского союза в разделе 5 главы 2-й обязывает государства – члены союза предусмотреть штрафные санкции за ненадлежащее соблюдение таможенного законодательства Сообщества. Такие санкции должны быть эффективными, соразмерными и оказывающими сдерживающее воздействие [5]. В литературе отмечается, что санкции за таможенные правонарушения в Европейском союзе не гармонизированы, и это даже было предметом спора в Органе по разрешению споров Всемирной торговой организации [18]. Таможенный кодекс Евразийского таможенного союза говорит об административных правонарушениях и преступлениях – это административные правонарушения, по которым в соответствии с законодательством государств - членов таможенного союза таможенные органы ведут административный процесс (осуществляют производство), и преступления, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств-членов таможенного союза [3].

Общий таможенный закон таможенного союза ССАГПЗ 2003 г. разграничивает нарушения таможенных правил и контрабанду. Ст. 141 Закона относит к нарушениям таможенных правил, наказуемым штрафом, нарушения при импорте, экспорте и реэкспорте; нарушения при декларировании, транзите, хранении, временном ввозе товаров, а также любые другие.

Ст. 142 Закона определяет контрабанду как перемещение или попытку перемещения товаров в страну или из страны в нарушение действующего законодательства без уплаты таможенных пошлин и налогов, полностью или частично, или в нарушение запретов и ограничений, предусмотренных настоящим Законом или другими законами.

В частности, как контрабанда рассматривается перемещение товаров помимо пунктов пропуска и нарушение маршрутов, предназначенных для ввоза или вывоза товаров; погрузка или разгрузка морских и воздушных судов вне предназначенных для этого мест; недекларирование товаров; сокрытие перемещаемых товаров в тайниках или иных, не предназначенных для товаров местах; выпуск товаров из свободных зон, магазинов беспошлинной торговли, таможенных складов и таможенных зон без завершения таможенных процедур; предоставление фальшивых, обманных или поддельных документов с целью уклониться от уплаты таможенных налогов и пошлин или избежать запретов и ограничений; перевозка или приобретение запрещенных или ограниченных товаров без предоставления доказательств их законного ввоза; некоторые другие деяния.

Контрабанда предполагает наличие умысла и влечет уголовную ответственность. Субъектами ответственности являются исполнители, сообщники, подстрекатели и пособники; владельцы контрабандных товаров; владельцы транспортных средств, используемых для контрабанды, а также водители этих транспортных средств, причастные к контрабанде; собственники или арендаторы магазинов и иных мест, где хранятся контрабандные товары.

В рассматриваемом Законе устанавливаются и санкции за таможенные правонарушения. Санкции включают в себя: штраф, исчисляемый в зависимости от суммы таможенных пошлин, налогов, причитающихся с товаров, перемещаемых с нарушением, или в зависимости от стоимости товаров; лишение свободы; конфискацию контрабандных товаров и транспортных средств, на которых перемещались эти товары, а также иных предметов, используемых для контрабанды. Размер санкций зависит от характеристик контрабандных товаров: являются ли эти товары, освобождёнными от уплаты таможенных пошлин, налогов, или с них взимаются высокие таможенные пошлины и налоги, или это запрещенные товары. Соответственно сумма штрафа может составлять от 10% до трехкратной стоимости товаров или не менее двукратного размера причитающихся таможенных пошлин и налогов. Лишение свободы может назначаться на срок от одного месяца до трех лет. Могут быть одновременно назначены и штраф, и лишение свободы. В случае повторного правонарушения наказание может быть удвоено [10].

В Рекомендациях Всемирной Таможенной Организации к Специальному приложению Н Киотской конвенции приводятся примеры национального законодательства, касающиеся таможенных правонарушений. Во многих странах к таможенным правонарушениям относятся также препятствие или затруднение в осуществлении мер таможенного контроля, предоставление фальшивых счетов или документов. В тех странах, где таможенные службы проводят расследования нарушений, касающихся незаконного оборота наркотических средств, и нарушений, связанных с неуплатой налогов на добавленную стоимость при ввозе товаров, такого рода деяния относятся к таможенным правонарушениям. Если компетенция таможенной службы страны включает проведение расследований финансовых операций, в частности, при осуществлении валютного контроля, то выявленные нарушения также могут рассматриваться как таможенные правонарушения, поскольку они связаны с ввозом и вывозом товаров. В некоторых странах любое лицо, изготовившее, по чьей инициативе было изготовлено или представившее фальшивые документы либо документы, заведомо предназначенные для обмана таможенных органов, и которые используются в каком-либо иностранном государстве, считается совершившим таможенное правонарушение в стране, где эти документы были изготовлены. Это относится к мерам в рамках взаимной помощи, специально предусмотренным в некоторых соглашениях о предоставлении преференций в торговле [22].

Можно выделить приводимые в названных определениях признаки таможенного правонарушения: материальный – эти деяния так или иначе связаны с перемещением товаров через таможенную границу; формальный – они представляют собой нарушение таможенного законодательства; и процессуальный – производство по этим правонарушениям отнесено к ведению таможенных органов. По мнению Tulenov [13] «подведомственность не является признаком преступлений», но по нашему мнению, она может служить одним из оснований их классификации, как свидетельствуют вышеприведенные международно-правовые акты.

4. Определение таможенных правонарушений

Объект таможенного правонарушения, исходя из преамбулы Конвенции Найроби, - экономические, социальные и налоговые интересы государств, а также законные интересы торговли.

Объективная сторона таможенных правонарушений выражается в нарушении или попытке нарушения таможенного законодательства. Это деяние может быть как действием, так и бездействием. В международно-правовых актах по-разному определяется таможенное законодательство. Таможенное законодательство в Генеральном приложении Киотской конвенции означает совокупность законов и подзаконных актов, касающихся ввоза, вывоза, перемещения или хранения товаров, применение и обеспечение исполнения которых возложено непосредственно на таможенную службу, а также любых нормативных предписаний, издаваемых таможенной службой в пределах ее компетенции. В Конвенции Найроби термин "таможенное законодательство" означает все установленные законом или подзаконными актами положения о ввозе, вывозе или транзите товаров, соблюдение которых обеспечивается таможенными службами. Соглашение стран СНГ о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 15 апреля 1994 г. определяет таможенное законодательство как совокупность правовых норм сторон, регулирующих порядок ввоза, вывоза и транзита товаров, ручной клади и багажа пассажиров, валютных и других ценностей, международных почтовых отправлений, взимания таможенных пошлин, сборов и других платежей, предоставления льгот, установления запретов и ограничений, а также контроля за перемещением товаров через таможенные границы сторон [1].

Субъективная сторона таможенного правонарушения предполагает наличие вины в деянии лица. Об этом косвенным образом говорит Стандартное правило 25 Специального приложения Н: в тех случаях, когда таможенное правонарушение произошло в результате форс-мажорных или других обстоятельств, не зависящих от воли заинтересованного лица, и с его стороны отсутствует проявление небрежности или умысла на совершение обмана, санкции не применяются, при условии, что эти факты установлены должным образом к удовлетворению таможенной службы [21].

5. Таможенные преступления и проступки

Таможенные правонарушения по степени и характеру общественной вредности делятся на

таможенные преступления и проступки (административные правонарушения в области таможенного дела, нарушения таможенных правил). Это разграничение проводится в национальном законодательстве и некоторых актах таможенных союзов. Так, Таможенный кодекс Евразийского таможенного союза определяет таможенные преступления как преступления, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств-членов таможенного союза [3]. Согомопов [12] в качестве основного международно-правового основания криминализации контрабанды рассматривает Конвенцию Найроби. Однако, эта Конвенция не отделяет таможенные преступления от иных таможенных правонарушений.

В теории международного уголовного права выделяют две группы преступлений: международные преступления и преступления международного характера или конвенционные преступления. Международными преступлениями признаются тягчайшие преступления, которые угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию, вызывают озабоченность всего международного сообщества. Это геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия. Преступления международного характера отличаются от международных преступлений по объектам посягательства и степени их общественной опасности.

Преступления международного характера в сравнении с международными преступлениями являются менее общественно опасными деяниями, посягают на отношения по международному сотрудничеству государств в различных областях: социально-культурной, экономической, экологической, предпринимательской, научно-исследовательской, военно-технической, в сфере правового сотрудничества и т. п.

Для определения преступлений международного характера иногда используются термины транснациональные, трансграничные преступления. Понятие транснационального преступления дано в ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Преступление носит транснациональный характер, если: а) оно совершено в более чем одном государстве;

б) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; в) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; или г) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве [15].

Исходя из названных признаков, контрабанда определяется как преступление международного характера. В научной литературе можно встретиться и с характеристикой контрабанды как международного преступления. По мнению Martsiushevskaya and Ostroga [9], контрабанда может рассматриваться в качестве международного преступления, поскольку она подрывает основополагающие принципы международного права, угрожает международному миру и безопасности. Речь идет о контрабанде наркотических и психотропных веществ, оружия, упоминается также контрабанда культурных ценностей, исчезающих видов флоры и фауны. Однако, вряд ли можно согласиться с подобной позицией. В международно-правовых актах названные деяния не признаны в качестве международных преступлений, и это признание представляется преждевременным. Контрабанда как таковая не является преступлением, подпадающим под юрисдикцию Международного уголовного суда [6]. Отнесение рассматриваемых деяний к международным преступлениям мало что добавит к существующему порядку, но может усложнить процедуру привлечения к ответственности.

Контрабанда в международно-правовых актах определяется как преступление, когда они устанавливают обязанность государств соответствующим образом квалифицировать эти деяния в национальном законодательстве. Например, Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. обязывает государства-участники признать уголовными преступлениями согласно своему законодательству импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений Конвенции [17]. Возможен и иной вариант, когда международно-правовой акт определяет контрабанду как правонарушение и предоставляет государствам возможность самим квалифицировать эти деяния либо как преступление, либо как административное правонарушение. Так, Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. в ст. 8 устанавливает, что государства-участники Конвенции обязуются подвергать уголовному или административному наказанию всех лиц, ответственных за нарушение запретов, предусмотренных Конвенцией, в частности, вывоз со своей территории культурных ценностей без соответствующего разрешения [14]. У каждого из названных подходов есть свои достоинства и недостатки. Первый вариант обеспечивает единообразное определение противоправности рассматриваемых деяний и уровень ответственности. Второй вариант дает возможность учесть национальные особенности. И наоборот, второй вариант не обеспечивает единообразное определение противоправности рассматриваемых деяний и уровень ответственности. Первый вариант не дает возможность учесть национальные особенности. С нашей точки зрения предпочтительней все же единообразие, стремление к которому обнаруживается в международно-правовых актах.

Так, Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения

таможенного законодательства таможенного союза и государств - членов таможенного союза устанавливает, что виды преступлений и административных правонарушений определяются законодательством сторон, а каждая из сторон обязуется принять меры по приведению к единообразному определению противоправности нарушений таможенного законодательства [4].

В литературе высказывается мнение, что вопросы противодействия контрабанде на межгосударственном уровне до настоящего времени не подвергнуты глубокой правовой регламентации и необходим единый акт международно-правового характера [8], правда, о возможном содержании этого предполагаемого акта ничего не говорится. Представляется, что дефиниции таможенных правонарушений и контрабанды в Конвенции Найроби вполне достаточно для обеспечения единого подхода.

В завершение настоящей статьи обратимся к проблеме разграничения таможенных преступлений и иных преступлений международного характера. Karpets [7] выделял следующие виды преступлений международного характера, наносящие ущерб: 1) мирному сотрудничеству и нормальному осуществлению межгосударственных отношений (терроризм, угон самолетов, незаконное радиовещание и др.); 2) международному экономическому и социально-культурному развитию (контрабанда, нелегальная эмиграция, распространение наркотиков, подделка денег и ценных бумаг и др.); 3) личности, имуществу, моральным ценностям (торговля людьми, пиратство, распространение порнографии и др.); 4) иные преступления международного характера (совершенные на борту воздушного судна, разрыв или повреждение морского кабеля, неоказание помощи на море и др.). Можно заметить, что не всегда здесь выдерживается классификационный критерий, например, угон самолета и преступления, совершенные на борту воздушного судна.

В современной литературе выделяют транснациональное экологическое преступление, которое определяется как разновидность контрабанды [2]. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности как транснациональные преступления рассматривает незаконный оборот наркотиков, огнестрельного оружия, поддельных лекарств, контрафактных товаров, исчезающих видов флоры и фауны и др. [16].

Международно-правовыми актами устанавливаются запреты и ограничения на экспорт и импорт различных объектов. Общим признаком таможенных преступлений является посягательство на установленный порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу. Преступлениями международного характера они становятся тогда, когда эти запреты и ограничения определяются международным правом. Хотя, на уровне общего международного права речь идет, по сути дела, об одном и том же преступлении – контрабанде, различаются только предметы таковой.

6. Выводы

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать определение международного таможенного правонарушения – это деяние, посягающее на установленный международно-правовыми актами порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу, влекущее административную или уголовную ответственность по национальному законодательству. Представляется, что предложенное определение будет способствовать выработке единого подхода к таможенным правонарушениям в международном праве, установлению полномочий таможенных органов, обеспечению содействия между таможенными органами различных стран.

Библиографический список

1. Common wealth of Independent States, (1994). Agreement of CIS countries on cooperation and mutual assistance in customs matters. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3761/
2. Elliott, L. (2012). Fighting Transnational Environmental Crime. *Journal of International Affairs*. Fall/Winter . Vol. 66. № 1.
3. Eurasian Economic Community, (2009). Customs Code of the Customs Union. Retrieved from <http://www.tsouz.ru/Docs/kodeks/Documents/TRANSLATION%20CUC.pdf>
4. Eurasian Economic Community, (2010). Treaty about the features of criminal and administrative responsibility for violation of the customs legislation of the Customs Union and the states - members of the Customs Union. Retrieved from http://www.tsouz.ru/MGS/MGS11/Pages/P1_50.aspx
5. European Union (2008). Modernised Customs Code. Regulation (EC) № 450/2008 of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008. Official Journal of the European Union L 145, 4.6.2008. Retrieved from <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:145:0001:0064:En:PDF>
6. International Criminal Court (1998). Rome Statute of the International Criminal Court. United Nations, Treaty Series, vol. 2187, № 38544. Retrieved from <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/ADD16852-AEE9-4757-ABE7-9CDC7CF02886/283503/RomeStatutEng1.pdf>
7. Karpets, I.I. (1979). Crimes of International Character. M.: Jurid. lit. _____
8. Kravtsov, R.V., Lisauskayte, V.V. (2006). Contraband in an International Law. *Siberian Law Herald*. № 3 (30).
9. Martsiushevskaya E., Ostroga V. (2012). Smuggling as a Crime of International Character: Concept, Characteristics, Qualifications. *Customs Scientific Journal CUSTOMS*. № 1.

10. Ovchinnikov, S. (2013-1). Customs Regulation in the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf. Middle-East Journal of Scientific Research. V 14. № 7.

11. Ovchinnikov, S. (2013-2). About Functions of the International Customs Law. Eurasian advocacy. № 2
(3).

12. Sogomonov, D.K. (2012). The International Legal Bases of the Criminalization of Contraband in the National Criminal Legislation. Scientific Problems of Humanitarian Researches. № 3.

13. Tulenyov, A.I. (2012). Topical Problems of Terminology and Notions of Crimes of Customs. Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. № 5.

14. UNESCO, (1970). Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property. Retrieved from http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13039&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

15. UN Office on Drugs and Crime, (2004) United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York.

16. UN Office of Drugs and Crime. (2010). Globalization of Crime: A Transnational Organized Crime Threat Assessment. Vienna. Retrieved from <http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/tocta-2010.html>

17. UN Office of Drugs and Crime, (2013). The International Drug Control Conventions. New York. http://www.unodc.org/documents/commissions/CND/Int_Drug_Control_Conventions/Ebook/The_International_Drug_Control_Conventions_E.pdf.

18. Weerth, C. (2013). Customs Sanctions of the EU-27: A Detailed Analysis and a Preview on the Modernized Customs Code of the EU and the European Union Customs Code. Global Trade and Customs Journal. 2013. Vol. 8, Issue 2.

19. World Customs Organization, (1977). International convention on mutual administrative assistance for the prevention, investigation and repression of customs offences. Retrieved from http://www.wcoomd.org/en/about-us/legal-instruments/~/_media/574B25F13D9C4D4BA44AB4CD50A967C5.ashx

20. World Customs Organization, (1999-1). Commentary on International convention on mutual administrative assistance for the prevention, investigation and repression of customs offences.

21. World Customs Organization, (1999-2). International Convention on the Simplification and Harmonization of Customs Procedures (as amended). Retrieved from http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/conventions/pf_revised_kyoto_conv/~/_link.aspx?_id=9418E938104D4DA491E094E68F1F1169&_z=z.

22. World Customs Organization, (1999- 3). Kyoto Convention Recommendations for Special Applications H, Chapter 1. Customs Offenses.

3.4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЬЕТНАМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ МИГРАЦИИ

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 15-23 09001_м(а)

*Письменная Е. Е.,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Рязанцев С.В.,
Карабулатова И.С.
Лукьянец А.С.,
Институт социально-политических исследований РАН
Radogost2000@mail.ru*

Абстракт. Авторы анализируют миграцию и туризм в контексте социально-экономического развития Вьетнама, поскольку эти процессы объективно влияют на социально-экономическую ситуацию во Вьетнаме: Вьетнам находится на четырнадцатом месте в мире по численности населения, являясь одной из самых густонаселенных стран Юго-Восточной Азии, обладает уникальными природно-климатическими условиями, богатой историей, удобным транспортно-географическим положением. Вьетнам является трудоизбыточной страной и значительную часть трудовых ресурсов традиционно экспортирует за рубеж. Вьетнам активно развивается. В нем формируется средний класс, который готов обучать детей за рубежом и хочет путешествовать за границу в качестве туристов. Вьетнам становится все более активным участником миграционных процессов, а также популярным туристическим направлением в глобальной экономике. Власти Вьетнама уделяют значительное внимание облегчению паспортно-визовых формальностей для иностранных граждан, прежде всего, туристов. Экономическая миграция из России сопровождается вывозом капитала, который вкладывается в бизнес и экономику Юго-Восточной Азии, прежде всего, во Вьетнам и Таиланд. С 1990-ых гг. в этот регион значительно увеличился поток туристов и мигрантов из России, многие из которых впоследствии открыли здесь свой бизнес, проживают постоянно или регулярно приезжают, покупают недвижимость, открывают магазины, предприятия и рестораны. В результате возникают новые формы социально-экономической адаптации россиян в странах этого региона. В некоторых странах ЮВА «российское присутствие» становится не только заметным, но и доминирующим. Так, на сегодняшний день Вьетнам активизирует политику по привлечению иностранных инвестиций, где российские инвестиции рассматриваются им как приоритетные. Исследователи отмечают, что к началу второго десятилетия XXI века налицо две детерминирующие тенденции в мировом социуме как новые направления моделирования методологии стратегического общественного планирования: 1) нарастание однородности мира; 2) параллельное усиление его сложности и даже пестроты, вызванное эффектом перемешивания разнородных составляющих общего мирового пространства посредством интенсифицированных миграционных потоков (Ryazantsev et al 2014; Шаклеина, Байков 2014; Ryazantseev et al 2015 a; Ryazantsev et al 2015; Karepova et al 2015).

Ключевые слова: Вьетнам, эмиграция, иммиграция, туризм, миграционная политика, трудовая и образовательная миграция, визовый режим.

Введение

Первые русские публикации о Вьетнаме появились в XIX в., они представляли собой переводы из зарубежных публикаций в средствах массовой информации. А чуть позже, начиная с середины XIX в., существенную часть работ составляли уже публикации, прежде всего, русских офицеров, путешественников-исследователей, которые совершали свои поездки в различные страны и регионы, поскольку российские государственные интересы стали распространяться и на страны Юго-Восточной Азии.

Популяризация вьетнамской темы в русском обществе возникла благодаря беллетризованным очеркам «Французы в Кохинхине» К.М.Станюковича, который по окончании Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге прожил два месяца в Сайгоне и описал свое пребывание во вьетнамском городе в период войны с французами. Также Сайгону посвятил свои произведения и В.В.Крестовский, который написал три очерка, посвященных Вьетнаму: «От Сингапура до Сайгона», «Сайгон», «От Сайгона до Гонконга». Эти первые зарисовки интересны тем, что показывают природу, жизнь и быт простых вьетнамцев, раскрывают их характер в ходе колонизации Вьетнама (Соколов, 2007). Путешествие само по себе расширяет сознание и обостряет чувства, в результате чего человек расширяет внутреннюю карту своего мировосприятия, поэтому путешествия и туризм всегда были востребованными способами для расширения сознания европейского человека, помогая понять разнообразие мира.

Сегодня Социалистическая Республика Вьетнам – это страна, которая насчитывает примерно 91 миллион человек. Вьетнам расположен в Юго-Восточной Азии и он обладает уникальными природно-климатическими условиями, богатой историей, удобным транспортно-географическим положением. Страна

находится на четырнадцатом месте в мире по численности населения, являясь наряду с Сингапуром и Филиппинами одной из самых густонаселенных стран Юго-Восточной Азии. Общая численность трудовых ресурсов в 2013 году составила 53,3 миллиона человек. Ежегодно с 2000 по 2013 годы численность трудовых ресурсов Вьетнама увеличивалась в среднем на 1 миллион человек, что было примерно в два раза выше темпов роста общей численности населения. Вьетнам является трудоизбыточной страной и значительную часть трудовых ресурсов традиционно экспортирует за рубеж. Вьетнам активно развивается. В нем формируется средний класс, который готов обучать детей за рубежом и хочет путешествовать за границу в качестве туристов. Вьетнам становится все более активным участником миграционных процессов, а также популярным туристическим направлением в глобальной экономике.

Материалы и методы

Согласно данным статистики в международном миграционном обмене Вьетнам является в большей степени отправляющей (посылающей) мигрантов страной. Масштабы легальной эмиграции из Вьетнама на протяжении последних пяти лет оставались стабильными и составляли от 80 до 88 тыс. человек (табл. 1). Основными странами эмиграции вьетнамских граждан традиционно были Тайвань, Республика Корея, Малайзия, Япония, Лаос, Камбоджа, Макао. В последние годы активизировалась миграция в страны Персидского залива – ОАЭ, Катар, Бруней. Миграция в Восточную Европу и Российскую Федерацию напротив сокращается. Так, по данным пограничной службы ФСБ России, из Вьетнама в Россию в 2014 г. въехало 75 840 человек (точнее пересечений границы России), а по данным Росстата, в этом же году было совершено 49 тысяч туристских поездок из Вьетнама.²⁴

Таблица 1. Эмиграция из Вьетнама за границу, тыс. человек (данные Международной организации труда)

	2008	2009	2010	2011	2012
Общая эмиграция, в том числе	87,0	73,0	85,5	88,3	80,3
Распределение эмигрантов по полу					
- мужчины	58,4	51,0	57,0	56,3	53,5
- женщины	28,6	22,0	28,5	32,0	26,8
Распределение эмигрантов по странам выбытия					
- Тайвань	31,6	21,7	28,5	38,8	...
- Республика Корея	18,1	7,6	8,6	15,2	...
- Малайзия	7,8	2,8	11,7	10,0	9,3
- Япония	6,1	5,5	4,9	7,0	...
- Саудовская Аравия	3,0	2,5	2,7	3,6	...
- Лаос	3,1	9,1	5,9	4,3	6,2
- Камбоджа	0,8	1,8	3,6	2,8	5,2
- Макао	3,0	3,3	3,1	2,0	...
- ОАЭ	2,8	4,7	5,2	1,2	...
- Бруней	0,3	0,0	0,1	0,1	0,1
- Сингапур	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
- Катар	1,6	0,1	0,3
- Чехия	1,4	0,1
- Другие страны	6,9	13,7	10,6	3,3	59,4

Эмиграционный поток из Вьетнама представлен несколькими категориями. Во-первых, это *временные трудовые мигранты*, которые выезжают на работу за границу. Данный миграционный поток фиксирует и регулирует Министерства труда, инвалидов войны и социальной защиты населения Вьетнама. В большинстве своем легальные трудовые мигранты направлялись на работу в Малайзию (34%), Тайвань (27%), Республику Корея (14%), Катар (7%), Япония (5%), Макао (3%), другие страны (11%). В последние годы также активизируется поток вьетнамских трудовых мигрантов в страны Персидского залива.

Прежде всего, материалами для исследования послужили компаративистские сравнения с данными различных служб статистики, выводами, полученными ранее другими вьетнамооведами, а также

²⁴ Данные Федерального Агентства по туризму Российской Федерации
<http://www.russiatourism.ru/contents/statistika>

прогностические модели, построенные на основе сопоставления и анализа эмпирических данных.

Результаты

Особенности модернизации Вьетнама обусловлены тем, что Вьетнам не завершил еще процесс индустриализации, поэтому мы здесь наблюдаем процесс технологического обновления различных сфер экономики с опорой на иностранные инвестиции. Вместе с тем традиционно привлекательной сферой остается туризм, который был и есть важная часть вьетнамской экономики. Только за последние пять лет уровень туризма вырос на 63% (Редькина 2015: 192), и национальная администрация по туризму Социалистической Республики Вьетнам разработала долгосрочный план диверсификации туристической сферы, который обусловил постоянный рост потока туристов в страну. Так в 2014 г. Вьетнам принял рекордное количество иностранных туристов – 7,9 млн. гостей со всего мира, что на 4% больше, чем в 2013 г. (сравни: 7,6 млн. чел.). В то же время российских путешественников в 2014 г. было больше на 22,4%, что составляет 364,9 тыс. человек. В целом Вьетнам объявил 2015 год Национальным годом туризма.

Вьетнам становится все более популярной страной для иммиграции. По данным Всемирного банка в 2010 году во Вьетнам въехало 2010 году около 70 тысяч человек, в том числе 63% - мужчины. Согласно данным Международной организации труда в 2013 году более 52 тысяч иностранных граждан работали на вьетнамском рынке труда (табл. 3). Главным образом это трудовые мигранты из соседних государств Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Лаос, Таиланд, Мьянма), а также граждане Японии, Кореи, США, стран Европы, которые работали в иностранных и совместных компаниях, международных организациях. В настоящее время во Вьетнаме реализуется более 3,2 тысяч экономических проектов с иностранными инвестициями с общим капиталом 5,7 миллиардов долларов США.

Таблица 3. Трудовая иммиграция во Вьетнам иностранных граждан, тыс. человек (данные Международной организации труда)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Общая иммиграция, в том числе	46020,2	47069,2	48012,0	49493,7	50678,6	51422,4	52207,8
- занятые по найму	19503,3
- занятые в домашнем хозяйстве	8962,3
- самозанятые	23742,2

В последние годы Вьетнам активно принимает иностранных туристов. Активно развивая туристическую инфраструктуру, страна смогла резко увеличить численность иностранных туристов. С 2000 по 2012 годы количество въехавших иностранных граждан увеличилось почти втрое, а въехавших с туристскими целями – в 4,5 раза (рис. 1). Особенно бурным рост численности туристов был в 2009-2012 годы – период активного социально-экономического роста. Основной поток иностранных туристов во Вьетнам происходит из Европы, стран Восточной и Юго-Восточной Азии, США.

Для российских граждан Вьетнам также становится все более популярным направлением для туризма. На фоне увеличения общего потока россиян въехавших во Вьетнам с 2012 по 2014 год более чем в 6 раз (это 370 тысяч человек), поток туристов увеличился за этот же период еще более значительно – в 24 раза (277 тысяч человек). В результате Вьетнам в рейтинге наиболее популярных туристских направлений россиян поднялся с 42-ого в 2012 году до 15-ого места в 2014 году.²⁵

Визовый режим в отношении иностранных граждан во Вьетнаме и в отношении вьетнамских граждан за рубежом. Режим въезда и пребывания иностранных граждан не только является важным элементом миграционной политики, но и стимулирует развитие туризма, обуславливает инвестиционный климат и способствует социально-экономическому развитию страны. Власти Вьетнама уделяют значительное внимание облегчению паспортно-визовых формальностей для иностранных граждан, прежде всего, туристов.

Социалистическая Республика Вьетнам имеет визовый режим въезда для граждан большинства стран мира. Виза во Вьетнам не нужна только гражданам стран АСЕАН (Таиланд, Индонезия, Сингапур, Малайзия, Мьянма, Камбоджа, Лаос, Филиппины, Бруней) – для них существует безвизовый въезд на срок до 30 дней; стран Скандинавии (Норвегии, Дании, Швеции и Финляндии), Республики Кореи и Японии – для них безвизовый въезд возможен на срок до 15 дней.

Гражданам Российской Федерации для посещения Вьетнама на срок не более 15 дней виза также не нужна вне зависимости от цели поездки. При этом должны быть соблюдены следующие требования: 1) наличие действительного загранпаспорта, выданного компетентным органом Российской Федерации, срок действия которого должен истекать не менее чем через три месяца после въезда на территорию Вьетнама; 2)

²⁵ Данные Федерального Агентства по туризму Российской Федерации [http://www.russiatourism.ru/contents/statistika]

наличие обратного билета либо билета для выезда в третью страну; 3) въезжающий российский гражданин не должен относиться к категории лиц, въезд которым на территорию Вьетнама запрещен законодательством СРВ; 4) с момента последнего выезда из Вьетнама должно пройти не менее 30 дней (**условие введено с 1 января 2015 года**). За превышение срока пребывания без визы сверх 15 дней или за нарушение срока действия визы, вьетнамскими законами предусмотрен штраф размером 5 долларов США за каждый день.

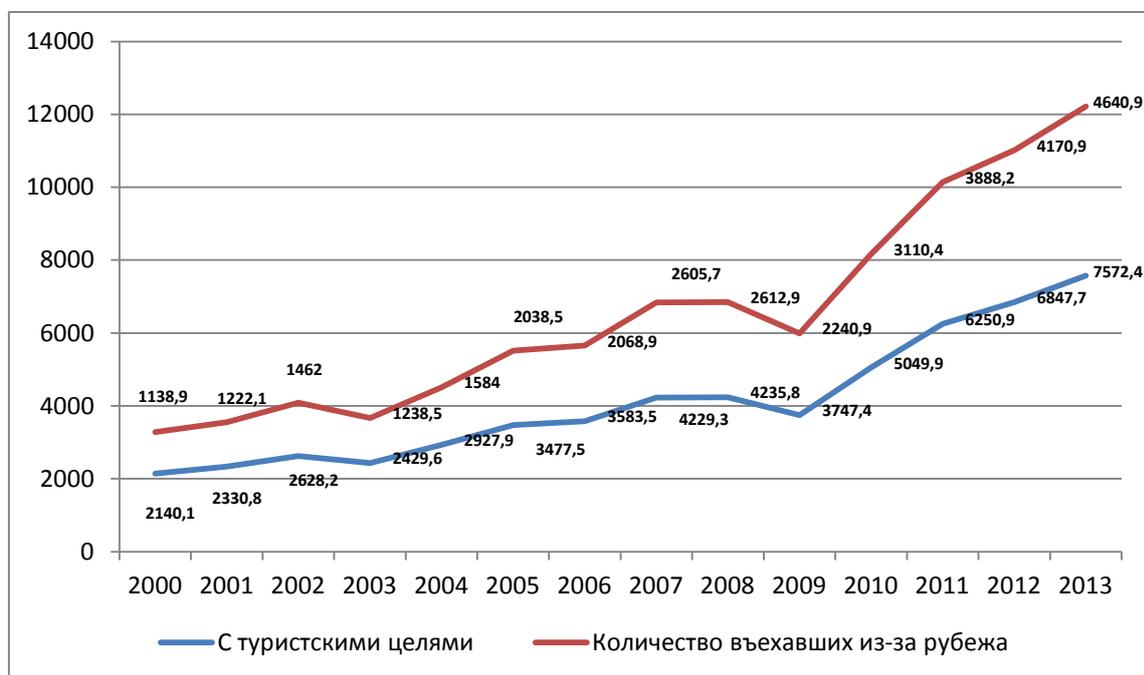

Рис. 3. Динамика въезда иностранных граждан во Вьетнам в 2000-2013 годах, тысяч человек ²⁶

Более длительный срок пребывания во Вьетнаме требует визы. Визу во Вьетнам в России можно получить в Москве, Екатеринбурге и Владивостоке. Вьетнамские визы выдаются на срок один, три, шесть месяцев, один год и бывают однократными и многократными. Жители Екатеринбурга, Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Тюменской, Омской, Томской, Кемеровской, Ульяновской, Самарской областей, Пермского, Алтайского и Красноярского краев, республик Башкортостан и Удмуртия могут обращаться за визами в Генеральное консульство Вьетнама в Екатеринбурге. Жители Приморского, Хабаровского краев, Амурской областей могут получить визу в Генеральном консульстве Вьетнама во Владивостоке.

При въезде во Вьетнам через аэропорты Ханоя, Хошимина, Дананга, визу можно получить непосредственно в аэропорту по прилету. Для этого требуется специальное подтверждающее письмо ("Approval Letter") или разрешение на получение визы. Его выдает Управление иммиграции Социалистической Республики Вьетнам по обращению приглашающей вьетнамской стороны (фирмы, учреждения, гражданина). Этот документ также стал доступен для иностранцев онлайн, через сервис "Visa Approval Service". Приглашение предъявляется в пункте пограничного контроля и с ним можно получить визу непосредственно по прилету. Для граждан Российской Федерации виза по прилету бесплатна, для граждан большинства других стран стоимость визы составляет 25 долларов США (однократная, месячная), 50 долларов США (многократная, на один, три, шесть месяцев) и до 100 долларов США (многократная, годовая).

Согласно соглашениям о развитии туризма в странах АСЕАН с целью облегчения передвижения туристов получение вьетнамской визы в этих странах гораздо легче и быстрее.

Если российскому гражданину после въезда на территорию Вьетнама потребуется остаться на срок более 15 дней, то при наличии письменного ходатайства вьетнамского учреждения, организации или частного лица в Министерство общественной безопасности или Министерство иностранных дел вопрос о выдаче выездной визы либо увеличении срока пребывания на территории Вьетнама может быть рассмотрен в зависимости от цели продления срока пребывания во Вьетнаме. Продление визы осуществляется через отделы Министерства общественной безопасности в Ханое, Хошимине и ряде других городов. Визу обычно продлевают на 30 дней, а сбор составляет 20 долларов США. Также существует возможность получения "возвратной визы" ("Re-Entry Visa") в случае необходимости покидания Вьетнама при наличии однократной визы (цена от 20 до 25 долларов США).

²⁶ Данные Статистической службы Вьетнама [http://www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=780]

Для граждан Вьетнама требуется виза для въезда в большинство стран. Визовая политика Российской Федерации является “асимметричной”: хотя Вьетнам с 2009 года в одностороннем порядке отменил визы для краткосрочных поездок российских граждан, Россия не отменила визы для вьетнамских граждан. Без визы в Россию возможен въезд вьетнамских граждан только по дипломатическим и служебным (официальным) паспортам. Отмена безвизового режима благоприятно повлияла на увеличение потока российских туристов, облегчила въезд бизнесменам и ученым во Вьетнам. Российская миграционная политика пока рассматривает Вьетнам как “миграционноопасную страну”. Это отражается на визовых процедурах: вьетнамцам требуется получить российскую визу только на основании приглашений, оформленных через ФМС приглашающей организацией или лицом. В случае привлечения вьетнамских трудовых мигрантов работодателю необходимо получить квоту на право привлечения иностранной рабочей силы, но процедура сильно бюрократизирована, непрозрачна и дорога.

Для Российской Федерации Вьетнам традиционно являлся важным поставщиком рабочей силы. По итогам 2014 года он занимал десятое место в списке стран – поставщиков иностранной рабочей силы (рис. 2). Последнее соглашение между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией о временной трудовой деятельности вьетнамских граждан было подписано 18 августа 2003 года. Безусловным его преимуществом стала попытка ввести вьетнамскую временную трудовую миграцию в организованное русло. Также данное соглашение также сделало важный шаг в отношении легализации многочисленной категории вьетнамских недокументированных мигрантов в России. Оно признало законность пребывания граждан Вьетнама, прибывших по соглашению от 2 апреля 1981 года, при условии их регистрации в Посольстве Социалистической Республики Вьетнам и получении разрешения на работу в Российской Федерации. Важной частью соглашения является определение самостоятельности нахождения работы вьетнамским гражданином на территории России (статья 2 протокола Соглашения). Но недостатком соглашения можно считать отсутствие списка конкретных регионов, отраслей и численности трудовых мигрантов из Вьетнама необходимых экономике России.

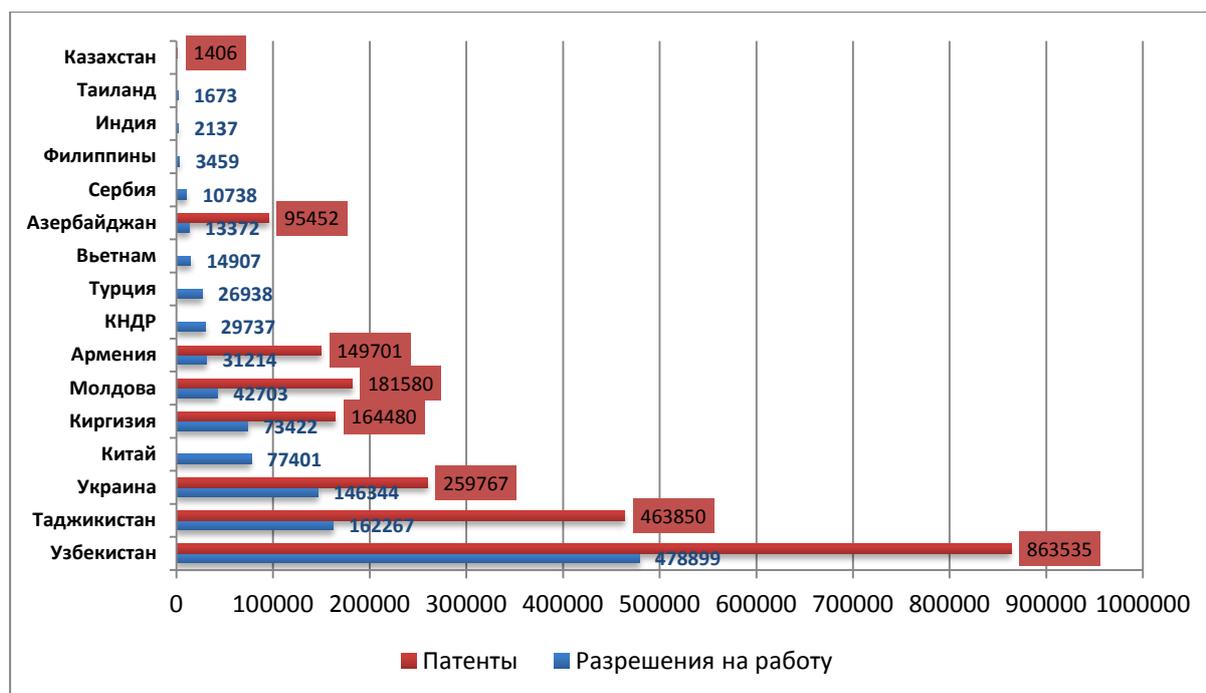

Рис. 2. Количество трудящихся-мигрантов в Российской Федерации по странам происхождения и типам разрешительных документов в 2014 году, человек (Данные ФМС России)

В результате, несмотря на наличие соглашения о трудовой миграции, приток трудовых мигрантов из Вьетнама в Россию на протяжении 2000-2010-х годов устойчиво снижался (табл. 2.). Пик абсолютной численности вьетнамских рабочих пришелся на 2009 год, когда было выдано около 98 тысяч разрешений на работу в Российской Федерации. В 2004 году вьетнамцы составляли 10% всех иностранных рабочих на российском рынке труда. В 2011-2013 годах численность документированных вьетнамских трудовых мигрантов сократилась до 10-12 тысяч человек. Это было обусловлено кризисными явлениями в российской экономике, а также ужесточением российской миграционной политики. В 2014 году количество разрешений на работу, выданных гражданам Вьетнама на российском рынке труда составило около 15 тысяч, в том числе около 3,7 тысяч вьетнамских граждан получили разрешение на работу как высококвалифицированные специалисты.

Таблица 2. Миграция граждан Вьетнама в Российскую Федерацию (Данные ФМС России,

	Трудовая миграция			Образовательная миграция, тысяч студентов	Туризм, тысяч въездов
	Разрешения на работу, тысяч единиц	% от общего числа	Высококвалифицированные специалисты, тысяч разрешений		
2002	13,3	6,2
2003	35,2	9,3
2004	41,8	9,1
2005	55,6	7,9	37,0
2006	69,1	6,8	...	4,9	37,0
2007	79,8	4,6	...	4,6	38,0
2008	95,2	3,9	...	4,0	59,0
2009	97,5	4,4	41,0
2010	46,0	2,5	51,0
2011	11,0	0,6	...	3,6	...
2012	12,1	0,6
2013	10,3	0,5	...	2,9	...
2014	14,9	0,3	3,7

Основными отраслями трудоустройства вьетнамских граждан в России в 2014 году являлись сфера услуг (около 40%), а также торговля и строительство (примерно по 10%). Большая часть официально зарегистрированных вьетнамских рабочих работает в Москве (3,7 тысяч), Московской области (2,7 тысяч), Тульской области (1,5 тысяч), Владимирской области (1,2 тысячи), Свердловской области и Хабаровском крае (по 1 тысяче), Рязанской и Псковской областях (по 0,5 тысяч) и некоторых других регионах. Как правило, это молодые люди из северных провинций Вьетнама, которые работают в России от трех до пяти лет и затем возвращаются на родину.

Во-вторых, *“бизнес-миграция”*, *“инвестиционная миграция”* и *“коммерческая миграция”*. Предприимчивые вьетнамские бизнесмены и коммерсанты довольно активно эмигрируют в США, Австралию, страны Европы и Азии для развития бизнеса и предпринимательства. Вьетнамцы открыли достаточно много предприятий и компаний за пределами Вьетнама. В Российской Федерации вьетнамские предприниматели и бизнесмены открыли швейные производства, строительные компании, сельскохозяйственные предприятия, рестораны. Они активно используют в основном труд вьетнамских рабочих.

В-третьих, *образовательная и учебная миграция*. Правительство Вьетнама в организованном порядке активно отправляет на обучение и стажировки за границу студентов, аспирантов, докторантов, стажеров, научных работников. До 1990-х годов основными странами назначения были СССР и Восточной Европы – партнеры по социалистическому блоку. После 1990-х годов география обучения вьетнамских граждан существенно расширилась. В настоящее время значительное количество вьетнамских студентов обучается в США, Канаде, Австралии, Республике Корея, Тайване, Китае, Японии, Сингапуре, Малайзии. В Российской Федерации в 2013 году обучалось только около 3 тысяч вьетнамских граждан, что гораздо меньше, чем во времена СССР.

В-четвертых, *брачная эмиграция и трафик (торговля женщинами)*. Довольно много вьетнамских женщин выходят замуж за иностранных граждан и выезжают на постоянное место жительства в Китай, Тайвань, Японию, Республику Корею. На женщин приходится третья часть эмиграционного потока из Вьетнама. Зачастую женщины из Вьетнама становятся жертвами торговли людьми, попадают в рабство, эксплуатируются своими мужьями или организаторами трафика, попадают в проституцию и сферу развлечений, подвергаются насилию в семье или сфере сексуальных услуг.

В-пятых, *миграция с целью воссоединения семей*. Данный вид миграции связан с переплетением личной и экономической мотивации. Многочисленная вьетнамская диаспора притягивает новых мигрантов из Вьетнама. Например, в США существует специальная иммиграционная программа воссоединения семей, которой активно пользуются вьетнамцы. Еще во время вьетнамской войны от американских солдат родилось много детей во Вьетнаме. По американским законам они имеют право на получение гражданства США. Это служит основной для миграции по линии воссоединения семей.

В-шестых, *вынужденная миграция*. В разное время эмигранты из Вьетнама рассматривались рядом принимающих стран в качестве беженцев. В общей сложности в рамках организованных программ порядка 2 миллионов вьетнамцев получили статус беженцев в США, Австралии, Канаде, Японии и странах Западной Европы. В ближайшей перспективе существует значительный риск возникновения вынужденной экологической миграции из некоторых провинций Вьетнама в связи с глобальным изменением климата.

В-седьмых, *выезды с туристскими целями*. Количество туристов, выезжающих за пределы Вьетнама, за период с 2000 года увеличилось более чем в 4 раза (рис. 3). Экономическое развитие и формирование среднего класса во Вьетнаме усиливает туризм вьетнамских граждан за границу. В 2013 году в Российскую Федерацию из Вьетнама въехала 81 тысяча человек, в том числе 6,4 тысячи вьетнамцев приехали с туристическими целями.²⁷ По итогам 2014 года количество вьетнамских граждан, въехавших в Россию составило около 76 тысяч человек.²⁸ Значительное количество вьетнамцев также путешествует в страны Юго-Восточной Азии, Европы, Австралию, США и Японию.

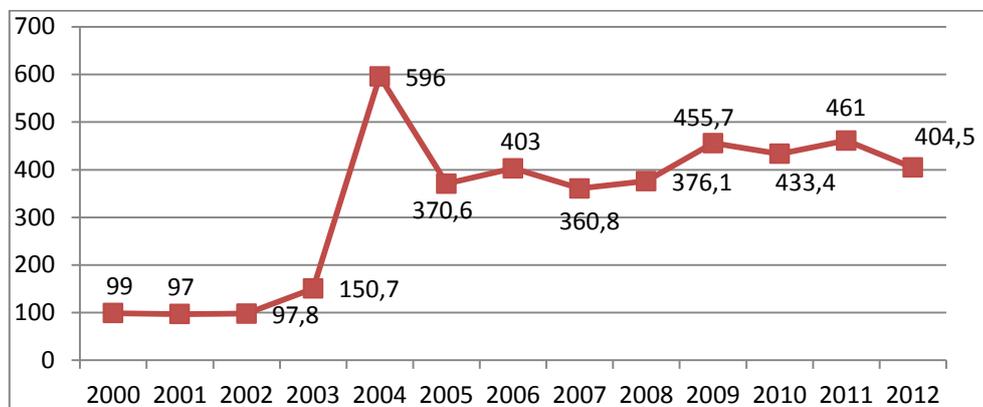

Рис. 3. Динамика выездов с туристскими целями из Вьетнама в 2000-2012 годах, тысяч человек ²⁹

Анализ материалов показывает необходимость совершенствования механизма регулирования миграционных российско-вьетнамских и вьетнамско-российских потоков, поскольку Вьетнам является одним из ведущих стратегических партнеров России в Юго-Восточной Азии. Российская Федерация довольно хорошо помогла Вьетнаму в материальном плане. Общий объем вложений составляет примерно двести тридцать миллионов долларов. Между двумя странами виден прогресс в отношениях, например, морские транспортные перевозки, добыча и переработка морепродуктов, а также резинотехническая промышленность, все это развивается. Всего таких проектов около 40, сейчас эта цифра стремительно увеличивается в количестве.

Мы экспортируем автомобили, автотехнику, удобрения, оборудование и металлы; из Вьетнама импортируются потребительские товары и продукты питания (чай и рис, кофе, перец и специи, растительное масло), изделия художественной деятельности, текстильные изделия и обувь. Ежегодно возрастают закупки вьетнамского кофе, в 3.2 раза – морепродуктов, в 2.9 раза, в 1.4 раза – чая и натурального каучука. Вместе с тем, резервы взаимной торговли позволяют рассчитывать на более динамичное ее развитие в предстоящие годы.

Также можно обратить внимание на культуру, образование и науку. Реализуются различные контракты в сфере передачи технологий.

Дискуссия

Современные исследователи Вьетнама подчеркивают, что Вьетнам находится в ситуации цивилизационного выбора (Мурашева 2011), в связи с чем вьетнамские исследования получают поливариативный характер (Кобелев 2011). Вьетнам стал неким мегатрендом для российских и зарубежных ученых, где апробируются новые модели социально-экономического выбора (До Хьонг Лан 2014; Шутов 2014; Новакова 2014; Марченко 2011). Вьетнам уникален, потому что он является единственным государством, которое смогло покончить в Азии со статусом разделенной страны и восстановить свою территориальную целостность. Вьетнамское общество соответствует оси «семья – деревня – государство», или «дом – община – страна», таким образом, семья является нижним звеном в иерархии вьетнамского общества, одновременно составляя его основу. На наш взгляд, именно это обстоятельство способствует росту туристической привлекательности страны в глазах иностранных туристов, а также способствует сохранению идентичности при участии вьетнамцев в миграционных процессах.

Глобальный кризис прямо затронул проблему экономического роста, внешней торговли и инвестиций, поэтому в условиях Юго-Восточной Азии страны ставили основной своей задачей – сохранение экономического роста и усиление внимания к социальной сфере.

Заключение

²⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 году. Статистический бюллетень. – М.: Росстат, 2014. - С. 90.

²⁸ Данные Федерального агентства по туризму Российской Федерации [<http://www.russiatourism.ru/contents/statistika>]

²⁹ Данные Статистической службы Вьетнама [http://www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=780]

В начале XXI века место и роль российско-вьетнамского сотрудничества в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе подверглись новому «прочтению», отвечающему новым реалиям мира. Сформировалась их новая модель, основанная на доминанте национальных интересов, взаимном уважении выбранного обеими странами пути социально-политического развития, учете многовекторного характера внешней политики Вьетнама и России, отказе от исчерпавших себя и свой исторический ресурс штампов и механизмов взаимодействия. Вьетнам сам по себе небольшой, территория намного меньше, чем территория Российской Федерации, но на данный момент Вьетнам и Россия перешли на один уровень по численности населения. Около сорока лет назад в Российской Федерации население было ровно в четыре раза больше, чем население Вьетнама, сейчас же эта разница сократилась ровно в два раза. Как прогнозирует Организация Объединенных Наций, то где -то через сорок лет в обеих странах будет равное количество людей, примерное количество их будет 125 миллионов. На протяжении нескольких лет Россия и Вьетнам имеют хорошие тесные отношения, две страны действительно сблизилась между собой. Вьетнам поддерживает связи не только с нашей страной, но и также со странами СНГ, такими как Украина, Казахстан, Белоруссия, Узбекистан, Азербайджан.

Также существует интерес в друг друге, как представители разных региональных интеграционных групп. Вьетнам – это часть АСЕАН(Ассоциация государств Юго – Восточной Азии). Мы весьма заинтересованы в контакте с данной ассоциацией. Вьетнам же рассматривает нас немного с другой стороны. Российская Федерация интересуется Социалистическую Республику Вьетнам, как страну, имеющую рынок постсоветского пространства. Если Вьетнам войдет в Таможенный союз, то он вполне может стать связующим звеном между Ассоциацией государств Юго – Восточной Азии и российским интеграционным объединением.

Литература и источники:

1. Karepova S.G., Karabulatova I.S., Novikov V.S., Klemovitsky S.V., Stratan D.I., Perova A.E. New Approaches to the Development of Methodology of Strategic Community Planning. In the: *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015. Vol 6, No3, S.6. – p. 357-364. <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6831/6539>
2. Кобелев Е.В. Российское вьетноведение сегодня: проблемы и задачи. В: *Вьетнамские исследования*. Выпуск 1. Вьетнам сегодня и вчера. Москва: ИДВ РАН, 2011, сс.: 12-26.
3. Кузнецов Н.Г., Рязанцев С.В. Как использовать российский миграционный потенциал Вьетнама (Часть 1)// *Азия и Африка сегодня*. № 6. 2011. С. 36-42.
4. Лукьянец А.С., Нгуен К.Т. Демографический потенциал Вьетнама: общая характеристика// *Миграционные мосты в Евразии: Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. С.В. Рязанцева*. М.: ИСПИ РАН. 2014. С. 256-260.
5. Марченко Е.А. Политическая элита Вьетнама в налге эпохи обновления (дой мой). В: *Вьетнамские исследования*. Выпуск 1. Вьетнам сегодня и вчера. Москва: ИДВ РАН, 2011, сс.:90-108.
6. Мурашева Г.Ф. Политическая элита Вьетнама в начале эпохи обновления. В.: *Вьетнамские исследования*. Выпуск 1. Вьетнам сегодня и вчера. Москва: ИДВ РАН, 2011, сс.: 59-80.
7. Pismennaya E.E., Karabulatova I.S., Ryazantsev S.V., Luk'yanets A.S. Manshin R.V. Impact of Climate Change on Migration from Vietnam to Russia as a factor of Transformation of Geopolitical Relations. In the: *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015a. Vol 6, No3, S.2, May 2015. – pp.:210-215. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3s2p202. <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6484/6214>
8. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia // *Asian Social Science*. Vol 10, No.20, 2014, pp: 174-183. ISSN 1911-2017; E-ISSN 1911-2025. Published by Canadian Center of Science and Education. Received: June 22, 2014. Accepted: July 15, 2014 Online Published: September 24, 2014. Received: June 20, 2014. Accepted: July 16, 2014 Online Published: September 24, 2014. doi:10.5539/ass.v10n20p1. <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/40806/22527>. (Канада, Торонто)
9. Рязанцев С.В., Маньшин Р.В., Нгуен К.Т. Сравнительный анализ вьетнамской и китайской миграции в Россию// *Миграционное право*. № 1. 2013. С. 5-10.
10. Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Ter-Akopov A.A., Pismennaya E.E., Bozhenko V.V. The specificity of the differential regulation of economic integration in the context of contemporary labor migration. In the: *Mediterranean Journal of Social Science*. 2015 b. Vol 6, No3, May 2015. – pp.: 96-102. Doi:10.5901/mjss.2015.v6n3p96 <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/6220/5964>
11. Соколов А.А. Русские во Вьетнаме: очерки и путевые заметки (XIX – начало XXв.). М.: Восточная литература, 2007.
12. Статистический ежегодник Вьетнама 2013, Ханой, Главный статистический офис. 2014. 845 p. [URL: <http://www.gso.gov.vn>]
13. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 году. Статистический бюллетень. М. Росстат, 2014. 125 с.
14. Данные Федерального Агентства по туризму Российской Федерации [<http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/>]

- [15. Шаклеина Т.А., Байков А.А. Мегатренды. Изд.2-ое. Москва: Аспект пресс, 2014.](#)
- [16. Новакова О.В Вьетнам и мировое сообщество: контакты, взаимодействие и влияние \(некоторые аспекты\):](#) Вьетнамские исследования. Вып. 4. Вьетнам в мировом сообществе. М.: ИДВ РАН, 2014, с. 28-49.
17. До Хьонг Лан. Потенциал и состояние привлечение иностранных туристов во Вьетнам. В: Вьетнамские исследования. Выпуск 4. Вьетнам в мировом сообществе. Москва: ИДВ РАН, 2014, с. 138-148.
18. Шутов Г.А. Защита «свободы вероисповедания» - очередной повод к вмешательству во внутренние дела Вьетнама. В.: Вьетнамские исследования. Вып. 4. Вьетнам в мировом сообществе. М.: ИДВ РАН, 2014, с. 165-170 .
19. Редькина Л.А. Перспективы российско-вьетнамского сотрудничества в туристической отрасли. В.: Вьетнам: проблема цивилизационного выбора (1945-2015 гг.). Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток, 29-30 апреля 2015. Владивосток: ДФУ, 2015, с. 191-196.

3.5. ДЕТСТВО И РЕБЕНОК КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Мамычева Д.И.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
mamycheva@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает тематизацию детства и фигуру ребенка в работах философов в различные исторические периоды; анализ исторически изменчивых способов описания детства на основе рефлексивного опыта человека о смысле бытия, имеющего начало в реальном или символическом акте рождения, свидетельствует о наращивании смысловости фигуры ребенка для субъективации. Возможность аутентичного осмысления детства связана с необходимостью самоопределения, то есть определение смотрящего на ребенка или говорящего о нем в качестве кого-то, кто испытывает некоторые ожидания, располагает временным опытом, то есть заключен в пространство некоторой событийности, горизонт которой направляет способность видения.

Ключевые слова. Ребенок, детство, философия, культура, рефлексия, натальность, генеративные связи.

1. Введение

Существенной приметой ряда культурных манифестаций выступает пристальное внимание к фигурам ребенка и детства, что позволяет видеть в характере культурной заинтересованности, мотивы, превосходящие сугубо инструментальные и позитивистские. Представляется, что этот внепозитивистский посыл связан с такими философскими направлениями, определившими горизонт мысли современного субъекта, как феноменология Э. Гуссерля, фундаментальная онтология М.Хайдеггера, психоанализ З.Фрейда. Именно эти фундаментальные философские проекты, по-новому осмысливая основания субъективности европейского человека, позволяют осуществить перенос акцента с озабоченности стремлением структурирования, организации и формовки ребенка, воплощенных как в социальных проектах, так и в индивидуальных стратегиях культуры тела. К вниманию собственно вопросов онтологии, характера бытия детства, и тех оснований, которые делают это бытие явленным. Путь, проложенный данными философскими проектами ведет к таким ориентирам как повседневность, бытие-с-другими, коммуникативность, личная история, создающих иное основание для систем отношений и мысли.

Представляется, что философский ракурс осмысления темы детства служит своеобразным расширением и альтернативой традиционному психолого-педагогическому подходу, сосредоточенному преимущественно на вопросах социализации и оптимизации растущего субъекта, ребенке как агенте инструментального воздействия, а детстве – как своего рода «тренажере» по оптимизации умений. Тогда как детство и ребенок предстают значительно более сложными феноменами, понимание которых напрямую зависит как от интеллектуальной эрудированности, так и личной культуры.

Усложнение внутренней реальности современного человека, обнаружившего непростой характер языка, образа, действия, неизбежно оборачивается поиском устойчивых оснований, нахождение которых осуществляется посредством выстраивания индивидуальной истории [17]. И в этой истории детство – один из фундаментальных вопросов. С этим смысле, усложнение рефлексии детства, соотнесенной с философской тематизацией, закономерно, усилие его постижения становится сопряженным экзистенциальному событию. Представляется, что во многом именно этот латентный мотив служит основанием и позволяет осмыслить то многообразие воплощений, в которые облекается тема детства.

Разнообразие подходов и аналитических процедур дают картину сложности, объемности и глубины современного знания о детстве. Обращение к подходам и способам осмысления темы детства как элемента повседневности, факта собственной истории, основания общественного устройства, телеологического мотива вопрошания, художественного образа, дает возможность в разнообразии подходов обнаружить свой индивидуальный проект детства, что, по сути, реализует способность быть современным субъектом.

2. Обзор литературы

К настоящему времени предметно и концептуально оформились культурологические, антропологические, психолого-педагогические подходы к пониманию детства, но в своей главной идее они опираются на представления о необходимости философского аналитического расширения для адекватной тематизации детства, и такое измерение приобретает фундаментальное значение в научном осмыслении проблемы. Аналитическую литературу, посвященную гуманитарной рефлексии детства и фигуры ребенка, можно сгруппировать по следующим направлениям.

Во-первых, это историко-философские работы, среди них можно выделить те, в которых упоминание ребенка и детства не является основным предметом интереса, а носит иллюстративный характер или метафорический. Подобные свидетельства важны как значительный историко-философский источник. Здесь можно упомянуть таких мыслителей как Гераклит, Платон, Аристотель, Аврелий Августин, Пьер Абеляр, Фома Аквинский, Мишель Монтень. Первые собственно философские систематизации учения о детстве

принадлежат И. Канту, И. Фихте, Л.Фейербаху. Размышления С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, актуализировали опыт ранних воспоминаний о детстве как экзистенциальной драме. Продолжили философскую рефлексию детства в призме отношений со взрослым человеком, открывающим впервые мир ребенку, М. Бубер, Э. Левинас. Русская философия в лице Н. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, В.В. Розанова и др. развивалась под воздействием православного учения о детстве как предмете родительской заботы, обязанности человека по отношению к замыслу Бога.

Во-вторых, философские работы, осмысливающие изменения аксиологии и онтологии детства в поле современной мысли, западные: Х. Арндт, Ж. Лакан, Х. Шуес, М. Фуко. Отечественные: А.А. Грякалов, Т.В.Щитцова. Результатом методологического поворота явилось отечественное направление – философия детства, обозначенное В.В. Гречанным, Е. Золотухиной-Аболиной, А.П. Мозеловым, Е.Г. Соколовым, Н.С. Юлиной и др.

В-третьих, исследования зарубежной антропологии, классическими образцами исследований детства стали работы Л. Леви-Брюля, Л. Леви-Строса, М. Мид. Отечественные антропологические исследования разрабатывают парадигму социокультурной определенности детства как периода повышенной заботы со стороны взрослых, среди них – А.И. Азаров, Т.А. Бернштам, Н.А. Бутинов, С.Д. Домников, О.Е. Кошелева, Л.С. Лаврентьева, Е.В. Ревункова, А.В. Сергеева, Е.С. Соболева, И.И. Шангина и др. В рамках этой традиции появились исследования семиотической образности игры и языка ребенка С.Б. Адоньевой, Е.А. Покровского М.П. Чередниковой, Ю.В. Эккеевой; культурологических реконструкций детского фольклора А.Ф. Белоусова, В.А. Василенко, Г.С. Виноградова, О.Н. Гречиной, М.В. Осориной, О.И. Капицы.

В-четвертых, большой вклад в понимание детства как социального феномена внесли работы А.Г. Кислова, Э.А. Куруленко, Е.М. Рыбинского, Д.И. Фельдштейна, С.Н. Щегловой. Беспрецедентными по своей культурологической значимости являются работы И.С.Кона, который одним из первых в российской философии культуры преодолел узость психолого-педагогического измерения детства и открыл его в качестве исторической реальности, знаково- символического мира, продукта социальных отношений, требующего осмысления в категориях самобытности, феноменальности, равноправности.

В-пятых, Современным трансформациям детства посвящены работы К. Калверт, Л. де Маис, Б. Хакавальт, Д. Херлихи, С. Шахар и др., посвященные. Отдельные аспекты индивидуализации детства представлены П. Бюхнер, Х. Цахер, понятие эмансипации детства разработано У. Беком, Х. Попитцем. В контексте кризиса культуры и нивелирования границ между детством и взрослостью представлены исследования М. Виннса, Н. Постмана, Д. Рихтера, Х. Хенгста.

Образовавшееся предметное поле исследования феномена детства имеет многочисленные лакуны, одна из которых появилась в результате нивелирования антропологического идеала, определенного ценностно-смысловым своеобразием европейской культуры, стремящейся закрепить личностное начало человека в его детстве, постулировать взрослого исходя из особенностей его ранней истории жизни. Рефлексивное возвращение к детству конституирует социокультурную сущность личности в различных дискурсах о ребенке как особом типе человека.

3. Методологическая база исследования

Методологическая база исследования основана на фундаментальных положениях философской и культурологической науки, определяющих смысловой контекст описания и объяснения детства как феномена культуры. Междисциплинарный характер проблемы исследования, тематизирующего детство в дискурсах философии, культурологии, антропологии обуславливает выбор соответствующих методов познания, ведущих к пониманию закономерностей и связей культурных явлений, влияющих на конституирование исторически изменчивого образа ребенка.

В качестве методологического регулятива использовались принципы историзма, системно-структурного анализа, теоретической реконструкции и моделирования социальных процессов в культуре. Общенаучные методы – синхронный, диахронный и др. применялись в связи с описанием и объяснением образов детства в контексте западно-европейской философской и научной гуманитарной мысли. Историко-ретроспективные аспекты исследования детства обусловили генерализацию методов исследования хронотопа культуры М.М.Бахтина, диалогии культур В.С. Библера, исторической антропологии А.Я. Гуревича. Обращение к источникам по этнологии, фольклористике, семиотике, психоанализу определило выбор методов, апробированных в зарубежных исследованиях: Ф. Арьеса, М. Мид, Л. Демоза, З. Фрейда, К. Юнга, в работах российских специалистов: И.С. Кона, А.Г. Кислова, Е.М. Рыбинского, С.Н. Щегловой.

4. Результаты и обсуждения

В европейской философской традиции первая попытка опредметить смысл категории «ребенок» принадлежит Гераклиту, высказывание которого: «Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки: царство (над миром) принадлежит ребенку» [18], имеет смысл метафоры бытия. Но уже у Платона решаются вполне актуальные социальные проблемы детства, связанные с устоями идеального государства. Он оправдывает деторождение необходимостью восполнять отнятые смертью жизни граждан полиса и проявляет заботу об их воспитании в специальных условиях, вне семьи и матери, которая способна

избаловать, испортить ребенка своей привязанностью. Главная причина, определяющая подобный подход – задача преследовать цели рода, цели государства, а вовсе никак не отвечать тем или иным чувствам своих граждан. Достижение этой цели оправдывает и инфантицид в отношении к больным и неполноценным младенцам. Проблематика детства в античной культуре в основном замыкается на проблемы воспитания послушных граждан, исполнителей воли властей. У Платона в «Государстве» мы читаем следующее высказывание: «даже игры наших детей должны как можно больше соответствовать законам, потому что, если они становятся беспорядочными и дети не соблюдают правил, невозможно вырастить из них серьезных законопослушных граждан» [10]. С семи лет государство берет на себя заботу по формированию морального и физического облика своих граждан. И характер принятия ребенка в культуре определяется степенью его приближенности к заданному идеалу, а поскольку наиболее пластичен в воспитании период юности, раннее детство не считалось достойным внимания. Уже здесь оформляется взгляд на детство как на подчиненное, зависимое, где главным критерием социального одобрения оказывается степень соответствия взрослому образцу. Особенно сильно в античности развито отношение к ребенку взрослого с точки зрения полезности, так, например, отец Медицины Гиппократ и родоначальник гинекологии Соран Эфеский обсуждают вопрос о том, какие именно новорожденные заслуживают того, чтобы их выращивали.

В средневековой философской мысли, под воздействием христианского вероучения о греховности человека, детство осмысливается в двух значениях. С одной стороны, ребенок от рождения наследует первородный грех и в этом смысле он ничем не отличается от взрослых, что можно увидеть в тексте «Исповеди» Аврелия Августина - «я зачат в беззаконии, и во грехах питала мать моя меня во чреве» [1], и далее «младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей». С другой – ребенок понимается как символ спасения, заключенный в образе Христа-младенца, но такой взгляд был оторван от реальной, повседневной жизни и потому не получил широкого распространения в народном мировоззрении. Бинарная связь сакрального и мирского хронотопа в христианской культуре отразилась на антиномии детства в церковно-религиозной традиции его понимания и представления о нем на уровне народного, профанного мышления, стереотипизирующего ребенка как неполноценного, недоразвитого в физическом, умственном, социальном и прочих отношениях человека. Сакрализация детства является результатом обожествления человеческой сути Христа как младенца, вместе с тем оно имеет метафизический смысл наиболее безгрешного периода в жизни человека, наивного и чистого восприятия мира.

Повседневность восприятия детства извращает его сакральную идеализацию. Ментальность профанного большинства формируется под воздействием смехового, карнавального начала в культуре, в которой ребенок вызывает улыбку, умиление от контрастности и непохожести на взрослого в поведении, общении, языке. В народном мировосприятии «неполноценность» ребенка гиперболизируется и выставляется напоказ, а само детство ассоциируется со смехом и радостью.

Изменения в степени эмоционального, чувственно-сентиментального отношения к ребенку происходят к XVI в. одновременно с распространением идей гуманизма. Это изменение находит выражение в работах мыслителей, переосмысливающих значимость ребенка. Так, Альберти в трактате «О семье» отмечает, что, с одной стороны, долг каждой семьи воспроизвести детей, продолжить свой род, с другой, – он указывает, что дети приносят родителям радость. Эразм Роттердамский ещё более позитивно высказывается о ребёнке, отмечая, что он является ценностью, дороже которой у человека практически ничего нет. Обязанность человека воспроизвести и воспитать детей Э.Роттердамский считает той чертой, которая отличает человека от животного и в которой он уподобляется Богу. Помимо этого, просветитель критикует одностороннее, с его точки зрения, отношение к ребёнку, когда родители пытаются видеть детей только физически полноценными. Он призывает современников душевно и духовно развивать ребёнка, благодаря чему, в соединении с физической полноценностью и достигается совершенство личности.

Размышления М.Монтеня также отражают постепенную эволюцию нравов в отношении к ребенку. Так, например, он пишет: «Не следует думать, что, говоря о детстве, мы ведем речь о чем-то незначительном; наоборот, и я покажу это здесь, что состояние, которое многие считают недостойным внимания, на самом деле восхитительно». И в то же время ему принадлежит следующее высказывание: «Я, например, не могу проникнуться той страстью, в силу которой мы целуем новорожденных детей, еще лишенных душевных или определенных физических качеств, которыми они способны внушить нам любовь к себе» [9]. Иным по сравнению с современностью был и взгляд на смерть ребенка. Монтень по этому поводу вспоминает: «Я сам потерял двух или трёх детей, правда, в младенческом возрасте, если и не без некоторого сожаления, то, во всяком случае, без ропота» [9]. Чувственная терпимость к смерти детей соответствовала не только психическим, ментальным особенностям эпохи, но находилась во взаимосвязи с общим уровнем здоровья человека и в особенности ребенка. К тому же смерть и жизнь человека рассматривались как проявление Божьей воли, преодоление тяжких мучений и страданий.

Улучшение общего фона жизнедеятельности и здоровья человека в эпоху Просвещения, а также смена мировоззренческих парадигм привели к формированию нового взгляда на ребенка, который постепенно превращается в главный объект воспитания, нравственного назидания, образования, для чего потребовалось осмысление его природы, сущностных отличий от взрослого человека. В философии Дж.Локка, ребенок выступает как *tabula rasa* – чистая доска, на которую жизненный опыт наносит свой рисунок, характеризующий неповторимость, индивидуальность человек. Соответственно, возрастала роль

учителя и воспитателя, которые становились ответственными за духовное, социальное, психическое наполнение души ребенка. Однако Ж.Ж. Руссо понимает иначе роль воспитания и образования в наполнении опытом первозданной души ребенка, указывая на возможность негативных последствий такого воздействия: «Ребенок рождается добрым дикарем, порочным делает его общество».

Существенные изменения в философской концептуализации детства происходят после выхода в свет работ И.Канта по прагматической антропологии, в которых он обращает внимание на самый ранний период человеческой жизни – детство, обнаруживая в нем определяющее для человеческой природы чувство свободы. Способность ребенка уже после нескольких месяцев жизни настаивать на своем, проявлять свою волю, по словам Канта, свидетельство «смутной идеи (или аналогичным с ней представлением) о свободе и об ограничении ее, т.е. о несправедливости». «Крик, который издает новорожденный, не жалобный, а негодующий и гневный; он кричит не от боли, а от досады, вероятно, потому, что он хочет двигаться и свою неспособность к этому чувствует как нечто сковывающее его, что лишает его свободы» [6]. Таким образом, ребенок мыслится как человеческое существо, имеющее от рождения предрасположенность к проявлению свободы воли, которая затем направляется силой разума к познанию мира.

К середине-концу XIX в. феномен детства обретает вполне зримые очертания в теории и практике образования, а в философии находит отражение в ряде школ и направлений, среди которых можно выделить философию жизни, экзистенциализм, марксизм, психоанализ. Как отмечает Т.В.Щитцова, в экзистенциализме детство измеряется категорией «рождения», которая указывает на первичность бытия как такового [13]. В философии С.Кьеркегора детство именуется парадигматической частью жизни, тогда как взрослость – ее синтаксисом, т.к. детству свойственно первозданное восприятие мира, не обремененное еще идолами сознания. Для взрослого обращение к наивному оказывается, по словам Кьеркегора, «ревизией всеобщечеловеческого», пересмотром фундаментальных («примитивных») вопросов: «что значит быть человеком», «являемся ли я и ты людьми» и т.д. Фундаментальность этих вопросов обусловлена их ролью в самоопределении личности. В этом смысле возвращение к простоте детского мировосприятия, по Кьеркегору, есть обретение самобытности, незамутненной самости.

Крупным социальным мыслителем, обосновавшим натальность (рожденность) как образующий категорию факт, имеющий решающее значение для понимания социальной жизни предстала Х.Арендт. «Люди, - подчеркивает Арендт, - были рождены не для того, чтобы умереть, но, напротив, чтобы начать нечто новое» [14]. Новоначание и составляет в ее концепции исходный смысл поступания, рассматриваемого наряду с работой и производством как основной вид человеческой деятельности. Натальность, или рожденность, определяется при этом как «онтологическая предпосылка для того, чтобы вообще могло быть нечто такое как поступание» [14]. Арендт пытается связать метафизическое (и одновременно политическое) существование человека с рождением, пересматривая и само онтологическое определение человека, и понимание факта рождения, влекущих за собой новое восприятие детства.

Реабилитацию значимости факта рождения для личности осуществляет и другая немецкая исследовательница Х.Шуес. «Если рождение как уникальное событие в начале жизни в-мире полагает условие возможности интенциональности, т.е. натальность, - это сущностная характеристика каждого человека, благодаря которой он может инициировать конструирование смысла, давать рождение смыслу» [19]. Таким образом, устанавливается связь рождения и смыслопорождения. Сама способность быть конкретизируется, как способность начинаться. Человек, пишет Шуес, «должен реализовать ... свою натальность, для того чтобы быть способным направить себя конституирующим образом на нечто-как-нечто в интенциональном акте». Рождение и натальность обретают философскую (онтологическую) нагруженность в свете призванности субъекта к рождению.

Смена установки, акцентирующей пафос рождения как условие личностного свершения и социального осуществления, делает возможным «выход» из философской «тени» темы детства, становящейся открытой для нередуцируемого толкования. Истина детства обнаруживается в том, что оно служит отправной точкой «начала» субъекта, свое продолжение субъект может найти посредством возможности рождения, связь рождения и смыслопорождения обращает философский взор к источнику их опредмечивания – ребенку. Таким образом, необходимым этапом упрочения онтологического статуса детства, признания за ним смыслопорождающей роли в культуре оказывается мировоззренческий поворот, ознаменованный осознанием значимости факта рождения для личности как условия возникновения нового смысла, а отсюда уже и к самому ребенку, как его носителю.

Увидеть это движение мысли, развернуть его имплицитные направления позволяет обращение к генеративной концепции Э.Левинаса, ключевым моментом которой предстают отношения отца и сына, шире – взрослого и ребенка. Левинас, рассматривая вопрос об отношениях отца и сына, формулирует проблему обновления субъекта, порождающего из себя другое субъективное начало, в отношении к которому осуществляется преодоление замкнутости субъекта в самом себе и в этом – собственное обновляющее возрождение. Философ анализирует отношения взрослого и ребенка как универсальную онтологическую структуру, предполагающую, что отношение к будущим поколениям является сущностным моментом в конституировании субъекта. «Мне было важно продемонстрировать, – пишет Левинас, – что другое не есть просто существование другой свободы наряду с моей... Сосуществование многих свобод –

это множественность, не затрагивающая единства каждой из них; или же эта множественность объединяется в одну общую волю. А сексуальность, отцовство и смерть вводят в существование парности, которая касается самого акта-существования каждого субъекта. Сам акт-существования становится парным» [8].

Сфера опыта, определяемая у Левинаса понятием плодovitости, позволяет выявить конститутивную для бытия субъекта плюральность самого его акта существования. Плодовитость – бытийная связь отца с сыном – и есть, согласно Левинасу, возможность разотождествления с самим собой при сохранении собственной тождественности – возможность, которая открывает для субъекта «бесконечное будущее». В работе «Время и Другой» и позже в «Тотальности и Бесконечном» Левинас подчеркивает, что плодовитость должна быть понята как онтологическая категория. Само бытие плодovито поскольку связано с возможностью нового будущего по ту сторону фактической конечности «я». Плодовитость и есть, по Левинасу, отношение к такому будущему – отношение отца к сыну. «...Сын – это не я; и в то же время я есмь мой сын... Быть своим сыном означает быть “я” в собственном сыне, субстанционально находится в нем, и в тоже время не быть в нем идентичным образом. Сын воспроизводит единичность отца и вместе с тем остается внешним по отношению к отцу» [7], – так описывает Левинас диалектическую связь отца с сыном, открывающую дуальность в самотождественности субъекта, способного в отцовстве «быть другим, оставаясь самим собой». Гипостазис Я ищет, по мнению Левинаса, вечное возвращения, которое дает личности осознание Самости: ребенок и есть важнейший довод обращения к себе, поэтому он должен быть равноценным и равноправным субъектом акта сопричастности. Следовательно, самосознание взрослого человека требует для своего самоопределения такого Другого, который может быть равновеликим моему Я и в качестве такового выступает ребенок. Кроме того, в концепции Левинаса получает воплощение другая интенция культуры – поиск источника обновления, условия осуществления будущего, что обуславливает тематизацию детства и идеи нового в культуре.

В русской религиозной философии детство, прежде всего, получает религиозную трактовку в контексте идеи святости, а также наполняется смыслом потенциальной силы и актуальной слабости человека. Например, С.Н.Булгаков по этому поводу говорит: «Немощь ребенка в сем мире свидетельствует о мощи его в Царстве Небесном, мирская беспомощность – о помощи Божией, зависимость – о высшей свободе, неразумность – о высшей мудрости. Отсюда и природная невинность ребенка, обремененного порой единственно лишь всечеловеческим грехом. Дети настолько невиннее взрослых, что они «свободны от уз нравственности». Детство вообще находится в трансцендентальном мире, оно расположено «по ту сторону добра и зла», поэтому к нему неприменимы категории нравственности и взрослой морали.

Аналогичных взглядов придерживался В.В.Розанов, объясняя, что «младенец имеет положительное в себе, т.е. в нем есть не только отсутствие греха, но и присутствие святости. И в самом деле, не замечали ли вы, что дом, в который вы входите, – когда он не имеет детей, – мрачен и темен, именно духовно темен, а с играющими в нем детьми как будто чем-то светится, именно духовно светиться» [12]. Образ ребенка вышел за рамки церковной обрядности и символики, став маяком будней, целью и смыслом сизифова труда повседневности. «Итак, – продолжает В.В. Розанов, – дом потому светится детьми, что он ими освящается, санкционируется в бытии своем, в труде своем, в своих заботах... Младенец и в нас пробуждает чувство этих только что им оставленных миров, коих свежесть, яркость, а также и святость он несет на губах своих» [12].

Современная философская линия восприятия детства как метафоры начала бытия культуры выстроилась благодаря работам М.М.Бахтина, В.С.Библера, В.Л.Рабиновича. Не рассматривая конкретно феномен детства, они вскрыли контуры современного культурологического сознания в особой восприимчивости ко всему, чем человек «отбрасывается» к началам – начинаниям. «Это странное бытие в мире-до-мира, мышление в замыслах мысли быть мыслью, речь, впервые (из)обретающая свой язык» [2]. Положением в «кануне» бытия с полной уверенностью можно представить бытие детства, философская тематизация уникальности которого есть основа обоснования мирооткрывающей миссии ребенка.

Идея «кануна», сопрягающая в себе впервые-бытие, наив, удивление, простоту является метафорой бытия детства в контексте творчества В.Л.Рабиновича. Осмысливая чудо творения, В.Л.Рабинович пишет: «И всё это – ребенок. Дитя ясноглазое, удивленное собственной – лишь помысленной – дерзостью (бог шести дней творения); потрясенный словом кошка, так похожим на самое кошку; и далее – лепит лепет, наживая опыт какой-никакой); восхищенный вещами мира как мира впервые и в сей же миг вознамерившийся запечатлеть всё это – как вижу и что вижу, то и рисую; или: как слышу, так и говорю (лопочу, лепечу, топочу-хлопочу). Рисую-малюю, забудаю-буровлю, собираю-забудаю, журчу-бормочу, калякомалюю, бумагомараю...» [11], Метафора «ребенок-бог» отнюдь не случайна, именно она объясняет то начало, из которого разворачивается Вселенная, творится мир, создается культура. В этом случае наивность и простота «ребенка-бога» являются символами предельной, абсолютной сложности и многообразия, которые мыслятся в нем потенциально. Подобно всемогущему богу, ребенок (пока не стал взрослым) еще все только может и для него не существует границ.

Другая сторона непростой наивности ребенка раскрывается в работах Т.В.Щитцовой, обосновывающих трансцендентальный смысл бытия детства в культуре. Положение детства на границе культурной топики, как исторически сложившемся пространстве взрослых людей, по утверждению Щитцовой, возводит любопытство, пытливость из принципа ума в принцип самого бытия субъективности

ребенка, его экзистенции. Тем самым, стремление к новому, любопытство предстают основными атрибутивными свойствами детства. Диагностируя современное состояние культуры, исследовательница констатирует, что современное генеративное сообщество связывает нужда в обновлении, жажда нового, наиболее подлинным олицетворением которого предстает детский опыт восприятия опривыченных, повседневных смыслов, обновляющий, «остраивающий», открывающий их вновь.

Эта готовность взрослого войти и принять «круг любопытства» сродни инициации, способности взрослого субъекта к ново-начинанию, творческому переосмыслению культуры, актуализирующей смысл культуры как горизонта неизведанного. «Поскольку новорожденный не имеет своей (самостоятельно освоенной) перспективы «домашнего мира» и только последовательный социальный генезис может сделать из него носителя некоторой культурно-исторической топики, в начале своей жизни человек находится как бы на границе внешнего и внутреннего горизонтов, на границе своего и чужого, выступая пограничной, переходной фигурой *par excellence*. Переходной ... в том трансцендентальном смысле, что свойственная ему неопределенность горизонта, уникальная наивность непредвзятого бытия к миру является условием возможности нового учреждения мира как связанного поля значений. Переход и есть такое учреждение и тем самым – понятие, выражающее трансцендентальный смысл бытия ребенка, выступающего на этом основании в культуре взрослых парадигмой творческого отношения к миру и собственной самости» [13]. В силу необремененности, непрощатности типичными для своей культуры значениями, ребенок, хотя и является на свет «внутри» определенной, предзаданной системы нормальности, ожидаемой в своих предписаниях, сам по себе может быть охарактеризован как «область для выступления неожиданного».

К рубежу XX-XXI вв. философия детства обрела новые методологические очертания, вовлекая детей в сотворчество дискурса ученого и ребенка. Так появилась «философия для детей» как особая программа гуманистического развития, основателем которой в рамках западной научной традиции выступил М.Липман, а в России ее поддержали А.А.Грякалов, А.Г.Кислов, Н.С.Юлина. Для философии детства характерно «установление субстанциальных особенностей природы детства, но эта субстанциальность, как пишет А.А.Грякалов, особого рода – в ней представлен опыт совместности. Философия детства имеет дело с постоянно открывающимся событийным опытом существования» [4]. Философская рефлексия видит ребенка таким, каким его обнаруживает сознание взрослого человека, а то, в свою очередь, подвергается воздействию переживания сопричастности. Эта мысль встречает отклик в размышлениях Э.Левинаса о неотвратимости смерти, который ищет ее слабость в существовании эроса и чадородия. По его мнению, ребенок – это возможность нашего Я не быть Собою, испытать чувство сопричастности, но не сопереживания. Гипостазис Я ищет, по мнению Левинаса, вечное возвращения, которое дает личности осознание Самости: ребенок и есть важнейший довод обращения к себе, поэтому он должен быть равноценным и равноправным субъектом акта сопричастности. Следовательно, самосознание взрослого человека требует для своего самоопределения такого Другого, который может быть равновеликим моему Я и в качестве такового выступает ребенок.

5. Выводы

5.1. Способы описания детства как феномена культуры отражают изменчивость рефлексивного опыта человека в определении начала и смысла жизни на различных этапах развития западно-европейской гуманитарной мысли. Понятие детства приобретает философский смысл одновременно с идеей начала бытия человека в культуре как творца своей жизни, определенной границами рождения и смерти. Ответственность человека за собственное детство ставится в зависимость от стремления личности актуализировать смысл жизни и передать накопленный опыт следующим поколениям, обусловив, таким образом, развитие культуры. Осознание важности детства как потенциального ресурса прогресса культуры определило философское содержание теорий социализации и инкультурации личности, способствующих закреплению аксиологического смысла детства.

5.2. Феномен детства в культуре подвержен воздействию господствующих установок, стереотипов его восприятия как этапа подготовки человека к взрослой жизни, включенного или исключенного из символической реальности существующих дискурсов. Отсутствие детства как смыслозначимого явления культуры опосредует неразвитость представлений о нем, нивелирование детского языка как уникальной семиотической системы, санкционированность детского насилия вплоть до инфантицида. Проявление детства в социокультурной жизни обуславливает становление дискурса, определяющего его ценностно-смысловое место и положение в иерархии связей с другими субъектами культуры, закрепляет за ним совокупность прав, легализующих жизнь и свободу ребенка.

5.3. Повышенное внимание к детству как периоду подготовки человека к взрослой жизни обнаруживается в христианстве, которое открывает этот феномен в связи с культом Иисуса-Младенца. Ниспровержение природной сущности человека как греховного существа возвышает наиболее ранний возраст, когда разрушительное воздействие физических привязанностей еще не привело к духовно-душевной смерти личности. Культура и философия модерна фокусирует детство в измерении необходимых человеку социальных качеств, приобретаемых им в процессе социальных взаимодействий, и превращает его в феномен повышенной заботы старшего поколения о младшем, что отражается на изменениях в языке ребенка и взрослого. Дальнейшие стремления подчинить детство существующим нормам, ценностям,

идеалам культуры с целью опережения возрастных темпов социальной и культурной адаптации ребенка вызвали смещение границ детства, его эмансипацию и суверенизацию в статусе полноправного субъекта социокультурных взаимодействий. Коренной перелом в осмыслении детства как важнейшего периода развития личности, обуславливающего любые изменения в культуре, произошел в западно-европейской науке к концу XIX – началу XX вв.

5.4. Необходимым этапом упрочения онтологического статуса детства, признания за ним смыслопорождающей роли в культуре оказывается мировоззренческий поворот, ознаменованный осознанием значимости факта рождения для личности как условия возникновения нового смысла, а отсюда уже и к самому ребенку, как его носителю. Самосознание взрослого человека требует для своего самоопределения такого Другого, который может быть равновеликим моему Я и в качестве такового выступает ребенок.

Библиографический список

1. Августин. (1994) Исповедь. М.
2. Библер В.С. (1997) На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. Русское феноменологическое общество. М.
3. Булгаков С.Н. (1994) Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.
4. Грякалов А.А. (2003) Философия и транспедагогика детства // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 29. СПб.
5. Досократики. (1999) Мн.
6. Кант И. (1966) Антропология с прагматической точки зрения. Сочинения в 6 тт. Т.6. М.
7. Левинас Э. (2000) Избранное: Тотальность и Бесконечное. М.-СПб.
8. Левинас Э. (1998) Время и Другой. М.-СПб.
9. Монтень М. (1998) Опыты. В 3 кн. Кн.2. СПб.
10. Платон. (1971) Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3. М.
11. Рабинович В.Л. (2002) Каляка-маляка Седьмого дня / Языки культур: Взаимодействия. М.
12. Розанов В.В. (1992) Религия. Философия. Культура. М.
13. Щитцова Т.В. (2006) *Momento nasci*: сообщество и генеративный опыт (Штудии по экзистенциальной антропологии). Вильнюс: ЕГУ – Москва.
14. Arendt H. (1960) *Vita active. Oder vom tatigen Leben*. Stuttgart.
15. [Kennedy D.](#) (1992) *The hermeneutics of childhood* // *Philosophy today*. - Celina, Vol. 36, N 1.
16. Kirsanova, L., Korotina, O. (2015) *History as an ideology* // *Mediterranean Journal of Social Sciences* Vol. 6, No. 3, May 2015 Rome, Italy.
17. Ovchinnikov A.I., Mamychychev A.Yu., Mamychycheva D.I. (2015) *Socio-cultural foundations of coding state-legal development* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, № 3
18. Postman Neil. (1994) *The Disappearance of Childhood*. New York: Vintage Books, a division of Random House, Inc.
19. Schues Ch. (1997) *The birth of Difference*. Halb-Bd. 1997.
- Waksler F.C. (1986) *Studying children : Phenomenological insights* // *Human studies*. Dordrecht etc., Vol. 9, N 1.

3.6. АЛКОГОЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Исследование проведено при поддержке грантов РФФИ № 15-06-02854 А и 15-36-50205 мол_нр

Письменная Е.Е.,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Рязанцев С.В.,
Карабулатова И. С.,
Москва, Институт социально-политических исследований РАН,
Томайлы А.Е.
Северокавказский федеральный университет,
radogost2000@mail.ru

Абстракт. Детальный анализ приводит исследователей к выводу о том, что экономический кризис второго десятилетия XXI в. стал нестандартно тяжелым для населения России вследствие ужесточения экономических санкций Запада, что приводит к усилению девиационных процессов в стране. Экономическая ситуация в России, как правило, мощно отражается на качестве социальной жизни. Достаточно распространенным является тезис о том, что социальный стресс и неудовлетворенность окружающей реальностью вносят решающий вклад в формирование негативных девиационных процессов, прежде всего, в алкоголизации российского общества. Авторы анализируют на основе социальных опросов, статистических данных, материалов СМИ ситуацию, сложившуюся в России на настоящем этапе. Под девиационными процессами понимается само движение и развитие девиаций с их различным характером смены состояний отклоняющегося поведения. Девиационные процессы, реализующиеся в ходе алкоголизации, мы предлагаем обозначить как алкоголь-девиационные процессы. Девиантность как категория классифицирует само состояние девианта (субъекта), который вовлечен в тот или иной девиационный процесс, в то же время под девиантным поведением мы понимаем аллопрининг субъекта в определенном типе девиационного процесса. Алкоголизация как девиантный процесс имеет свою историю в России и мире, который обладает определенной динамикой проявления.

Ключевые слова: алкоголизация, девиационные процессы, алкоголь-девиационный процесс, Россия, социально-экономический кризис, алкогольное поведение

Введение

Сегодня девиационные процессы являются актуальной поливекторной проблемой современного научного знания во всем мире. В ситуации глобальных социально-экономических катаклизмов второго десятилетия XXI века алкоголизм и пьянство возглавляют верхние строчки рейтинга мировых проблем. Так, во Франции на душу населения приходится 55,4 литра вина в год, в Португалии – 52,6 литра, в Италии – 51,1 литра, в России – 6,1 литра вина (Мединский, 2008: 267). По данным Американской психиатрической ассоциации в США 13,8% взрослого населения злоупотребляет алкоголем или страдает алкоголизмом. Потери от алкоголизма ужасают: если в течение десяти лет во Вьетнаме погибло 56000 человек, то за тот же период в сами США погибли 250 000 человек по вине пьяных водителей (Мединский, 2008: 271). Вместе с тем в России в 2004 г. больные алкоголизмом составляли 1,6% от всего населения, или 2 миллиона 369 тысяч человек, а в 2006 – 192 854 человека (Мединский, 2008: 272). В связи с этим возникает вопрос об обоснованности стереотипа о пьющей России, но сам масштаб страны настолько велик, что эти небольшие проценты от общего количества населения сопоставимы с крупными населенными пунктами и городами Европы. Алкогольные девиации детерминируются противоречивой исходной социальной позицией каждого индивидуума, «включенного» в девиантные отношения, его диспозиционным поведением (Клейберг, 2001). Например, в 1819 г. московский врач К М Бриль-Краммер в работе «О запое и лечении оного» отмечал социальные причины алкоголизма, указывая, что большинство известных ему алкоголиков заболели после Отечественной войны 1812 г., когда многие из них лишились имущества и родственников (Дудкина 2007).

Детерминанты сложившейся алкоголизации в России производны как от исторических условий развития страны, внешних стереотипов восприятия страны в мире, так и от явлений и процессов, определяющих специфику нынешнего периода.

Предвестниками алкоголизации общества почти всегда бывают разновидности алкоголь-девиантного поведения членов социума, в частности делинквентное, в основе которого лежит особенность нарушения или блокирования процесса предвосхищения будущего результата своих действий, присущая индивиду, в крайних формах представляющее собой уголовно наказуемое деяние.

Исследования процессов алкоголизации населения демонстрируют влияние социо-структурных трансформаций на развитие и укрепление алкогольных практик и обратную зависимость - формирование социальных групп, на основе этих практик в условиях социально-экономического кризиса второго десятилетия XXI века. Изучение социально-структурных деформаций российского и советского обществ

позволяет утверждать, что социально-структурными последствиями алкоголизации населения выступают маргинализация, люмпенизация ранее устойчивых социальных групп, деградация социальных структур, упрощение и примитивизация социальных связей и образа жизни. В ходе алкогольно-девиационных процессов происходит трансформация институциональной структуры, институционализируются теневые и криминальные практики, связанные с производством и продажей незаконного, фальсифицированного, «теневого» алкоголя.

Материалы и методы

Методология исследования основана на анализе различных девиационных процессов в обществе, последовательно разработанных М.Вебером, А.Дудкиной, Э.Дюркгеймом, А.Здравомысловым, К. Марксом, В.Мединским, Р.Мертоном, П.Сорокиным, С.Рязанцевым, и других исследователей, изучавших процессы социальных и демографических изменений, связанных с процессами алкоголизации населения России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Опорными методологическими конструктами выступали при этом концепции социальной маргинализации, социальной девиации, ценностного конфликта и социокультурного воспроизводства. Эмпирической базой исследования социально-демографических изменений в контексте алкогольно-девиантных процессов стали результаты социологических исследований, проведенных в различные годы академическими институтами и научными центрами АН СССР и РАН, центрами получения маркетинговой информации и опросов общественного мнения, материалы различных СМИ, сведения из историко-документальных источников, художественной литературы и т.д.

Несмотря на устойчивый международный штамп о русском пьянстве, неумеренное потребление крепких спиртных напитков не является «национальной спецификой» россиян, а обусловлено негативным влиянием трансформационных процессов на социальную структуру общества и давлением на психолого-нравственную сторону личности, в результате которых происходит деградация качественного потенциала населения страны.

Результаты

В настоящем эксперты утверждают, что среднестатистический взрослый россиянин выпивает 14,5 литра спирта в год (Халтурина, Коротаев 2010). К основным особенностям современного этапа начала XXI века в контексте факторов роста алкоголизации населения относятся:

- 1) снижение цен на алкогольную продукцию в условиях падения доходов и уровня жизни;
- 2) превращение алкоголя в один из наиболее доступных для всех категорий населения пищевых продуктов;
- 3) появление экономически и политически мощных социальных групп, чьи доходы непосредственно зависят от доходов от реализации алкоголя, в отличие от государства, для которого продажа алкогольной продукции - одна из многих строк доходной части бюджета. В связи с чем появляются новые формы девиаций у молодого населения прежде всего (Türker et al, 1998;
- 4) появление доминирующего источника воздействия на потребительское поведение населения - рекламы и средств телекоммуникации. Средствами современной рекламы и телевидения воспроизводится базовый водочный миф о российской национальной специфике и происходит хабиутализация алкогольных практик (Немцов 2003; Глушкова 2009; Стрижкова, 2012). При этом сама реклама алкогольной продукции выстроена с ярко выраженной директивностью либо экспрессивностью, мощно воздействуя на потенциального потребителя алкогольной продукции: «Virgin wines -just delicious? Full -flavoured wines at the best possible prices!» (журнал «Elle», 2009. №8. с 114); «Bravo -Неслабые коктейли!» (Журнал «Cosmopolitan», 2010, №5. с.37); «Ять (водка) Качество на пять!» (реклама водки – журнал «Men s Health», 2010. №11. с.86].

Известный эксперт по вопросу алкоголизации российского общества А.В. Немцов оценивает прямые и непрямые алкогольные потери России в 30% годового количества смертей мужчин и 15% – женщин (2003). На связь аномально высокой российской смертности и пьянства указывают и другие авторы (Милле, Школьников 1999; Коротаев, Малков, Халтурина. 2005; Karger A.G., Basel 2001, МакКи 2010; Room 2010).

Изучение социоструктурных различий потребления алкоголя обнаружило:

- 1) наличие генерационного сдвига: значительные отличия мотивов и характера потребления алкоголя молодежью от старших возрастных групп;
- 2) существенные различия характера потребления алкоголя внутри молодежной генерации, связанные с преобладанием процессов дифференциации, обусловленными изменением социально-стратификационной структуры российского общества.

Так, поколенческая специфика молодежи состоит в преобладании гедонистических, развлекательно-досуговых ценностных ориентации и нормативных моделей поведения, и формирование на их основе моделей алкогольного поведения, что обусловлено социокультурными характеристиками поколения миллениалов и их ориентацию на наслаждение жизнью. Внутрипоколенческая структура представлена сильно- и слабонересурсными группами, модели алкогольного поведения которых диаметрально противоположны (много пьют - мало, часто - редко, большие - небольшие разовые дозы, не обращают внимание на здоровье - заботятся о здоровье, ведут здоровый образ жизни, потребление по привычке, от

скуки, с психотерапевтической целью - редкое престижное потребление дорогого алкоголя). Существенным образом на выбор модели алкогольного поведения сказывается зависимость от уровня образования и успешности начальной карьеры как молодого профессионала. Вовлечение молодых людей в алкогольно-девиантный процесс обуславливает применение производителями алкогольной продукции специфически ориентированной рекламы, где гедонистический аспект является преобладающим. Аппелляция к эмоциям предопределяет выбор языковых средств и в рекламе алкогольной продукции. Как в русском, так и в английском языке частотное употребление прилагательных, объединенных семей «приносящий удовольствие»: *delicious, full - flavoured, rich, wine, золотой вкус, вкусное пиво smooth, fun loving beer, fine wine, great tasting wine, доброе вино, мягкий вкус*.

Гендерное сравнение показывает, что, несмотря на одинаковый с мужчинами социальный фон, принадлежность большинства женщин к категории бедных и малообеспеченных и большую предрасположенность женского организма к формированию алкогольной зависимости, женщины социально более устойчивы к алкоголизации, чем мужчины (Ridlon 1998). Причиной выступает большая социальная и нравственная ответственность женщин за семью, добровольная готовность принять большой груз бедности по сравнению с другими членами семьи.

Существенной предпосылкой алкоголизации женщин в этих семьях могут стать затяжные депрессии как следствие тендерных различий депривации в семье (Ridlon 1998). Профилактикой алкоголизма среди девушек и молодых женщин может стать культивирование социальных моделей материнства и профессиональной самореализации.

Известно, что алкоголь актуализирует работу центра удовольствия в головном мозге и поэтому вызывает приятные ощущения, требующие с каждым разом увеличения дозы и вызывающие зависимость у потребителя. В ряде стран благодаря тщательно продуманной поэтапной алкогольной политике происходит снижение потребления алкоголя, прежде всего, это в США, Франции, Швеции. Традиционно низкий уровень употребления алкоголя в странах, где приверженцы ислама составляют не менее 40% от общего числа населения (Рум 2010).

Надо признать, что алкогольно-девиантные процессы имеют прямую взаимосвязь с коррупцией, теневой экономикой, преступностью (в ее различных формах), проституцией. Кроме того, в России, как, впрочем, и в других странах мира, на протяжении всего XX века все более явно прослеживалась тенденция омоложения алкоголизма, и для экспертов становилось очевидно, что возрастает риск его возникновения на фоне растущего потребления спиртного. Особую тревогу вызывает тот факт, что заметно возросли признаки злоупотребления алкоголем среди подростков, как устойчиво потребляющих спиртное, так и впервые диагностированных. Вместе с тем отмечается и вовлечение этих молодых алкогольных девиантов в другие девиантные процессы.

Любое алкогольно-девиантное поведение предполагает не только стремление разрушить или сместить фрустрирующий блок в структуре личности девианта, но и концентрацию энергии, необходимой для осуществления этого замысла. Отсюда такие стереотипные представления, что «пьяному море по колено», «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», «если б мне был пьян, то умер бы» и т.д. Характер алкогольно-девиантного поведения, направленность энергетического потенциала человека зависят: во-первых, от того, как он может отвечать на возникающие трудности: путем созидательных или разрушительных действий; во-вторых, от того, каким образом общество стимулирует социально-инновационные, созидательные действия личности. Вместе с тем надо отметить, что продолжающиеся фрустрации вследствие хронических стрессов, обусловленных затяжным социально-экономическим кризисом, способствуют бегству от суровой реальности в иллюзорный мир кратковременного благополучия и релакса, формирующийся под влиянием употребления алкоголя. Общественная нестабильность и массовая маргинализация населения в бурные 1990-е гг. заметно стимулировали обе эти негативные тенденции, актуализируя проблему в глазах всего общества, а не только специалистов здравоохранения, исследователей и политиков.

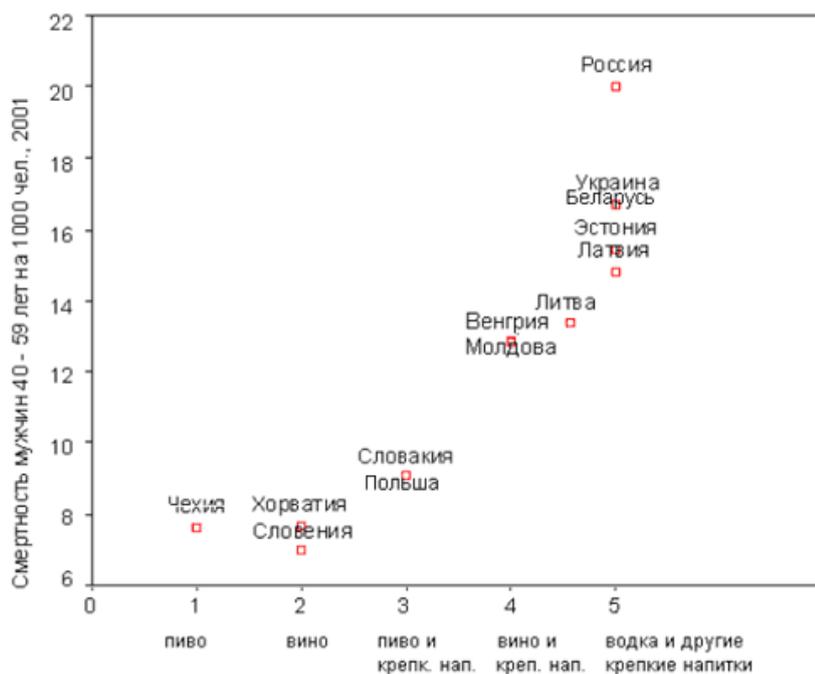
Дискуссия

Россия, наряду с Украиной, Белоруссией и странами Балтии, имеет в своей недавней истории демографический «крест», обусловленный распространением употребления алкогольных напитков (Room 2010). По мнению А.В. Немцова, Д.А. Халтуриной и А.В. Коротаева есть прямая корреляция между крепостью наиболее популярного вида напитков и смертностью мужчин активного социального возраста - 40-59 лет. (Немцов 2003; Халтурина, Коротаев 2010). На диаграмме хорошо видна зависимость между смертностью и уровнем потребления алкоголя свыше 8 литров на человека в год (это пороговый уровень, превышение которого является критическим для страны) (рис.).

Алкогольная зависимость формируется постепенно и определяется сложными изменениями, которые происходят в организме пьющего человека (Türker 1998).

Кроме того, некоторыми авторами подчеркивается изменение отношения к алкогольным напиткам и характер их употребления вследствие миграции и глобализации (Ryazantsev et al 2014), снижается критичность и увеличивается слэнговый характер речи (Karabulatova 2013; Karabulatova et al 2015; Ryazantsev et al 2015), снижается качество жизни и уровень здоровья (МакКи, 2010). Алкогольно-

девиантные процессы уже давно относятся к сфере общественной морали в связи с их последствиями для окружающих, несмотря на существенные культурные различия в восприятии алкогольного воздействия и в связанных с ним ожидаемых моделях поведения (Room 2001).

Источник данные по смертности: UNICEF. Социальный мониторинг «Инноченти», 2004 г. Florence, 2004

Заключение

Исследования наглядно иллюстрируют, что сама по себе пропаганда трезвости и умеренности слабо влияет на поведение людей в плане злоупотребления алкоголем. Однако, мы считаем, что сама по себе такая пропаганда необходима, поскольку она способствует формированию общественной поддержки алкогольной политики государства. Мы полагаем, что наиболее эффективными мерами алкогольной политики являются: а) сегрегация доступности алкоголя (особенно это касается крепких алкогольных напитков) по ценовым показателям, в пространстве, по возрасту возможного покупателя и во времени; б) борьба с производством и продажей «теневого» алкоголя (водочных суррогатов).

Алкоголизация России происходит по одностороннему сценарию, который характерен и для других стран мира. Так, до революции 1917 г. потребление алкоголя было значительно ниже (более чем в три раза), чем в настоящее время (Немцов 2001: 5). Губительной для России стала характерная для северных стран ориентация на крепкие алкогольные напитки (прежде всего, водку), что и приводит к уменьшению продолжительности жизни и увеличению количества смертей вследствие убийств на фоне пьянства и алкоголизма, а также на фоне отравлений алкоголем.

Библиографический список:

1. Глушкова Т.А. Стереотипы винопития в рекламе алкогольной продукции. В: Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. №1, 2009, сс.: 44-49.
2. Дудкина О.В. Алкоголизация населения в России: социально-демографические последствия: социально-демографические последствия: диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.03 Новочеркасск, 2007.
3. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М. 2001.
4. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. – М.: РУСС, 2005.
5. Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М., 2008.
6. Милле Ф., Школьников В.Ф. Смертность в России: затянувшееся отставание. В: Мир России. 1999. Т.VIII, №4(24), с.138-162
7. Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. М., 2003.
8. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Введение. Алкогольная катастрофа: как остановить вымирание России. В: Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. Москва: УРСС, 2010, сс.: 5-58.
9. Karabulatova I.S. The problems of linguistic modeling of new Eurasian linguistic personality in multilingual and mental environment (by example of onomasphere). In the: Middle-East Journal of Scientific

Research 17 (6): 791-795, 2013.

10. Karabulatova I.S., Khachmafova Z.R., Bricheva M.M., Nescheretova M.T. & Bersirova A.K. Linguopragmatic Aspect of "Search for the Ideal" in the Discourse of Female Fiction as a Reflection of Matrimonial-Demographic and Sexual Behavior in Contemporary Russian Society. Review of European Studies. 2015. Vol. 7. No 6 (2015). – pp.: 35-45.

11. Karger A.G., Basel. [Alcohol per capita consumption, patterns of drinking and abstention worldwide after 1995. Appendix 2. In the: European Addiction Research. 2001. Vol.7, N3, p.155-157. <http://www.karger.com/Article/Abstract/50734>](#) (date of base 20.08.2015).

12. МакКи М. Здоровье россиян: что нужно предпринять, чтобы изменить, чтобы изменить ситуацию к лучшему. В: Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. Москва: УРСС, 2010, сс.: 138-151.

13. Ridlon F. V. A Fallen Angel: The Status Insularity of the Female Alcoholic. Ontario, 1988.

14. Room R. Intoxication and bad Behavior: Understanding Cultural Differences in the Link. In the: Social Science and Medicine, #53, 2001, pp.: 189-198.

15. Рум Р. (Room R.). Алкогольная политика: положение дел и проблемы в Европе и Северной Азии. В.: Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. Москва: УРСС, 2010, сс.: 232-262.

16. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Karabulatova I.S. & Charif Y.Akramov. Transformation of sexual and matrimonial behavior of Tajik labor migrants in Russia. In the: Asian Social Science. Vol 10, No.20, 2014, pp: 174-183.

17. Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Mashin R.V., Pismennaya E.E., Sivoplyasova S.Yu. Actual problems of human trafficking in Illegal immigration in the Russian Federation. In the: Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Vol 6, No3, S.1, May 2015. – pp.: 621-626.

18. Türker T., Sodmann R., Goebel U., Jatzke S., Knapp M., Lesch K.P., Schuster R., Schütz H., Weiler G., Stöber G. High ethanol tolerance in young adults is associated with the low-activity variant of the promoter of the human serotonin transporter gene. In the: Neurosci Lett. 1998 Jun 5;248(3):147-50.

19. Стрижкова, О.В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе : на материале англо- и русскоязычной рекламы продуктов питания : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Стрижкова Ольга Валерьевна; [Место защиты: Челяб. гос. пед. ун-т].- Челябинск, 2012

20. Elle, 2009. №8, с.114

21. Cosmopolitan, 2010, №5. с.37

22. Men s Health, 2010. №11. с.86

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово от главного редактора «Социальный нерв» современности: новые векторы и вызовы исследования общества <i>Карабулатова И.С.</i>	5
--	---

Глава 1. Эволюция социальных портретов в правовом пространстве

2.1. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕВИАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ <i>Осипов Г.В., Карабулатова И.С., Шафранов-Куцев Г.Ф., Кучерявая Е.Р., Галиуллина С.Д., Садыкова Л.Р.</i>	8
1.2. СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ <i>Грищенко О.В.</i>	18
1.3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ НОВЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТНИКОВ MMORPG “WORLD OF WARCRAFT” И “LINEAGE”) <i>Кияшко О.В., Марин Е.Б., Васильева Т.А.</i>	31
1.4. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК НЕОБХОДИМАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ФОРМА ПРАВОВОЙ СВОБОДЫ <i>Любашиц В.Я., Кияшко Е.Ю., Тимофеева А.А.</i>	38
1.5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТАДЖИКСКИХ СЕМЕЙ: ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В РОССИЮ <i>Акрамов Ш.Ю., Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Акрамов Ф.Ш.</i>	44
1.6. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РЕПРОДУКТИВНО-БРАЧНОМ ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ <i>Карабулатова И.С., Васильева И.С., Галиуллина С.Д., Будеева О.Н., Никонова С.А.</i>	50
1.7. ВНЕПРАВОВОЕ И ТЕНЕВОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ <i>Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Литвинова С.Ф.</i>	60

Глава 2. Методология дискурсивного пространства права

2.1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ <i>Любашиц В.Я., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Вронская М.В.</i>	68
2.2. ГОСУДАРСТВО: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ФОРМ <i>Любашиц В.Я., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Вронская М.В.</i>	74
2.3. ГОСУДАРСТВО И АЛГОРИТМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ <i>Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.</i>	2
2.4. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ОФОРМЛЕННОЙ ИСТОРИИ <i>Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Бухарина М.К., Плякова А.С.</i>	89
2.5. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУРСЫ СОВРЕМЕННОСТИ <i>Мамычев А.Ю., Кияшко Е.Ю., Тимофеева А.А.</i>	96
2.6. ФЕНОМЕН «РУССКОЙ ДУШИ» И ТРАДИЦИЯ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА: НОВЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОБЫДЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ КОНСЕРВАТИЗМА <i>Федулов А.М., Кареева С.Г., Карабулатова И.С., Ахметова Б.З., Истамгалин Р.С.</i>	103
2.7. КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРАВА: МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСОВ <i>Мордовцев А.Ю., Мордовцева Т.В., Мамычев А.Ю.</i>	113
3.1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ КОДИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ <i>Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Мамычева Д.И.</i>	119

3.2. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ПАРЛАМЕНТАХ ГОСУДАРСТВ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА	126
<i>Шеховцов В.А., Евсеенко Е.Д.</i>	
3.3. ДЕФИНИЦИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	132
<i>Овчинников С.Н.</i>	
3.4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЬЕТНАМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ МИГРАЦИИ	138
<i>Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Лукьянец А.С.,</i>	
3.5. ДЕТСТВО И РЕБЕНОК КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ	147
<i>Мамычева Д.И.</i>	
3.6. АЛКОГОЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА	154
<i>Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Томайлы А.Е.</i>	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акрамов Ш.Ю.
Акрамов Ф.Ш.
Ахметова Б.З.
Будеева О.Н.
Бухарина М.К.
Васильева Т.А.
Васильева И.С.
Вронская М.В.
Галиуллина С.Д.
Грищенко О.В.
Евсеенко Е.Д.
Истамгалин Р.С.
Карабулатова И.С.
Кареева С.Г.
Кияшко Е.Ю.
Кучерявая Е.Р.
Литвинова С.Ф.
Лукьянец А.С.
Любашиц В.Я.
Мамычев А.Ю.
Мамычева Д.И.
Марин Е.Б.
Мордовцев А.Ю.
Мордовцева Т.В.
Никонова С.А.
Овчинников С.Н.
Овчинников А.И.
Осипов Г.В.
Письменная Е.Е.
Плякова А.С.
Рязанцев С.В.
Садыкова Л.Р.
Тимофеева А.А.
Томайлы А.Е.
Федулов А.М.
Шафранов-Куцев Г.Ф.
Шеховцов В.А.

Контакты для связи:

Карабулатова Ирина Советовна – radogost2000@mail.ru

Искандар Сулейман Коберси – iskobersi@gmail.com

Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки

коллективная монография
под редакцией
Карабулатовой И.С., Галиуллиной С.Д., Коберси И.С.

Том 2 Ментальное пространство социума

Подписано в печать 07.10.2015. Формат 60×84 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 9,42. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 1000 экз.
Цена свободная. Заказ № 80.

Отпечатано с готовых авторских оригиналов
на ризографе в редакционно-издательском отделе
Уфимского государственного университета экономики и сервиса
450078, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145; к. 206, 207,
тел. (347) 241-69-85, e-mail: rio@ugues.ru